СОМЕРСЕТ МОЭМ

КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ РОМАН

Карусель

Карусель
Сомерсет Моэм

Аннотация
Сомерсет Моэм. Карусель
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
1
2
3
4
5

6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

Аннотация

Круговорот жизни, чередование удач и несчастий, разлук и неожиданных встреч. Круговорот страстей и увлечений, зависти и дружбы, предательства и самоотверженности.

Дочь священника, посвятившая себя юному поэту, аристократ, разрывающийся между чистой любовью к леди и плотской страстью к красивой официантке, жена уважаемого политика, ставшая жертвой хищного и циничного альфонса, — каждый из них, в сущности, хочет всего лишь быть счастливым. Кому из них удастся обрести счастье, а кто обречен на страдания? И какую цену даже самым «удачливым» придется заплатить за исполнение желаний?

Сомерсет Моэм
Карусель

Посвящается Герберту и Маргарите Баннинг

И все, что я когда-то написал,
Не только в зыбкие слова я облекаю,
А песнь, которую искал,
Но не нашел, вам тоже посвящаю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Всю свою жизнь мисс Элизабет Дуоррис досаждала родным. Женщина с солидным состоянием, она деспотически правила множеством бедствующих кузин, пользуясь своим банковским счетом, как скорпионами Ровоама[1], чтобы наказывать их. Следуя примеру многих других благочестивых созданий, она во благо душ родственников делала их всех без исключения несчастными. Воспитанная в евангелистских традициях, популярных во времена ее молодости, она настаивала, чтобы близкие искали спасения, руководствуясь ее собственными воззрениями, и взяла себе за правило острым языком и едкими издевками постоянно напоминать им об их собственной никчемности. Она распоряжалась жизнями так, как считала нужным, и осмеливалась диктовать не только форму одежды и правила поведения, но и определять мысли людей в своем окружении. Страшный суд уже не

[1] Примечания: 1

В книгах Ветхого Завета скорпион знаменует ужасную кару: царь Ровоам, сын Соломона, грозит своим подданным: «Отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами». — *Здесь и далее примеч. пер.*

мог напугать тех, кто подвергся ее истязаниям. Мисс Дуоррис по очереди приглашала пожить у нее разных бедных леди, которые, злоупотребляя дальними родственными связями, называли ее тетушкой Элизой. Они откликались на ее призывы, звучавшие более властно, чем королевский приказ, с благодарностью не без доли страха и смиренно несли бремя неволи, как тяжкий крест, надеясь, что им воздастся за это сполна в завещании.

Мисс Дуоррис любила ощущать свое могущество. Во время долгих приемов — ведь в каком-то смысле пожилая леди была очень радушной — она ставила себе особой целью испортить настроение гостям. Она неимоверно забавлялась, наблюдая, с какой кротостью принимаются ее возмутительные требования, публично оскорбляла и унижала людей, по-видимому, чтобы сломить греховную гордость, или заставляла их делать то, что они больше всего ненавидят. Обладая выдающейся способностью мгновенно находить их самые уязвимые места, она обрушивалась на любую слабость с резкой руганью и продолжала до тех пор, пока страдалец не падал ниц, корчась от боли и кровоточа. Никакой изъян, физический или душевный, не давал защиты от ее насмешек,

и лишний вес не удостаивался ее снисхождения так же, как потеря памяти. Она всем сердцем презирала своих жертв, высокомерно бросала им в лицо обвинения в продажности их душ и клялась, что никогда не оставит и пенни кучке безвольных глупцов. Она обожала обращаться в благотворительные общества за советами о распоряжении своим имуществом и с неприкрытым ликованием выслушивала их вынужденные и смущенные предложения.

Лишь в общении с одной родственницей мисс Дуоррис видела необходимость проявлять некоторую сдержанность, ведь мисс Ли — пожалуй, самая дальняя из ее кузин, — была так же прямолинейна, как и она сама, и к тому же отличалась куда более острым умом, так что могла обратить любое необдуманное заявление во вред оратору, подняв того на смех. Мисс Дуоррис не имела неприязни как таковой к этой независимой особе, напротив, она относилась к ней с определенной симпатией и изрядно ее побаивалась. Мисс Ли, крайне редко испытывавшая затруднения в подборе находчивого ответа, похоже, действительно получала удовольствие от словесных поединков, из которых, благодаря большей вежливости, проворности и эрудиции, обычно выходила побе-

дительницей. Пожилую леди озадачивало и в то же самое время забавляло, что женщина намного беднее ее самой, имеющая не меньше претензий на вожделенное наследство, чем остальные, осмеливается не только шутить на ее счет, но и вести войну в ее собственном лагере. Мисс Ли, найдя человека, с которым могла быть откровенной, и не опасаясь при этом угрызений совести, с беспощадным удовольствием указывала кузине на слабую логику ее замечаний или полную абсурдность ее поступков. Ни одно из взлелеянных убеждений мисс Дуоррис не укрывалось от ее иронии; даже ее евангелизм подвергался насмешкам, и богатая старая дама, не привыкшая к возражениям, легко начинала противоречить сама себе. Победительница и не пыталась скрыть свой триумф, а мисс Дуоррис бледнела и теряла дар речи от ярости. Ссоры случались часто, но мисс Дуоррис (хотя осознание того, что первый шаг приходится делать именно ей, ранило, как острый шип, вонзившийся в плоть) в конце концов всегда прощала мисс Ли. И все же бесповоротный разрыв казался неизбежным. Причина его, как водится, была весьма тривиальна.

Мисс Ли, которая во время отъезда на зиму обычно сдавала свою маленькую квартирку в

Челси, ввиду непредвиденных обстоятельств вынуждена была вернуться в Англию, когда ее постояльцы еще не съехали. Она осведомилась у мисс Дуоррис, можно ли остановиться у нее на Олд-Куин-стрит. Как бы старая тиранка ни ненавидела родственников, еще больше она ненавидела жить одна. Ей нужен был человек, чтобы срывать на нем гнев, а по причине болезни племянницы, которая обещала провести с ней март и апрель, она была вынуждена целый месяц пребывать в уединении. Она написала в ответ письмо в весьма повелительном тоне, от которого не могла воздержаться даже в общении с мисс Ли, что ждет ее в такой-то день таким-то поездом. Не ясно, было ли в этом письме что-то, возбудившее дух противоречия в мисс Ли, или ее планы не позволяли последовать данным рекомендациям, но в любом случае она ответила, что ей удобнее приехать на следующий день и на другом поезде. Мисс Дуоррис телеграфировала, что если гостья не явится в день и час, указанные в письме, то она не сможет отправить экипаж и встретить ее, на что более молодая леди лаконично ответила: «Не надо!»

— Она упрямая как ослица, — бормотала мисс Дуоррис, читая телеграмму и представляя, как

тонкие губы кузины изгибались в улыбке, когда она писала эти два равнодушных слова. — Наверное, она думает, что очень умная.

Несмотря ни на что, хозяйка встретила мисс Ли с некой мрачной учтивостью, припасенной специально для нее, ведь она раздражала ее меньше остальных родственников и, хотя не была ни покорной, ни вежливой, никогда не отличалась занудством. Ее манера общения держала мисс Дуоррис в напряжении, так что в ее обществе она обычно проявляла себя с лучшей стороны, а иногда, если забывала о своей привычке довлеть над всеми и вся, даже казалась разумной и веселой женщиной.

— Стареете, моя дорогая, — заметила мисс Дуоррис, когда они сели ужинать и она принялась оглядывать гостью, силясь обнаружить морщины и «гусиные лапки».

— Вы мне льстите, — парировала мисс Ли. — Старость — единственное оправдание для женщины, которая твердо решила прожить жизнь в одиночестве.

— Я полагаю, как и остальные, вы согласились бы выйти замуж, если бы вам кто-то предложил?

Мисс Ли улыбнулась:

— Два месяца назад один итальянский князь

предложил мне руку и сердце, Элиза.

— Папист что угодно может выкинуть, — ответила мисс Дуоррис. — Полагаю, вы сообщили ему об уровне своего дохода, и он пришел к выводу, что переоценил собственные чувства к вам.

— Я отказала ему, потому что он слишком добродетелен.

— Не подумала бы, что в вашем возрасте можно позволить себе быть столь разборчивой, Полли.

— Разрешите заметить, что вы обладаете весьма забавной способностью размышлять на одну и ту же тему в одно и то же время в двух диаметрально противоположных плоскостях.

Мисс Ли была стройной женщиной среднего роста. Ее волосы, уложенные в простую прическу, уже тронула седина, а лицо, почти все покрытое морщинами, отличалось четкими чертами, которые позволяли предположить, что она обладает сильным характером. Ее губы, тонкие, но выразительные и подвижные, добавляли ее виду решимости. Она не обладала статью, и даже в молодости уж точно не считалась хорошенькой, зато в ее осанке чувствовалась грация, а в манере поведения — некое обаяние. Ее глаза были очень яркими, а взгляд — столь проницательным, что иногда почти обескураживал: она без единого

слова могла обратить любую претенциозность в абсурд. Притворные ужимки под этим изучающим взором, не то презрительным, не то насмешливым, сразу исчезали. И все же, о чем не забывала напоминать ей мисс Дуоррис, она и для себя выработала определенную позу, но принимала ее столь восхитительно, с такой сдержанной и подобающей благопристойностью, что немногие это замечали, а если и замечали, то не находили в себе сил на порицание: она достигла в этом такого совершенства, что это можно было счесть искусством. Ради этой эстетической игры мисс Ли полюбила одеваться как можно проще, как правило, в черное, и единственным ее украшением служила драгоценность эпохи Возрождения такой удивительной красоты, что ни один музей не отказался бы включить ее в свою коллекцию: она носила ее на шее на длинной золотой цепи и с наслаждением крутила пальцами, чтобы продемонстрировать, если верить ее прямолинейной родственнице, очевидную красоту собственных рук. Ее идеально сидящие туфли и ажурный узор на шелковых чулках позволяли предположить, что она не без причины гордилась изящной стопой — маленькой, с высоким подъемом. В таком облачении, когда приходили гости, мисс

Ли и восседала в итальянском дубовом кресле с прямой спинкой и изысканной резьбой, которое размещалось между двух окон у стены. А еще она развила некую чопорность манер, делавшую невероятно эффектными ее выступления, в которых она дерзко критиковала жизнь и развлекала тем самым друзей.

Через два дня после приезда на Олд-Куин-стрит мисс Ли объявила о намерении прогуляться. Она спустилась, прихватив модный зонтик от солнца, который купила, когда была проездом в Париже.

— Вы ведь не собираетесь на прогулку с этой вещицей? — пренебрежительно спросила мисс Дуоррис.

— В самом деле собираюсь.

— Чепуха. Вы должны взять нормальный зонт. Будет дождь.

— У меня есть новый зонтик от солнца и старый от дождя, Элиза. Я уверена, что все будет хорошо.

— Дорогая моя, вы ничего не знаете об английском климате. Говорю вам: пойдет проливной дождь.

— Вздор, Элиза!

— Полли, — ответила мисс Дуоррис, выходя из себя, — я желаю, чтобы вы взяли зонт. Барометр опускается, и я ощущаю покалывание в ногах,

а это верный признак приближения непогоды. С вашей стороны крайне нерелигиозно осмеливаться строить догадки на тему погоды.

— Рискну предположить, что с метеорологической точки зрения я знаю о путях Провидения не меньше вас.

— А это, думается мне, не смешно, а богохульно, Полли. Я жду, что в моем доме люди будут вести себя так, как говорю я, и настаиваю, чтобы вы взяли зонт.

— Не говорите глупостей, Элиза!

Миссис Дуоррис дернула за шнурок звонка и, когда появился дворецкий, приказала ему принести ее собственный зонт для мисс Ли.

— Я категорически отказываюсь им пользоваться, — заявила более молодая леди улыбаясь.

— Пожалуйста, не забывайте, что вы у меня в гостях, Полли.

— И следовательно, имею право поступать так, как мне хочется.

Мисс Дуоррис, крупная пожилая дама весьма внушительного вида, поднялась и угрожающе вытянула вперед руку:

— Если вы выйдете из дома без зонта, то никогда больше не войдете сюда снова. Вы никогда не переступите этот порог, пока я жива.

Мисс Ли явно пребывала не в лучшем расположении духа тем утром, потому что поджала губы весьма характерным образом и посмотрела на старшую кузину с холодным презрением.

— Моя дорогая Элиза, вы сильно преувеличили собственную важность. В Лондоне нет гостиниц? Похоже, вы думаете, что у вас в гостях я скорее получаю удовольствие, чем умерщвляю свою плоть. А на самом деле этот крест стал для меня тяжеловат, потому что я думаю, у вас худшая кухарка в столице.

— Она со мной двадцать пять лет, — ответила мисс Дуоррис, на ее щеках появились два красных пятна. — И до вас никто не рискнул пожаловаться на ее стряпню. А если бы кто-то из моих гостей это сделал, я бы ответила: что хорошо для меня, слишком хорошо для всех остальных. Я знаю, Полли, что вы упрямы и вспыльчивы, и готова закрыть глаза на эту дерзость. Вы все равно отказываетесь сделать так, как я прошу?

— Да.

Мисс Дуоррис яростно затрясла звонком.

— Скажите Марте, чтобы немедленно упаковала чемоданы мисс Ли, и вызовите извозчика! — громогласно воскликнула она.

— Прекрасно, мадам, — ответил дворецкий,

привыкший к причудам хозяйки.

Потом мисс Дуоррис повернулась к гостье, которая созерцала ее с возмутительной веселостью.

— Я надеюсь, вы понимаете, Полли, что я говорю совершенно серьезно.

— Между нами все кончено, — насмешливо ответила мисс Ли. — Вернуть ваши письма и фотографии?

Некоторое время мисс Дуоррис просидела в молчаливом гневе, наблюдая за кузиной, которая взяла «Морнинг пост» и с превеликим спокойствием читала модные новости. И вот дворецкий объявил, что извозчик уже у двери.

— Что ж, Полли, вы действительно уезжаете?

— Я вряд ли могу остаться, когда мои вещи уже упаковали и прислали экипаж, — хладнокровно ответила мисс Ли.

— Вы сами к этому стремились, я не хочу, чтобы вы уезжали. Если признаете, что своевольны и упрямы, и возьмете зонт, я готова забыть обиду.

— Взгляните, какое на улице солнце, — произнесла мисс Ли.

И словно для того чтобы в самом деле разозлить старую тиранку, яркие лучи, танцуя, проникли в комнату и дерзко расцветили ковер.

— Думаю, мне следует сообщить вам, Полли,

что я намеревалась оставить вам десять тысяч фунтов по завещанию. Теперь, разумеется, я не стану претворять в жизнь это намерение.

— Вам лучше бы оставить деньги Дуоррисам. Честное слово, учитывая то, что они состоят в родстве с вами уже больше шестидесяти лет, я считаю, они это действительно заслужили.

— Я оставлю деньги тому, кому пожелаю! — завопила мисс Дуоррис, выходя из себя. — И если захочу, то пожертвую все до последнего пенни на благотворительность. Вы очень независимы, поскольку получаете нищенский доход в пять сотен за год, но этого явно недостаточно, чтобы вы могли жить спокойно и не сдавать квартиру, когда уезжаете. Помните: никто не имеет права предъявлять мне претензии, а я могу сделать вас богатой женщиной.

Мисс Ли ответила с величайшей рассудительностью:

— Моя дорогая, я твердо убеждена, что вы проживете еще лет тридцать, истребляя род человеческий в целом и своих родственников в частности. Мне не стоит тщетно надеяться на то, что я кого-то переживу, и долгие годы подчиняться прихотям крайне невежественной старой женщины, самонадеянной и властолюбивой,

скучной и претенциозной.

Мисс Дуоррис, задохнувшись, затряслась от ярости, но собеседница беспощадно продолжала:

— У вас множество бедных родственников, издевайтесь над ними! Выплескивайте свой яд и злость на этих жалких подхалимов, но, умоляю, отныне избавьте от ваших бесконечно занудных речей *меня.*

Мисс Ли всегда испытывала небольшую слабость к высокопарным высказываниям, а в этой фразе слышалась некая помпезность, что чрезвычайно ее развеселило. Она чувствовала, что на эти слова не найдет ответа, и, исполненная чувства собственного достоинства, покинула комнату. Две леди больше не общались, хотя мисс Дуоррис, властолюбивая, суровая и убежденная в истинности евангелизма до самого конца, прожила в здравом уме и трезвом рассудке еще почти двадцать лет. В итоге она умерла после сильного душевного волнения, поводом к которому послужил мелкий проступок горничной, и ее родственники разом с облегчением вздохнули, словно тяжелое бремя упало с их плеч.

Они стояли на похоронах без единой слезы и все еще со страхом поглядывали на свинцовый гроб, скрывавший останки этой грубой, силь-

ной, довлевшей над всеми старой женщины. Потом, нервно подрагивая от нетерпения, они принялись упрашивать семейного юриста обнародовать завещание. Написанное ее собственной рукой и засвидетельствованное двумя слугами, оно звучало так:

> Я, Элизабет Энн Дуоррис, проживающая в доме 79 по Олд-Куин-стрит в Вестминстере, незамужняя, настоящим отменяю все прежние составленные мной завещания и завещательные распоряжения и объявляю этот документ моей последней волей и завещанием. Я назначаю Чэри Ли, проживающую в доме 72 по Элиот-Мэншнс в Челси, исполнительницей моего настоящего завещания и передаю все и любое мое недвижимое и личное имущество упомянутой Мэри Ли. Моим внучатым племянникам и племянницам, моим кузенам и кузинам я оставляю свое благословение и заклинаю их не забывать примеры и советы, которые я давала им многие годы. Я рекомендую им впредь развивать силу характера и независимость духа. Рискну напомнить им, что

люди безропотные никогда не унаследуют эту землю, ведь придется еще долго ждать, пока им воздастся по заслугам. И я желаю, чтобы они продолжали вносить пожертвования, которые по моей просьбе уже так долго и благородно передают в Общество обращения евреев в христианство и Дополнительный фонд викариев.

В подтверждение вышеизложенного настоящее завещание было подписано мной 4 апреля 1883 года.

Элизабет Энн Дуоррис.

К своему удивлению, мисс Ли обнаружила, что в пятьдесят семь лет получила три тысячи фунтов годового дохода, право проживания в милом старом доме в Вестминстере и большое количество мебели начала викторианской эпохи. Завещание составили через два дня после ее ссоры с эксцентричной пожилой дамой, и такой его текст, несомненно, позволил достичь трех целей, ради которых оно и было придумано: оно в высшей степени удивило всех заинтересованных лиц, обрушило шквал огня на равнодушную голову мисс Ли и обернулось горчайшим разочарованием и расстройством для всех, кто носил

фамилию Дуоррис.

2

Мисс Ли не потребовалось много времени, чтобы поселиться в унаследованном доме. Для новой владелицы, которая яростно ненавидела все современное, его очарование отчасти крылось в причудливой старомодности: построенный во времена королевы Анны, он нес в себе покой, простор и комфорт жилых зданий того периода, с козырьком над дверью, являвшим собой образец элегантности, перилами из кованого железа и, к особому восторгу мисс Ли, огнетушителями для освещавших темные улицы факельщиков.

Комнаты были большими, с довольно низкими потолками и широкими окнами, выходящими на самый красивый парк Лондона. Мисс Ли не внесла больших изменений. Она была эпикурейка до мозга костей, и многие годы лишь страсть к свободе могла всколыхнуть ее невозмутимую и праздную натуру. Но чтобы обеспечить себе независимость, полную и абсолютную независимость, она была готова на любые жертвы: всякие узы причиняли ей неудобство, казалось, сравнимое с физической болью, и она избегала их (будь то узы семьи или любовных отношений,

узы привычки или образа мыслей) так рьяно, как только могла. Она всю жизнь старалась не обременять себя имуществом и однажды, в порыве смелости, точно не лишенном героизма, когда почувствовала, что слишком привязалась к своим вещам — шкафам и изысканным веерам из Испании, флорентийским золоченым рамам и английским отпечаткам меццо-тинто[2], неаполитанской бронзе, столикам и кушеткам, найденным в отдаленных уголках Франции, — она все продала. Она не хотела воспылать столь сильными чувствами к своему дому, чтобы из него стало больно уезжать. Она предпочитала оставаться странницей, бредущей по жизни с сердцем, неравнодушным к красоте, с умом, открытым и беспристрастным, с готовностью смеяться над абсурдом. Так что переезд в дом кузины, как в меблированное съемное жилье, со своими скудными пожитками пришелся ей по душе, и она поселилась там, свободная от всяких оков. А когда придет Смерть — неверующий юнец, брат-близнец Сна, а не мрачный костлявый скелет, как рисуют ее христиане, — она будет готова удалиться, как довольный кутила, улыбаясь

---

[2] Примечания: 2
Вид гравюры на металле, относящийся к глубокой печати.

без страха и сожаления. Перестановка по личным указаниям хозяйки и избавление от множества образчиков плохого вкуса быстро придали гостиной мисс Ли более утонченный и весьма характерный облик: произведения искусства, собранные со времен памятной продажи, добавляли к обстановке некое степенное изящество. И ее друзья без удивления заметили, что, как в ее собственной квартире, резное кресло с прямой спинкой разместилось между двух окон, а мебель специально была расставлена так, чтобы, сидя на ней, хозяйка дома, которая и сама была частью этой эстетически продуманной схемы, могла командовать и манипулировать гостями.

Едва успев удобно расположиться, мисс Ли написала старому другу и дальнему кузену Элджернону Лэнгтону, декану[3] Теркенбери, и пригласила его с дочерью посетить ее новый дом; а мисс Лэнгтон ответила, что они с удовольствием приедут, и уточнила, что они прибудут в определенный четверг утром. Мисс Ли встретила родственников без особого воодушевления, потому что по причуде своей не одобряла всякое проявление нежности. Несмотря на добродушное

[3] Примечания: 3

Ранг следующего по старшинству после епископа духовного лица в католической и англиканской церкви.

и подчеркнуто вежливое презрение, с которым обычно относилась к представителям духовенства в целом, на кузена Элджернона она взирала с большим уважением.

Это был высокий пожилой мужчина, худощавый и согбенный, с ослепительно белыми волосами и бледной, почти прозрачной кожей. У него были холодные голубые глаза, но выражение лица при этом исключительно доброе. В его осанке чувствовалось достоинство и в то же самое время бесконечное милосердие, которое напоминало о тех старых знаменитых священнослужителях, чьи имена навеки снискали величественную славу английской церкви. Он мог похвастаться великолепным воспитанием, которое ставило их, каково бы ни было их истинное происхождение, на одну ступень с джентльменами и придворными, и, как и у них, его библейские познания уступали достижениям в классическом образовании. А если и проглядывала косность в его нежелании серьезно задуматься над современным образом мышления, он все же обладал чувством прекрасного и настоящей христианской учтивостью, которая вызывала восхищение и даже любовь. Мисс Ли, учившейся у людей, которые умели с интересом

наблюдать за самыми разнообразными тенденциями (ведь для ее скептически настроенного ума никакой образ жизни или способ мышления, по сути, не мог быть ценнее другого), нравилась его величественная откровенная простота, и она относилась к нему с несвойственной ей терпимостью.

— Что ж, Полли, — произнес декан. — Я полагаю, теперь, когда вы стали обладательницей солидного капитала, вы прекратите погоню за недостижимым. Вы успокоитесь и станете уважаемым членом общества.

— Не обязательно подчеркивать, что у меня появилось больше седых волос и глубже прорезались морщины, с тех пор как мы виделись в последний раз.

В это время мисс Ли, которая мало изменилась за последние двадцать лет, удивительно походила на портретную статую Агриппины в музее Неаполя. У нее было такое же морщинистое лицо с выражением презрительного равнодушия к мирским делам и та же исключительная благородная стать, которую императрица обрела, управляя массами, а мисс Ли — управляя собой, что требует гораздо больше усилий.

— Но вы правы, Элджернон, — добавила она, —

я старею, и я не уверена, хватит ли мне смелости еще раз продать все мои вещи. Думаю, не смогу больше встретиться лицом к лицу с полным одиночеством, в котором я с радостью купалась, когда чувствовала, что у меня не было ничего, кроме одежды, прикрывающей тело.

— Но у вас оставался надежный доход.

— За который да воздастся хвала всем святым! Не стоит и помышлять о свободе, если имеешь меньше пяти сотен в год, без этого жизнь — просто жалкая борьба за хлеб насущный.

Услышав, что ленч не подадут до двух, декан отправился на прогулку, а мисс Ли осталась наедине с его дочерью. Белла Лэнгтон достигла того возраста, когда ее даже с натяжкой нельзя было назвать девочкой, и ее отец лишь недавно, к ее некоторому смущению, сочинил серию стихов на латыни в честь ее сорокалетия. Она не отличалась красотой или изысканным умением нести себя с достоинством, которое делало декана столь заметной фигурой в кафедральном капитуле. Широкоплечая, с волосами приятного каштанового цвета в строгой прическе, она имела крупноватые черты лица, а ее кожа почему-то казалась обветренной, зато серые глаза лучились добротой, а в выражении лица читалось исклю-

чительное добродушие. Следуя провинциальной моде на весьма дорогие ткани, она одевалась с практичной простотой по рекомендации набожных старых дев, которые населяют города с кафедральными соборами, и в результате создавалось впечатление дорогой безвкусицы.

Она была явно знающим человеком, на которого можно положиться в любой непредвиденной ситуации. Умея воплощать в жизнь стремление к щедрости, порой весьма оригинально, она заслуженно стала руководителем благотворительной деятельности в Теркенбери и, полностью осознавая свою важность в церковной иерархии, правила своим маленьким духовным кружком твердой, но в то же время ласковой рукой. Несмотря на доброе сердце и истинно христианское смирение, мисс Лэнгтон в душе была убеждена в своей собственной значимости, ведь ее отец не только занимал важное положение, но и принадлежал к весьма знаменитому роду, в то время как все хорошо знали, что епископ не мог похвастаться достойным происхождением, а его жена раньше работала гувернанткой. Мисс Лэнгтон отдала бы последнее пенни, чтобы помочь больной жене какого-нибудь бедного викария, но хорошенько задумалась бы, достойна ли та-

кая женщина приглашения в дом декана. Ее щедрость и доброта распространялись на всех и каждого, но церемониал культурного общества она соблюдала лишь с выдающимися личностями.

— Я пригласила разных людей, с которыми вы познакомитесь сегодня за ужином, — сказала мисс Ли.

— Это хорошие люди?

— Уж точно не неприятные. Миссис Барлоу-Бассетт прибудет с сыном, который мне нравится, потому что очень красив. Еще придет Бэзил Кент, барристер[4]. Он симпатичен мне, потому что напоминает рыцаря на старых итальянских полотнах.

— Вы всегда питали слабость к привлекательным мужчинам, Мэри, — ответила мисс Лэнгтон с улыбкой.

— Красота, пожалуй, важнее всего на свете, моя дорогая. Люди говорят, что для мужчины внешность не играет никакой роли, но все эти слова от глупости. Я знаю мужчин, которые добились почета и славы лишь благодаря прекрасным

---

[4] Примечания: 4

Адвокат, имеющий право выступать в высших судах, в отличие от солиситора — адвоката, который готовит дела для барристера и имеет право выступать в судах низшей инстанции.

глазам и хорошей форме губ… Еще я пригласила мистера и миссис Кастиллион. Он член парламента, скучный и напыщенный, как раз такой человек, который вас развеселит.

Пока мисс Ли говорила, ей принесли записку.

— Какая досада! — воскликнула она, когда прочитала. — Мистер Кастиллион пишет, что не сможет уйти с работы до позднего вечера. Жаль, что они вообще заседают осенью. Как это похоже на него — решить, что ничтожество вроде него незаменимо. Теперь придется приглашать кого-то другого.

Она села и быстро набросала пару строк.

Мой дорогой Фрэнк!

Умоляю вас явиться сегодня на ужин к восьми. А поскольку, когда вы придете, ваш проницательный ум подскажет вам, что я не могла собрать девять человек по сиюминутной прихоти, признаюсь сразу: я приглашаю вас исключительно потому, что мистер Кастиллион подвел меня в последний момент. Но если вы не придете, я никогда больше и словом с вами не перемолвлюсь.

Навеки ваша, Мэри Ли.

Она позвонила в звонок и приказала слуге немедленно отнести письмо на Харли-стрит.

— Я пригласила Фрэнка Харрелла, — объяснила она мисс Лэнгтон. — Он милый мальчик: сейчас мужчины остаются похожи на мальчиков до сорока лет, а он на десять лет моложе. Он доктор, и довольно хороший, недавно его назначили ассистентом врача в больнице Святого Луки, и он обосновался на Харли-стрит, чтобы быть поближе к пациентам.

— А он красив? — поинтересовалась мисс Лэнгтон с улыбкой.

— Вовсе нет, но он один из немногих моих знакомых, которые меня забавляют. Вам он по-

кажется крайне неприятным, а вы, возможно, утомите его до смерти.

С этими словами, рассчитанными на то, чтобы более молодая собеседница расслабилась, мисс Ли снова уселась у окна. День выдался теплый и солнечный, но деревья, желтые и красные, тронутые первым заревом осени, отяжелели от дождя, который прошел ночью. Была какая-то печально-чувственная страсть в Сент-Джеймском парке с его прохладной спокойной водой, едва различимой за густой листвой, и тщательно выстриженными газонами; и мисс Ли созерцала пейзаж со смутным чувством самоудовлетворения, ибо жизнь в достатке оказалась весьма комфортна.

— Что можно подарить поэту? — вдруг спросила мисс Лэнгтон.

— Разумеется, словарь рифм, — ответила ее подруга улыбаясь. — Или руководство Брэдшоу по тому, как найти эстетическую ценность в здравом смысле.

— Не говорите ерунду, Мэри. Мне правда нужен ваш совет. Я знаю одного молодого человека в Теркенбери, который пишет стихи.

— Я никогда не встречала молодых людей, которые бы их не писали. Уж не влюбились ли вы в

бледного страстного викария, Белла?

— Я ни в кого не влюбилась, — ответила мисс Лэнгтон, едва заметно вспыхнув. — В моем возрасте это было бы нелепо. Но я хотела бы рассказать вам об этом мальчике. Ему всего двадцать, и он работает клерком в местном банке.

— Белла! — воскликнула мисс Ли с наигранным ужасом. — Не говорите мне, что вы заигрываете с человеком, который не входит в ряды аристократов. Что сказал бы декан? И подумать только — поэтически настроенный мальчик! В вашем возрасте женщина должна ежедневно молиться Создателю, чтобы Он уберег ее от любви к мужчине на двадцать лет моложе ее. Это одна из самых распространенных болезней в наши дни.

— Его отец торговал льняными товарами в Блэк-стейбле и отправил его в королевскую школу в Теркенбери. И там он получил все возможные стипендии. Он собирался в Кембридж, но его родители умерли, и, чтобы заработать на жизнь, ему пришлось устроиться в банк. Он пережил нелегкие времена.

— Но как вы вообще познакомились? Я не знаю сообществ более закрытых, чем население города с кафедральным собором, к тому же я помню, что вы не разрешаете представлять вас кому бы то

ни было, пока не убедитесь, что его имя значится в списках поместных дворян.

Мисс Ли, свободная от любых предрассудков, яро высмеивала кузину за благоговение перед местной аристократией; и хотя ее собственное имя фигурировало в знаменитой книге пэров Берка[5], она скрывала этот факт как нечто постыдное. По ее мнению, благородное происхождение давало лишь одно преимущество — возможность с чистым сердцем осмеивать напыщенность представителей голубых кровей.

— Мне никогда его не представляли, — неохотно ответила Белла. — Я подружилась с ним случайно.

— Моя дорогая, это звучит в высшей степени непристойно. Надеюсь, он по крайней мере спас вас, когда какой-то несчастный случай приключился с вашим экипажем. Это, похоже, один из любимых приемов Купидона. Этому богу всегда не хватало воображения, и его методы чудовищно банальны… Только не говорите, что этот молодой человек сам заговорил с вами на улице!

---

[5] Примечания: 5

Книга пэров Берка содержит список пэров Англии и их родословную, а также список лиц, получивших титул пэра в истекшем году. Впервые была издана Дж. Берком в 1826 г. С 1847 г. книга издается ежегодно.

* * *

Белла Лэнгтон не могла рассказать всю правду мисс Ли о знакомстве с Гербертом Филдом, потому что оно в значительной степени явилось следствием определенного душевного состояния, которое едва поддавалось ее собственному пониманию. Ее посетило замешательство, возникающее у большинства незамужних женщин, когда юность проходит, а впереди уныло маячит монотонная зрелость. Уже какое-то время привычные обязанности не приносили ей удовольствия, и ей казалось, что она слишком часто делает одно и то же: дни шли нескончаемой чередой, раздражая однообразием. Ее охватило беспокойство, которое заставляло одних, безвестных или знаменитых, как отважный Кортес, пуститься в плавание по неизведанным морям, а других — таких было не меньше — подвигало на приключения, опасные для души. Теперь она с завистью смотрела на подруг-ровесниц, воспитавших прекрасных детей, и не без труда гнала прочь зарождавшиеся сожаления об упущенном женском счастье — все ради отца, который был одинок в целом мире и совершенно беспомощен и непрактичен. Эти чувства сильно ее удруча-

ли, ведь она всегда обитала в своем маленьком мирке, занятая богоугодными и добрыми делами. Эмоции, обуревавшие ее душу, казались искушением дьявола, и она обратилась к своему Богу за утешением, которого так и не получила. Белла пыталась отвлечься, занимаясь работой, и с удвоенным рвением руководила благотворительными учреждениями. Книги оставляли ее в таком же унынии, но, стиснув зубы, с яростной решимостью, она начала учить греческий. Ничего не помогало. Против воли ее атаковали новые мысли; и она приходила в ужас, поскольку ей казалось, будто ни одну женщину никогда еще не терзали столь дикие и постыдные наваждения. Она тщетно напоминала себе, что имя, которым она так гордится, вынуждает ее взять себя в руки, а положение в Теркенбери обязывает ее даже в самых сокровенных помыслах служить примером более простым людям.

Теперь мисс Лэнгтон не получала удовольствия от пребывания в этой тихой гавани, где раньше с наслаждением скрывалась часами. Старый собор, видавший вид и посеревший, но все равно красивый, больше не дарил привычного ощущения покоя и свободы. Она полюбила долгие прогулки по сельской местности, но луга, усеянные

весенними бабочками, и леса, разукрашенные осенней охрой, лишь усиливали беспокойство. И охотнее всего она отправлялась на холм, с которого на небольшом отдалении открывался вид на сверкающее море, и на мгновение его величие успокаивало ее метущуюся душу. Иногда на закате над сланцевой серостью приплывших с запада облаков несметным множеством рассыпались красно-золотые искры и мерцали над тихой водой, словно шлейф богини огня, а потом, подобно Титану, сокрушившему темницу, через пелену пробивалось солнце и заливало все вокруг ярким светом, повиснув в вышине гигантским медным диском. Казалось, оно с усилием гнало прочь сгустившуюся тьму, наполняя небо ослепительным блеском. Затем над безмятежным морем растягивалась широкая дорога, полыхавшая неземным огнем, по которой могли бесконечно бродить загадочные и страстные души людей в поисках источника вечного света. Белла Лэнгтон отворачивалась со слезами и медленно отправлялась туда, откуда пришла. В долине перед ней серые дома Теркенбери теснились вокруг высокого старинного собора, но его красота лишь заставляла ее сердце сильнее сжиматься от боли.

Потом наступила весна: поля запестрели ве-

селым цветочным узором, похожим на ковер, достойный нежных ног ангелов Перуджино, и это только усилило ее мучения. На каждой живой изгороди, на каждом дереве пели птицы на все голоса, восславляя радость жизни, и красоту дождя, и яркий солнечный свет. Они все до одной твердили ей, что мир молод и прекрасен, а человеческий век так короток, что каждый час надлежит проживать как последний.

Когда подруга пригласила ее на месяц в Бретань, она, устав от собственного бездействия, с радостью согласилась. Путешествие могло облегчить страдания ее больного сердца, а усталость от поездки — унять дрожь в членах, которая заставляла ее чувствовать, будто она способна на рискованные предприятия. Две дамы в одиночестве гуляли по изрезанному побережью. Они остановились в Карнаке, но таинственные древние камни говорили лишь о бренности жизни: человек приходил в этот мир и уходил со своими надеждами и чаяниями и оставлял после себя свидетельства своей слабой веры, которая становилась загадкой для следующих поколений.

Они отправились в Ле-Фауэ, где покрашенные окна разрушенной церкви Сен-Фиакр сияли, как драгоценные камни. Но спокойное очарование

этих мест не тронуло сердце, жаждущее жизни и любви, которая вдохновляет на свершения. Они посетили знаменитые кальварии[6] Плугастеля и Сен-Тегоннека; и эти мрачные кресты с каменными процессиями (попытка увидеть красоту в народе, осознавшем совершенный грех) под серым западным небом встревожили ее еще больше: они несли в себе лишь смерть и могильное отчаяние, а ее переполняли ожидания, жажда чего-то, непонятного ей самой. Ей казалось, будто бы она, сама не зная как, плывет по темному безмолвному морю мистерий, где законы обычной жизни совершенно бесполезны. Путешествие не принесло ничего из того, что она искала, а лишь усилило ее беспокойство; ей не терпелось чем-нибудь заняться, и она вернулась в Теркенбери.

[6] Примечания: 6

Имеются в виду скульптурные группы, чаще всего на въезде в населенный пункт, с изображением распятия, иногда — Богоматери и других фигур. Calvaire — Голгофа *(фр.)*.

3

Наконец, в один из дней того самого лета после вечерней службы в соборе, мисс Лэнгтон, равнодушно направляясь к двери, увидела молодого человека, сидевшего в конце нефа. Было поздно, так что, судя по всему, все просторное здание осталось в их распоряжении. Сияющим взглядом он смотрел в пустоту, как будто его собственные мысли ослепили его, когда перед ним предстало это готическое великолепие, и его глаза казались необычайно темными. У него были светлые волосы и худое овальное лицо, с нежно-бледной, как у женщины, кожей. Мгновением позже к нему подошел служитель церкви и сказал, что собор закрывается, юноша встал и, не обращая внимания на другие слова служителя, прошел в ярде от Беллы, но из-за своей рассеянности не заметил ее. Она больше не думала о нем, но в следующую субботу, отправившись по привычке на службу во второй половине дня, снова увидела юношу, сидевшего, как и прежде, в самом конце нефа, подальше как от туристов, так и от церковников. Подстрекаемая неведомым ей самой любопытством, она решила остаться там, вместо

того чтобы перейти в клирос, отделенный от нефа внушительной ширмой, где по праву занимаемого положения ей выделили место неподалеку от сиденья декана.

На этот раз мальчик, ибо назвать его иначе было нельзя, читал книгу, как она заметила, в стихах. То и дело он с улыбкой вскидывал голову, чтобы, как ей показалось, мысленно повторить понравившуюся строку. Началась служба, звучавшая на отдалении не так громко, так что хорошо знакомые формы обрели новую загадочность. Длительные звуки органа гремели, отражаясь от сводчатой крыши, или нежно звенели, как голосок ребенка меж высоких колонн. Время от времени вступал хор, придавая органной музыке еще большую глубину, но каменные стены заглушали и преломляли музыку, так что она смутно напоминала шум морской волны. Потом это прекратилось, и прекрасный тенор — гордость собора — взял соло, и этому волшебному звуку стало все подвластно, мелодия старого гимна — ее отец любил простую музыку прошлого века — взмыла ввысь к небесам в исполненной страданий молитве. Книга выпала из рук молодого человека, и он принялся вслушиваться в мелодичные переливы. Его лицо преобразилось

от восторга, и он стал похож на изображенного на холсте святого, которого благословило таинственное око небесного света. А потом, упав на колени, он закрыл лицо руками, и Белла увидела, что он от всей души молится Богу, который дал людям уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть красоту мира. Что было в этом зрелище такого, что заставило ее сердце затрепетать от какого-то неведомого чувства?

И когда он вернулся на место, на его лице появилось выражение несказанного удовлетворения, а губы задрожали от счастья, изогнувшись в улыбке, так что Белла позеленела от зависти. Что за сила была в его душе, которая могла волшебным образом раскрасить то, что оставляло ее равнодушной вопреки всем ее стараниям? Она подождала, пока он медленно вышел, и, увидев, как он кивнул служителю церкви у двери, поинтересовалась, кто он.

— Не знаю, мисс, — ответили ей. — Он приходит на службу каждую субботу и воскресенье. Но никогда не садится в клиросе. Он всегда остается там, в углу, где никто его не видит, и читает книгу. Я никогда его не трогаю, потому что он очень тихий и вежливый.

Белла и сама не понимала, почему так часто

думала о светловолосом юноше, который никогда и не замечал ее присутствия, или почему в следующее воскресенье снова пришла в неф, надеясь на его появление. Понаблюдав за ним внимательнее, она отметила его стройность и красивую форму рук, которые, казалось, прикасаются к вещам с необычной нежностью. Однажды их взгляды встретились, и его глаза оказались голубыми, как летнее море в Италии, и такими же глубокими. Она никогда не отважилась бы заговорить с незнакомцем, но откровенная простота в выражении его лица, в которой, как ни странно, чувствовалась некая интригующая печаль, помогла ей преодолеть застенчивость и боязнь того, что неуместно знакомиться с человеком, о котором она ничего не знает. Интуиция подсказывала: наступил переломный момент в жизни, и сейчас ей требовалась смелость, чтобы обеими руками ухватить счастье. И словно этому благоволило само небо, ей как раз представилась прекрасная возможность завязать знакомство. Взволнованная в преддверии, как ей казалось, настоящей авантюры, она нетерпеливо дождалась субботы, а потом попросила у знакомого служителя церкви ключи и после службы дерзко подошла к юноше, имени которого даже не знала.

— Хотите, я покажу вам собор? — спросила она, не представившись. — Мы можем осмотреть все одни, ведь особенно приятно, когда не отвлекает болтовня служек и суета прихожан.

Он залился румянцем до корней волос, когда она обратилась к нему, а потом очаровательно улыбнулся:

— Как мило с вашей стороны! Я всегда хотел это сделать.

У него был приятный низкий голос, и он не выказал никакого удивления, но Белла, несколько напуганная собственной смелостью, все равно считала нужным объяснить, почему выступила с таким предложением.

— Я вижу вас здесь очень часто, и мне подумалось, что вы хотели бы увидеть весь собор. Боюсь только, вам придется потерпеть при этом мое присутствие.

Он снова улыбнулся и, похоже, впервые окинул ее внимательным взглядом. Белла, смотревшая прямо перед собой, почувствовала, как он медленно изучает ее лицо, и вдруг показалась себе старой, и морщинистой, и безвкусной.

— Что у вас за книга? — спросила она, желая прервать затянувшуюся паузу.

Он молча протянул книгу, и она увидела, что

это маленький сборник лирических стихов Шелли, явно перечитанный много раз, поскольку страницы едва держались в переплете.

Белла открыла ворота, ведущие в апсиду, и заперла их за собой.

— Разве не прекрасно оказаться здесь в одиночестве? — воскликнул он и пружинящим шагом с улыбкой в глазах двинулся вперед.

Сначала он немного стеснялся, но вскоре атмосфера самого места, с темными приделами и могильными плитами в виде лежащих рыцарей, узорчатыми окнами в драгоценных камнях, заставила его разговориться, и его охватил мальчишеский энтузиазм, который он изливал со страстью, поразившей Беллу. Его восторг передался ей, и она увидела новое очарование в том, что хорошо знала. Пылкость его горячей поэтической натуры, казалось, позолотила стены волшебным солнечным светом; и, словно открывшись небу, эти одинокие камни вкусили новой свежести зеленых лужаек, и цветов, и деревьев с густой листвой. Теплое дыхание западного ветра согрело готические колонны, придав новое великолепие старинному стеклу и живое очарование — крестовому своду. Щеки юноши раскраснелись от возбуждения, а сердце Беллы, когда она его

слушала, билось быстрее, завороженное охватившим ее счастьем. Он много жестикулировал, и от движений его длинных изящных пальцев (собственные пальцы, несмотря на ее благородное происхождение, были короткими, толстоватыми и некрасивыми) оживало само прошлое этого величественного собора. Она слышала позвякивание металла, когда рыцари в доспехах шагали под неподвижными знаменами, и ясно видела тот исторический момент, когда джентльмены Кента в гамашах и камзолах и дамы в гофрированных воротниках и юбках с фижмами собрались восславить бога шторма и войны, потому что Говард Эффингем разгромил армаду короля Филиппа.

— А теперь давайте пройдем в крытую галерею, — нетерпеливо предложила она.

Они сели на каменный парапет, выходящий на свежий зеленый газон, где в былые времена в раздумьях бродили монахи-августинцы. Какое-то утонченное изящество чувствовалось в аркаде, с ее стройными колоннами и изысканной резьбой на капителях, напоминавшей о галереях Италии, которые, несмотря на печальные кипарисы и полуразрушенный вид, навевают мысли об умиротворении и счастье, а не присущее северянам чувство стыда за совершенные грехи. Молодому

человеку, который знал волшебное очарование юга только по книгам и картинам, быстро передалось это ощущение, и на его лице отразилось печальное томление. Когда Белла поведала ему о путешествии в Италию, он принялся с жаром расспрашивать ее, и пыл юной души заставил ее отвечать с теплотой, которую она старалась не допускать в общении с другими, боясь показаться нелепой. Открывшийся перед ними вид был очень красив. Высокая центральная башня в своем грандиозном великолепии смотрела на них сверху вниз, а ее статная красота трогала душу, так что юноша, хоть никогда и не видел монастырей Тосканы, словно побывал там. Они некоторое время посидели молча.

— Должно быть, вы очень важный человек, — наконец произнес он и повернулся к ней. — Иначе нам ни за что не разрешили бы находиться здесь так долго.

— Для служек это особого значения не имеет, — с улыбкой ответила она. — Наверное, уже поздно.

— Не зайдете ко мне выпить чаю? — спросил он. — Я живу прямо напротив входа в собор. — Потом, поймав взгляд Беллы, он, улыбнувшись, добавил: — Меня зовут Герберт Филд, и я весьма

благовоспитанный человек.

Она колебалась: ей казалось странным распивать чай с человеком, которого она почти не знала, но она смертельно боялась показаться ханжой. А визит к нему домой, в ходе которого она могла лучше познакомиться с ним, обещал стать логическим завершением приключения. Наконец, руководствуясь здравым смыслом, она решила, что получила шанс вкусить настоящей жизни вместо жалкого существования.

— Пожалуйста, — настаивал он. — Я хочу показать вам мои книги.

И он легко, но настойчиво коснулся ее руки.

— С большим удовольствием.

Он привел ее в крошечную комнатку близ аптеки, обставленную как кабинет, с низким потолком и обшитыми панелями стенами: на них висело несколько репродукций картин Пьетро Перуджино, а еще там оказалось довольно много книг.

— Боюсь, тут тесновато, но я поселился здесь, чтобы видеть вход в собор. Я думаю, это едва ли не самое прекрасное, что есть в Теркенбери.

Он заставил ее присесть, пока кипятил воду и делал бутерброды. Белла, сначала немного напуганная новизной происходящего, держалась чуть

отстраненно, но полный восторг юноши от ее общества передался и ей, так что она повеселела и успокоилась. Потом ей открылась новая грань его характера: восторг от встречи с прекрасным отступил, и он стал вести себя совершенно нелепо, по-мальчишески. Он заливался звонким смехом и теперь, когда мисс Лэнгтон была у него в гостях, чувствовал себя более непринужденно и свободно рассуждал на сотни тем, которые одна за другой приходили ему на ум.

— Хотите сигарету? — спросил он, едва они допили чай. А когда Белла со смехом отказалась, поинтересовался: — Вы ведь не против, если я закурю? После этого я буду еще красноречивее.

Он придвинул стулья к открытому окну, чтобы открылся вид на массивные каменные стены, и, как будто знал Беллу всю свою жизнь, продолжал болтать без умолку. Но когда она в конце концов поднялась, чтобы уйти, его взгляд стал тусклым и печальным.

— Мы ведь увидимся снова, правда? Я не хочу терять вас теперь, когда столь странным образом вас нашел.

По сути, он просил мисс Лэнгтон назначить ему свидание, а дочь декана уже забыла о всякой осторожности.

— Осмелюсь предположить, что мы когда-нибудь увидимся в соборе. — Как и свойственно женщине, она собиралась дать ему все, что он хочет, но не желала сдаваться слишком быстро.

— О, так не пойдет, — не отступал он. — Я не могу ждать встречи с вами целую неделю.

Белла улыбалась ему, а он жадно заглядывал ей в глаза, держа ее за руку, очень крепко, как будто и не думал отпускать, пока она не пообещает ему хоть что-нибудь.

— Давайте прогуляемся завтра по окрестностям, — предложил он.

— Прекрасно, — ответила она, убеждая себя, что нет ничего плохого в прогулке с юношей на двадцать лет моложе ее. — Я буду у Западных ворот в половине шестого.

Но вечер вернул мисс Лэнгтон благоразумие, и она отправила ему записку, в которой сообщала, что забыла о ранее назначенной встрече, и выражала опасения, что не сможет прийти. И все же ее терзали сомнения, и она не один раз упрекнула себя, что исключительно из-за своей застенчивости может доставить Герберту Филду горчайшее разочарование. Она софистически говорила себе, что из-за неспешной воскресной доставки письмо, наверное, до него не дошло. И,

опасаясь, что он придет к Западным воротам и не поймет причины ее отсутствия, она убедила себя все же появиться там и объяснить лично, почему хотела отложить обещанную прогулку.

Западные ворота представляли собой старую живописную каменную кладку, которая в былые дни отмечала внешнюю границу Теркенбери. И даже теперь, несмотря на дома, выросшие с одной стороны, дорога, которая сворачивала налево, вела прямо в деревню. Когда Белла пришла, чуть раньше назначенного времени, Герберт уже ждал ее. В своей соломенной шляпе он казался еще моложе.

— Разве вы не получили мою записку? — спросила она.

— Получил, — ответил он улыбаясь.

— Тогда почему пришли?

— Просто решил, что вы можете передумать. Я совсем не поверил в вашу встречу. Я так сильно хотел вас увидеть, что вообразил, будто и вы не сможете удержаться. Я чувствовал: вы должны прийти.

— А если бы я не пришла?

— Что ж, подождал бы… Не капризничайте. Взгляните на солнце, которое зовет нас за собой. Вчера перед нами лежали серые камни собора,

сегодня — зеленые поля и деревья. Вы разве не слышите восхитительный шепот западного ветра?

Белла взглянула не него и не смогла устоять перед пылкой притягательностью его глаз.

— Полагаю, мне следует принять ваше приглашение, — ответила она.

И они вместе отправились в путь. Мисс Лэнгтон была убеждена, что ее интерес обусловлен лишь материнскими чувствами, как к какому-нибудь сироте, которого она кормила желе с ложечки. Она и не подозревала, что Купидон, хохоча над ее отговорками, весело танцевал вокруг них и выпускал серебряные стрелы. Они брели вдоль тихой речушки, которая текла к северу и впадала в море в тени густых ив. Природу в тот июльский день переполняла свежесть и запахи: скошенное сено, высыхая, источало удивительный аромат, и даже птицы молчали.

— Я рад, что вы живете в доме декана, — сказал он. — Буду с удовольствием представлять, как вы сидите в этом прекрасном саду.

— Вы когда-нибудь его видели?

— Нет. Но могу вообразить, что скрывается за старой красной стеной — тенистые газоны под сенью розовых кустов. Должно быть, там сейчас

тысячи роз.

Декан был известен как большой поклонник этого королевского цветка, его цветы на местной ярмарке удивляли весь город. Прогулка продолжалась, и вскоре полусознательно, словно пытаясь укрыться от жестокого мира, Герберт взял ее под руку. Белла вспыхнула, но не отважилась отстраниться — ей странным образом льстила его уверенность. Она очень осторожно задавала ему вопросы, и он удивительно просто рассказывал, как долго его родители бились за то, чтобы дать ему образование, лучшее, чем у людей его круга.

— Тем не менее, — произнес он, — все не так плохо, как я думал. Работа в банке дает мне массу времени, и у меня остаются мои книги и надежды.

— Какие же?

— Иногда я пишу стихи, — ответил он, покраснев от смущения. — Я полагаю, это нелепо, но дает ощущение невероятного счастья. И кто знает? Может, когда-нибудь я создам что-то, чему не дадут умереть в забвении…

Позже, когда Белла отдыхала на ступеньках, а Герберт стоял рядом, он поднял на нее взгляд и, поколебавшись, произнес:

— Я хочу вам кое-что сказать, мисс Лэнгтон. Но я очень боюсь… Вы ведь не бросите меня теперь, правда? Теперь, когда я нашел друга, я не могу позволить себе потерять его. Вы не знаете, как для меня важно, когда есть человек, с которым можно поговорить, человек, который добр ко мне. Я часто чувствую себя ужасно одиноким. А вы внесли такое разнообразие в мою жизнь! За последнюю неделю все как будто изменилось.

Она серьезно посмотрела на него. Неужели он не понимал, что тоже изменил ее жизнь? Она не могла сказать, какие чувства поднимались в ее груди, когда эти прекрасные голубые глаза так умоляли ее о том, что она с готовностью хотела ему дать.

— Мой отец собирается в Линэм в среду, — произнесла она наконец. — Когда закончите работу, придете ко мне на чай в наш сад?

Она почувствовала, что ей воздалось сторицей, увидев счастье в его глазах.

— Я больше ни о чем не смогу думать до тех пор.

Мисс Лэнгтон поняла, что постоянное беспокойство, как ни удивительно, покинуло ее. Жизнь больше не казалась однообразной, а запестрела новыми волшебными красками, ей все стало ин-

тересно, дневная рутина превратилась скорее в удовольствие, чем в обязанность. Она повторяла себе все восхитительные и непоследовательные высказывания нового знакомого, приходя к выводу, что их беседа приятным образом отличалась от церковных дебатов, к которым она привыкла. В капитуле культивировался утонченный вкус, а вторая жена архидиакона написала роман, который обернулся бы страшным позором, если бы не ее особое положение и явные высокоморальные цели. Младшие каноники с энтузиазмом говорили о Королевской академии. Но Герберт рассуждал о книгах и картинах так, словно искусство — это живое существо, необходимое ему как хлеб и вода. А Белла, чувствовала, что ее эстетические взгляды, которые ей привили в качестве элемента хорошего воспитания, были слишком общи и банальны, и она с величайшим интересом слушала его пылкие излияния.

В среду она казалась почти красивой, когда в летнем муслиновом платье и большой шляпе вышла в сад, где под зеленым деревом уже лежали чайные принадлежности. Мисс Ли могла бы саркастически улыбнуться, заметив, с каким старанием дочь декана расставила мебель, чтобы занять наиболее выигрышное положение. Уеди-

ненность, спокойная красота сада подчеркивали ребячество Герберта, а его приятный смех, звеня, проникал в самое сердце Беллы. Глядя, как удлиняются тени, они говорили об Италии и Греции, о поэтах и цветах, и наконец, устав от серьезности, они принялись с легким сердцем нести сущую чепуху.

— Знаешь, я больше не могу называть тебя мистером Филдом, — заявила Белла улыбаясь. — Я должна называть тебя Гербертом.

— Если так, то я буду называть тебя Белла.

— Не уверена, что для тебя это обязательно. Понимаешь, я ведь уже почти как древнее ископаемое, так что для меня вполне естественно обращаться к тебе по имени.

— Зато я не могу позволить, чтобы у тебя было передо мной хоть какое-то преимущество. Мы должны оставаться друзьями на равных правах, и меня абсолютно не волнует, что ты старше меня. К тому же в мыслях я всегда называю тебя Беллой.

Она снова улыбнулась, бросив на него нежный взгляд:

— Что ж, полагаю, я должна согласиться.

— Конечно.

Он вдруг схватил обе ее руки и, прежде чем

она догадалась, что он собирается сделать, расцеловал их.

— Не делай глупостей! — воскликнула Белла, поспешно вырвав руки, и покраснела до корней волос.

Увидев, как она смутилась, он по-мальчишески расхохотался:

— О, я вогнал тебя в краску!

Его голубые глаза сияли, он был в восторге от своей выходки. Он и не знал, что потом у себя в комнате Белла, чувствуя, как следы от поцелуев до сих пор горят огнем у нее на руках, горько плакала, словно у нее вот-вот разорвется сердце.

4

Когда мисс Ли вошла в гостиную, она обнаружила всегда пунктуального декана, уже одетого к ужину и имевшего безукоризненный вид в шелковых чулках и туфлях с пряжками. Наконец появилась и Белла в печальном великолепии черного атласа.

— Сегодня утром я отправился на Холиуэлл-стрит, чтобы заглянуть в книжные магазины, — сказал декан. — Но Холиуэлл-стрит больше не существует. Лондон уже не такой, как раньше, Полли. Каждый раз, когда я приезжаю, оказывается, что старые здания исчезли, а старые друзья разбрелись кто куда.

Он с тоской размышлял о приятных часах, которые провел, перебирая подержанные книги, когда запах тлеющих переплетов ударял ему в нос. В новых магазинах, куда переехали торговцы-евреи, не чувствовалось той старой пыльной небрежности, полки казались слишком безупречными и аккуратными, а праздного зеваку встречали с куда меньшим радушием.

Доложили о прибытии миссис Барлоу-Бассетт с сыном. Она была высокой представительной

женщиной с острым взглядом и уверенной походкой. Ее седые волосы, густые и кудрявые, уложенные в сложную прическу, напоминали о моде восемнадцатого века, а стиль одежды, соответствующий моде того времени, делал ее похожей на натурщицу сэра Джошуа Рейнольдса. Ее движения отличались некой упрямой решительностью, и спину она держала прямо, с изяществом, свойственным женщине, которую воспитывали, когда умение держать осанку еще было частью девичьего образования. Она неимоверно гордилась своим сыном, высоким крепким парнем двадцати двух лет, с черными волосами, не менее ухоженными, чем у его матери, и с исключительно красивым лицом. Ширококостный, но не мускулистый, темноволосый, с большими карими глазами, прямым носом, смуглой кожей и полными чувственными губами, он казался невероятно привлекательным и прекрасно об этом знал. Он был добродушным ленивым созданием, апатичным, как гурия, беспринципным и лживым, которого сама мать своим бесконечным восхищением подталкивала к неискренности.

Оставшись вдовой с весьма солидным состоянием, миссис Барлоу-Бассетт посвятила жизнь воспитанию единственного сына, и ей нравилось

думать, что до сих пор ей успешно удавалось оберегать его от познания добра и зла. Она хотела, чтобы, помимо матери, он видел в ней друга и наперсника, и хвасталась, что он еще ни разу не скрыл от нее ни один свой поступок и ни одну свою мысль.

— Сегодня вечером я хочу поговорить с мистером Кентом, Мэри, — сказала она. — Он ведь барристер, правда? А мы только что решили: Реджи лучше всего пойти в юристы.

Несмотря на всю красоту военной формы, Реджи не собирался связывать жизнь с армейской карьерой, а также с презрением относился к мысли пойти по коммерческому пути, который позволил его отцу заработать целое состояние. Зато он был готов смириться с юриспруденцией — профессией, более достойной джентльмена. Он смутно представлял, что ему придется посетить еще целое множество скучных ужинов, и эта перспектива его нисколько не беспокоила. И он воображал, как впоследствии, облачившись в парик и мантию, будет разглагольствовать перед присяжными к восхищению всех и вся.

— Вы сядете рядом с Бэзилом, — ответила мисс Ли. — Фрэнк Харрелл подвинется.

— Уверена, Реджи станет хорошим юристом, и я

смогу удержать его подле себя в Лондоне. Знаете, он никогда не доставлял мне хлопот, и иногда я даже горжусь, что сумела воспитать его таким добрым и непорочным. Но мир полон соблазнов, а он невероятно хорош собой.

— Он очень привлекателен, — согласилась мисс Ли, поджав губы.

Она решила, что совсем не разбирается в людях, если Реджи и правда является таким добродетельным существом, как полагает его мать. Чувственность, заметная в выражении его лица, позволяла предположить, что плотские грехи ему не чужды. А лукавый взгляд темных глаз подтверждал, что он не отличается и чрезмерной скромностью.

Бэзил Кент и доктор Харрелл, встретившись на пороге, вошли вместе. Именно Фрэнка Харрелла мисс Ли описала как самого забавного человека из всех ее знакомых. Его широкие плечи и массивный торс казались слишком крупными для его роста, и у него был повод позавидовать длинным ногам Реджи Бассетта; да и лицо его не отличалось красотой: брови казались тяжеловатыми, а челюсть — слишком квадратной, зато глаза были выразительными, порой насмешливыми или суровыми, хотя на некоторых

смотрели с невероятной добротой, а в его низком звучном голосе слышалась убедительность, силу которой он прекрасно осознавал. За маленькими черными усами скрывался подвижный красиво очерченный рот и великолепные зубы. Он создавал впечатление сильного человека с непростым характером и явно обладал умением владеть собой. Молчаливый в присутствии незнакомцев, он приводил их в замешательство холодным безразличием, и хотя друзья знали, что на него можно положиться в любой ситуации, и не скупились на похвалу, многие обвиняли его в высокомерии. Чтобы поразить всех и вся, он не особенно старался скрывать нетерпимость к любым проявлениям глупости. Мисс Ли его рассуждения представлялись интересными, однако те, к кому он по какой-то причине не испытывал интереса, находили его рассеянным и нелюдимым.

Он казался человеком исключительно сдержанным, и лишь немногие знали, что за напускным спокойствием Фрэнка Харрелла скрывалась весьма темпераментная натура. Он считал это слабостью и специально натренировался не выдавать своих чувств; но чувства-то остались, бурлящие и переполняющие душу. И он категорически не доверял своим суждениям, которые

было так легко увести в сторону с узкой тропинки логики. Он держал рядом с собой часы, которые никогда не переставали тикать, словно он постоянно чего-то ждал, возможно, освобождения от неких оков. Он чувствовал себя рабом живого воображения и понимал, что все это идет вразрез с наслаждением самой жизнью, которая, если верить его философии, была единственным концом бытия. И все же его страсти носили скорее умственный, чем телесный характер, а его дух постоянно подталкивал плоть к поступкам, в которых он не находил ничего, кроме разочарования. Его главным стремлением был поиск истины, и, к величайшему презрению мисс Ли (ведь она прекрасно себя чувствовала, неизменно в чем-то сомневаясь, и всегда обозначала отношение к жизни легким пожиманием плеч), он стремился к определенности с рвением, которое другие мужчины берегли для любви, или славы, или обогащения. Но все его поиски не увенчались успехом. Убежденный, что после этой жизни его ничего не ждет, он старался максимально использовать каждое ее мгновение.

И все же казалось нелепым, что многочисленные усилия, само течение времени, загадочные совпадения событий, противостояние мира и че-

ловека ни к чему не ведут. Он не мог избавиться от мысли, что во всем этом должен скрываться какой-то смысл, и, чтобы отыскать его, изучал различные науки и философию с неистовой страстью, которая показалась бы его коллегам в больнице Святого Луки — достойным специалистам, не видящим ничего дальше предметного стекла микроскопа, — необычной и почти безумной.

Но лишь человек с хорошо развитым воображением мог бы заметить в докторе Харрелле следы внутренней борьбы, в которой было не меньше ярости, чем в неистовом гневе, свойственном людям более практичным. Он был в отличном расположении духа и, пока они ждали остальных гостей, разговаривал с мисс Ли.

— Разве не мило с моей стороны, что я все же пришел? — спросил он.

— Вовсе нет, — ответила она. — Такому жадному человеку, как вы, куда приятнее съесть мой прекрасный ужин, чем довольствоваться плохо прожаренной котлетой в своей съемной квартире.

— Какая черная неблагодарность! Во всяком случае, как гость, приглашенный взамен другого, я не обязан развлекать соседа и могу полностью

посвятить себя удовольствию вкусно поесть.

— Вспоминаю одного своего друга… Сорок лет назад люди были не так вежливы и куда более забавны. Когда его соседка по столу сделала одно весьма глупое замечание, он закричал: «Вернитесь лучше к своему супу, мадам!»

— Расскажите мне, кто еще придет, — попросил Фрэнк.

— Миссис Кастиллион, но она безобразно опаздает. Она полагает, это модно, а лондонские аристократы предпринимают все возможные меры предосторожности, чтобы не показаться провинциальными. Еще придет миссис Мюррей.

— Вы до сих пор хотите, чтобы я женился на ней?

— Нет, — со смехом ответила мисс Ли. — Я махнула на вас рукой. Хотя с вашей стороны было некрасиво обзывать меня карманным воришкой за то, что я сватала вам представительную вдову с доходом в пять тысяч в год.

— Только подумайте о невыносимой скуке семейной жизни, и, как бы там ни было, Боже меня упаси от жены-интеллектуалки. Если я вообще когда-то женюсь, то на своей кухарке.

— Лучше вам не повторять мои шутки, Фрэнк… По правде говоря, если я не ошибаюсь, миссис

Мюррей решила выйти замуж за нашего друга Бэзила.

— О! — только и ответил Фрэнк.

Мисс Ли заметила, что в его взгляде промелькнула грусть, и пристально на него посмотрела.

— Разве вы не считаете, что для нее это весьма подходящий вариант?

— У меня нет определенного мнения по этому вопросу, — парировал Фрэнк.

— Интересно, что вы хотите этим сказать. Бэзил беден, и привлекателен, и умен, а миссис Мюррей всегда питала слабость к образованным мужчинам. Вот что самое плохое в браке с кавалеристом — начинаешь придавать слишком большое значение уму.

— А капитан Мюррей был полнейшим дураком?

— Мой дорогой Фрэнк, следует спрашивать не о высоком интеллекте военного, а о том, умеет ли он играть в поло. Капитан Мюррей совершил два мудрых поступка в своей жизни: он составил завещание, по которому его жена унаследовала большое состояние, а потом быстро отбыл в места, где глупость, очевидно, не считается недостатком.

Мисс Ли — в целях особого назидания для

Беллы — также пригласила самого модного церковника в Лондоне, преподобного Коллинсона Фарли, викария Церкви всех душ[7] на Гросвенор-сквер, и ее весьма позабавило, какое выражение лица принял презиравший священника Фрэнк Харрелл, когда объявили о прибытии этого джентльмена. Мистер Фарли был человеком среднего роста, с поседевшими волосами с металлическим отливом, которые он тщательно расчесывал, и отличался весьма изящным профилем. Его руки с безупречным маникюром казались изнеженными и красивыми, а пальцы были унизаны дорогими перстнями. Он любил бывать в хорошем обществе и мог позволить себе, повинуясь собственным пристрастиям, тщательно выбирать друзей. Дворянская корона не могла поразить человека, который понимал, насколько бренно земное положение в сравнении с земными богатствами. Бедность он мог простить лишь герцогине, ибо в земляничных листьях[8], даже пожухших и увядших, которые

---

[7] Примечания: 7

Церковь всех душ построена в Лондоне в неоклассическом стиле в 1822–1824 гг.

[8] Примечания: 8

Земляничные листья символизируют титул герцога, что связано с эмблемой в виде земляничных листьев на герцогской короне.

венком ложатся на покрытое морщинами чело почтенной вдовы, остается нечто, что внушает уважение даже самым дерзким. Его обходительность и умение вести интеллектуальные беседы снискали ему могущественных друзей еще в те времена, когда он был всего лишь пастором в одном графстве. И благодаря их влиянию ему наконец представилась возможность перейти в сферу, где его таланты к общению были оценены по достоинству. Благородство служителя церкви, как грехи отцов, может передаваться вплоть до третьего и четвертого поколения, поэтому очевидно, что человек, дед которого был епископом, не мог жаловаться на отсутствие хороших манер. Есть неотъемлемые качества, которых не отнять у воспитанного человека, который родился в резиденции епископа.

Миссис Кастиллион, которая, по заявлениям хозяйки должна была опоздать больше всех, наконец появилась.

— Надеюсь, я не опоздала, мисс Ли, — сказала она, вытянув обе руки и явно стараясь этим жестом обратить на себя внимание.

— Не особенно, — ответила хозяйка. — Помня о вашей непунктуальности, я предусмотрительно пригласила вас на полчаса раньше всех осталь-

ных.

Торжественной процессией компания двинулась в гостиную, и мистер Фарли с удовлетворением осмотрел стол.

— Я всегда полагал, что красиво накрытый стол воистину представляет собой одно из величайших художественных произведений современной цивилизации, — произнес он, обратившись к соседу.

И его взгляд стал блуждать по гостиной, в меблировке которой он заметил приятную его глазу, но при этом сдержанную роскошь. Мистер Фарли бывал здесь еще во времена мисс Дуоррис и обратил внимание, что ее портрет исчез с привычного места.

— Я вижу, вы убрали ту великолепную картину с изображением бывшей хозяйки этого дома, мисс Ли, — сказал он, изящно махнув рукой и сверкнув кольцами на пальцах.

— Я не могла по три раза в день принимать пищу под ее пристальным взглядом, — ответила хозяйка. — Еще свежи воспоминания о ее ужинах: она кормила меня шелухой и желудями, как блудную дочь, и потчевала описаниями мук, которые ждут меня в загробной жизни.

Декан посмотрел на мисс Ли с ласковым укором.

И хотя часто ругал ее за прочитанные книги или легкомысленные речи, он всегда благосклонно относился к иронии, с которой она комментировала его маленькие проповеди.

— Вы совсем немилосердны, Полли, — заметил он. — Конечно, с Элизой было трудно жить, но от других она требовала не меньше, чем от себя самой. Я всегда восхищался ее безупречным чувством долга. Это кажется поразительным в наше время, когда все живут исключительно ради собственного удовольствия.

— Возможно, мы не так добродетельны, как наши отцы, Элджернон, — ответила мисс Ли. — Зато с нами намного легче. В конце концов, сорок лет назад люди вообще были невыносимы: они открыто высказывали свое мнение, что просто отвратительно, отличались мерзейшими характерами и пили намного больше, чем следовало. Я всегда думала, что мой отец являлся типичным представителем той эпохи. Приходя в ярость, он называл это справедливым гневом, а если я делала что-то вопреки его воле, то страдал от «добродетельного негодования». Вы знаете, что до пятнадцати лет мне не позволяли пробовать сливочного масла, так как предполагалось, что это повредит моей фигуре и душе? Я росла ис-

ключительно на застывшем жире и Джереми Тейлоре[9]. Мир представал в виде опасного пути, на котором полно капканов и ловушек, а за каждым углом и поворотом вздымаются вулканы, исторгающие едкий дым адского огня.

— Это был век тирании и депрессии, — заявил Фрэнк, — век старых джентльменов, которые отличались властолюбием, и молодых дам, которые падали в обморок.

— Уверена, теперь люди не так добры, как раньше, — сказала миссис Бассетт, бросив взгляд на сына, весьма увлекшегося разговором с миссис Кастиллион.

— Они никогда таковыми и не были, — ответила мисс Ли.

— Людская извращенность могла бы сделать из меня язычника, — вставил декан своим приятным низким голосом, — если бы не противодействующая сила Божественного провидения, что отражается в творениях самой природы.

Тем временем Реджи Бассетт получал от ужина гораздо большее удовольствие, чем рассчитывал. Он обнаружил, что ему досталось место рядом с

---

[9] Примечания: 9

Джереми Тейлор (1613–1667) — английский священник и писатель, мастер проповеднического красноречия, повлиявший на прозу английского романтизма.

миссис Кастиллион, и, удобно устроившись, принялся бесстыдно ее изучать. Мельком взглянув на него, она поняла, что мальчик красив, а когда поняла, что у него на уме, решила предоставить ему возможность рассмотреть все свои достоинства, не ограничивая его во времени, и бойко заговорила с другим соседом по столу. В конце концов она повернулась к Реджи.

— Ну и что, вы удовлетворены результатами? — спросила она.

— Чего?

— Вашего осмотра?

Она весело улыбнулась, бросив быстрый и задорный взгляд на него.

— Вполне, — ответил он с улыбкой, ничуть не смутившись. — Моя мать уже думает, что мисс Ли не следовало позволять мне сидеть рядом с вами.

Миссис Кастиллион была энергичным созданием. Маленькая и хрупкая, как статуэтка пастушки из дрезденского фарфора, она обладала живым темпераментом и разговаривала громким визгливым голосом. Одним быстрым резким движением она постоянно откидывалась на спинку стула, чтобы громогласно расхохотаться над словами Реджи. И, обнаружив, что с ней

можно зайти очень далеко без риска нанести оскорбление, юный красавец принялся рассказывать ей коротенькие скабрезные истории низким вкрадчивым голосом, глядя ей в глаза с нахальной дерзостью человека, осознающего свою власть. Это был завораживающий взгляд коварного сердцееда, и такому взгляду бесстыдство лишь придает очарования. Распутница в глубине души чувствует, что скромная претенциозность здесь вовсе ни к чему, и с нескрываемой радостью спускается с пьедестала, на который ее поставили по глупости. У миссис Кастиллион было маленькое худое лицо, покрытое толстым слоем пудры, с довольно высокими скулами, ее волосы, уложенные в затейливую прическу, отличались неестественной белизной, что только придавало Реджи уверенности, ведь он достаточно общался с противоположным полом, чтобы понять: с подобными женщинами гораздо легче наладить контакт, чем с другими. Он нашел свою соседку весьма привлекательной, несмотря на тридцатипятилетний возраст. А несколько потускневший облик худощавой блондинки уравновешивался великолепием ее драгоценностей и роскошью платья: вырез был таким глубоким, что Белла, сидевшая на другом конце стола, наивно задава-

лась вопросом, как оно вообще держится на его обладательнице.

Когда мужчин оставили одних, чтобы покурить, Реджи, налив третий бокал портвейна, подвинул стул ближе к Харреллу.

— Надо же, Фрэнк! — воскликнул он. — Какую милую дамочку посадили рядом со мной, правда?

— Вы никогда раньше не встречали миссис Кастиллион?

— Никогда! Вот это женщина! Удивительно! Я думал, этот ужин будет смертельно скучным: разговоры о политике и религии и прочей ерунде. Мать вечно заставляет меня посещать такие мероприятия, поскольку считает, что здесь ведутся интеллектуальные беседы. Боже мой!

Фрэнк рассмеялся при мысли о том, что миссис Барлоу-Бассетт рассчитывала совсем на другое, принимая предложение мисс Ли.

— Но миссис Кастиллион очень даже ничего, скажу я вам. Настоящая плутовка! И она не возражает против комплиментов… Пожалуй, она совсем не похожа на леди.

— По вашему мнению, это лестный отзыв?

— Так ведь леди весьма скучны, разве нет? Раз-

говариваешь с ними об «Академии»[10] и прочей чепухе, да еще следишь, чтобы не выругаться ненароком. Возможно, леди хороши для брака, но, честное слово, если хочется хорошо провести время, я предпочитаю женщин чуть пониже рангом.

Чуть позже, на лестнице, когда они поднимались в гостиную, Реджи взял Фрэнка под руку.

— Прошу вас, старина, не выдавайте меня, если мама поблагодарит вас, что вы пригласили меня на ужин в субботу.

— Но я вас не приглашал. К тому же я не имею ни малейшего желания ужинать с вами в этот день.

— Боже правый! Вы думаете, я сам горю желанием прийти, чтобы обсуждать жуков и пауков? Не особенно! Я собираюсь поужинать с одной знакомой девчушкой — машинисткой и, по правде говоря, моей сердечной подругой. Восхитительное создание, скажу я вам.

— Я не пойму одного: с какой стати ради вашего желания развлечь молодую даму, работа которой связана с печатной машинкой, я должен подвергать опасности свою бессмертную душу?

---

[10] Примечания: 10
Один из старейших кинотеатров Лондона, закрыт в 1922 г.

Реджи рассмеялся:

— Не будьте ослом, Фрэнк, вы могли бы мне помочь. Вы не представляете, как омерзительно жить с матерью вроде моей. Она всеми силами пытается привязать меня к своей юбке. Заставляет рассказывать ей обо всем, что я делаю, и, конечно, мне приходится сочинять всякую чушь. Хорошо только то, что она готова принять на веру любую ложь, которую от меня слышит.

— Можете врать ей до посинения, — заявил Фрэнк, — но не понимаю, какого дьявола это должен делать я!

— Не будьте чудовищем, Фрэнк. Вы могли бы посодействовать мне хоть на этот раз. Вы ведь не пострадаете, если скажете ей, что я ужинаю с вами. Недавно вечером, Боже мой!.. Я чуть не попался! Вы знаете, что она всегда ждет меня дома и не ложится спать? Я сказал ей, что буду заниматься допоздна с репетитором, а сам отправился в варьете «Эмпайр». Там я встретил знакомых и немного выпил. Мог бы разразиться скандал, если бы она это заметила, но мне удалось убедить ее, что у меня просто дьявольски болит голова. А на следующий день я услышал, как она рассказывает кому-то, что я чуть ли не трезвенник.

Они дошли до гостиной, и Фрэнк оказался ря-

дом с миссис Бассетт.

— О, доктор Харрелл, — сказала она, — хочу выразить вам огромную благодарность за то, что вы пригласили Реджи на ужин в субботу. Он так много работал в последнее время, что небольшой отдых ему не повредит. А репетитор иногда задерживает его до одиннадцати. Позапрошлой ночью он настолько устал, что, вернувшись, едва смог подняться по лестнице.

— Я просто счастлив, что иногда Реджи находит время поужинать со мной, — ответил Фрэнк довольно мрачно.

— Мне всегда приятно думать, что он с вами. Это так важно, чтобы у молодого человека были действительно надежные друзья, а я уверена, вы оказываете на него положительное влияние.

Услышав это, Реджи с многозначительным видом подмигнул Фрэнку, а потом с легким сердцем возобновил беседу с миссис Кастиллион.

5

Наконец все гости мисс Ли, за исключением Фрэнка Харрелла, пожелали ей спокойной ночи. Он же не собирался последовать их примеру.

— Вы пока не намерены ложиться, правда? — спросила она у декана. — Пойдемте в библиотеку.

Фрэнк взял из ящика трубку и, набив табаком из уже подготовленной табакерки, присел. Мисс Ли, заметив изумление Беллы, объяснила:

— Фрэнк хранит здесь трубку и заставляет меня покупать его любимый табак. Одно из преимуществ старости заключается в том, что можно коротать предрассветные часы в беседах с молодыми мужчинами.

А когда он тоже ушел, мисс Ли, старомодная хозяйка, беспокоившаяся за комфорт своих гостей, проводила Беллу в ее комнату.

— Надеюсь, вам понравился мой маленький прием, — сказала она.

— Очень, — ответила Белла. — Но зачем вы приглашаете миссис Кастиллион? Она ведь такая заурядная…

— Моя дорогая, — с иронией произнесла мисс

Ли, — ее муж — весьма важный человек в Дорсетшире, а ее собственной семье посвящена целая страница в «Библии джентльменов» или «Списке поместных дворян».

— Никогда не подумала бы, что она имеет отношение к аристократам, — серьезно сказала Белла. — Мне она показалась очень вульгарной.

— Она действительно очень вульгарная, — согласилась мисс Ли. — Но это такая вульгарность, которую принято считать признаком аристократизма. Разговаривать слишком громко, смеяться, как водитель автобуса, употреблять сленг и вычурно одеваться — все это признаки знатной дамы. На Бонд-стрит я часто встречаю женщин с нарумяненными щеками и крашеными волосами, одетых так, как не осмелилась бы и куртизанка, и узнаю законодателей лондонской моды… Спокойной ночи. Не ждите, что увидите меня за завтраком, эту пищу лишь ангелам небесным следует вкушать в компании.

— Пожалуйста, не уходите. Я хочу знать все о мистере Кенте.

Мисс Ли, последовав примеру подруги, удобно устроилась в кресле. Когда мисс Дуоррис утверждала, что добродетельный человек в целях самодисциплины должен каждый день

совершать два действия, которые ему особенно неприятны, мисс Ли беспечно возражала, что она уж точно стоит на пути к вечному блаженству, ибо каждые двадцать четыре часа обязательно делает то, что терпеть не может: встает утром и ложится в постель вечером. Так и сейчас, не торопясь отправляться к себе в комнату, она начала рассказывать мисс Лэнгтон все, что знала о Бэзиле Кенте. На самом деле было неудивительно, что он привлек внимание Беллы, ведь он не только обладал интересной внешностью, но и умудрялся носить традиционную вечернюю одежду англичанина с подобающим изяществом. И все же его романтический образ позволял предположить, что броня флорентийского рыцаря подошла бы ему больше. Он был пропорционально сложен, его ладони — ухожены и аккуратны, а вьющиеся удлиненные каштановые волосы оттеняли красивый цвет лица. Темные глаза, худые щеки и полный чувственный рот, на котором лежала печать некой страстной мечтательности, опять же напоминали о лицах с ранних итальянских полотен, на которых дух, кажется, вечно ведет беспрестанную войну с плотью. Для таких людей земля всегда прекрасна, наполнена любовью и борьбой, поэзией и великолепием голубых

небес, но все равно слышится манящий шепот разочарования и веет мрачной тишиной монастыря, даже в красочном вихре королевского двора или загородной резиденции. Никто, глядя на Бэзила Кента, и представить не мог, что его ждет спокойная обеспеченная жизнь. В его карих глазах отражались движения души, одновременно чувственной и аскетичной, импульсивной и рыцарской, и при этом настолько нежной, что все горести и удары судьбы, которым он подвергался, должны были причинять ему двойную боль.

— Так вот, он сын леди Визард, — сообщила мисс Ли.

— Что? — изумилась Белла. — Вы имеете в виду женщину, что участвовала в том отвратительном деле пять лет назад?

— Да. Потом он был в Оксфорде, где они с Фрэнком стали близкими друзьями. Именно через Фрэнка я и познакомилась с ним. Его отец, кузен нынешнего Кента Оусли, умер, когда он был еще ребенком, и Бэзила воспитывала бабушка, потому что его мать вскоре после смерти супруга вышла замуж за лорда Визарда. Она до сих пор привлекательна. А в те времена она была невероятно красива, ее фотографии висели во всех витринах: пора ее расцвета совпала с появлением

моды среди молодых мужчин скупать портреты знаменитых красавиц, с которыми они не были знакомы. И скромнейшие из женщин вовсе не стыдились, что их портреты висят в каждом магазине канцелярских товаров или украшают каминную полку платонически настроенного продавца. Тогда подробности жизни леди Визард мгновенно попадали в газеты, которые освещают светскую хронику, а ее модные званые вечера толпами посещали самые известные люди Лондона. Ее всегда можно было увидеть на скачках в толпе поклонников, разумеется, для нее была выделена ложа в опере, а в Хомбурге[11] она привлекала внимание самых августейших особ.

— А мистер Кент когда-нибудь ее видел? — спросила Белла.

— Раньше он проводил с ней часть отпуска, и она поражала его, как поражала и всех остальных. Фрэнк рассказывал мне, что Бэзил просто боготворил мать, он всегда питал страсть к красоте и неимоверно гордился ее великолепной внешностью. Раньше я периодически встречала ее на приемах, и она показалась мне одной из самых роскошных женщин, которых я когда-либо

---

[11] Примечания: 11
Город в Германии.

видела. У меня такое впечатление, что примерно так должна была выглядеть мадам де Монтеспан[12].

— А она любила сына?

— По-своему. Естественно, она не хотела, чтобы он крутился подле нее. Она удивительным образом долго сохраняла моложавый вид. Лорд Визард был младше ее, и ей не особенно хотелось показывать почти взрослого сына. Поэтому она была очень довольна, когда старая миссис Кент, которую она презирала, взялась приглядывать за ним. А когда он приезжал в гости, она наполняла его карманы деньгами, водила в театр каждый вечер и всячески его развлекала. Осмелюсь сказать, она также была довольна его внешностью, поскольку в шестнадцать он, наверное, уже был красивее греческого эфеба. Но если бы он когда-нибудь проявил признаки чрезмерной привязанности, я сомневаюсь, что леди Визард стала бы его поощрять. После Хэрроу[13] он отправился в Оксфорд, и Фрэнк, человек весьма

---

[12] Примечания: 12

Имеется в виду известная своей красотой фаворитка короля Франции Людовика XIV.

[13] Примечания: 13

Имеется в виду школа Хэрроу — элитная частная школа для мальчиков.

наблюдательный, рассказывал мне, что Бэзил был простодушным мальчиком, до нелепости открытым и честным и никогда не таил секретов от других. Он говорил, не раздумывая, искренне, все, что приходило ему на ум. Разумеется, скандалы долгие годы сопровождали леди Визард. Ее расточительность поражала, хотя Визард не был ни богат, ни щедр. Она делала все, чтобы потратить кучу денег, и ее изумруды явно стоили целое состояние. Даже Бэзил не мог не замечать, сколько мужчин было среди ее друзей, хотя в те редкие недели, которые он проводил с ней и которых ждал с таким нетерпением, она старалась, чтобы он не заметил ничего неприличного. А когда незнакомые джентльмены совали соверены ему в кулак, он клал их в карман, полагая, что сам их заслужил. Ну а теперь я должна идти спать.

Мисс Ли с игривой улыбкой поднялась со стула, но Белла остановила ее:

— Прекратите, Мэри. Вы же знаете, что я хочу услышать конец истории.

— Вы в курсе, что уже второй час ночи?

— Мне все равно, вы должны закончить сейчас.

Мисс Ли, устроив эту маленькую диверсию, снова села и отнюдь не против своей воли про-

должила рассказ:

— Единственное, чем кичился Бэзил, — это своей матерью. Он говорил о ней без умолку и невероятно гордился ее успехами в обществе. Он мог бы поставить на кон свою жизнь, ручаясь за безупречность ее репутации, и когда случилось страшное, он был просто раздавлен. Вы помните это дело, одно из тех, которые чопорная английская публика обсуждает с особым восторгом. На каждом столбе повесили объявление, где огромными буквами написали, что на потеху среднему классу в Доме правосудия сейчас идет развод аристократической семьи с участием не менее четырех лиц. Выходило, что лорд Визард, ошарашенный расточительностью жены, в конце концов подал заявление, в котором указал имена лорда Эрнеста Торренса, полковника Руми, мистера Нормана Винна и некоторых других. По-видимому, в последнее время эта пара отнюдь не наслаждалась супружеским счастьем, так как леди Визард выступила со встречным заявлением, обвинив мужа во флирте с ее собственной горничной и некой миссис Плэттер — дамой, проживавшей в квартире на Шафтсбери-авеню. Обе стороны сражались на этом процессе с величайшей злобой, и целые толпы очевидцев выступили

с показаниями, описывая поведение, которое, как по крайней мере хочется верить, нехарактерно для аристократических особ. Но конечно, вы и сами читали обо всем в подробностях в «Черч таймс», Белла.

— Помню, об этом сообщали в «Стандард», — ответила мисс Лэнгтон. — Но я ничего не читала.

— Целомудренное создание! — воскликнула мисс Ли с легкой улыбкой. — Обычный англичанин не смог бы сохранить уважение к титулованным особам, если бы репортажи о бракоразводных процессах не позволяли ему периодически заглядывать в их частную жизнь… В любом случае от обвинений, которые выдвигали друг против друга лорд и леди Визард, волосы очередного сельского главы семейства тут же вставали дыбом.

Мисс Ли сделала паузу, а потом со спокойной решительностью, как будто посвятила размышлению над этим вопросом массу времени и тщательно все взвесила, продолжила:

— Развод, как вы знаете, может идти по одному из двух сценариев. Достойно — это когда обе стороны равнодушны или напуганы, и произносится лишь то, что необходимо, во избежание последующего вмешательства этого нелепого господина

— адвоката по делам короны. И недостойно — когда в жажде облить грязью человека, которого когда-то торжественно клялись любить до конца дней, разводящиеся приходят к мысли, что им все равно, сколько помоев выльется на них самих. Леди Визард почитала за правило презирать своих мужей и второго ненавидела гораздо больше, чем первого, поскольку ему не хватило приличия умереть через четыре года после свадьбы. Его скупость, скверный характер, несдержанность проявились и при разводе: он привел слуг и заставил дать показания о весьма интимных привычках жены, предоставил перехваченные письма и вызвал в суд торговцев, которые выставляли ему счета за наряды и драгоценности жены. Лорд Визард нанял умнейших уголовных юристов того времени, и на протяжении двух дней его супруга с удивительной сообразительностью, смелостью и находчивостью терпела перекрестный допрос, который сокрушил бы женщину более слабую. Отчасти потому, что она блестяще выдержала схватку, отчасти потому, что с трудом верилось, будто столь изумительное создание могло совершить мерзкие поступки, которые ей приписывал муж, но в большей степени потому, что, казалось, у судей не осталось

иного выбора, кроме как признать выдвинутые обвинения недоказанными. И леди Визард в некотором смысле осталась хозяйкой положения. Об остальном сами можете догадаться.

— Нет, не могу, Мэри. Продолжайте.

— До Бэзила не долетело ни слова о готовящемся разбирательстве, и он впервые узнал о деле из утренней газеты, которую просматривал за яичницей с беконом. Он не верил своим глазам, и, пока читал статью, его скептицизм сменился испугом, а потом и ужасом. Новости изумили и подавили его. Он вспомнил о сотне мелочей, которым, замечая, не придавал значения, и понял, что его мать ничуть не лучше раскрашенной проститутки, продающей свое тело за пятифунтовую банкноту.

— Но откуда все это знаете вы, Мэри? — с сомнением в голосе спросила Белла. — Вы ведь ничего не придумываете?

— Я читала газеты, — ответила мисс Ли несколько резковато. — Многое мне сообщил Фрэнк, а здравый смысл подсказал остальное. Я смею думать, что отчасти разбираюсь в человеческой натуре, и если Бэзил и не чувствовал всего этого, то должен был. Но я никогда не закончу рассказ, если вы и дальше будете меня перебивать.

— Прошу прощения, — смиренно произнесла Белла. — Умоляю, продолжайте.

— Фрэнк, как вы знаете, немного старше Бэзила, он в то время учился в Оксфорде на бакалавра медицины. Он обнаружил, что бедный мальчик подавлен, охвачен стыдом и мечется как загнанный зверек, который пытается скрыться от посторонних глаз. Но Фрэнк сделан из другого теста — он намного тверже, и ему удалось убедить друга вести себя так, словно ничего не случилось, и даже ужинать в общем зале, как обычно. То, что для одного было не очень сложно, для другого казалось невыносимым. Бэзил воображал, что все таращатся на него, словно на нем надето что-то грязное. Он часто хвалился своей чудесной родительницей и полагал, что теперь все его слова с презрением передаются из уст в уста. Газеты сообщали читателям о продолжении этой поучительной истории, свидетели смаковали позорные подробности, а Бэзил, измученный и потерявший сон, не мог скрыть своих страданий. Фрэнк поставил перед ним мучительную задачу, которая оказалась выше его сил, и, не сказав никому ни слова, он сбежал в Лондон. После суда он отправился навестить леди Визард, и что случилось потом, я не знаю. Он никогда больше не возвра-

щался в Оксфорд. В то время как раз шел набор в Имперский йоменский полк, и Бэзил, случайно проходя по Сент-Джеймскому парку, увидел, как мужчины тренируются. Он жаждал уехать из Англии, где, как ему казалось, все презирали его, и тут ему представилась такая возможность: он записался в ряды добровольцев и через месяц поплыл на корабле в Южную Африку.

— В качестве рядового? — спросила мисс Лэнгтон.

— Да. Полагаю, он как-то отличился, потому что ему предложили офицерский чин, но он отказался и вместо этого получил орден за боевые заслуги. Он оставался там три года и не возвращался в Англию, до тех пор пока последний отряд йоменов не отправили на родину. Потом он осел здесь, чтобы подготовиться к поступлению в адвокатуру, и в прошлом году получил право адвокатской практики.

— Он видится с матерью, вы не знаете?

— Полагаю, нет. У него есть небольшой доход — около трех сотен в год, и этого как раз хватает на скромное существование. Я думаю, он стал адвокатом для проформы, а на самом деле хочет писать. Едва ли вам доводилось видеть маленький сборник южноафриканских очерков,

который он выпустил в прошлом году: впечатления о пейзаже и заметки о местных нравах. Книга не имела особенного успеха, но, на мой взгляд, казалась многообещающей. Я припоминаю описание одной битвы — необычное развитие событий, динамика. Он сейчас работает над романом и, осмелюсь предположить, когда-нибудь напишет весьма умную книгу.

— Думаете, он когда-нибудь добьется известности?

Мисс Ли пожала плечами:

— Знаете, чтобы достичь успеха в литературе, нужно обладать некой грубой силой, которая отражается в стиле письма, а я думаю, у Бэзила этого нет. Чтобы действительно управлять людьми и влиять на них, нужно полностью осознавать свои намерения. А обрести это понимание можно лишь в том случае, если в тебе осталась частица обыкновенной глины, из которой слеплен человек… Но теперь мне и правда пора спать. Вы такая болтушка, Белла. Держу пари, вы могли бы продержать меня здесь всю ночь.

Это прозвучало немного жестоко по отношению к Белле, которая за последний час почти не открывала рот.

6

В то самое время, когда две леди обсуждали Бэзила Кента, он сам стоял на мосту над величавыми водами Сент-Джеймского парка и мечтательно созерцал вид, с которым, вероятно, не сравнится ни один из самых прекрасных видов самого прекрасного из всех городов — Лондона: спокойная вода, посеребренная луной, изящные контуры деревьев и здание министерства иностранных дел, помпезное и невозмутимое, образовывали композицию идеальную и не менее продуманную, чем на любой картине Клода Лоррена. Ночь была теплой и благоуханной, небо — чистым, а тишина приносила такое упоение, что, несмотря на суетливое жужжание Пиккадилли, где в этот час царили радость и веселье, оно наводило Бэзила на мысль о спокойном старомодном французском городке. Его сердце билось с неким странным ликованием, ведь наконец он знал наверняка, без всяких сомнений, что миссис Мюррей любит его. Раньше, хотя он и не мог не замечать, что она с удовольствием смотрит на него и с интересом слушает его речи, он не смел надеяться на более теплые чувства. Но когда

они встретились тем вечером, он с удивлением заметил, как она покраснела, когда подала ему руку, и от этого кровь прилила и к его щекам. Он повел ее в зал на ужин, и ее пальцы, словно огнем, жгли его руку. Она говорила мало, но вслушивалась в его слова с особым вниманием, как будто старалась отыскать в них скрытый смысл, а когда их взгляды встретились, она чуть не отпрянула от страха. Но в то же время в ее взгляде было странное нетерпеливое томление, словно ей пообещали нечто чудесное и она отчаянно этого ждала, хотя немного боялась.

Бэзил вспоминал, как миссис Мюррей вошла в гостиную и он восхитился ее грациозной осанкой и приятным шелестом ее длинного платья. Она была высокой женщиной, такой же высокой, как он сам, с неким ребячеством в облике, которое непостижимым образом вплеталось в ее манеру держаться. Ее волосы не были ни темными, ни светлыми, серого цвета глаза лучились нежностью, а улыбка отличалась особенным благодушием, говорившим о хорошем характере. И если в лице и не было явной красоты, то приятное его выражение и бледность кожи создавали вокруг нее ореол пленительной томной грусти, напоминавшей женщин Сандро Боттичелли. Тот

же загадочный взгляд печальных глаз, скрывавший неистовые муки. И та самая грациозность движений, которая уж точно была им присуща. Но Бэзила в миссис Мюррей больше всего привлекала покровительственная чуткость, которую он видел в ней. Она как будто была готова оградить его от всех бед. Это вызывало у него одновременно благодарность, гордость и смирение. Он жаждал сжать ее изящные ладони и поцеловать в губы; он уже чувствовал объятия этих длинных белых рук на своей шее, когда она притянет его к своему сердцу с любовью, отчасти материнской.

Миссис Мюррей никогда еще не выглядела прекраснее, чем в тот вечер, когда стояла в холле, держась идеально прямо, и беседовала с Бэзилом в ожидании коляски. У нее был красивый плащ, и молодой человек сделал ей комплимент, а она, чуть вспыхнув от радости, что он обратил на это внимание, опустила глаза на тяжелую парчу, своим великолепием напоминавшую ткани восемнадцатого века с полотен итальянских мастеров.

— Я купила этот материал в Венеции, — сказала она. — Но чувствую, что почти недостойна его носить. Не смогла устоять, поскольку точно из такого же сделано платье, в котором запечатлели

Екатерину Корнаро[14] на портрете в одной из галерей.

— Только вы и должны его носить, — ответил Бэзил, глядя на нее сияющими глазами. — Любую другую затмила бы такая роскошь.

Она улыбнулась и, покраснев, пожелала ему спокойной ночи.

Бэзил Кент сильно изменился с тех времен, когда был беззаботным юнцом, которого Фрэнк знал в Оксфорде. Тогда он бездумно, как лист на ветру, отдавался каждому нахлынувшему чувству. И недолгая депрессия в случае провала предприятия, в котором он был заинтересован, вскоре сменялась бурной радостью. В те дни жизнь казалась прекрасной и он без запоздалых раздумий мог купаться в ее многоцветии и беспрестанно меняющейся красоте. Уже тогда он ставил перед собой цель писать книги и с плодовитостью и довольно скудной изобретательностью, свойственными молодости, постоянно что-то строчил. Но когда он со стыдом и волнением узнал, что мир груб и жесток, ведь его собственная мать оказалась распутницей, то почувствовал, что

[14] Примечания: 14

Екатерина Корнаро (1454–1510) — знаменитая венецианка, супруга короля Иакова II Кипрского.

никогда больше не сможет ходить с гордо поднятой головой. И все же после первого приступа отвращения Бэзил восстал против своего чувства. Он любил эту несчастную женщину больше всех на свете, и теперь его место уж точно было рядом с ней. Он не желал ни судить ее, ни порицать, а, скорее, помогать и защищать от постыдного унижения. Разве не мог он показать матери, что в жизни есть и более возвышенные материи, помимо восхищения мужчин и развлечений, драгоценностей и красивой одежды? Он решил отправиться к ней и увезти на континент, где они смогли бы спрятаться. Бэзил надеялся найти способ сблизиться с матерью, ведь, несмотря на все свое восхищение, он сильно страдал из-за того, что никогда не мог достучаться до ее души.

Леди Визард проживала в доме мужа на Чарлз-стрит, и примерно в тот день, когда по делу вынесли решение, Бэзил поспешил к ней. Он ожидал, что она будет сидеть у себя в комнате, съежившись, боясь выйти на свет, вся измученная и в слезах. И его нежное сердце, переполненное одной лишь жалостью, начинало кровоточить, когда он думал о ее горе. Он хотел пойти к ней, и поцеловать, и сказать: «Вот я, мама. Давай уедем вместе туда, где сможем начать новую жизнь.

Мир огромен, где-то найдется место и для нас. Я люблю тебя как никогда и постараюсь быть тебе хорошим и верным сыном».

Бэзил позвонил, и дверь открыл дворецкий, которого он знал долгие годы.

— Можно ли увидеть ее светлость как можно скорее, Миллер? — спросил он.

— Да, сэр. Ее светлость до сих пор на обеде. Извольте пройти в столовую.

Бэзил шагнул вперед и тут же заметил несколько шляп на столике в коридоре.

— Здесь гости? — осведомился он удивленно.

Но прежде чем дворецкий успел ответить, из соседней комнаты послышался громкий смех. Бэзил вздрогнул, как будто его ударили.

— У ее светлости прием?

— Да, сэр.

Бэзил в ужасе уставился на дворецкого, не в состоянии понять, что происходит. Он хотел бы расспросить его, но стыдился. Все это казалось слишком чудовищным, чтобы быть правдой. Само присутствие этого слуги было возмутительно, ведь он тоже давал показания на омерзительном суде. Как могла мать спокойно смотреть на льстивое раболепное лицо Миллера? Дворецкий, заметив беспокойство в глазах молодого челове-

ка и его бледность, отвернулся с едва заметным неудовольствием.

— Передайте, пожалуйста, ее светлости, что я здесь и хотел бы поговорить с ней. Я пройду во вторую гостиную. Я полагаю, там больше никто не появится?

Бэзил прождал четверть часа, прежде чем услышал, как дверь столовой открылась и несколько человек, громко переговариваясь и смеясь, стали подниматься по лестнице. Потом зазвенел голос его матери, он звучал четко и уверенно, как всегда.

— Вы все должны удобно устроиться. Мне нужно кое с кем поговорить, и я не разрешаю никому из вас выходить отсюда, пока я не вернусь.

Через мгновение появилась леди Визард. Улыбка еще играла у нее на губах, и подозрения, которые Бэзил все это время гордо отметал прочь, сменились полной уверенностью. Казалось, его мать ничуть не подавлена и не сконфужена, напротив, отлично владеет ситуацией. В ней было не меньше стати и гордости, чем в последний раз, когда они виделись. Он ожидал обнаружить мать во власянице на руинах былой жизни, но

нет: она красовалась в платье Пакен[15], отличавшемся невиданной броскостью, которую могла позволить себе лишь она. Смуглая, с огромными сверкающими глазами и великолепными волосами, она едва не шокировала своей экстравагантной яркостью и обилием самых разных оттенков, словно какая-нибудь цыганка королевских кровей. Ее рост был необычен, фигура — роскошна, и, умея блестяще себя подать, она передвигалась с величием восточной королевы.

— Как мило, что ты приехал, мой дорогой мальчик! — воскликнула она с улыбкой, обнажившей ее красивые зубы. — Полагаю, ты хочешь поздравить меня с победой. Почему же ты не зашел в столовую? Там было так весело. И тебе в самом деле пора немного décrasser[16]. — Она подставила Бэзилу щеку для поцелуя (разумеется, только этого и следовало ожидать от любящей, но при этом современной матери), но он отстранился. Даже его губы побледнели.

— Почему ты не сказала мне, что процесс заканчивается? — резко спросил он.

---

[15] Примечания: 15

Имеется в виду Жанна Пакен (1869–1936), одна из первых французских модельеров.

[16] Примечания: 16

Обтесаться *(фр.)*.

Леди Визард усмехнулась и взяла сигарету.

— Voyons, mon cher[17], на самом деле я решила, что это тебя не касается.

Закурив, она выпустила в воздух два идеальных кольца дыма и принялась наблюдать за сыном с неким высокомерным изумлением.

— Не ожидал, что сегодня ты устроишь праздник.

— Друзья настояли, к тому же мне надо было как-то отметить свой триумф. — Она легко рассмеялась. — Mon Dieu![18] Ты и не представляешь, насколько я была близка к гибели. Ты читал о моем перекрестном допросе? Только он меня и спас.

— Спас от чего?! — с яростью воскликнул Бэзил, и две суровые морщины пролегли между его бровями. — Он спас тебя от позорного бесчестья? Да, я прочел каждое слово. Сначала не мог поверить, что все это правда.

— Et après?[19] — спокойно спросила леди Визард.

---

[17] Примечания: 17
Да ладно, мой дорогой *(фр.).*

[18] Примечания: 18
Боже мой! *(фр.)*

[19] Примечания: 19
А потом? *(фр.)*

— Но это оказалось правдой, и нашлось не менее дюжины человек, которые все подтвердили. О Боже, как ты могла?! Я восхищался тобой больше, чем кем-либо другим… Я подумал о твоем позоре и пришел, желая помочь тебе. Разве ты не осознаешь весь ужас бесчестья? О мама, мама, ты не можешь продолжать в том же духе! Бог свидетель, я не хочу тебя обвинять. Поедем со мной, отправимся в Италию и начнем все заново…

Его пламенная речь в самом разгаре была прервана изумленным холодным взглядом леди Визард.

— Но ты говоришь так, словно я разведена. До чего же нелепо ты себя ведешь! Даже в этом случае, возможно, было бы лучше ненадолго уехать, но и то я приняла бы это с гордо поднятой головой. Ты действительно думаешь, что я сбегу сейчас? Pas si bête, mon petit![20]

— Ты хочешь сказать, что останешься здесь, теперь, когда каждый знает, что ты собой представляешь, когда каждый будет указывать на тебя пальцем на улице и нашептывать остальным все новые и новые грязные подробности? И какими бы грязными они ни были, все это будет

---

[20] Примечания: 20
Как бы не так, мой маленький! *(фр.)*

правдой.

Леди Визард пожала плечами.

— Oh, que tu m'assomes![21] — презрительно бросила она, справедливо гордясь своим французским произношением. — Плохо ты меня знаешь, если считаешь, что я буду прятаться в каком-нибудь захолустном континентальном городке или пополню ряды дам с подпорченной репутацией в declassée[22] обществе Флоренции. Я собираюсь остаться здесь. Буду появляться везде, буду посещать каждый спектакль в театре и опере, ходить на скачки и так далее. У меня есть хорошие друзья, которые меня поддержат, и ты увидишь, что через пару лет я смогу все преодолеть. В конце концов, я сделала ненамного больше, чем все остальные, а если какой-то bourgeois[23] узнал обо мне то, чего не знал раньше, то je men bats l'oeil[24]. Я избавилась от этой свиньи — моего мужа, и только ради этого стоило пройти через

---

[21] Примечания: 21
О, как же ты мне надоел! *(фр.)*

[22] Примечания: 22
Деклассированном *(фр.)*.

[23] Примечания: 23
Буржуа, господин *(фр.)*.

[24] Примечания: 24
Меня это нисколько не волнует *(фр.)*.

суд. В конце концов, он знал, что происходит. Он напал на меня лишь потому, что его испугали мои расходы.

— И тебе не стыдно? — тихо спросил Бэзил. — Ты ни о чем не жалеешь?

— Раскаиваются только глупцы, мой дорогой. А я никогда в жизни не делала ничего, что не повторила бы еще раз, за исключением браков с двумя своими мужьями.

— И ты собираешься остаться здесь, как будто ничего не произошло?

— Не глупи, Бэзил, — устало ответила леди Визард. — Конечно, я не собираюсь жить в этом доме. У Эрнеста Торренса есть миленькая лачужка на Керзон-стрит, и он предложил сдать ее мне.

— Но ты ведь не примешь от него такое предложение, мама. Это было бы слишком вызывающе. Ради Бога, прекрати общаться с этими мужчинами.

— Но не могу же я бросать старого друга лишь потому, что мой муж вызвал его в суд как соответчика.

Бэзил подошел к ней и положил руки ей на плечи:

— Мама, не может быть, чтобы ты говорила это серьезно. Осмелюсь признать, что я недалек,

неловок и не могу как следует облечь свои мысли в слова. Видит Бог, я не хочу читать тебе нравоучений, но разве понятия чести и долга, чистоты и непорочности, да и другие — пустой звук? Не будь так жестока с самой собой. Какое имеет значение, что говорят люди? Забудь об этом, и давай уедем отсюда.

— T'es ridicule, mon cher[25], — сказала леди Визард и помрачнела. — Если ты не можешь предложить больше ничего интересного, то давай отправимся в гостиную... Ты идешь? — Она направилась к двери, но Бэзил ее перехватил.

— Ты никуда не пойдешь. Я все-таки твой сын, и ты не имеешь права себя позорить.

— И что же ты сделаешь, скажи на милость?

Леди Визард улыбнулась, но эта улыбка была последней попыткой скрыть охвативший ее гнев.

— Не знаю, но я что-нибудь придумаю. Если тебе недостает чести, чтобы защитить себя, тогда это сделаю я.

— Ты, нахальный мальчишка, да как ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне?! — возмутилась леди Визард, повернувшись к нему. Глаза

---

[25] Примечания: 25
Ты выглядишь нелепо, мой дорогой *(фр.)*.

ее сверкали. — И чего ты надеешься добиться, когда приходишь сюда и меня поучаешь? Ты несчастный зануда! Я думаю, это у тебя в крови, ведь твой отец еще до твоего появления на свет был занудой.

Бэзил смотрел на нее, и гнев затмевал все другие его чувства: жалость уже испарилась, и он не пытался скрыть негодование.

— О, как же глуп я был, что верил в тебя все эти годы! Я готов был поставить жизнь на то, что ты чиста и невинна. А теперь, когда читаю все эти газеты, где говорится, что присяжные сомневались, я точно знаю: все было правдой.

— Конечно, правдой! — дерзко выкрикнула она. — Каждое слово, но они не могли этого доказать.

— А теперь мне стыдно думать, что я твой сын.

— Тебе и не надо иметь со мной никаких дел, мой хороший мальчик. У тебя есть собственный доход. Ты полагаешь, мне нужен бестолковый, плохо воспитанный дурачок, который будет цепляться за мою юбку?

— Теперь, когда я знаю, какая ты на самом деле, ты приводишь меня в ужас. Я надеюсь, что никогда больше тебя не увижу. Лучше бы моя мать была нищенкой на улице, чем такой, как ты!

Леди Визард дернула шнурок звонка.

— Миллер, — произнесла она, когда появился дворецкий, словно забыла о присутствии Бэзила. — Мне понадобится экипаж в четыре часа.

— Прекрасно, моя леди.

— Вы же знаете, что сегодня я ужинаю не дома, правда?

— Да, моя леди.

Потом она сделала вид, будто вспомнила о Бэзиле, который молча наблюдал за ней, побледнев. Он едва сдерживался.

— Можете проводить мистера Кента к выходу, Миллер. А если он вдруг заглянет снова, скажите, что меня нет дома.

С оскорбительным высокомерием она смотрела на него, когда он уходил, и снова осталась хозяйкой положения.

Затем были три года на мысе Доброй Надежды, потому что Бэзил, не желая возвращаться в Англию, остался там по истечении года службы в армии. Сначала стыд казался невыносимым, и он размышлял об этом день и ночь. Но когда он уехал далеко от Европы, когда наконец ступил на африканскую землю, нести бремя бесчестья стало не так тяжело. Его эскадрон быстро отправили в глубь страны, и тяжелые условия жизни

облегчили страдания его воспаленного ума. Рутина воинской службы, долгие переходы, волнение и новизна утомляли его, так что он спал со спокойствием, которого никогда прежде не знал. А потом началась изнурительная война с ее скучной монотонностью, он мучился от голода и жажды, потом от жары и холода. Но все это сближало его с сослуживцами, которых он поначалу сторонился. Он был тронут их грубоватым добродушием, их желанием помочь друг другу и сочувствием, с которым они обращались к нему, когда он недомогал. Его горькое разочарование в людях стало слабеть, когда он увидел, как можно общаться на фоне настоящих трудностей. А когда наконец Бэзил попал на поле боя, хотя ждал этого с ужасным беспокойством, опасаясь, что может струсить, он ощутил невероятный душевный подъем, благодаря которому жизнь показалась ему почти прекрасной. Ибо тогда порок, и аморальность, и уродство исчезали, а люди стояли один за другого с первобытной яростью, кровь огнем жгла их вены, а смерть бродила между сражающихся жертв. А там, где смерть, нет места ничему мелочному, грязному или подлому.

Но наконец Бэзилу стало ясно, что невозможно вечно скрываться. Для людей с такими данными,

как у него, на мысе не было особых возможностей развернуться, и он принял решение вернуться в Лондон с гордо поднятой головой и уже там показать, из какого он теста. Он чувствовал себя более уверенно, потому что знал, что легко сможет перенести усталость и нужду. А орден у него на груди подтверждал, что храбрости у него хватало с избытком.

Вернувшись наконец в Лондон, он поступил в «Линкольнз инн»[26] и, пытаясь организовать издание небольшой серии очерков, написанных во время войны, усиленно осваивал право. Хотя буря, которую ему пришлось пережить, сделала его несколько молчаливым и склонным к рефлексии, в глубине души Бэзил оставался не менее открытым и оптимистичным, чем раньше, и он вступил в этот новый период жизни с пылкими надеждами. Но иногда комнаты в Темпле[27] казались очень одинокими. Он был мужчиной, который жаждал, чтобы вокруг царил домашний уют, чтобы о нем заботились женские руки, что-

[26] Примечания: 26

Один из четырех «Судебных иннов», названный по имени первого владельца здания инна Томаса де Линкольна. Каждый барристер должен вступить в одну из четырех юридических корпораций: «Линкольнз инн», «Грейс инн», «Миддл-Темпл» или «Иннер-Темпл».

[27] Примечания: 27

Район в Лондоне, где находятся инны.

бы слышался шелест платья или ласковый голос, этого требовал его характер. А теперь казалось, последняя горечь, оставшаяся в его жизни, скоро рассеется, ведь миссис Мюррей могла подарить ему нежность, в которой он так нуждался. И он искал поддержки в ее силе.

Теперь на мосту, размышляя дальше, Бэзил вдруг нахмурился, вспомнив одну вещь, о которой совершенно забыл, окрыленный радостными мыслями о миссис Мюррей. Покинув мост, он побрел к более темной Молл-стрит, сцепив руки за спиной. И еще долго он расхаживал под сенью деревьев, озадаченный и подавленный. Было очень поздно, и на улицах почти никого не было. На скамейках спали бездомные, съежившись в нелепых позах, а полицейский тихо обходил их позади.

Пару месяцев назад Бэзил, вместо того чтобы пообедать у себя, случайно заглянул в паб на Флит-стрит и там за стойкой бара увидел молодую девушку, изумительная красота которой тут же привлекла его внимание. Ее свежесть особенно очаровывала в этом безвкусном месте, сером от лондонского смога, несмотря на кричащую яркость внутреннего убранства. И хотя он не был человеком, любившим посплетничать с

официантками в баре за бокалом напитка, в этом случае он не смог удержаться, чтобы не отпустить какое-нибудь банальное замечание. На это девушка ответила довольно дерзко (очевидно, паб — лучшая школа, где обучают остроумию), а ее задорная улыбка прибавила колдовского обаяния миловидному лицу. Заинтересованный и немного взволнованный, ибо не было на земле человека, на которого абсолютная красота могла произвести большее впечатление, Бэзил сообщил Фрэнку Харреллу, тогда еще проживавшему по месту работы, в больнице Святого Луки, что он обнаружил самую прекрасную женщину на Флит-стрит. Врач посмеялся над восторгом друга, и однажды, когда они проходили мимо, Бэзил, чтобы оправдаться, потребовал зайти в «Голден краун». Потом раз или два он забегал туда один, и девушка за стойкой, начав узнавать его, подружески кивала ему. Бэзил всегда отличался любовью к романтическим фантазиям, и его воображение быстро наградило хорошенькую девушку причудливыми достоинствами: он возвеличил ее профессию, вернувшись в прошлое и представив ее чистенькой горничной, стелившей постель кавалеристам и воинам. Она была Гебой, наливавшей нектар бессмертным богам. А когда

он поведал об этом самой девушке, присовокупив к рассказу и другие фантастические домыслы, она покраснела, чего никогда не случалось, когда она слышала более простые комплименты от завсегдатаев бара — ее постоянных поклонников. Бэзил подумал, что в жизни не видел ничего более пленительного, чем этот румянец на ее щеках.

А потом он начал посещать «Голден краун» еще чаще — во время вечернего чая, когда там было меньше людей. Они сдружились и обсуждали погоду, посетителей и главные новости дня. Бэзил обнаружил, что с огромным удовольствием проводит по полчаса в ее компании. И вероятно, ему немного льстило, что девушка за стойкой придает большее значение общению с ним, чем с другими претендентами на ее внимание. Однажды во второй половине дня, явившись чуть позже обычного, он с восторгом отметил, как она просияла, едва он ступил на порог.

— Я уж боялась, что вы не придете, мистер Кент.

Теперь она обращалась к нему по фамилии, а он знал, что ее зовут Дженни Буш.

— А вы расстроились бы, если бы я не пришел?

— Немного.

В этот момент вторая официантка паба «Голден

краун» подошла к ней:

— Сегодня ведь у тебя выходной, Дженни?

— Да, именно так.

— Что собираешься делать?

— Не знаю, — сказала она. — Пока я еще ничего не планировала.

Вошел посетитель, и подруга Дженни пожала ему руку.

— Полагаю, вам как обычно? — спросила она.

— Не хотите сходить со мной на пьесу? — быстро поинтересовался Бэзил. — Сначала мы немного перекусим, а потом отправимся куда захотите.

Идея пришла ему на ум внезапно, и слова вылетели, прежде чем он успел все обдумать. Глаза Дженни засверкали от удовольствия.

— О, думаю, мне это понравится! Приходите за мной в семь, ладно?

Но потом вошел невысокий довольно развязный молодой человек с явно вставными зубами. Бэзил слышал, что он помолвлен с Дженни, и часто видел, как он сидел у бара, бросая на нее полные любви взгляды и выпивая бессчетное количество стаканов виски с содовой.

— Пойдем сегодня на ужин, Дженни? — спро-

сил он. — Я закажу для тебя место в «Тиволи»[28], если хочешь.

— Боюсь, сегодня вечером у меня не получится, Том, — ответила она, вспыхнув. — У меня другие планы.

— Что еще за планы?

— Один друг пообещал сводить меня в театр.

— Это еще кто? — удивился мужчина, приняв угрожающий вид.

— А это уже мое дело, правда? — ответила Дженни.

— Что ж, если ты мне не скажешь, то я ухожу.

— Я тебя не задерживаю.

— Только подай мне стаканчик шотландского виски с содовой. И побыстрее.

Мужчина говорил дерзко, желая напомнить Дженни, что она находится тут, чтобы выполнять его заказы. Бэзил побагровел и уже собрался дать наглецу гневную отповедь, намекнув, что следовало бы вести себя вежливее, но Дженни остановила его взглядом. Не говоря ни слова, она подала Тому то, что он просил, и все трое продолжали молчать.

Наконец Том осушил стакан и зажег сигарету.

---

[28] Примечания: 28

Лондонский концертный зал, на месте которого позже появился кинотеатр. Здание было разрушено в 1957 г.

Он с подозрением осмотрел Бэзила и открыл было рот, чтобы сделать замечание, но, поймав его невозмутимый взгляд, передумал.

— Тогда спокойной ночи, — сказал он Дженни.

Когда он ушел, Бэзил спросил ее, почему она не порвала с ним. Это было бы лучше, чем без конца ссориться с возлюбленным.

— Мне все равно, — ответила Дженни. — Меня уже почти тошнит от его чванливости. Я пока не вышла за него замуж, и если он даже сейчас не позволяет мне делать то, что мне хочется, то пусть убирается.

Они поужинали в ресторане в Сохо, и Бэзил, будучи в прекрасном расположении духа благодаря этому маленькому приключению, забавлялся, когда видел восторг девушки. В душе он радовался, что доставил ей такое удовольствие, и его самолюбие уж точно не ущемляло внимание других посетителей, которое они обращали на красивую Дженни. Она оказалась весьма застенчива, но когда Бэзил старался развеселить ее, очень мило смеялась и краснела. Ему на ум пришла мысль, что у нее не только приятная внешность, но и прекрасный характер. Он мог бы поделиться с ней новыми идеями и взглядами на красоту жизни, которую она никогда прежде не знала. На ней

была шляпа, а на нем — парадный костюм, так что они сели в заднем ряду бельэтажа концертного зала. Но даже это казалось неслыханной роскошью для Дженни, привыкшей к местам на галерке. В конце представления она повернулась к нему с сияющими глазами.

— О, мне так понравилось! — воскликнула она. — Выходить в свет с вами гораздо лучше, чем с Томом. Он всегда пытается сэкономить.

Они доехали на наемном экипаже до «Голден краун», где Дженни снимала комнату вместе с другой официанткой.

— Вы согласитесь сходить со мной куда-нибудь еще раз? — поинтересовался Бэзил.

— С удовольствием. Вы так сильно отличаетесь от других мужчин, которые приходят в бар. Вы джентльмен и относитесь ко мне так, словно я леди. Вот почему вы мне сразу понравились: вы не вели себя так, словно я комок грязи, вы всегда называли меня «мисс Буш».

— Мне гораздо больше нравится называть тебя «Дженни» и на ты.

— Что ж, так тоже можно, — ответила она, улыбнувшись и покраснев. — Все эти парни, которые торчат в баре, думают, будто могут делать со мной что угодно. Вы никогда не пытались

поцеловать меня, как они.

— Но не потому, что мне этого не хотелось, — со смехом ответил Бэзил.

Она не ответила, лишь с улыбкой посмотрела на него, и в ее глазах светилась нежность. Он был бы глупцом, если бы не увидел в этом предложения приступить к решительным действиям. Он обвил руку вокруг ее талии и прикоснулся к губам, но изумился открытой покорности, с которой она приняла его объятия. Мимолетное напряжение вылилось в поцелуй столь страстный, что Бэзил ощутил дрожь в руках и ногах. Экипаж остановился у паба «Голден краун», и он помог Дженни выйти.

— Спокойной ночи.

На следующий день, когда он пришел в заведение, Дженни залилась ярким румянцем, но встретила его, как близкого человека, что в его мире, полном одиночества, было очень приятно. Ему доставляло исключительное удовлетворение сознавать, что кто-то наконец им заинтересовался. Свобода просто прекрасна, но иногда выпадают моменты, когда человек начинает ждать, чтобы в его жизни появился кто-то, кого его появление и уход, здравие и болезнь не оставили бы равнодушным.

— Посиди еще, — попросила Дженни. — Я хочу кое-что тебе рассказать.

Он подождал, пока бар не опустеет.

— Я разорвала помолвку с Томом, — объявила она позже. — Вчера вечером он ждал на другой стороне улицы и видел, как мы вышли из паба вместе. Сегодня утром он пришел и набросился на меня. Я сказала, что если ему что-то не нравится, — скатертью дорога. А потом он стал говорить гадости, и я дала ему понять, что больше не хочу иметь с ним ничего общего.

Какое-то время Бэзил молча смотрел на нее.

— Но разве он тебе не нравится, Дженни?

— Нет. Видеть его не могу. Раньше он был мне симпатичен, вполне. Но теперь все иначе. Я рада, что избавилась от него.

Бэзил не мог не понимать, что именно по его милости она разорвала помолвку. Он ощутил непривычное волнение человека, получившего власть, и его сердце забилось с ликованием и гордостью, но в то же время он опасался, что может навредить Дженни.

— Мне очень жаль, — пробормотал он. — Боюсь, я доставил тебе неприятности.

— Ты ведь не перестанешь сюда приходить из-за этого? — спросила она, с беспокойством

вглядываясь в его лицо.

Сначала ему подумалось, что лучше всего для них будет расстаться прямо сейчас, но не мог допустить, чтобы по его вине омрачился этот прекрасный взгляд, и когда увидел слезы в ее глазах, тут же отказался от этой мысли.

— Нет, конечно, нет. Если тебе нравится меня видеть, я буду только рад приходить.

— Пообещай, что будешь приходить каждый день.

— Я буду приходить так часто, как только смогу.

— Нет, это не дело. Ты должен приходить каждый день.

— Ладно, договорились.

Его тронула пылкость Дженни, вероятно, он был просто глупцом, раз не замечал, как много значит для нее. И несмотря на собственную склонность к самоанализу, он никогда не спрашивал себя, что чувствует к ней сам. Бэзил хотел оказать на нее хорошее влияние и клялся, что никогда не допустит, чтобы общение с ним хоть как-то повредило ей. Она совершенно не отвечала его представлениям об обычной официантке, и он считал, что ей легко будет привить идею личного достоинства. Он попробовал бы избавить ее от

этой весьма отупляющей работы и подобрать для нее место, где ей было бы легче чему-то учиться: по натуре, несмотря на три года, проведенные в «Голден краун», она оставалась очень наивной, но в таком окружении она не могла сохранять чистоту до бесконечности, и их дружба обрела бы смысл, если бы он смог направить ее в нужное русло, чтобы она зажила более интересной жизнью. Плодом таких размышлений стало то, что Бэзил в итоге взял себе за правило водить Дженни в ресторан и театр, когда она была свободна по вечерам.

Что же до нее, она никогда еще не встречала человека, подобного молодому барристеру, поражавшему ее учтивостью манер и темами разговоров. Хотя Дженни часто не понимала, о чем он говорит, ей все же льстило его внимание, и весьма по-женски она делала вид, будто прекрасно разбирается в вопросе, а Бэзил думал, что она образованнее, чем на самом деле. Поначалу ее пугала его серьезная почтительность, ведь она привыкла к гораздо меньшему уважению, а он и к герцогине не мог бы обратиться с большей вежливостью. Но постепенно восхищение и восторг переросли в любовь, а после — в слепое обожание, на которое Бэзил вовсе не рассчитывал. Дженни

недоумевала, почему после того первого вечера он ни разу не поцеловал ее, а лишь протягивал руку на прощание. За три месяца она продвинулась лишь до того, чтобы обращаться к нему просто по имени.

Наконец наступила весна. На Флит-стрит и Стрэнде цветочницы продавали яркие весенние цветы, и их корзины яркими пятнами раскрашивали суетливую серость города. Порой выдавались дни, когда будто само дыхание деревенской природы, мягкое и добродушное, вторгалось на оживленные улицы, ободряя усталые сердца горожан, утомленных долгой монотонной работой; небо было голубым, и это было то же самое небо, что и над зелеными лугами и деревьями, распускавшими листья. Иногда на западе стаи облаков, светящиеся в лучах солнца, наплывали друг на друга, и на закате, розовые и золотые, они заполняли улицы своим блеском, так что туманная дымка обретала великолепные переливы и сердце билось в восторженном восхищении этим замечательным городом.

Как-то теплым майским вечером, когда воздух был приятным и благоуханным, а тяжелая походка становилась летящей и усталость отступала, сменяясь странной грустной веселостью, Дженни

ужинала с Бэзилом в маленьком ресторанчике в Сохо, где теперь их хорошо знали. Потом они отправились в концертный зал, но шум и блеск этого прекрасного вечера оказались невыносимы. Умиротворяющая темнота зелени манила их, и Бэзил вскоре предложил уйти. Дженни с облегчением согласилась, потому что певцы оставляли ее равнодушной, а странное чувство томления, которого она раньше не знала, заставляло сердце биться чаще. Когда они вышли в ночь, она посмотрела на Бэзила широко раскрытыми глазами, в которых причудливо сочетались страх и какая-то первобытная отвага.

— Пойдем на набережную Виктории, — прошептала она. — Там сейчас тихо.

Они смотрели на тихо бегущую реку и магазины со стороны Суррея, неровной кромкой выступающие на фоне звездного неба. В одном из них светилось окно и придавало всему квадратному массиву потертого кирпича загадочный облик, словно намекая на какую-то зловещую историю о необузданной страсти и злодеяниях. Был отлив, и у каменной стены обнажилась длинная полоса блестящего ила, но мост Ватерлоо с его легкими арками выглядел удивительно элегантно, а его фонари, желтые и белые, причудливо отража-

лись в воде. Поблизости, смутно очерченные лучами своих красных ламп, покачивались три пришвартованные баржи. И в них ощущалось некое странное волшебство, ведь, несмотря на то что сейчас стояли пустые, они напоминали о тяжелой жизни, и страсти, и труде. При всей неряшливой грубости было нечто романтичное в несгибаемых сильных мужчинах, которые останавливались там, на широкой реке, и дрейфовали в вечном паломничестве по соленому морю и неизвестности.

Бэзил и Дженни медленно брели к Вестминстерскому мосту, и огни набережной Виктории извилистой линией отражались в воде, так что в реке трепетал целый лес огненных столпов, на которых мог бы вырасти загадочный невидимый город. Но короткая прогулка утомила их, и хотя вечер был напоен сладким ароматом весны, ноги словно налились свинцом.

— Я не смогу дойти обратно, — призналась Дженни. — Слишком устала.

— Давай возьмем экипаж.

Бэзил остановил проезжавшую мимо двуколку, и они сели. Он назвал адрес «Голден краун» на Флит-стрит. Они молчали, но эта тишина была значительнее всех сказанных ими слов. В конце

концов не своим голосом, словно повинуясь чьему-то приказу, Дженни вдруг спросила:

— Почему ты ни разу не поцеловал меня с того первого вечера, Бэзил?

Она не смотрела на него, а он не подал вида, что слышал, но она ощутила его дрожь. Она почувствовала жар и сухость в горле, и ее охватило ужасное беспокойство.

— Бэзил! — хрипло произнесла она, требуя ответа.

— Потому что я не осмеливался.

Теперь она могла сосчитать удары этого мучителя в ее груди, а извозчик, казалось, гнал, будто бы на спор. Они пронеслись мимо набережной Виктории, вокруг стояла кромешная тьма.

— Но я хотела, чтобы ты это сделал, — яростно заявила она.

— Дженни, давай обойдемся без глупостей.

Слова вырвались, словно вопреки воле, и он, поддавшись могущественной силе и даже не договорив, бросился искать ее губы. А поскольку он так долго сдерживался, их сладость оказалась сладкой вдвойне. Со сдавленным стоном, как дикое животное, она обвила его руками, и нежное благоухание ее тела заставило забыть обо всех мыслях, кроме одной: не обращая внимания на

прохожих, он жадно прижимал ее к сердцу. Он сходил с ума от ее великолепной податливой красоты и страсти, с которой она сдавалась ему, сходил с ума от этого бесконечного поцелуя, ибо никогда в жизни не испытывал большего наслаждения. И его сердце трепетало, как лист трепещет под порывами ветра.

— Ты поедешь ко мне домой, Дженни? — прошептал он.

Она не ответила, но придвинулась ближе к нему. Он приподнял шторку коляски и приказал извозчику ехать в Темпл.

Целую неделю или даже месяц, чувствуя себя сильнее и храбрее благодаря женской любви, Бэзил пребывал в восторженном экстазе. Он смотрел на мир с большей уверенностью, а жизнь обрела духовное начало и мощь, до сих пор ему совершенно неведомые. Но со временем романтическое приключение стало походить на несколько вульгарную интрижку, и, вспоминая о своем идеале бытия, чистого и безупречного, посвященного благородным целям, Бэзил испытывал стыд. Его любовь была не более чем мимолетной прихотью, которая погибает, как только желание удовлетворяется, но он с ужасом понимал, что Дженни отдала ему тело и душу.

С ее стороны это была бессмертная страсть, по сравнению с которой его привязанность казалась холодностью. Каждый день раздувал пламя в ее сердце еще сильнее, так что она больше не мыслила своей жизни без него. И если он случайно оказывался слишком занят для встречи, от нее приходило взволнованное письмо, жалкое из-за ошибок и нескладных фраз. Она умоляла навестить ее. Дженни была требовательна, и он покорно приходил в «Голден краун» каждый день, хотя паб стал еще более отвратительным. Девушка была совсем необразованна, и вечера, которые они проводили вместе (теперь вместо походов в театр в свободное время Дженни оставалась у Бэзила), стали для него невыносимо скучными. Иногда он обнаруживал, что поддерживать с ней разговор — дело непростое.

Он осознал, что с ног до головы закован в кандалы, которые давят нестерпимо, ибо состоят лишь из страха причинить боль. Он был человеком, которого беспокоило бремя таких неподобающих отношений, поэтому спрашивал себя, что может положить им конец. Десяток раз Бэзил принимал решение порвать с Дженни, но в последний миг, когда видел, насколько она зависит от его любви, не мог набраться смелости. И так полгода дли-

лась их связь, опустившаяся до уровня простой привычки.

Исключительно из-за ответственности перед Дженни Бэзил сдерживал рождавшуюся любовь к миссис Мюррей. Он воображал, что его чувство к ней отличается от всего, что он знал прежде. Его желание оторваться от прошлого, бросавшего тень на репутацию, только усиливалось. Он хотел начать новую, полноценную жизнь — чего бы это ни стоило, он должен был расстаться с Дженни. Он знал, что зимой миссис Мюррей собирается за границу, и не видел причин, почему бы ему тоже не отправиться в Италию. Там он иногда мог бы видеться с ней и по истечении шести месяцев с чистой совестью попросить ее руки.

Подумав, что будущее предстало в более ясном свете, Бэзил решил закончить свою одинокую прогулку и медленно зашагал на Пиккадилли. После суеты и беспрестанного дневного мельтешения тишина, царившая там, неестественная и почти призрачная, казалась неправдоподобной. А знаменитая улица, мрачная, и пустая, и широкая, в своей безмятежности и спокойствии напоминала величественную реку. Воздух был прозрачен и чист, но резонировал так, что одинокий кеб ни с того ни с сего наполнил звоном все

вокруг, и четкий стук лошадиных копыт раскатистым эхом отразился от стен. Ряд электрических фонарей отбрасывал свет на дома с равнодушной жестокостью, а чуть впереди очерчивал прямую ограду парка и ближайшие деревья, окрашивая в более темные тона мрачную сень листвы. В затемнении неровным ожерельем выцветших самоцветов мерцали газовые горелки, сверкая желтым пламенем. Повсюду царила тишина, но дома, белые, если не считать окон, хранили тишину иначе. Ведь в своем сне, закрытые и запертые на засов, они беспомощно обрамляли тротуар, беспорядочные и жалкие, словно без суетливого гомона людских голосов и спешки входящих и выходящих жильцов потеряли всякую важность.

7

В следующее воскресенье Бэзил Кент и Харрелл обедали с мисс Ли и там встретили мистера и миссис Кастиллион, которые объявились в начале второй половины дня. Супруг этой энергичной леди был полным человеком, впечатлявшим тучностью своего тела и банальностью своих речей. Его голова была лысой, мясистое лицо — чисто выбритым, а поведение отличалось удвоенной напыщенностью землевладельца и члена парламента. Казалось, природа причудливо отомстила ему за серость, сведя с таким оживленным человеком, как его жена, которая, несмотря на его явное обожание, относилась к нему с терпеливым презрением. Вероятно, мистер Кастиллион и страдал бы, если бы был так же молчалив, как и скучен, но поток его речей не иссякал. И теперь, найдя компанию, прямо-таки потрясенную его появлением, он ухватился за возможность поделиться мнениями, которые подобало бы высказать в последнем прибежище тупиц и зануд — палате представителей.

Но вскоре, следуя по пятам за дворецким, крадущейся походкой холеного кота в зал просочился

Реджи. Он был бледен после субботних увеселений, но все равно очень красив. Мисс Ли, встав, чтобы поприветствовать его, перехватила взгляд миссис Кастиллион и, заметив в глазах этой леди недобрый блеск, пришла к выводу, что парочка договорилась об этой встрече. И хотя проницательную мисс Ли забавляло, что свидания назначаются в ее доме, она не стала бы покровительствовать дальнейшим хитрым проделкам миссис Кастиллион, если бы член парламента не доводил ее занудством до белого каления. А Эмили Бассетт в самом деле преувеличивала собственную заботу о сыне: мисс Ли раздражалась при мысли, что кто-то в принципе мог быть так добродетелен, как Реджи, по мнению матери.

— Пол, — сказала миссис Кастиллион, — мистер Бассетт слышал, что ты собираешься выступать в палате завтра, и он очень хотел бы тебя послушать… Познакомьтесь: мой супруг, а это мистер Барлоу-Бассетт.

— Действительно! Как вы об этом узнали? — с восторгом поинтересовался мистер Кастиллион.

Будучи довольно хитрым, Реджи никогда не лгал в спешке, чтобы потом не раскаиваться. Мгновение он колебался, затем перевел взгляд на Фрэнка и уставился на него, чтобы избежать

противоречий.

— Мне сказал доктор Харрелл.

— Разумеется, я буду счастлив, если вы придете, — продолжал оратор. — Мне предстоит выступить прямо перед ужином. Вы не останетесь? Боюсь только, что ужин, который там подают, весьма плох.

— Его это не побеспокоит, после того как он выслушает твою речь, Пол, — заметила миссис Кастиллион.

Легкая улыбка тронула ее губы в ознаменование успеха этого маневра. Мистер Кастиллион вежливо повернулся к мисс Ли, задрожав всем телом, что предвещало очередное красноречивое выступление. Фрэнк и Бэзил тут же вскочили и попрощались с мисс Ли. Они вместе пошли к набережной Виктории. Какое-то время оба молчали.

— Я хотел поговорить с тобой, Фрэнк, — наконец произнес Бэзил. — Я подумываю уехать на зиму за границу.

— Правда? А как же адвокатская практика?

— Об этом я не особенно переживаю. В конце концов, мне есть на что жить и я собираюсь серьезно попробовать свои силы в писательском ремесле. К тому же я хочу порвать с Дженни, но

не могу придумать, как сделать это мягче.

— Я думаю, это весьма умно с твоей стороны.

— О, я так жалею, что влез в это, Фрэнк. Не знаю, что делать. Боюсь, она привязалась ко мне намного больше, чем я ожидал, а я не хочу причинять ей боль. Мне невыносима сама мысль о ее страданиях, но невозможно продолжать в том же духе.

Фрэнк молчал, поджав губы, с суровым выражением лица. Бэзил разгадал, что за этим кроется молчаливое порицание, и разразился страстной речью:

— О, знаю, мне не следовало поддаваться. Разве ты не понимаешь, что мне пришлось горько сожалеть об этом? Я никогда не думал, что она воспримет это серьезнее, чем я. И в конце концов, я такой же мужчина, как любой другой. У меня есть страсти, как у других. Полагаю, большинство мужчин на моем месте поступили бы так же.

— Я бы не рискнул упрекнуть тебя, Бэзил, — сухо сказал Фрэнк.

— Просто мне хотелось сделать для девушки что-то доброе. Но я впал в уныние. В конце концов, если бы мы все были так же невозмутимы ночью, как бываем поутру…

— …жизнь превратилась бы в воскресную школу, — вставил Фрэнк.

В ту минуту они находились рядом с Вестминстерским мостом, и мимо них проехала коляска. Они увидели, что в ней сидит миссис Мюррей, и она торжественно кивнула им. Бэзил покраснел и отвернулся.

— Интересно, не направляется ли она к мисс Ли.

— Хочешь вернуться и посмотреть? — холодно спросил Фрэнк.

Он внимательно посмотрел на Бэзила, который снова вспыхнул, но тут же отбросил мимолетные сомнения.

— Нет, — твердо ответил он. — Пойдем.

— Это из-за миссис Мюррей ты решил бросить Дженни?

— О, Фрэнк, не думай обо мне слишком плохо! Мне ненавистна уродливая, омерзительная вульгарность интрижек. Я намеревался вести жизнь более благопристойную, чем многие мужчины, из-за моей… Из-за леди Визард. А когда я с Дженни, то противен самому себе. Если бы я и не встретил миссис Мюррей, все равно сделал бы все, чтобы положить конец этим отношениям.

— Ты любишь миссис Мюррей?

— Да, — ответил Бэзил, выдержав короткую паузу.

— Думаешь, ты ей небезразличен?

— Недавно я был в этом уверен, а теперь опять сомневаюсь. О, я так хочу, чтобы она что-то ко мне испытывала! Не могу ничего с этим поделать, Фрэнк. Это совершенно другая любовь: она возвышает меня и поддерживает. Не хочу показаться педантом, но когда я думаю о миссис Мюррей, у меня нет ни одной недостойной мысли. И я этим горжусь, ведь моя любовь к ней почти духовна. Если она действительно небезразлична ко мне и выйдет за меня замуж, то, полагаю, тогда я смогу сделать хоть что-то хорошее в этом мире. Я вообразил, что если уеду на шесть месяцев, Дженни постепенно перестанет обо мне думать. Считаю, лучше потихоньку разойтись, чем разорвать отношения резко и жестоко.

— Разумеется, такой вариант будет менее болезненным для тебя, — заметил Фрэнк.

— А когда я стану свободен, то отправлюсь к миссис Мюррей, расскажу ей обо всем и попрошу ее руки.

Бэзил жил в симпатичном дворе Темпла, которому, несмотря на неизбежные в этом месте отвратительные перебранки, придавали спокойное очарование старые красные дома и лондонские платаны с их зеленой прохладой.

Его комнаты на верхнем этаже были обставлены просто, но со вкусом человека, любившего красивые вещи. Леди сэра Питера Лели с их милой искусственной грацией взирали с гравюр меццотинто, украшавших обшитые панелями стены, а мебель Шератона придавала изысканную строгость жилищу студента.

Фрэнк набил трубку, но они просидели совсем недолго, когда раздался стук в дверь.

— И кто это, черт возьми, может быть? — удивился Бэзил. — Ко мне не так уж часто приходят посетители днем в субботу.

Он вышел в крошечный коридор и открыл дверь. Фрэнк услышал голос Дженни:

— Можно войти, Бэзил? У тебя кто-то есть?

— Только Фрэнк, — ответил он и проводил ее в комнату.

Дженни нарядилась в воскресную одежду, цвета которой показались доктору немного грубоватыми. Яркий бант на черной шляпке резко контрастировал с желто— коричневым жакетом, но ее красота была такова, что могла затмить нелепость любого костюма. Она была довольно высокого роста, хорошо сложена, с округлыми бедрами и полной грудью страстной женщины. Черты ее лица были выточены с совершенством,

присущим греческой статуе, и ни одна герцогиня не могла бы похвастаться более аккуратным ртом или изящным носом. Ее маленькие уши были прекраснее морских раковин, а гладкая кожа имела нежный кремовый оттенок. Но особенно хороши были великолепные пышные волосы и сияющие глаза. Ее лицо носило девически невинное выражение, которое просто завораживало, и после придирчивого осмотра Фрэнк не мог отрицать: стоя с ней рядом, миссис Мюррей померкла бы совершенно, несмотря на все преимущества, которые дают хорошие манеры и изысканный туалет.

— Я думал, сегодня ты отправишься домой, — заметил Бэзил.

— Нет, у меня не получилось. Я пришла сюда сразу же после того, как мы закрылись в три, но тебя не было. Я так боялась, что ты не появишься до шести часов.

Было очевидно, что Дженни хотела поговорить с Бэзилом наедине, и Фрэнк, выбив пепел из трубки, встал, чтобы уйти. Хозяин проводил его вниз.

— Послушай, Бэзил, — сказал Фрэнк. — На твоем месте я воспользовался бы этой возможностью, чтобы сообщить Дженни о своем отъезде.

— Да, я так и собираюсь поступить. Рад, что она

пришла. Я хотел написать ей, но думаю, это было бы проявлением трусости. О, ненавижу себя за то, что приходится причинять ей такую боль!

Фрэнк ушел. Сначала, чуть ли не завидуя удаче Бэзила, он проклинал свою судьбу, потому что красивые девушки никогда не влюблялись в него до безумия. Конечно, это было бы скучно, и такое рабское обожание раздражало бы его, но постоянное воздержание отнюдь не льстило его самолюбию. Однако теперь на пути в клуб, не нужный никому, свободный от каких-либо притязаний и привязанностей, он цинично поздравлял себя с тем, что прекрасные леди берегли свои улыбки для господ более обаятельных, чем он.

Когда Бэзил вернулся в комнату, он увидел, что Дженни не сняла шляпку, как обычно, а стояла у окна, глядя на дверь. Он подошел поцеловать ее, но она отстранилась.

— Не сегодня, Бэзил. Мне нужно кое-что сказать тебе.

— Что ж, сначала сними верхнюю одежду и расположись поудобнее.

Ему пришло на ум, что Дженни, вероятно, поссорилась с хозяином «Голден краун» или хотела упрекнуть его, что за последние несколько дней он не приходил повидать ее, и, закурив трубку, он

решил отвечать с беспечной веселостью. Он не заметил, что она как-то странно на него смотрит, но когда она заговорила, в ее голосе послышалась такая дикая тоска, что он вздрогнул.

— Не знаю, что бы я делала, если бы не застала тебя дома сегодня.

— Боже правый, Дженни! Что случилось?

Она сорвалась на рыдания:

— Я в беде, Бэзил!

Ее слезы растопили его сердце, и он очень нежно обнял ее, но она снова отодвигалась.

— Нет, пожалуйста, не садись рядом со мной, иначе я никогда не наберусь смелости рассказать тебе все.

Она встала, вытерев глаза, и принялась мерить шагами комнату.

— Я хотела встретиться с тобой утром, Бэзил. Приходила к твоей двери, но побоялась постучать и ушла. А потом сегодня днем, когда ты меня не услышал, я решила, что ты уехал, а я не смогла бы пережить еще одну ночь этих мучений.

— Быстро говори, в чем дело, Дженни.

Ужасный страх охватил его, и его щеки побледнели, как и ее. Она смотрела на него с неимоверным беспокойством.

— Я не очень хорошо себя чувствую в последние

дни, — прошептала Дженни. — И вчера я ходила к доктору. Он сказал, что у меня будет ребенок.

А потом, закрыв лицо руками, она горько зарыдала. Сердце Бэзила сжалось, и, когда он смотрел на эту несчастную девушку, склонившуюся под бременем стыда и страха, его переполнило чувство раскаяния. И если раньше он ни о чем не сожалел, то теперь сожалел всей душой.

— Не плачь, Дженни. Я не могу это выносить.

Она безнадежно подняла глаза, и когда он увидел это прекрасное лицо, искаженное болью, то содрогнулся от горя. Он был в смятении, и самые разные мысли метались у него в голове: он тоже боялся, но в то же время сильнее всего было чудесное ликование из-за того, что он станет отцом ребенка. Его сердце колотилось от гордости, и словно свершилось чудо — любовь вдруг зажглась в его сердце. Он заключил Дженни в объятия и расцеловал с большей страстью, чем когда-либо раньше.

— О нет, ради Бога, не надо! Для тебя это ничего не значит! — воскликнула она, пытаясь отстраниться от него. — А как же я? Лучше мне умереть. Я вела себя достойно, пока не встретила тебя.

Он больше не мог выносить ее страдания, и спонтанная мысль, пришедшая ему на ум толь-

ко что, уже казалась единственно правильной. Был лишь один способ осушить эти слезы, лишь один способ исправить ошибки, и нахлынувший поток страсти помог принять решение. Но его сердце учащенно забилось, когда он заговорил, потому что он собирался сделать шаг без права на отступление, и лишь один Бог знал, чем это закончится.

— Не плачь, дорогая, ведь все не так плохо, — произнес он. — Нам лучше немедленно пожениться.

С тихим вздохом рыдания Дженни прекратились, и почти без движения она повисла на Бэзиле, будто лишившись чувств. Она медленно осмысливала его слова и озадаченно размышляла над ними, словно они прозвучали на языке, которого она едва понимала. А потом она задрожала, все так же молча.

— Повтори это, Бэзил, — прошептала она и после небольшой паузы спросила: — Ты серьезно? Ты можешь жениться на мне? — Она встала и посмотрела на него, растрепанная и прекрасная, с невыразимой печалью. — Я всего лишь официантка в баре, Бэзил.

— Ты мать моего ребенка, и я люблю тебя, — серьезно ответил он. — Я всегда мечтал иметь

детей, Дженни, и ты сделала меня невероятно счастливым.

Ее глаза блестели от слез, а на взволнованном и еще недавно охваченном ужасом лице отразился такой восторг, что Бэзил почувствовал: его усилия окупились с лихвой.

— О, Бэзил, ты хороший! Ты ведь не шутишь, правда? И я всегда буду с тобой?

— Неужели ты так плохо обо мне думаешь, если полагаешь, что я могу бросить тебя сейчас?

— Да, я этого боялась. Ты почти не замечал меня в последнее время, и я была несчастна, Бэзил, но боялась, что ты это заметишь. Сначала у меня не хватало смелости тебе рассказать, я думала, ты разозлишься. Я знала, что ты не позволишь мне голодать, но ты мог бы просто дать мне денег и отправить восвояси.

Он поцеловал ее руки, сжигаемый желанием, как никогда, преклоняясь перед ее красотой.

— Я и не знал, что так сильно тебя люблю! — воскликнул он.

Дженни, зарыдав, упала в его объятия, теперь она рыдала с неудержимой страстью и, охваченная жаждой любви, принялась искать его губы.

У Бэзила в коридоре стояла маленькая газовая плита, и с очаровательной хозяйственностью

Дженни принялась готовить чай: уставшая и счастливая, она гордилась тем, что может для него что-то сделать, и настояла, чтобы он пока отдыхал и курил.

— Я не хотела бы брать служанку, Бэзил, буду все делать для тебя сама.

— Ты не должна возвращаться в этот отвратительный паб.

— Я же не могу бросить их на произвол судьбы, сам понимаешь. Мне нужно уведомить их за неделю.

— Тогда уведомляй немедленно, и, как только освободишься, мы поженимся.

— О, я буду так счастлива! — с восхищением вздохнула она.

— А теперь послушай: мы должны проявить благоразумие и поговорить кое о чем. Ты знаешь, что я не очень хорошо обеспечен. Я имею лишь три сотни фунтов в год.

— Но это много! — воскликнула она. — Еще бы, папа никогда не получал больше трех шиллингов десяти пенсов в неделю.

Бэзил задумчиво улыбнулся, поскольку привык к роскошной жизни и никогда не умел экономить. Но он убедил себя, что два человека могут жить скромнее, чем один. Он уделит серьезное

внимание праву и, несомненно, со временем начнет получать доход. Пока же он собирался заниматься судебными записками. Они могли позволить себе маленький домик в пригороде, в Барнсе или Патни, и, чтобы не быть расточительными, просто отправиться на медовый месяц в Корнуолл на две недели. После этого он должен немедленно приступить к работе.

— Мама удивится, когда я скажу ей, что собираюсь замуж, — со смехом произнесла Дженни. — Ты должен приехать и познакомиться с ними.

Хотя брат Дженни из Сити иногда приходил в «Голден краун», Бэзил не был лично знаком ни с кем из ее родственников. Он знал, что они живут в Крауч-Энде[29].

— Я не вернулась бы к ним, если бы ты не сказал, что женишься на мне, Бэзил. Мама выставила бы меня за дверь. Я боялась идти к ним сегодня, чтобы она ничего не заподозрила. — Вдруг в ее душу закралось сомнение, она быстро повернулась к нему: — Ты ведь не обманываешь меня, правда? Ты не оставишь меня теперь?

— Конечно, нет, глупое дитя. Разве ты не понимаешь, что я буду гордиться такой красивой

---

[29] Примечания: 29
Один из пригородов Лондона.

женой?

Дженни пришлось уйти незадолго до шести, когда «Голден краун» открывал двери умирающим от жажды христианам. И Бэзил, проводив ее, отправился погулять, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию. Способность решать вопросы самостоятельно, невзирая на похвалу или осуждение, очень редкое качество даже для мужчин. И со свойственной ему неуверенностью в себе он ощущал в этот момент острую необходимость срочно получить совет или поддержку. Но Фрэнк был недоступен, и он не мог побеспокоить мисс Ли еще раз за этот день. Он отправился в свой клуб и написал записку с намерением узнать, можно ли встретиться с ней следующим утром.

Он плохо спал, проснулся позже обычного и едва успел позавтракать, когда пришел ответ, где сообщалось, что мисс Ли с радостью прогуляется с ним в одиннадцать часов по Сент-Джеймскому парку. Он проявил пунктуальность. Некоторое время они неторопливо бродили, наблюдая за пернатой дичью, и Бэзил, колеблясь, говорил на отвлеченные темы, но мисс Ли, заметив его необычную серьезность, догадалась, что ему предстоит сделать непростое заявление.

— Ладно, что там у вас? — прямо спросила она,

присев.

— Только то, что я собираюсь жениться.

Она тут же подумала о миссис Мюррей и задалась вопросом, когда Бэзил нашел возможность признаться той в любви.

— И это все? — воскликнула она с улыбкой. — Весьма похвальный поступок для молодых людей, но уж точно не надо принимать в связи с этим столь серьезный вид.

— Я собираюсь жениться на некой мисс Буш.

— Это еще кто такая? Никогда о такой не слышала, — удивленно ответила милая леди, повернувшись к нему. Но смутное воспоминание пронеслось у нее в голове. — Это не та ли Дженни Буш, которую, как рассказывал Фрэнк, вы где-то нашли и клялись, что она — красивейшее создание на земле? — Она вперила в него пристальный изучающий взгляд. — Полагаю, вы не собираетесь жениться на официантке из паба на Флит-стрит?

— Именно так, — тихо ответил он.

— Но почему?

— Очевидно, потому что я в нее влюблен.

— Чушь! Впечатлительный юноша может влюбиться в дюжину девушек, но в стране, где моногамия установлена актом парламента, невозможно жениться на всех.

— Боюсь, не могу назвать вам других причин.

— Тогда вы могли бы сообщить мне эту весьма интересную новость в письме, — сухо заметила мисс Ли.

Он опустил глаза, поник и какое-то время молчал.

— Я должен был с кем-то поговорить, — наконец не выдержал он. — Я так одинок, и нет никого, кто оказал бы мне помощь или дал совет… Я женюсь на Дженни, потому что должен. Я знаю ее уже некоторое время, все это было мерзко и отвратительно. Но вчера, после того как я ушел от вас, она появилась у меня дома. Она была на грани истерики, бедняжка, она едва понимала, что говорит, и она сказала мне…

— …что случилось то, чего вам вполне следовало ожидать, — перебила мисс Ли.

— Да.

Мисс Ли размышляла, медленно рисуя свои инициалы острием зонта на гравии, а взволнованный Бэзил на нее смотрел.

— Вы уверены, что не совершаете глупость? — наконец спросила она. — Вы ведь не любите ее, правда?

— Нет.

— Тогда вы не имеете права на ней жениться. О,

мой дорогой мальчик, вы и не представляете, как иногда утомителен брак, даже с людьми своего круга и схожих интересов! Я давно живу на свете и убеждена: брак — самое ужасное явление в мире, если только страсть не делает его абсолютно неизбежным. Я ненавижу и презираю всеми фибрами души тех глупцов, которые пытаются опровергать и игнорировать этот факт.

— Если я не женюсь на Дженни, она покончит с собой. Она не просто обычная официантка. Пока я не узнал ее ближе, она была в высшей степени благонравна. Бросить ее — значит погубить ее.

— Думаю, вы преувеличиваете. В конце концов, это не больше, чем весьма прискорбный инцидент, приключившийся вследствие вашей… невинности. И нет никакой необходимости в отчаянных действиях или позерстве. Вы поведете себя как джентльмен и позаботитесь о девушке должным образом. Она может отправиться в деревню на то время, пока все не закончится, а когда вернется, никто ничего не узнает и она не пострадает.

— Но здесь вопрос не в том, что все станет известно. Это дело чести.

— Разве не поздновато говорить о морали? Я не вполне понимаю, где была ваша честь, когда вы

соблазняли девушку.

— Осмелюсь сказать, я был полным негодяем, — смиренно заметил он. — Но теперь я должен исполнить свой долг.

— Вы говорите так, словно подобное никогда не случалось раньше, — напирала мисс Ли.

— О да, знаю, такое происходит сплошь и рядом. Если девушка уступает, тем хуже для нее. Мужчины всегда в стороне. Пусть идет на улицу, пусть катится к черту или повесится.

Мисс Ли, поджав губы, передернула плечами. Она поинтересовалась, как он собирается жить, ведь его дохода явно не хватит на семью, а он явно не создан для долгой монотонной работы в адвокатуре. Она знала о профессии писателя достаточно, чтобы понимать: этим много денег не заработаешь. Бэзилу недоставало журналистской проворности, и ему потребовалось два года, чтобы создать роман, за который он, вероятно, получит не больше пятидесяти фунтов. А его страсть к анализу душевного состояния вряд ли могла способствовать материальному обогащению. Кроме того, он был расточителен и совершенно не желал экономить и откладывать на черный день. К тому же он никогда не имел возможности освоить сложное искусство приобретения това-

ров на целый шиллинг за двенадцать медяков.

— Полагаю, вы понимаете, что все осмеют вашу жену, — добавила мисс Ли.

— Значит, они и меня осмеют.

— Но вы последний человек на свете, который готов отказаться от светской жизни. Ничто не приносит вам большего удовольствия, чем званые ужины и визиты в приличные дома. Улыбки женщин для вас важнее всего.

— Вы говорите обо мне так, словно я совершенно ручной кот, — улыбнулся он. — В конце концов, я лишь пытаюсь исполнить свой долг. Я совершил ужасную ошибку, и Бог знает, как горько я об этом сожалею. Но теперь, когда я ясно вижу перед собой свой путь, какова бы ни была цена, я должен по нему пойти.

Мисс Ли внимательно посмотрела на него, и ее проницательные серые глаза на мгновение остановились на его лице, изучая его.

— Вы уверены, что не слишком превозносите свой героизм? — спросила она, и в ее голосе послышался колючий холод, от которого Бэзил поморщился. — В наши дни самопожертвование — роскошь, в которой немногие решаются себе отказать. Это занятие обрело популярность, когда люди отвергли сахар из-за того, что от него тол-

стеют. А ведь все необдуманно жертвуют собой исключительно из любви к этому процессу, как бы ни расплывчата была цель. Но на самом деле цель заботит людей меньше всего: они не беспокоятся о том, насколько отдаляются от нее, если могут удовлетворить свою страсть.

— Когда я попросил Дженни выйти за меня замуж и увидел, какая радость озарила ее заплаканное лицо, я понял, что поступил правильно. Ах, какая разница, несчастен я или нет, если могу сделать счастливой ее!

— Я и не думала о вашем несчастье, Бэзил. Я думала, вы уже навредили этой девушке достаточно, чтобы еще и жениться на ней… Полагаете, в этом браке ее ждет что-то еще, кроме страданий? Вы идете на это только из эгоизма и трусости, потому что кичитесь чувством собственного достоинства и боитесь причинять боль.

Такая точка зрения была нова для Бэзила, но казалась необоснованной. Он быстро отмахнулся от нее.

— Все это время вы не думали о ребенке, мисс Ли, — медленно произнес он. — Я не могу позволить, чтобы ребенок проник в этот мир, словно вор. Пусть идет по жизни с честным именем. Жизнь и так сложная, чтобы еще ставить на нем

отвратительное пятно позора. И в конце концов, я буду только горд стать отцом этого ребенка. Как бы я ни страдал, как бы мы оба ни страдали, это окупится с лихвой.

— Когда вы собираетесь жениться? — спросила мисс Ли, выдержав паузу.

— Думаю, через неделю. Вы ведь не покинете меня, мисс Ли?

— Разумеется, нет, — ответила она, нежно улыбаясь. — Я думаю, что вы глупец, но таково большинство людей. Они никогда не понимают, что жизнь всего одна, а многих ошибок не исправить. Они считают, что жизнь — это как игра в шахматы: можно попробовать один ход, потом другой, а когда увязнешь в неразберихе, смахиваешь фигуры с доски и начинаешь сначала. Но жизнь — это игра в шахматы, в которой кого-то всегда ждет поражение. По другую сторону стола сидит смерть, и на каждый твой ход у нее найдется ответный, на каждую твою хитроумную схему — такая же своя.

Они пошли назад по Олд-Куин-стрит, размышляя каждый о своем, и у двери мисс Ли подала Бэзилу руку. Он немного поколебался, но все же заговорил:

— Есть еще кое-что, мисс Ли. Я воображал, что

миссис Мюррей… Осмелюсь предположить, что я был не прав, но я не хотел бы, чтобы она слишком дурно обо мне думала.

— Боюсь, с этим вам придется смириться, — ответила мисс Ли. — Между вами не было ничего, что могло бы препятствовать помолвке?

— Ничего.

— Я увижусь с ней через день или два и скажу ей, что вы собираетесь жениться.

— Но что она подумает обо мне?

— Полагаю, вы не хотите, чтобы она узнала правду?

— Не хочу. Я рассказал все вам только потому, что почувствовал необходимость с кем-то поговорить. И я меньше всего хочу, чтобы миссис Мюррей узнала.

— Тогда пусть думает так, как сама сочтет нужным. До свидания.

— Вам больше нечего мне сказать? — в отчаянии спросил он.

— Мой дорогой, если вы можете перенести все, что угодно, значит, вы можете отважиться на все, что угодно.

8

Мисс Ли увидела декана в библиотеке в полном одиночестве, поскольку во второй половине дня Лэнгтоны собирались обратно в Теркенбери, а Белла решила посвятить последнее утро походу по магазинам.

— Знаете, Элджернон, в нашем мире именно хорошие люди приносят больше всего вреда, — заметила мисс Ли, присаживаясь. — Плохие продолжают совершать отвратительные поступки с безрассудством, которое сводит на нет несправедливость, а здравый смысл лишает остроты творимое ими зло. Но порой совершенно нелогично поведение человека, убежденного в своей собственной добродетельности.

— Это прямо-таки подрывная доктрина, — улыбнулся декан.

— Только нечестивцы должны грешить, ибо опыт учит их умеренности, когда на их долю выпадает немного страданий. Но если с узкой тропинки соскальзывают праведники, они безнадежно бродят впотьмах, совершая одну ошибку за другой в надежде реабилитировать себя с помощью добродетели. При таких обстоятельствах

они ранят всех вокруг гораздо сильнее, чем люди порочные до мозга костей, так как отказываются смириться с тем, что в данном случае надлежит вести себя иначе.

— Пожалуйста, расскажите, что подвигло вас на эту пламенную речь.

— Один мой юный друг сделал глупость и собирается прикрыть ее другой глупостью. Он только что приходил ко мне якобы за советом, но на деле для того, чтобы я восхитилась его благородством.

Не называя имен, мисс Ли рассказала кузену историю Бэзила.

— Впервые я получил должность викария в Портсмуте, — произнес декан, когда она закончила. — Тогда я был совершенно нетерпим к любым проявлениям зла и всячески стремился исправлять ошибки. Я помню, один из моих прихожан попал в подобную ситуацию, и ради ребенка, а также самой женщины я настоял, чтобы мужчина женился. Я буквально за волосы приволок их к алтарю, а когда должным образом узаконил их отношения, то почувствовал, что сделал благое дело. Шесть месяцев спустя этот человек перерезал горло жене, а его самого в наказание повесили. Если бы я так настойчиво не вмешивался, возможно, две жизни удалось

бы сохранить.

— Миссис Гранди[30] — человек большого ума и ни в коей мере не заслуживает оскорблений, которые сейчас сыплются в ее адрес. Ее не смущает, если мужчина немного распущен, а если нет, то она посчитает его скорее размазней. Но с восхитительной проницательностью она сознает, что для женщины действуют более строгие правила: если *она* падет морально, миссис Гранди без малейших сомнений первой толкнет ее в пропасть. Общество — это страшное чудовище, которое вроде бы дремлет, так что думаешь, будто можно позволить себе любую вольность. Но на самом деле оно все время наблюдает за тобой с тихим коварством, и когда ты меньше всего ожидаешь, протягивает железную руку, чтобы раздавить тебя.

— Надеюсь, Белла не опоздает, — сказал декан. — У нас не так много времени после обеда, чтобы успеть на поезд…

— Общество составило свои собственные десять заповедей — кодекс чести, идеально подходящий для середнячков, которые не слишком хороши, но и не слишком плохи. Но самое странное здесь

---

[30] Примечания: 30

Персонаж пьесы Т. Мортона, законодательница общественного мнения в вопросах приличия.

то, что наказание будет одинаково суровым, поступишь ли ты лучше, чем предписывает кодекс, или хуже.

— Иногда этот кодекс превращает тебя после смерти в бога.

— Или заставляет распинать тебя еще при жизни, Элджернон.

Вскоре после этого появилась Белла и, когда декан поднялся наверх, сообщила мисс Ли, что по совету продавца книг купила для Герберта Филда два толстых тома «Очерка жизни Шелли» Даудена.

— Надеюсь, скоро у него накопится достаточно стихов, чтобы составить небольшой сборник, — сказала Белла. — И тогда я спрошу его, нельзя ли мне организовать издание. Интересно, поможет ли мне мистер Кент найти издателя.

— В этом случае вы обнаружите, что банковский счет — ваш лучший помощник, моя дорогая, — ответила мисс Ли.

Бэзил сообщил о приближающейся свадьбе солиситору, потому что его небольшое состояние находилось в трасте, а для оформления некоторых документов требовалась подпись его матери. Через день или два он получил письмо следующего содержания:

Cher Enfant![31]

Я узнала, что ты собираешься жениться, и желаю дать тебе родительское благословение. Пожалуйста, приходи завтра на чай, чтобы получить его в надлежащем виде. Ты достаточно долго на меня дулся, а сердитый мужчина всегда выглядит немного нелепо. На тот случай, если ты забыл, рискну напомнить, что я твоя мать.

Искренне твоя, Маргарита Визард.

P. S. Как же нелепо устроен мир: мужчина, если его отец — каналья, утешает себя мыслью, что их родство всегда по сути своей сомнительно, а вот в отношении матери не может прибегнуть к такому прекрасному средству успокоения души.

Леди Визард проявила прозорливость, когда предсказала, что ей хватит пары лет, чтобы вернуть себе привычное место в обществе благодаря красоте, богатству и популярности в свете. Все прекрасно знали, что ее положение после суда было сомнительно, и требовался невероятный

---

[31] Примечания: 31
Дорогое дитя! *(фр.)*

такт, чтобы обойти множественные ловушки. Она осознавала, что у тех, кто стремится подняться по общественной лестнице, есть две опоры — филантропия и римско-католическая церковь. Но сообразительная дама не считала свою ситуацию настолько плачевной, чтобы ей требовался переход в иную конфессию, зато особое рвение в проявлении благотворительности сделало свое дело. Леди Визард возвращала себе уважение, используя занудную пожилую леди, положение и богатство которой давали безграничную власть над миром, а благожелательность делала послушным инструментом в чужих руках. Леди Эдвард Стрингер была маленькой старой женщиной со вставными зубами, ярко-каштановым париком и вечно перекошенным лицом. И хотя она была невыносимо скучна, все же умудрялась собирать в своей гостиной всех жителей Лондона, обладавших реальным весом в свете. Будучи родственницей лорда Визарда, она яростно ссорилась с ним, и казалось совершенно естественным, что его жена изливала свои горести женщине, которая с удовольствием ее слушала. Теперь, когда хотела, леди Визард буквально излучала очарование и благожелательность, немногие могли перед ней устоять: она была хитра и хорошо пом-

нила каждую свою выдумку, так что ее ни разу не поймали на лжи. Повествуя о своем несчастливом браке, она так искусно давила на жалость, что леди Стрингер, растрогавшись, обещала сделать все, чтобы помочь ей. Она посещала приемы старой леди, появлялась с ней всюду, где собираются сливки общества, и в конце концов мир пришел к выводу, что вполне может позволить себе общение с интересной женщиной, которая к тому же не страдает от отсутствия денег.

Когда приехал Бэзил, откликнувшись на письмо, он застал мать в кресле в ее любимой позе, как на портрете. Сам портрет, ставший благодаря дерзким цветам сенсацией сезона, висел за ее спиной, чтобы все видели, насколько мало изменилась за последние десять лет эта мудрая женщина. Сбоку лежали неизменные сигареты, нюхательная соль и французский роман, мнения о котором в обществе резко разделились. Леди Визард получила собственный стенд на предстоящей благотворительной распродаже и явно не без удовлетворения изучала проспект, в котором ее имя фигурировало в списке, куда включали людей исключительно респектабельных.

Высокая и величавая, она носила наряды с показной экстравагантностью, а не простотой,

граничившей с неряшливостью, что было присуще большинству ее соотечественниц. Она не имела желания скрывать от мужских взглядов пленительные изгибы великолепной фигуры и одевалась с нахальным бесстыдством сладострастной женщины, чтобы привлекать внимание к своим выдающимся формам, а не скрывать их. Да и замысловатое искусство макияжа не было ей чуждо: обычная англичанка, которая пользуется косметикой, как правило, чувствует, что это первый шаг на пути к Аверну[32], и красится плохо. Она никогда не может избавиться от мысли, что косметика немного безнравственна или немного вульгарна и маленький дьяволенок, парнокопытный и хвостатый, всегда прячется на дне баночки с румянами. Затем, проявляя упрямство, раз начало уже положено, и убеждая себя в правильности собственных действий, она обязательно переусердствует. Леди Визард так умело использовала все уловки, известные женщинам, что результат оказывался просто восхитительным. Даже волосы, с которыми представительницы прекрасного пола вечно мучаются, были выкрашены так, что идеально

[32] Примечания: 32

Аверн — озеро близ Неаполя в Италии, которое описывалось в римской мифологии как вход в подземное царство мертвых.

гармонировали с глазами и цветом лица, и хваленые мужские умы часто обманывались. Ее брови были совершенны, а проведенная карандашом линия у ресниц придавала сверкающим глазам еще большую глубину. Помаду она наносила с мастерством художника, и губы ее были не менее красивы, чем лук Купидона.

Леди Визард не видела сына пять лет, и изменения в его облике она отметила с интересом, но без особых эмоций.

— Позволь угостить тебя чаем, — сказала она. — Кстати, почему ты не приехал повидать меня, когда вернулся с мыса Доброй Надежды?

— Ты забываешь, что приказала Миллеру не пускать меня.

— Не следовало воспринимать это au grand sérieux[33]. Я прогоняю служанку каждый раз, когда она плохо укладывает мне волосы, но она со мной уже пять лет. Я простила тебя уже через неделю.

Их взгляды встретились, и они поняли, что между ними ничего не изменилось. Леди Визард пожала плечами:

— Я попросила тебя приехать сегодня, посколь-

---

[33] Примечания: 33
Слишком серьезно *(фр.)*.

ку подумала, что за пять лет ты стал терпимее. Очевидно, ты один из тех мужчин, которые не умеют учиться.

Еще год назад Бэзил ответил бы, что и не надеялся воспитать в себе терпимость к позору, но теперь, устыдившись, сидел молча. Он попытался принять вежливо-равнодушный вид, как его мать. Предвидя ее следующий вопрос, он ощущал мучительную боль, оттого что ему придется раскрыть хотя бы часть своей тайны этой насмешливой женщине. И все же, поскольку это было ужасно неприятно, он собирался ответить ей открыто.

— И на ком ты собираешься жениться?

— Ты никогда не слышала о ней, — улыбнулся он.

— Хочешь скрыть имя этой счастливицы?

— Мисс Буш.

— Звучит не очень впечатляюще, не правда ли? Кто ее отец?

— Он работает в Сити.

— Богат?

— Очень беден.

Леди Визард внимательно посмотрела на сына, потом со странным выражением лица наклонилась вперед:

— Извини за вопрос, но можно ли назвать ее, как говорила твоя занудная бабушка, благородной дамой?

— Она официантка в баре на Флит-стрит, — вызывающим тоном ответил он.

Тут же последовал очередной вопрос, который она задала уже звенящим от раздражения голосом:

— И когда же accouchement[34]?

Удар и то ошеломил бы Бэзила меньше. Кровь прилила к щекам, он вскочил. Мать смотрела на него с ледяным презрением, и, пораженный ее проницательностью, он не нашел что ответить.

— Я права, ведь так? Судя по всему, кое-кто оступился и свернул с пути добродетели. Ах, mon cher[35], я не забыла обо всех приятных словах, что ты мне сказал пять лет назад. А ты? Не помнишь, с каким красноречием ты рассуждал о целомудрии и чести? Ты назвал меня так, как воспитанные сыновья обычно не называют своих матерей. Но, насколько я понимаю, у твоей жены будет не меньше прав, чем у меня, на такой же титул?

— Если похоть у меня в крови, то это только

---

[34] Примечания: 34
Роды *(фр.).*

[35] Примечания: 35
Мой дорогой *(фр.).*

потому, что я имел несчастье родиться твоим сыном! — свирепо закричал он.

— Не могу не восхищаться тобой, когда вспоминаю, с какой елейной праведностью ты изображал честного человека, а сам все время играл в эту маленькую игру. Но franchement[36] твоя игра вызывает у меня отвращение. Мне не нравятся тайные шашни с официантками.

— Осмелюсь сказать, что я ошибся, но собираюсь это исправить.

— Из всех глупцов да упасут меня святые от глупца, который раскаивается. Если не умеешь грешить как джентльмен, лучше тогда будь добродетелен. Джентльмен не женится на официантке из-за того, что он ее соблазнил, если только он не торговец в душе. Да как ты смел приходить ко мне со своими дерзкими проповедями?!

Когда леди Визард вспомнила обо всем, ее глаза засверкали, и она нависла над Бэзилом, словно разгневанная негодующая богиня.

— Что ты знаешь о жизни и страсти, которая кипит у меня в крови? Ты понятия не имеешь, какие демоны разрывают мне грудь. Как можешь ты меня судить? Да и какая мне разница? Я хо-

---

[36] Примечания: 36
В самом деле *(фр.)*.

рошо повеселилась, и я еще не закончила. Во всяком случае, если бы ты не был таким занудой, то увидел бы, что я лучше большинства женщин, ведь я ни разу в жизни не бросила друга и не ударила врага, который уже повержен.

Это она произнесла с неистовой яростью, очень быстро, словно много раз проговаривала эти слова самой себе и теперь наконец ей представилась возможность, которую так долго ждала. Но она быстро вернулась к язвительно-ироничной манере поведения, которая позволяла ей всегда оставаться на высоте.

— А когда я состарюсь, то перейду в католицизм и последние дни проживу в святости.

— Ты еще что-нибудь хочешь мне сказать? — холодно спросил Бэзил.

— Ничего, — ответила она, пожав плечами. — Ты родился для того, чтобы делать глупости. Ты из тех людей, которые приговорены быть посредственными, потому что тебе не хватает духа пуститься во все тяжкие, как настоящему мужчине. Уходи и женись на своей официантке. Могу лишь сказать, что ты вызываешь у меня отвращение.

Ослепнув от ярости и сжав кулаки, Бэзил повернулся к двери, но, прежде чем дошел до нее,

дворецкий объявил о прибытии лорда де Капита — и вошел высокий светловолосый молодой человек. Бэзил метнул на него злобный взгляд, поскольку мог представить, какие отношения связывают его мать и богатого пэра. Лорд де Капит проводил его изумленным взглядом.

— Кто этот приветливый человек? — спросил он.

У леди Визард вырвался нервный смешок.

— Просто недалекое создание. Он меня не интересует.

— Он из моих предшественников?

— Нет, конечно, нет, — ответила леди Визард, развеселившись. — Поцелуй же меня, дитя.

Совершенно подавленный, Бэзил отправился пешком назад в Темпл, а когда подошел к двери, ее открыла Дженни. Он тут же вспомнил: она пообещала прийти днем, чтобы узнать последние новости о приготовлении к бракосочетанию, которое должно было состояться в муниципалитете.

— Я встретилась с моим братом Джимми на Стрэнде, Бэзил, — сказала она, — и привела его сюда познакомиться с тобой.

Войдя, он увидел худосочного юнца, который сидел на столе, свесив ноги. У него были рыжева-

тые волосы и чисто выбритое лицо с заостренным подбородком и блеклыми глазами. Куда менее привлекательный, чем сестра, он говорил с ярко выраженным акцентом кокни, а когда улыбался, обнажались маленькие тусклые зубы, и он обретал омерзительно хитрый вид. Джимми был одет по последней моде, господствовавшей в Сити, — щегольской котелок, клетчатый костюм и ярко-фиолетовая рубашка. В руках он вертел тонкую бамбуковую трость.

— Здравствуйте, — кивнул он Бэзилу. — Рад знакомству.

— Боюсь, заставил вас ждать.

— Не извиняйтесь, — добродушно ответил мистер Буш. — Не могу задерживаться, поскольку я занятой человек, но я подумал, что хорошо бы мне заскочить и поздороваться с нашим будущим зятем. Знаете, я считаю, всегда полезно проявить расположение.

— Очень мило с вашей стороны, — вежливо ответил Бэзил.

— Надо же! Он так удивился, когда я сказала ему, что собираюсь за тебя замуж, Бэзил. — Дженни радостно рассмеялась.

— Ладно, не обращайте на меня внимания, — сказал ее брат. — Ну расцелуй же его, старушка.

— Перестань, Джимми, ты просто невыносим!

— О, я вижу, ты скромничаешь. Пора мне выкатываться отсюда.

— Разве вы не выпьете чаю перед уходом? — спросил Бэзил.

— Бог с вами, не хочу мешать вам, влюбленные голубки. Да и не особо люблю чай, это напиток для женщин. Я предпочитаю кое-что покрепче.

— Вот в этом весь Джимми! — воскликнула его сестра с задором.

— У меня есть виски, мистер Буш, — произнес Бэзил, приподняв брови.

— О, забудьте про «мистера» и забудьте про «Буша». Называйте меня Джимми, терпеть не могу церемоний. Мы ведь оба джентльмены. Имейте в виду, я не болван, чтобы хвалить самого себя, но знайте: я джентльмен. Вам ведь не кажется это бахвальством?

— Боже правый, конечно, нет. Это лишь констатация факта.

— И если что-то от тебя не зависит, так зачем этим гордиться? Если я встречаю парня в пабе и он хочет купить мне выпивку, то я не спрашиваю, лорд он или нет.

— Вы просто принимаете угощение.

— Что ж, разве вы сами так не поступаете?

— Посмею признаться, поступаю. Могу я предложить вам виски?

— Ну, если вы так настаиваете. Мой девиз гласит: «Никогда не отказывайся от выпивки». Говорят, это полезно для зубов.

Бэзил налил.

— Хватит, старина! — воскликнул Джимми. — Не переусердствуйте с содовой. Что ж, за удачу! — Он залпом осушил стакан и причмокнул. — Нас не проведешь, это точно. Ну, я пошел.

Бэзил не просил гостя остаться, но, провожая его, предложил ему сигару. Тот взял ее и принялся рассматривать.

— «Виллар и Виллар»! — восхитился он. — Ничего себе! И во сколько они вам обходятся?

— Честно говоря, я не знаю, сколько они стоят. Мне их подарили.

Бэзил зажег спичку.

— Вы не снимаете этикетку?

— Нет, если название мне известно, — ответил Джимми, и весьма решительно. — Я не каждый день курю «Виллар и Виллар», а когда курю, то этикетка меня не смущает… Что ж, до скорого. До встречи, старушка.

Когда он ушел, Дженни повернулась к любовнику:

— Поцелуй меня… Ну вот! Теперь можно тихо сесть и поговорить. Тебе понравился мой брат?

— Я только что познакомился с ним, — осторожно ответил Бэзил.

— Он не такой плохой парень, если узнать его поближе. И он умеет поднять настроение. Он прямо как моя мать.

— Правда? — Бэзил чуть оживился. — Твой отец тоже такой?

— Ну, знаешь, папа не получил такого образования, как Джимми. Брат учился в школе-пансионе в Маргейте. Ты ведь тоже ходил в школу-пансион?

— Да, я учился в Хэрроу.

— Ах, в Хэрроу не такой хороший воздух, как в Маргейте.

— Действительно, — согласился Бэзил.

— Подойди и сядь рядом со мной, любимый. Я так рада, что мы одни. Я хотела бы провести всю жизнь наедине с тобой. Ты любишь меня, правда?

— Да.

— Сильно?

— Да, — повторил он улыбаясь.

Дженни долго испытующе смотрела на него, и ее глаза вдруг потемнели. Она отвернулась.

— Бэзил, я хочу сказать тебе кое-что, и это жутко тяжело.

— Что случилось, дорогая?

Он обнял ее за талию и притянул к себе.

— Нет, не надо. — Она поднялась и сделала пару шагов в сторону. — Пожалуйста, оставайся там. Я не смогу это сказать, если буду смотреть на тебя.

Он замолчал, задаваясь вопросом, что у нее на уме. Она заговорила отрывисто, словно это стоило ей неимоверных усилий.

— Ты уверен, что любишь меня, Бэзил?

— Совершенно уверен, — ответил он, стараясь улыбнуться.

— Просто я не хочу, чтобы на мне женились из жалости или чего-то вроде того. Если ты делаешь это, поскольку считаешь, что так надо, то лучше я останусь одна.

— Но почему ты сейчас так говоришь, Дженни?

— Я обо всем подумала. На днях, когда ты сделал мне предложение, я была так счастлива, что не могла рассуждать здраво. Но я так сильно люблю тебя и смогла посмотреть на все с другой стороны. Я не хочу причинять тебе боль. Знаю, что не принадлежу к тому кругу женщин, на которых ты должен жениться, и не хочу принуж-

дать тебя. — Ее голос задрожал, и она заставила себя продолжить, а Бэзил, не шелохнувшись, вслушивался в каждое ее слово. Он не видел ее лица. — Мне надо знать, действительно ли у тебя есть ко мне чувства, Бэзил. И если нет, тебе достаточно об этом сказать, и мы расстанемся. В конце концов, я не первая девушка, которая попала в беду, и я могла бы справиться с этим, ты знаешь.

На мгновение он засомневался, и его сердце сжалось от боли. Вспомнился практичный совет мисс Ли и презрение матери. Теперь Дженни предложила ему возможность отказаться от брака, и разве не лучше было бы ухватиться за нее?

Свобода маячила перед ним, и он торжествовал. Пара легких слов — и он сможет оставить позади ужасный кошмар и начать жизнь с чистого листа, теперь уже став мудрее и лучше. Но Дженни повернулась, и в ее прекрасных печальных глазах он увидел невероятное беспокойство. В тошнотворной муке ожидания она едва могла дышать. Ему не хватило сил сказать правду.

— Дженни, не мучай себя, — судорожно выдавил он. — Ты и меня мучаешь. Ты знаешь, что я тебя люблю и хочу на тебе жениться.

— Честно?

— Да.

Она глубоко вздохнула, и тяжелые слезы заструились по ее щекам. Какое-то время она молчала.

— Ты спас мне жизнь, Бэзил, — сказала она наконец. — Я решила, что если ты не захочешь на мне жениться, то я покончу с собой.

— Какую чушь ты несешь!

— Я говорю серьезно. Я не смогла бы это пережить. Уже все продумала: я дождалась бы темноты, а потом отправилась на мост.

— Я приложу все силы, чтобы стать тебе хорошим мужем, Дженни, — пообещал он.

Но когда Дженни удалилась, Бэзила, совершенно разбитого, охватил приступ неконтролируемой депрессии. Он вспомнил, как мисс Ли сравнила жизнь с игрой в шахматы, и теперь с горечью вспоминал каждый ход, который следовало сделать иначе. Снова и снова он думал, что если бы действовал по-другому, все могло завершиться хорошо. Но каждый раз в итоге партии выходило, что совершенно не важно, как поступить, все равно становилось ясно, насколько зловещие последствия его ждут. Ни один ход не поддавался исправлению, но в момент совершения почему-то представлялся незначительным. Сама игра была несправедлива, ибо ее суть постоянно скрывалась под маской триви-

альности. А потом Бэзилу и вовсе показалось, как будто выбора никогда и не было, он чувствовал себя беспомощным во власти силы более великой, и судьба, обретшая раз в жизни явные и отвратительные очертания, руководила каждым его шагом, словно он был марионеткой. Теперь перед ним вырисовывалась мрачная и тоскливая жизнь, и даже ребенок, мысль о котором грела его больше всего, не мог его утешить.

— О, что же мне делать? — стонал он. — Что мне делать?

Он с содроганием вспомнил об угрозе Дженни совершить самоубийство и понял, что она смогла бы сделать это без колебаний. Его внезапно охватило желание так же покончить со всеми сомнениями и страданиями, но, стиснув зубы, он вскочил.

— Я не буду таким трусом! — дико завопил он. — Раз я расстелил постель, то должен в ней спать.

9

Через пару дней Бэзил женился, и когда Фрэнк, помогавший ему в ходе весьма неприятных процедур в муниципалитете, вернулся к себе, то увидел Реджи Бассетта, который удобно устроился в одном кресле, положив длинные ноги на другое. Рядом лежали сигареты Фрэнка и стоял стакан виски с содовой.

— Вижу, вы чувствуете себя как дома, мой друг.

— Я проходил мимо, и у меня не было никаких дел, так что я решил заглянуть. Моя мама считает, ваше общество положительно на меня влияет. Свадьба закончилась?

— Что вам об этом известно? — резко спросил Фрэнк.

— Больше, чем вы думаете, старина, — с ухмылкой ответил Реджи. — Мать сообщила мне, причем в назидательных целях. Она говорит, Кент женился на официантке, и это следствие того, что он вращался в дурной компании и ходил по пабам. Для чего он это сделал?

— На вашем месте я не совал бы нос в чужие дела, Реджи.

— Если все из-за того, что он обрюхатил ее, то он полный осел. Если бы я влип в подобную историю, то скорее устроил бы так, чтобы дамочка просто исчезла.

— Меня ждет работа, мой друг, — заявил Фрэнк. — С вашей стороны было бы лучше уйти.

— Ладно! Только я еще немного выпью, — сказал Реджи, подливая себе виски. — Собираюсь встретиться за чаем с миссис Кастиллион.

Фрэнк насторожился, но ничего не сказал. Реджи посмотрел на него, улыбнувшись с неимоверным самодовольством, и подмигнул:

— Неплохо я поработал, да? Учитывая, что мы знакомы всего две недели. Но с женщинами так и надо — быстрее брать их в оборот. Я заметил, что поразил ее еще на первой встрече, и приступил к решительным действиям. Я знал, что она нормальная женщина, и просто сообщил ей, чего хочу. И в самом деле, она оказалась дамой без предрассудков! Я пришел к выводу, что мне нравятся леди, Фрэнк. Не нужно ходить вокруг да около. Можно тут же браться за дело, не заботясь о проклятой высокой нравственности.

— Да вы философ, Реджи.

— Думаете, я издеваюсь, но это не так. Я прочту вам письмо, которое она мне написала. Кстати, я

собираюсь дать ей ваш адрес на тот случай, если мать обо всем узнает.

— Если письма на ваше имя придут сюда, мой друг, они тут же вернутся к почтальону.

— Вы гнусный подлец, вам это никак не повредит, — сердито ответил Реджи. — Но если думаете, что это помешает ей писать мне, то ошибаетесь. Она не постыдилась бы отправлять письма и на адрес моего репетитора. Говорю же, я должен прочесть вам ее послание, оно довольно забавное.

Реджи вытащил из кармана письмо, и Фрэнк узнал крупный почерк миссис Кастиллион.

— А вам не кажется, что это непорядочно — показывать личные письма, которые вам написала женщина?

— Чушь! — воскликнул Реджи и рассмеялся. — Если она не хотела, чтобы кто-то их видел, нечего было писать.

С явной гордостью он зачитал отрывки из послания, которое не оставило бы никаких сомнений у председателя суда по бракоразводным делам по поводу того, какие отношения связывают счастливую пару. Любовь наивной женщины льстила самолюбию Реджи, и он находил удовольствие главным образом в том, чтобы

хвастаться этим. Некоторые нежные выражения он произносил с особой экспрессией.

— «Ваша до конца дней», — закончил он. — Боже правый, какую чушь пишут женщины! И самое смешное, что это всегда одна и та же чушь. Но в ее искренности не возникает сомнений, правда? Она зашла так далеко, как только могла.

— Любезный юноша! — сказал Фрэнк. — А ваша мать знает, что вы водите дружбу с миссис Кастиллион?

— Еще бы! Сначала мать полагала, что она немного вульгарна, но потом заглянула в «Список поместного дворянства» и, обнаружив, что ее дедушка был лордом, решила: все в порядке. Моя мать в некотором роде страдает снобизмом, знаете ли. Ее домоправитель был в Сити, и она взяла себе в голову, что Кастиллионы пригласят нас к себе в Дорсетшир. Ей-богу, если это случится, я изрядно повеселюсь. — Реджи взглянул на часы. — Мне пора бежать, иначе я опоздаю на чай.

— Разве вам не надо заниматься?

— Надо, но занятия подождут. Видите ли, я не собираюсь на следующий экзамен. Мать дала мне денег на репетитора, а я их спустил, так что я скажу ей, что сдал. Все равно в конце концов все сложится как нельзя лучше.

— Разве это не жульничество?

— О чем вы? — удивленно спросил Реджи. — Она держит меня на чертовски коротком поводке, а мне нужно откуда-то брать деньги. Все так или иначе достанется мне, когда она отправится на тот свет, так что это не имеет никакого значения, как вы понимаете.

— А как насчет милой леди, с которой вы ужинали в субботу?

— О, я бросил ее. Я думаю, миссис Кастиллион обойдется мне намного дешевле. У нее полно денег, и будь я проклят, если пойму, почему мужчина всегда должен раскошеливаться на женщину.

— Мой мальчик, вы пытаетесь объединить два противоречащих понятия — любовь и бережливость.

Реджи отправился на Бонд-стрит и принялся бродить туда-сюда в ожидании миссис Кастиллион. Прождав полчаса, он разозлился и отнюдь не с радостным видом встретил свою даму, когда та наконец приехала.

— И долго вам пришлось ждать? — беспечно поинтересовалась она.

— Да, долго, — ответил он.

— Это вам только на пользу.

Она выпорхнула в кафе, и они заказали чай.

— Не могу есть эти пирожные, — заявила она. — Скажите, чтобы принесли другие.

Вторая тарелка также не пришлась ей по вкусу, и она потребовала третью.

— Думаю, первая партия была лучше всего, — заключила она в итоге.

— Могли бы и сразу съесть то, что дают, и не поднимать шум! — воскликнул Реджи, который был очень капризен, но не выносил привередливости в других.

— Этой женщине больше нечего делать, так почему мне не побеспокоить ее? И вела она себя в высшей степени нахально, я хотела бы пожаловаться на нее.

— Если вы это сделаете, я пойду и скажу, что она ни в чем не виновата.

— Это отвратительное место. Не понимаю, почему вы предложили встретиться здесь, придется съесть пару конфет, чтобы хоть как-то прийти в себя.

Осмотревшись, она заметила коробку с шоколадными конфетами, изысканно украшенную лентами и искусственными фиалками.

— Можете купить их мне. Я люблю конфеты, а вы?

— Я тоже, когда за них платит кто-то другой.

Она откинула голову и расхохоталась так громко, что все стали оборачиваться и смотреть на них. Реджи занервничал:

— На вашем месте я не устраивал бы спектакль. Посетители таращатся на вас.

— Ну и пусть! Дайте мне сигарету.

— Здесь нельзя курить.

— Почему нельзя? Вон та женщина курит.

— Да, но она могла бы вести себя более пристойно.

— Чепуха! Это леди Визард. Только ваши подруги с Пиккадилли вечно думают о соблюдении правил приличия. Они так боятся показаться не похожими на настоящих леди, что их всегда можно отличить по особой чопорности.

Миссис Кастиллион, напудренная и надушенная, была одета вычурно, но никто не мог обойти ее по части модных тенденций. И она выказала удивительную прозорливость, когда заявила, что свободные манеры отличают ее от лиц чрезмерно добродетельных. Она бросила взгляд через столик на леди Визард, одетую не менее интересно, но с величайшей тщательностью, присущей женщинам с сильным характером. Она сидела с молодым лордом де Капитом, и миссис Кастил-

лион рассказала Реджи о последнем скандале, разгоревшемся вокруг этой пары.

— Вы ведь знаете, что она мать мистера Кента? Кстати, это правда, что он женился на женщине с улицы?

— Да, — сказал Реджи. — Глупый осел!

Он живо поведал ей об интрижке все, что было известно ему. Непостижимо, каким образом подробнейшие новости о приключениях Бэзила распространились среди всех его друзей, когда только Фрэнк и мисс Ли, в высшей степени благонадежные люди, знали все обстоятельства.

— Послушайте, Реджи, вы пойдете со мной завтра в театр? Леди Паперли раздобыла ложу на «Красавицу из Петербурга» и попросила меня привести с собой кавалера.

— Я ваш кавалер? — спросил Реджи.

— А почему нет?

— Это звучит неимоверно вульгарно. Можно подумать, вы говорите о своем лакее.

В ответ миссис Кастиллион рассмеялась, причем невероятно громко, так что посетители кафе, к смущению Реджи, снова обернулись.

— Какой вы зануда! Это сказывается воспитание вашей мамочки? Знаете, она та еще старая развалина.

— Спасибо!

— Но я собираюсь пригласить ее в Джейстон на Рождество. Мы планируем устроить прием в загородном доме, и я хочу позвать мисс Ли и доктора Харрелла. Мне он не особенно нравится, но мисс Ли без него не поедет. Жаль, что она не моложе, правда? Тогда они могли бы говорить на философские темы с большей пользой. Ходят слухи, она обожает молодых мужчин. Интересно, что она с ними делает… Думаете, она была очень распутна в юности?

— Она сущая развратница, это я знаю наверняка, — ответил Реджи, вспомнив, как часто в школьные годы щедрая дама вкладывала ему в руку чаевые.

— Уверена, что-то здесь было нечисто, — рассудила миссис Кастиллион. — Не зря она так долго жила в Италии.

— Моя мать считает ее честнейшей женщиной из всех, кого она когда-либо знала.

— На вашем месте я не стала бы постоянно ссылаться на мнение матери, Реджи. Мне вполне хватает Пола, чтобы еще слушать ваши россказни. Полагаю, придется пригласить эту старую курицу на Рождество: она ужасна, но богата, как никто, к тому же прекрасно общается с вашей

матерью. Пойдемте. Меня тошнит от этой дыры.

Когда Реджи попросил счет, он обнаружил, что коробка конфет стоила пятнадцать шиллингов, и, поскольку предпочитал тратить деньги исключительно на себя, остался не слишком доволен. Миссис Кастиллион ждал извозчик, и она предложила подвезти кавалера до Гросвенор-Гарденс, где ее ждали на чай.

— Я хорошо провела время, — сказала она, когда они приехали. — Дали бы вы извозчику пять шиллингов. До свидания, Реджи. Не опаздывайте завтра. Где мы поужинаем?

— Мне все равно, если это будет дешево, — сказал он, уныло протягивая извозчику пять шиллингов.

— О, я заплачу за ужин, — заявила миссис Кастиллион.

— Ладно, — ответил он, просветлев. — Тогда пойдемте в «Карлтон».

Миссис Кастиллион зашла в дом, а Реджи, ненавидевший ходить пешком, желая сэкономить деньги, с угрюмым видом побрел домой в Слоан-Гарденс. Фрэнк проявил величайшую мудрость, когда сказал, что любовь и бережливость редко идут рука об руку.

— Все это стоило мне больше фунта, — бормо-

тал Реджи. — Я мог бы сводить Мэдж на ужин три раза за эти деньги, и будь я проклят, если бы она вела себя так вульгарно, как эта «женщина без предрассудков».

Но на следующий день они встретились в вестибюле «Карлтона» и отправились на ужин. Официант принес винную карту.

— Что будете пить? — спросил он.

— Что-нибудь шипучее.

Это полностью соответствовало желаниям Реджи, а поскольку он не собирался оплачивать ужин, то постарался заказать шампанское, которое нравилось ему больше всего и отнюдь не отличалось дешевизной. Он льстил себе, считая, что обладает изысканным вкусом, но пил спиртное с особенным удовольствием, поскольку цена была высока. Миссис Кастиллион, слишком сильно напудренная, как увядающая роза, которую в выгодном свете разместили в витрине, дабы ввести в заблуждение покупателя и убедить его в ее первой свежести, была в прекрасном расположении духа. Довольная своим видом, как и видом привлекательного юнца напротив, томная и чувственная, как пробуждающийся Адам кисти Микеланджело, она говорила очень быстро и чрезмерно громко. Настроение Реджи улучша-

лось по мере усиления действия алкоголя, и его сомнения относительно того, стоит ли заводить роман с женщиной высокого положения, вскоре развеялись. Глядя на ее великолепное дорогое платье, он ощущал дрожь и с удовлетворением ласкал взглядом бриллианты у нее на шее и в светлых волосах. Его переполняли новые ощущения, когда он ужинал с хорошо одетой богатой женщиной в ресторане, и он буквально раздувался от гордости, считая себя крайне удачливым ловеласом.

Передав что-то, он коснулся ее пальцев.

— Не надо, — сказала она. — Я от этого вся дрожу.

Видя, какое это производит впечатление, миссис Кастиллион использовала все свои приемы и уловки.

— Будь проклят театр! Жаль, что нам придется туда идти.

— Обязательно. Леди Паперли явится со своим спутником, а мы должны ее сопровождать.

Реджи доставляло удовольствие сидеть в одной ложе с титулованной особой, и он знал, что это порадует мать.

— Почему вашего мужа никак не сделают баронетом? — простодушно спросил он.

— Моя свекровь не желает раскошеливаться. Видишь ли, Пола вряд ли можно назвать гением, ему польстила бы приставка к имени, но в последнее время цены выросли, и за титул баронета нужно платить наличными.

У Реджи был зверский аппетит, и он с великой радостью сидел за столом весь этот долгий ужин. Когда принесли десерт, он закурил сигарету и вздохнул с глубочайшим удовлетворением.

— И все же говорят, что удовольствия интеллектуальные превыше удовольствий гастрономических, — вздохнул он.

Он остановил на миссис Кастиллион тяжелый взгляд, и, как у большинства мужчин, его сердце наполнилось любовью, сопровождающей приятный процесс усвоения пищи, и он одарил ее особенно сладострастной улыбкой:

— Послушайте, Грейс, думаете, вы могли бы улизнуть на выходные куда-нибудь?

— О, я не могу так рисковать. Это было бы слишком опасно.

— Только если мы не отправимся в какое-нибудь тихое местечко. Это было бы потрясающе!

Ее сердце забилось быстрее, и под этим прекрасным ленивым взглядом она ощутила приятную слабость. Его ладонь лежала на столе, большая,

мягкая и гладкая, и при мысли о том, что он прикоснется к ней, ее охватило возбуждение.

— В следующем месяце Пол собирается поехать с выступлениями на север, — призналась она. — Это наш шанс, правда?

Риск завораживал ее, и симпатия к Реджи резко сменилась неистовой страстью, ради которой она была готова поставить на карту все, что угодно.

— Послушайте, у меня появилась мысль, — прошептала она, и ее глаза сверкнули. — Поедем в Рочестер. Помните, на днях Бэзил Кент рассказывал об этом месте? Я могла бы сказать, что хочу полюбоваться видом, или придумать что-то еще. Полагаю, это жуткая дыра и никто, кроме американцев, туда не ездит.

— Хорошо, — согласился он. — Это будет превосходно.

— А теперь нам пора. Попросите счет.

Миссис Кастиллион ощупала карманы, затем, откинув голову, визгливо рассмеялась.

— В чем дело?

— Я забыла кошелек. И все-таки придется платить вам. Вы не против?

— К счастью, мать дала мне пятерку сегодня утром, — без энтузиазма ответил он, а когда отсчитывал блестящие соверены, мысленно

добавил: «Видит Бог, когда-нибудь я ей это припомню».

Прибыв в театр, они увидели, что леди Паперли еще не появилась, а поскольку не знали номера ложи, то были вынуждены ждать у входа. Они простояли там почти полчаса, и миссис Кастиллион все больше распалялась с каждой минутой.

— Это жутко отвратительно и ужасно невежливо с ее стороны! — воскликнула она в десятый раз. — Жаль, что я приехала, и, ради Бога, перестаньте стоять с таким кислым видом. Неужели не можете повеселить меня какой-нибудь историей?

— Я думал, вы в состоянии подождать пару минут и без таких омерзительных приступов ярости.

— Уж я услужу этой женщине так, как она услужила мне. Полагаю, она ужинает сейчас где-нибудь со своим проклятым кавалером. Разве вы не можете заплатить за ложу, чтобы мы вошли?

— С какой стати? Они нас пригласили, и мы должны здесь ждать, пока они не появятся.

— Если бы я вам хоть немного нравилась, вы не отказывались бы выполнять мои просьбы.

— Если ваша просьба покажется мне благоразумной, я ее выполню.

Реджи и сам отличался вспыльчивостью, которую, при попустительстве матери, так и не научился сдерживать. И, увидев, что миссис Кастиллион рвет и мечет от нетерпения, он демонстративно принял спокойный вид, который раздражал еще больше, чем если бы он суетился или кипел от злости. Дама попыталась пробить броню его безразличия острым языком и стала ругать его. Через некоторое время он без особых волнений отплатил ей той же монетой:

— Если вы недовольны мной, я, пожалуй, пойду. Думаете, вы единственная женщина на свете? Меня уже почти тошнит от вашего сварливого характера! Боже правый, если такое приходится терпеть женатому мужчине, то упаси меня Бог от женитьбы!

Они замолчали. Даже под слоем пудры щеки миссис Кастиллион неистово багровели. Но когда наконец появилась леди Паперли в сопровождении крепкого юнца военного вида, миссис Кастиллион, встретив ее улыбкой и теплыми словами, поклялась, что они только приехали. Реджи, не столь привыкший к правилам поведения в приличном обществе, не мог скрыть плохого настроения и пожимал руки с мрачным молчанием.

После спектакля Реджи посадил миссис Кастиллион в экипаж, но не стал пожимать ей руку, и на его красивом лице отражалось недовольство, что сильно обеспокоило ее, ведь то, что сначала казалось ей мимолетным увлечением, непостижимым образом превратилось в отчаянную страсть. В душе она была блудницей и долгие годы порой серьезно, а порой не очень флиртовала то с одним, то с другим мужчиной. Но она главным образом жаждала восхищения и общества человека, готового выводить ее в свет и оплачивать маленькие прихоти. И хотя некоторые воспринимали интрижку серьезно, она всегда сохраняла трезвость ума и бросала поклонников, если они начинали доставлять беспокойство. Но теперь, когда она уезжала одна, ее сердце сжимала тупая голодная боль, она испытывала муки, видя злость в прекрасных глазах Реджи, и с печалью вспоминала поспешный поцелуй, которым он одарил ее позавчера в такси.

— Наверное, он не вернется, — прошептала миссис Кастиллион и вдруг расплакалась.

Она была немного напугана, понимая, что находится во власти распущенного эгоистичного мальчишки, которого она нисколько не волновала. Любая женщина могла бы легко заменить

ее, ведь, как ни прискорбно, она видела, что он просто ослеплен ее богатством и блеском бриллиантов. Ему нравилось ужинать в ее доме, и его самолюбию льстило, когда он обнимал роскошно одетую женщину. Но ей не хватало силы характера, чтобы стоять на своем, и она поддалась любви, не думая о том, в какую пропасть позора и мучения она ведет. Отправившись к себе в комнату, она села писать жалобное письмо Реджи. Увидев такое унижение, те, с кем она жестоко играла в былые времена, почувствовали бы себя отмщенными.

> Не злитесь на меня, дорогой, мне это невыносимо. Я люблю вас всем сердцем и душой. Простите, что ужасно вела себя сегодня вечером, но я ничего не могла с собой поделать и впредь буду сдерживаться. Напишите и скажите, что прощаете меня, потому что у меня кровь стучит в висках, а сердце изнывает от тоски по вам.
>
> Я люблю вас — я люблю вас — я люблю вас.
>
> ***Грейс.***

Она свернула письмо и собиралась положить

его в конверт, когда ей на ум пришла одна мысль. Несмотря на ветреность, миссис Кастиллион была наблюдательна и заметила, что Реджи не любит тратить деньги. Она подошла к ящику и вытащила десятифунтовую банкноту, которую приложила с постскриптумом.

> Простите, что я сегодня забыла кошелек, деньги лежали у меня дома. Пожалуйста, заберите это в счет долга, а на сдачу можете купить себе булавку для галстука. Я хотела сделать вам маленький подарок, но боюсь купить то, что вам не понравится. Пожалуйста, скажите, что не сердитесь на меня за то, что я попросила вас сделать это самостоятельно.

Молодой человек прочитал письмо с равнодушием, но когда дошел до последних строчек, вспыхнул, поскольку мать привила ему определенные правила чести и вопреки собственной воле он не мог избавиться от мнения, что принимать деньги от женщины постыдно. На мгновение ему стало неимоверно стыдно, но банкнота была такой хрустящей, чистой и соблазнительной…

Первым его порывом было отправить деньги

назад, и он сел за письменный стол. Но когда дело дошло до того, чтобы положить банкноту в конверт, он заколебался и снова посмотрел на нее.

«В конце концов, с учетом вчерашнего ужина и чая, она мне должна большую часть этих денег, и я потрачу их на нее, если оставлю их себе. Она так богата, для нее это ничего не значит. — Потом его озарило. — Я поставлю остаток на лошадь, и если она выиграет, то верну десятку. А если — нет, то я ни в чем не виноват».

И он положил десятку в карман.

10

Кенты провели медовый месяц в рыбацком домике близ Карбис-Уотер[37], само название которого, романтичное и музыкальное, завораживало слух Бэзила. Из окна был виден утес, поросший пахучим ракитником и лениво подползавший к кромке разноцветного моря. Старик, сдавший им жилье, отличался какой-то приветливой простотой, и Бэзил с восторгом слушал его длинные рассказы о ловле сардин, о штормах, после которых пляж был усеян обломками кораблей, и о жестоких схватках между рыбаками Сент-Ивз и иностранцами из Лоустофта. Он говорил о возрождении религиозного движения в деревне, основатели которого призывали грешников к раскаянию. Он говорил о том, как в один памятный день сам нашел спасение и теперь исповедовал вновь обретенную веру с особым рвением. Это, однако, не мешало ему зарабатывать деньги на незнакомцах в собственном доме. Высокий и костлявый, этот старый рыбак с морщинистыми щеками и с глазами, затуманившимися от того,

---

[37] Примечания: 37
Теперь эта местность называется Карбис-Бэй — залив Карбис.

что он слишком долго вглядывался в морскую даль, казалось, являл собой олицетворение этой земли — дикой, с заброшенными шахтами, и в то же время ласковой; бесплодной и в то же время нежной, цвета пастели. Бэзилу, истерзанному за последний месяц противоречивыми чувствами, этот край представлялся исполненным умиротворяющего очарования, с которым не сравнились бы и более выдающиеся красоты южных стран.

Однажды днем они поднялись на холм, чтобы увидеть местную достопримечательность — могильную плиту, венчавшую его вершину, и Бэзил побродил вокруг, пока Дженни, равнодушная и утомленная, присела отдохнуть. Он прогулялся по зарослям дрока, шафрана и вереска, цвета приглушенного и благородного аметиста: какой-то ребенок собрал букетик и бросил его, так что он лежал на траве, умирая, — увядающее фиолетовое пятно, как символ упадка имперской власти. По какой-то неведомой причине Бэзил вспомнил слова самого поэтичного из всех писателей-прозаиков, одаренного и простого мастера, ткущего материю из слов, — Джереми Тейлора — и повторил про себя ту грустную страстную фразу из «Смерти в святости»: «Встань с постели, выпей вино, увенчай свою голову розами и

покрой кудрявые локоны маслом нарда, ибо Бог велит тебе помнить о смерти».

Стоя на краю пропасти, он оглядел долину моря и на отдалении увидел Хейл на берегу спокойной реки, похожий на старый итальянский городок, яркий и веселый, даже под этими мрачными небесами. Небо было серым и хмурым, и облака, готовые пролить дождь, проносились над вершиной холма как прозрачные лохмотья некоего умирающего языческого духа, витающего в одиночестве среди гротескных форм христианской легенды. На верху холма рядком высились засохшие деревья, и Бэзил, когда посещал это место раньше в том же году, пришел к выводу, что они диссонируют с летом, выделяясь своей отвратительной чернотой на фоне ярких красок корнуоллского июня. Теперь же природа пришла в гармонию с ними, и они стояли, сучковатые и голые, в мирной тишине. Зеленые листья и цветы желтели и увядали, эфемерные, как бабочки и легкий апрельский бриз, а деревья оставались неизменными и постоянными. Мертвые папоротники лежали повсюду, коричневые, как сама земля, они стали первыми летними растениями, которые увяли, замерзнув до смерти под прохладным сентябрьским ветром. Тишина была столь

величественна, что Бэзил, казалось, улавливал в воздухе хлопанье крыльев грачей, перелетавших с поля на поле у него над головой. Бэзил особенно наслаждался уединением, поскольку привык быть один, а постоянное общество другого человека со времен женитьбы порой действительно его утомляло. Он принялся строить планы на будущее. Ничто не мешало побудить Дженни расширить круг знаний, которыми она обладала сейчас. Она ни в коей мере не отличалась глупостью, и потихоньку он, вероятно, сможет привлечь ее к тому, что интересовало его. Было бы чудесно открыть человеческой душе ее собственную красоту. Но его энтузиазм быстро иссяк, когда, спустившись с холма, он увидел Дженни, которая спала, откинув голову назад, со сползшей на один глаз шляпкой и приоткрытым ртом. Его сердце сжалось, когда он увидел ее такой, какой никогда не видел раньше: на фоне нежного совершенства пейзажа ее одежда казалась безвкусной и грубой, а при ближайшем рассмотрении под внешней красотой обнаруживалась посредственность натуры, за которую он уже успел возненавидеть ее брата.

Опасаясь, что может пойти дождь, Бэзил разбудил ее и предложил пойти домой. Она с любовью

улыбнулась ему:

— Ты видел, как я спала? У меня открылся рот?

— Да.

— Ну и видок у меня был, наверное!

— Где ты купила шляпку? — спросил он.

— Я сделала ее сама. Тебе не нравится?

— Жаль, что она такая яркая.

— Яркие цвета подходят мне, — ответила она. — И всегда подходили.

Корнуоллский туман навис над землей, пронизывая все вокруг, как людская печаль, и наконец, на исходе дня, упали первые капли дождя. В дымке ночи край погрузился в темноту. Но в сердце Бэзила царила еще более глубокая тьма, и по прошествии всего одной короткой недели в его душу закралось опасение, что задача, которую он так уверенно попытался решить, может оказаться ему не по силам.

По возвращении в Лондон Бэзил перевез принадлежавшую ему мебель в маленький домик, который снял в Барнсе. Ему нравилась старомодная Главная улица в этом городке, потому что она сохранила некую деревенскую простоту, и эта незатейливость хоть как-то сглаживала жуткое впечатление от длинного ряда вилл, в котором стояла и его собственная. Архитектор, проявив-

ший изобретательность, разместил на каждой стороне по пятьдесят маленьких домиков, столь похожих один на другой, что отличались они только номерами и звучными названиями на фрамугах. Две или три недели молодые супруги распаковывали вещи, а потом Бэзил вернулся к монотонной жизни, которая ему нравилась, поскольку позволяла работать. Каждое утро он спозаранку уезжал в адвокатскую контору, где выполнял кое-какие обязанности королевского адвоката, в кабинете которого и сидел в ожидании записок. Записки так и не приходили, и около пяти часов он садился на поезд и возвращался в Барнс. За этим следовала прогулка по бечевнику вместе с Дженни, а после ужина он писал до отхода ко сну.

Теперь Бэзил ощущал некое тихое удовлетворение от брака: его дела налаживались, и он мог отдаться своим литературным амбициям. Очевидно, было какое-то волшебство в брачных узах, ибо постепенно в его сердце выросла отчетливая и глубокая привязанность к Дженни. Он был польщен ее восхищением и тронут кротостью, с которой она выполняла его распоряжения. Он искренне предвкушал рождение их ребенка. Они беспрестанно говорили об этом, оба были

убеждены, что родится сын, и с удовольствием обсуждали, что с ним делать, какую прическу он будет носить, когда подрастет, и куда пойдет учиться. Когда Бэзил представлял, как эта красивая женщина будет кормить ребенка — а она никогда не была прекраснее, чем сейчас, — его сердце начинало биться быстрее от гордости и благодарности. И он ругал себя за то, что когда-то усомнился, стоит ли жениться на ней, и в какое-то мгновение медового месяца горько пожалел о своем поспешном шаге.

Дженни светилась от счастья. По характеру она была ленива, и после тяжелой работы в «Голден краун» ее приводило в восторг то, что она может ничего не делать с утра до ночи. Ей нравилось, что у нее под рукой всегда находилась служанка, называвшая ее «мэм», и доставляло неимоверное удовольствие наблюдать за ее работой. Дженни также гордилась их с Бэзилом маленьким домиком и мебелью и вытирала пыль с картин с удовольствием, хотя и считала их весьма уродливыми. Бэзил говорил, что они очень красивые, и она знала, что они стоят больших денег. Дженни все больше восхищалась супругом, поскольку не могла понять его мыслей и не поддерживала его амбиции. Она боготворила его, как собака

хозяина. Ей доставляли невыносимые муки его ежедневные поездки в город, и она неизменно провожала его до двери, чтобы увидеть его до ухода. Когда подходило время его возвращения, она, затаив дыхание, ждала, когда раздадутся его шаги на асфальтированной дорожке, а иногда, сгорая от нетерпения, выходила ему навстречу.

Бэзил не обладал благожелательной особенностью воспринимать людей такими, какие они есть, и не требовать от них больше, чем они могут дать. Он скорее пытался приспособить к своим собственным идеям людей, с которыми вступал в контакт. Вкус у Дженни был отвратительный, а невежество, которое даже шло хорошенькой официантке, в жене несколько раздражало. В соответствии с планом бессознательного обучения, по которому Дженни могла впитать знания, как варенье — сахар, без усилий, Бэзил подсовывал ей книги для чтения. И хотя Дженни, следуя его выбору, послушно брала их, ей это явно не нравилось. Усердно потрудившись с четверть часа, она едва не швыряла том на пол, а потом все оставшееся утро фамильярно болтала с прислугой. Если же ей хотелось почитать, она предпочитала купить бульварный роман в книжном киоске на станции, но старательно прятала его, когда

приходил Бэзил. А однажды, когда он случайно нашел произведение под названием «Месть Розамунды», объяснила, что это книга служанки. Всего за один пенс миссис Кент могла получить длинную леденящую кровь романтическую историю, красивый и аристократичный герой которой удивительно походил на Бэзила, а на месте бесподобного создания, ради которого бесстрашно совершались доблестные поступки, она представляла себя. В свободной спальне под матрасом она хранила любимый роман, в котором одна весьма достойная горничная благородно принесла себя в жертву. Сердце Дженни билось быстрее, когда она думала, с какой готовностью рискнула бы собственной жизнью при подобных обстоятельствах. Не подозревая об этом, Бэзил часто говорил о книгах, которые сам ей давал, но в порыве энтузиазма так увлекался, что не замечал, насколько скудными оставались ее познания.

— Жаль, что ты не читаешь мне свою книгу, Бэзил, — сказала она как-то вечером. — Ты вообще ничего мне о ней не рассказываешь.

— Это лишь утомило бы тебя, дорогая.

— Думаешь, я недостаточно умна, чтобы понять ее?

— Что ты! Если хочешь, я буду только рад зачи-

тать тебе пару отрывков.

— Я так рада, что ты романист. Это очень необычно! И я *буду* гордиться, когда увижу твое имя в газетах. Почитай мне сейчас, хорошо?

Ни один писатель, как бы яростно он ни протестовал, на самом деле не особенно сердит, когда его просят прочитать неизданную книгу. Это дитя его сердца, до сих пор хранящее волшебство, которое, когда его облекут в бездушно напечатанные буквы и закроют переплетом, растает без следа. Бэзил особенно нуждался в сочувствии, потому что не верил в себя и мог работать лучше, когда кто-то восхищался его работой. Он страстно надеялся, что Дженни заинтересуется его произведением, и только из робости мало говорил об этом до сих пор.

Идея романа, действие которого происходило в Италии в начале XVI века, пришла ему в голову во время визита в Национальную галерею вскоре после возвращения из Южной Африки. Тогда его ум, истосковавшийся по общению с искусством, был особенно чувствителен к восприятию прекрасного. Он бродил среди картин, останавливаясь у любимых, и спокойная тишина галереи наполняла его душу большим ликованием, чем любовь или вино. Он часто вспоминал это мгно-

вение из-за ощущения исключительного счастья, духовного и умиротворяющего. Наконец он подошел к портрету итальянского аристократа кисти Моретто, который показался ему воплощением самого духа позднего Возрождения. Полотно полностью гармонировало с его настроением. Он считал, что создание совершенных форм — конечная цель искусства, и с удовольствием отметил декоративный эффект, который создавали темные тона и фигура высокого мужчины, прислонившегося в печали и апатии к проему в мраморной стене. Прошедший без имени сквозь века, он стоял в позе, таившей в себе не то усталость, не то манерность, а его скрытое отчаяние отражалось в темном пейзаже на заднем плане, пустом, как безлюдная обитель духовной жизни, и даже бирюзовое небо казалось холодным и грустным. На портрете значилась дата — 1526 год, и мужчина был облачен в блузу с разрезами на рукавах и в чулки той эпохи (раннее Возрождение осталось позади, ведь Микеланджело умер[38],

[38] Примечания: 38
Микеланджело Буонарроти, титан Возрождения, умер в 1564 г.

а Чезаре Борджа[39] гнил в далекой Наварре). Темно-вишневый цвет его красочного одеяния выглядел мрачным, почти черным, зато на его фоне светился нежный батист блузы с рюшами. Одна рука, без перчатки, лежала на рукояти длинного меча, тонкая изящная рука, белая и мягкая, рука джентльмена и студента. На голове его красовалась шляпа странной формы, частично темно-желтая, частично алая, с медальоном, изображавшим святого Георгия с драконом.

Бэзила преследовало это лицо, казавшееся еще бледнее из-за темной бороды. Глаза мужчины взирали с портрета так, словно созерцание приносило лишь усталость, а мир не мог предложить ничего, кроме разочарования. В итоге, размышляя над личностью, которую, по-видимому, старался изобразить художник, Бэзил придумал историю и, развивая сюжет, погрузился в работы поэтов и историков того времени и несколько месяцев почти не выходил из Британского музея. Наконец он начал творить по-настоящему. Бэзил хотел описать итальянское общество той эпохи

[39] Примечания: 39

Чезаре Борджа (1475–1507) — правитель Романьи (Италия) с 1499 г. С помощью своего отца (папы римского Александра VI) создал в Средней Италии обширное государство, в котором пользовался абсолютной властью.

и глубокое разочарование после энергичного оживления, с которым оно встретило свободу мысли, когда падение Константинополя открыло для интеллектуальной мысли новые горизонты. И он придумал человека, который проживал жизнь так, словно это была война, — неистово, стремясь насладиться каждым мигом, и потом, обнаружив, что все тщетно, с отчаянием оглядывался назад, ибо мир больше ничего не мог ему дать. Знакомый с жизнью при королевских дворах и в лагерях кондотьеров, он испытал все возможные чувства, вел кровавые сражения, любил и плел интриги, писал стихи и рассуждал о философии Платона. Эпизоды этой карьеры были ярки и волнующи, но Бэзил обращался к ним исключительно в той мере, в какой требовалось для описания состояния души героя.

Эта тема давала возможность использовать витиеватый стиль, которому отдавал предпочтение Бэзил, и он принялся читать, делая особый акцент на ритме предложений и наслаждаясь их мелодичностью. Его лексикон, позаимствованный у современников королевы Елизаветы, был богат и звучен, а красота некоторых слов опьяняла его. В конце концов он вдруг остановился.

— Дженни! — окликнул он жену.

Ответа не последовало, и он увидел, что она крепко спит. Стараясь не разбудить ее, он отложил книгу и поднялся со стула. Не стоило просить его почитать, если она не могла удержаться от того, чтобы не заснуть. С некоторой досадой он вернулся за стол, но на помощь пришло его чувство юмора.

— Какой же я глупец! — воскликнул он, засмеявшись. — С чего я решил, что это может ее заинтересовать?

А миссис Мюррей слушала ту же главу с весьма лестным вниманием и не поскупилась на похвалу. Бэзил вспомнил, что Мольер читал комедии кухарке и, если та не смеялась, переписывал их. Следуя логике, теперь Бэзилу следовало бы уничтожить роман. Но он все же принялся убеждать себя, что пишет не для всех, а для немногочисленных избранных.

И тут Дженни наконец проснулась.

— Ну не может быть! Я ведь не спала, правда?

— Да ты храпела!

— Прости. Я тебе помешала?

— Нисколько.

— Ничего не могла с собой поделать. На меня напала такая дремота, когда ты читал. Мне правда понравилось, Бэзил.

— Это нечто — написать книгу, которая действует усыпляюще, — ответил он, зловеще улыбаясь.

— Почитай мне еще. Я теперь совсем не хочу спать, и это было так красиво.

— Если ты не против, я лучше немного поработаю.

Через несколько дней мать Дженни, которая еще не видела Бэзила, нанесла им визит. Она была полной женщиной с решительным характером и чувствовала себя настолько неудобно в черном атласном платье, что возникало предположение, будто это ее лучший воскресный наряд. Вероятно, из-за этого у нее возникло странное ощущение, что дни перепутались и воскресенье каким-то образом наступило среди недели. Вопреки воле Бэзила Дженни настояла на том, чтобы приберегать самые лучшие вещи для особых случаев, и, когда они были одни, заваривала чай в глиняном чайнике.

— Ты не против, если я не буду доставать серебряный чайник, мама? — спросила она, когда они сели. — Мы не пользуемся им каждый день.

— Ведь я не прихожу к тебе каждый день, дорогая, — ответила миссис Буш, хмуро поглаживая свой черный атлас. — Полагаю, теперь, когда ты вышла замуж, я никто. Разве вы не пьете чай за

столом?

— Бэзил любит пить чай в гостиной, — ответила Дженни, наливая молоко на дно каждой чашки.

— Что ж, в этом мало приятного. Чай для меня много значит, тебе это известно, Дженни.

— Да, мама.

— Я всегда говорю, что это выглядит жалко, когда на столе стоит тарелка, а на ней — всего пара бутербродов, да еще масло намазано так, что его почти не видно.

— Бэзилу так нравится.

— У себя в доме я делаю так, как хочу я. Не уступай мужу в собственном доме, иначе он сядет тебе на шею.

Бэзила, вошедшего в этот момент, представили посетительнице, и Дженни, явно нервничая, старалась контролировать поведение матери. Хотя миссис Буш благоговела перед сдержанностью манер зятя, она изо всех сил старалась преподнести себя как образцовую леди и, когда подняла чашку, отставила согнутый мизинец в высшей степени элегантным и проверенным способом. Бэзил после нескольких вежливых замечаний погрузился в молчание, и две женщины минут пять с трудом рассуждали на самые банальные темы. Затем у их дома остановилась коляска,

и через минуту горничная объявила о приходе миссис Мюррей.

— Я подумала, вы не будете против моего визита, — сказала она, протягивая руку Дженни. — Мы с вашим мужем давние друзья.

Ошеломленная, Дженни вспыхнула, а Бэзил, придя в восторг от появления миссис Мюррей, тепло пожал ее руки.

— Это так мило с вашей стороны! Вы как раз вовремя, чтобы выпить чашечку чаю.

— Умираю, как хочу чаю.

Она села, очень красивая и сдержанная, и миссис Буш принялась осторожно изучать ее платье. Но тут Дженни вспомнила, что они пьют из обычного чайника.

— Пойду заварю свежего чаю, — сказала она.

— Фанни может сделать это, Дженни.

— О нет, я должна сделать это сама, к тому же я запираю чай на ключ. Знаете, мне приходится так поступать, — добавила она, обращаясь к миссис Мюррей. — Эти девушки такие непорядочные.

Она поспешно вышла, и, пока ее не было, Бэзил с заинтересованным видом расспрашивал миссис Мюррей, как она их нашла.

— С вашей стороны было отвратительно не написать мне и не рассказать, где вы живете.

Мисс Ли дала мне ваш адрес.

— Разве вам не кажется, что это забавное место? Вам надо заглянуть на Главную улицу. Она такая необычная и затейливая.

Они весело болтали, почти отвернувшись от миссис Буш, которая наблюдала за ними, нахмурив брови. А она часто говорила, что она не тот человек, который позволит собой пренебрегать.

— Хороший сегодня день, не правда ли? — агрессивно вставила она.

— Прекрасный! — с улыбкой согласилась миссис Мюррей.

И прежде чем миссис Буш успела отпустить еще один комментарий, Бэзил спросил, когда миссис Мюррей собирается в Италию. В этот момент пришла Дженни, и ее мать с негодованием заметила, что на сей раз она принесла серебряный чайник. Миссис Буш напряглась и выпрямила спину в молчаливом гневе — само воплощение обиды и ярости. От нее не укрылось и то, что Бэзил, который до приезда миссис Мюррей не проронил почти ни слова, теперь оживился. Он весело рассказывал о приключениях, сопровождавших их переезд, но хотя это, судя по всему, невероятно забавляло миссис Мюррей, миссис Буш ничего смешного в этом не находила.

Наконец посетительница встала:

— Мне и правда пора. До свидания, миссис Кент. Вы должны уговорить супруга привезти вас ко мне в гости.

Она выплыла из комнаты, шелестя шелком, и Бэзил провел ее по лестнице.

— Она приехала на коляске, мама, — сказала Дженни, выглядывая из окна.

— У меня есть глаза, моя дорогая, — ответила миссис Буш.

— Ну разве у него не аристократический вид?! — воскликнула юная восхищенная жена.

— Аристократа видно по поступкам, — сурово парировала ее мать.

Они смотрели, как Бэзил у двери разговаривает с миссис Мюррей и смеется. Потом она дала указания извозчику, который следовал за ними, пока они медленно прогуливались по улице.

— Вот оно как, Дженни! — воскликнула миссис Буш с возмущением.

— Интересно, куда они направляются? — произнесла Дженни, отвернувшись.

— Дам тебе совет, моя дорогая: не спускай глаз с этого молодого человека. На твоем месте я не стала бы ему доверять. И скажи ему, что твоя мама и кирпичную стену видит насквозь, не говоря уж

о людях… Он когда-нибудь рассказывал тебе об этой своей подруге-леди?

— О да, мама, он часто о ней упоминал, — нервно ответила Дженни, потому что на самом деле прежде никогда не слышала имени миссис Мюррей.

— Ладно, скажи ему, что не желаешь о ней слышать. Ты должна быть осторожна, моя дорогая. У меня были проблемы с твоим отцом, когда я вышла замуж. Но потом я дала ему понять, что не потерплю его безобразий.

— Интересно, почему Бэзил не возвращается?

— И он не был настолько любезен, чтобы представить меня этой своей подруге-леди. Полагаю, я недостаточно хороша.

— Мама!

— О, ничего не говори, моя дорогая! Я думаю, вы отнеслись ко мне очень плохо, вы оба, и пройдет еще много времени, прежде чем я покину свой прекрасный дом в Крауч-Энде и переступлю этот порог.

Вернулся Бэзил и тут же заметил, что миссис Буш сильно разволновалась.

— Ну и что же случилось? — спросил он с улыбкой.

— Здесь нет ничего смешного, мистер Кент, —

ответила раздраженная матрона с чувством собственного достоинства. — Я расстроена и не буду это отрицать. Я жду, чтобы ко мне относились как к леди, и не думаю, что Дженни следовало наливать мне чай из чайника за шесть пенсов. И ты не можешь отрицать, что именно столько он и стоит, моя дорогая, потому что я знаю это так же хорошо, как ты.

— В следующий раз мы будем вести себя лучше, — добродушно сказал Бэзил.

— Не так уж долго Дженни искала серебряный чайник, стоило появиться вашей подруге-леди. Я полагаю, я не стою того, чтоб вокруг меня суетились.

— Я считаю, чай намного вкуснее, когда его заваривают в глиняной посуде, — мягко заметил Бэзил.

— О да, конечно, вкуснее, — с иронией кивнула миссис Буш. — А чтобы поймать воробья, нужно всего лишь насыпать немного соли ему на хвостик. Хорошего вам дня.

— Ты ведь не собралась уходить, мама?

— Я понимаю, когда я нежеланный гость. И не трудитесь провожать меня — я знаю дорогу и не украду ваши зонты.

Бэзил пребывал в прекрасном расположении

духа, и ярость миссис Буш неимоверно забавляла его.

— Куда ты сейчас ходил, Бэзил? — спросила Дженни, когда ее мать шагнула за порог.

— Я просто показывал миссис Мюррей Главную улицу. Я подумал, ей это будет интересно.

Дженни промолчала. Бэзил, обсудив с нежданной гостьей успехи в написании книги и вспомнив все комплименты, которые она ему наговорила, не обратил внимания на настроение жены. Весь вечер она почти не разговаривала, но ее поразило, что Бэзил был весел, как никогда. За ужином он смеялся и шутил, не замечая, что она на это не реагирует, а потом сел за работу. На него снизошло вдохновение, и он писал легко и быстро. Дженни, притворяясь, что читает книгу, наблюдала за ним из-под полуопущенных ресниц.

11

Примерно через неделю после женитьбы Бэзила мисс Ли за завтраком обнаружила у себя на столе письмо от Беллы следующего содержания:

Моя дражайшая Мэри!

В последнее время я очень беспокоюсь о моем друге Герберте Филде и хочу, чтобы вы сделали мне большое одолжение. Вы знаете, что у него не самое крепкое здоровье, а некоторое время назад он заболел ужасной простудой, от которой, похоже, никак не может избавиться. Он отказывается заботиться о себе должным образом и выглядит очень больным и немощным. Наш доктор посещает его, но ему не становится лучше, и я очень волнуюсь. Не знаю, что делать, если с ним что-то случится. В конце концов мне удалось убедить его приехать в Лондон и встретиться со специалистом. Думаете, доктор Харрелл мог бы взглянуть на мистера Филда, если бы я привела его в следующую субботу?

Разумеется, я заплачу сколько нужно, но не обязательно, чтобы Герберт об этом знал. Возможно, нам удастся выбраться в субботу утром пораньше, и если вы договоритесь о приеме, то мы отправимся прямо к доктору Харреллу. Можно потом приехать к вам на обед?

С любовью, Белла Лэнгтон.

Когда Фрэнк пришел на чай, как он поступал всегда, если у него выдавалось свободное время, мисс Ли показала ему письмо, а потом, отвечая на него, сообщила, что доктор Харрелл будет рад принять больного в двенадцать в следующую субботу.

— Полагаю, ничего страшного с ним не происходит, — сказал Фрэнк. — Но мне несложно взглянуть на него. И скажите ей, что она может оставить этот тайный гонорар при себе.

— Не будьте идиотом, Фрэнк, — ответила мисс Ли. В назначенный час Беллу и Герберта проводили к нему в кабинет. Юноша смущался и чувствовал себя неуютно.

— А теперь не могли бы вы подождать в приемной, мисс Лэнгтон? — спросил Фрэнк. — Я попрошу пригласить вас позже.

Белла с недовольным видом удалилась, а Фрэнк принялся изучать лицо пациента — медленно, словно пытаясь разглядеть скрытые черты его характера. Герберт с опаской следил за этим мрачным человеком.

— Не думаю, что со мной что-то серьезное, просто мисс Лэнгтон сильно переживает.

— Врачи жили бы впроголодь, если бы приходилось лечить только больных, — ответил Фрэнк. — Лучше снимите одежду.

Герберт покраснел, чувствуя себя неловко, оттого что приходилось раздеваться перед незнакомцем. Доктор отметил молочную бледность его кожи и истощенность — он был худ настолько, что под кожей проступали кости. Фрэнк взял юношу за руку и посмотрел на длинные пальцы со слегка загнутыми ногтями.

— Вы когда-нибудь плевались кровью?

— Нет.

— Ночью иногда потеете?

— Раньше — никогда, но за последнюю неделю такое случалось.

— Полагаю, многие ваши родственники умерли, верно?

— Все.

— От чего они скончались?

— Мой отец умер от чахотки. И сестра тоже.

Фрэнк ничего не сказал, но помрачнел, когда услышал это печальное заявление. Он принялся выстукивать грудную клетку юноши.

— Ничего аномального я не нахожу, — заметил он.

Потом он взял стетоскоп и стал слушать.

— Скажите «девяносто девять». Теперь покашляйте. Глубоко вдохните.

Он тщательно проходил каждый дюйм, но не нашел ничего, кроме того, что могло быть следствием бронхита. Но прежде чем положить стетоскоп, он снова приложил его к верхней доле легкого, прямо над ключицей.

— Глубоко вдохните.

Затем он очень отчетливо услышал легкое потрескивание, которого, судя по лихорадочному румянцу на щеках Герберта, другим симптомам и истории его семьи, следовало ожидать. Он принялся выстукивать дальше, теперь более аккуратно, и звук был приглушенный. В диагнозе почти не оставалось сомнений.

— Можете одеваться, — сказал он, садясь за стол, чтобы заполнить медицинскую карту.

Без единого слова Герберт облачился в одежду. Он подождал, пока доктор закончит.

— Со мной что-то не так? — спросил он.

Фрэнк мрачно на него посмотрел:

— Ничего особенно серьезного. Я поговорю с мисс Лэнгтон, если вы позовете ее сюда.

— Я хотел бы прежде услышать все сам, если не возражаете, — сказал Герберт и вспыхнул. — Я не боюсь узнать любой диагноз.

— Не стоит слишком сильно переживать, знаете ли, — ответил Фрэнк, чуть поколебавшись, что не укрылось от внимания Герберта. — У вас хрипы в верхушке правого легкого. Сначала я их не услышал.

— Что это значит? — Ужас охватил юношу, и дрожь пробежала по всему его телу, так что руки и ноги заледенели. Его голос едва заметно вибрировал, когда он задал следующий вопрос: — Это то же самое, что было у моего отца и сестры?

— Боюсь, да, — признался Фрэнк.

Тень Смерти вдруг появилась в комнате, терпеливая и зловещая. И каждый из них понял, что отныне она всегда будет сопровождать молодого человека. Она молчаливо будет сидеть рядом с ним за столом и лежать ночью в его постели. Когда ветер, проносящийся по деревне, заведет песню, как юный могучий пахарь, Смерть, нашептывая ему в ухо, будет тихо глумиться над

мелодией. Когда он посмотрит на восход солнца, окрашивающий туман в цвета халцедона — фиолетовый, и розовый, и зеленый, — Смерть засмеется над его восхищением печальной красотой мира. Ледяная рука сжала его сердце, так что ему стало плохо от ужаса и боли и он не смог сдержать рыданий. Фрэнку было невыносимо смотреть на это мальчишеское лицо, такое честное и прекрасное, охваченное ужасом, и он опустил глаза. Затем, желая скрыть свои чувства, Герберт прошел к окну и выглянул на улицу: на другой ее стороне стояли дома, серые, уродливые и одинаковые, а тяжелое небо нависало так низко, как будто вот-вот раздавит землю. Теперь он видел жизнь совсем иначе. Лазурь небес казалась ему глубже, чем роскошная эмаль старых французских драгоценностей, вспаханные поля обретали на солнце различные оттенки яшмы, а вязы казались темнее нефрита. Он был как человек, попавший в глубокую пропасть и в полдень высматривавший звезды, которые те, кто живет при дневном свете, видеть не могут.

Голос Фрэнка обрушился на него, словно из другого мира:

— На вашем месте я не стал бы принимать это так близко к сердцу. При хорошем уходе вы легко

можете выздороветь, и, в конце концов, многие дожили до преклонного возраста с туберкулезом легких.

— Моя сестра болела всего четыре месяца, а отец — меньше года.

На бледном лице Герберта не отражалось никаких чувств, так что Фрэнк мог только гадать, какой страх сковал его сердце. Он много раз видел, как люди принимают смертельный приговор, и знал, что по сравнению с этим даже агония не так страшна. Это казалось самым страшным моментом в жизни, и, наверное, жесток был тот Бог, который не удовлетворился этим мгновением безнадежной муки, чтобы наказать человечество за все его глупости и грехи. Рядом с этим все несчастья, смерть детей или неблагодарность друзей, потеря чести или богатства, теряли всякое значение. Это была горькая, горькая чаша, которую предстояло испить каждому, ибо человек вознесся над животным миром.

Фрэнк позвонил в звонок.

— Попросите мисс Лэнгтон оказать нам любезность и прийти сюда, — сказал он явившемуся слуге.

Белла беспокойно переводила глаза с Фрэнка на Герберта, стоявшего у окна и повернутого к

ней спиной. Молчание обоих мужчин и мрачная напряженность в комнате вселяли в нее ужас и не предвещали ничего хорошего.

— Герберт, что случилось? — воскликнула она. — Что он сказал вам?

Юноша повернулся:

— Только то, что я теперь ничего не смогу сделать в этом мире. Я умру как собака и не увижу больше солнечного света, и голубого неба, и деревьев.

Белла вскрикнула, и потом отчаяние отразилось в ее глазах и слезы побежали по щекам.

— Как вы могли поступить так жестоко? — обратилась она к Фрэнку. — О, Герберт, возможно, это ошибка… Что же делать, мистер Харрелл? Вы можете как-то его спасти?

Она рухнула в кресло и зарыдала. Юноша нежно положил руку ей на плечо:

— Не плачьте, дорогая. В глубине души я все знал, но отказывался верить. В конце концов тут ничего не поделаешь. Я просто должен буду пройти через это, как и все остальные.

— Это так тяжело и бессмысленно, — застонала она. — Это не может быть правдой.

Герберт посмотрел на нее, не ответив, как будто ее муки казались ему любопытным явлением,

которое не вызывало у него никаких чувств. Через некоторое время, вздохнув, Белла встала и вытерла глаза.

— Пойдемте, Герберт, — сказала она. — Давайте вернемся к Мэри.

— Вы не возражаете, если я поеду один? Я чувствую, что не могу сейчас ни с кем говорить. Мне хотелось бы немного побыть одному, чтобы обо всем подумать.

— Вы должны поступать так, как считаете нужным, Герберт.

— До свидания, доктор Харрелл. Спасибо вам.

С болью и страданием Белла смотрела, как он уходит. Она, в свою очередь, ощутила в нем нечто странное, поэтому и не осмелилась спорить. Когда он заговорил, в его голосе послышалась такая интонация, которую она никогда раньше не замечала. Но в конце концов, приложив неимоверное усилие, чтобы взять себя в руки, она повернулась к Фрэнку.

— Ну теперь-то вы скажете мне, что делать? — спросила она, пытаясь говорить решительно, как на благотворительных мероприятиях в Теркенбери.

— Во-первых, усвойте тот факт, что сейчас нет причин для сильного беспокойства. Боюсь, не

остается никаких сомнений, что туберкулезная гранулема у него есть, но в настоящий момент серьезной угрозы жизни нет. Ему нужен уход и соответствующее лечение… Насколько важны для него деньги, которые он зарабатывает?

— Боюсь, очень важны.

— Он может уехать? Ему следует провести зиму за границей, не только ради климата, но и потому, что смена обстановки отвлечет его.

— О, я бы с радостью за него заплатила, но он и пенни у меня не возьмет. Для него это единственный шанс?

— Не могу сказать наверняка. Человеческий организм — это механизм, который всегда ведет себя вопреки ожиданиям. Порой, даже когда отказывают все органы, каким-то образом жизнь продолжается.

Белла не слушала, потому что ей на ум пришла одна мысль. Она залилась ярким румянцем, но все равно считала, что идея просто отличная. Ее сердце бешено забилось, а лицо озарилось счастьем. Она решительно встала со стула.

— Осмелюсь сказать, я все-таки могу кое-что устроить. Мне надо пойти поговорить с мисс Ли. До свидания.

Она подала Фрэнку руку и оставила его в недо-

умении по поводу того, что вызвало в ней столь резкую перемену. Уныние растаяло перед чем-то, что преобразило ее, и даже походку сделало стремительной, как у девушки.

— Ну и что же Фрэнк вам сказал? — спросила мисс Ли, поцеловав Беллу.

— Он считает, что у Герберта чахотка и ему следует уехать на зиму за границу.

— Мне очень жаль. Но это возможно?

— Только если я возьму его с собой.

— Моя дорогая, но как же вы сможете это сделать? — воскликнула изумленная мисс Ли.

Белла покраснела:

— Я попрошу его жениться на мне. Сейчас нет никакого смысла изображать скромность и все такое. Это единственный способ спасти его жизнь. И в конце концов, я люблю его больше, чем кто-либо в этом мире. Когда говорила вам месяц назад, что не могу полюбить юношу, который почти годится мне в сыновья, я кривила душой. Тогда я боролась с этим чувством как с чем-то постыдным и нелепым, но я полюбила его в тот самый день, когда впервые увидела.

Лишь предельная серьезность Беллы не позволила мисс Ли, как обычно, произнести какую-нибудь колкость. Она изо всех сил сдерживала

улыбку, готовую появиться у нее на губах.

— Ваш отец никогда не даст на это согласия, моя дорогая, — довольно мрачно произнесла она.

— Надеюсь, даст, когда я объясню ему все обстоятельства. Боюсь, он очень расстроится. Но если он откажется, напомню ему о том, что я уже взрослая женщина, способная решать сама за себя.

— Не знаю, что он с вами сделает. Его спокойствие и счастье целиком и полностью зависят от вас.

— Я служила ему сорок лет. Отдала ему всю свою молодость, не потому, что таков был мой долг, но потому, что любила его. Теперь другой человек нуждается во мне больше, чем он. Мой отец богат. У него есть уютный дом, книги, и друзья, и здоровье. А Герберту могу помочь только я. Буду заботиться о нем и подарю ему еще пару лет жизни, а если он станет совсем плох, я облегчу его последние дни.

Мисс Лэнгтон говорила быстро, с такой решительностью, что ее старшая собеседница поняла: спорить бесполезно. Белла была полностью поглощена этой затеей, и ни увещевания друзей, ни угрозы отца не смогли бы ей помешать.

— А что на это скажет сам молодой человек? — спросила мисс Ли.

— Об этом я не подумала. Он смотрит на меня как на женщину средних лет, для которой все проявления любви кажутся абсурдом. Иногда он смеялся надо мной из-за того, что я слишком практична и лишена фантазии.

— Где он сейчас?

Прежде чем Белла успела ответить, послышался звонок в дверь, а затем голос Герберта — тот спрашивал дворецкого, пришла ли мисс Лэнгтон.

— Вот он! — воскликнула Белла. — Позвольте мне пойти к нему навстречу, Мэри. Он направляется в гостиную. О, я так нервничаю!

— Не глупите, Белла, — улыбнулась мисс Ли. — Я никогда еще не видела женщину, которая вела бы себя спокойнее, перед тем как сделать предложение объекту своих воздыханий.

У двери мисс Лэнгтон остановилась и с удивительно жалким выражением лица посмотрела на подругу:

— О, как жаль, что мне много лет, Мэри! Скажите мне честно: я очень некрасива?

— Вы даже слишком хороши для глупого и неуклюжего юнца, моя дорогая, — сказала мисс Ли. — Не будь он глупцом, настоял бы на том, чтобы жениться на вас, еще три месяца назад.

Когда Белла закрыла за собой дверь, взгляд мисс Ли замер на бронзовой статуе Нарцисса, стоявшего на пьедестале в своей неизменной позе, олицетворявшей восхищенную влюбленность, с вытянутым указательным пальцем и головой, чуть склоненной набок, словно он к чему-то прислушивался. Она раздраженно обратилась к нему:

— На твоем месте я не принимала бы такой удивленный и озадаченный вид и не упивалась собственной красотой. Надо знать, что, когда любовь и самопожертвование охватывают сердце женщины средних лет, ничто на свете не может удержать ее от сумасшествия. В твое время понятия старой девы не существовало, и ты никак не можешь понять ее чувства, потому что, как ни странно, даже старые девы — люди. А если тебя возмущает разница в возрасте, то знай, что ты идиот, невежественный в вопросах как психологии, так и физиологии. И я сама порой восхищалась молодыми людьми, хотя отношения между нами неизменно оставались исключительно платоническими.

Нарцисс, который напряженно вслушивался в затихающие крики нимфы Эхо, остался равнодушным к разглагольствованиям мисс Ли, и она

сердито отвернулась.

Войдя в гостиную, Белла увидела Герберта у окна. Он подошел к ней с улыбкой. Она увидела, что он уже вполне овладел собой, и хотя его лицо еще казалось бледным и мрачным, с него стерлась уродливая печать страха.

— Вы ведь не обиделись, что я заставил вас поехать сюда в одиночестве? — нежно спросил он. — В тот момент я был немного взволнован и чувствовал, что, если не останусь один, выставлю себя на посмешище.

Она взяла его руку и сжала ее.

— Знаете, я никогда бы не подумала назвать любой ваш поступок нехорошим. Но скажите мне сейчас, если вы приняли какое-то решение. — Ей казалось, что выражать соболезнования не стоит. Ведь в тот момент разве могли они его утешить? — Я хотела бы, чтобы вы знали: вы всегда можете на меня положиться.

— Это очень любезно с вашей стороны. Не представляю, что здесь можно предпринять. Осмелюсь предположить, я скоро привыкну к мысли о том, что нельзя заглядывать в будущее, но сначала это будет немного сложно, поскольку лишь это грело мне душу в тоскливом банке. Я останусь там настолько долго, насколько смогу,

а когда совсем ослабну, то попытаюсь лечь в больницу. Надеюсь, декан посодействует, чтобы я смог туда попасть.

— О, не говорите так! Это ужасно! — в отчаянии воскликнула Белла. — Неужели я не могу ничего сделать? Я чувствую себя настолько беспомощной…

Какое-то время он просто смотрел на нее.

— Ну, есть кое-что, — наконец произнес он. — Я хотел бы, чтобы вы выполнили одну мою просьбу, Белла. Вы были необычайно хорошим другом для меня, и теперь вы нужны мне как никогда.

— Я сделаю все, что вы пожелаете, — сказала она, и ее сердце забилось быстрее.

— Боюсь, это высшее проявление эгоизма. Но я не хочу, чтобы вы уезжали этой зимой, на тот случай если что-то произойдет. Знаете, моя сестра скончалась через три месяца, после того как заметили первые симптомы.

— Я готова сделать для вас много больше.

Она положила руки ему на плечи и заглянула в его грустные голубые глаза. Она внимательно рассматривала его лицо, бледное и утонченно-прозрачное, и нежные губы, все еще дрожавшие перед ужасом смерти. Она помнила эти губы и глаза, когда он еще заливался мальчишеским

смехом, а его щеки краснели от волнения во время веселых выступлений. Потом она опустила глаза.

— Интересно, могли бы вы заставить себя жениться на мне?

Она отвела глаза, но знала, что он залился ярким румянцем, и, сгорая от стыда, она бессильно опустила руки. Время, которое пришлось ждать его ответа, тянулось невыносимо долго.

— Я не настолько эгоистичен, — прошептал он дрожащим голосом.

— Да, я боялась, что эта мысль может вызвать у вас отвращение, — всхлипывая, произнесла она.

— Белла, как вы можете так говорить! Разве вы не знаете, что я должен испытывать гордость? Разве не знаете, что вы единственная женщина, которая мне когда-либо нравилась? Но я не позволю вам приносить себя в жертву ради меня. Я видел, как умирают от чахотки, и я знаю, насколько это омерзительно. Думаете, я позволю вам ухаживать за мной и выполнять отвратительные обязанности сиделки? К тому же вы тоже можете заболеть. Нет, Белла, не подумайте, что я неблагодарен, но я не могу на вас жениться.

— Думаете, для меня это жертва? — спросила она с трагизмом в голосе. — Мой бедный маль-

чик, вы никогда не видели, что я любила вас всей душой, а когда вы были так счастливы и беззаботны, я чувствовала, будто мое сердце разорвется, потому что я стара и некрасива. Вы забыли о том дне, когда поцеловали мои руки: для вас это была лишь шутка, но когда вы ушли, я горько плакала. Вы никогда не сделали бы этого, если бы не думали, что мне уже сорок и это ничего не значит. А порой, когда вы брали меня под руку, я едва не лишалась чувств от любви. А теперь, полагаю, вы презираете меня. — Она не выдержала и зарыдала. Но вскоре она нетерпеливо смахнула слезы и посмотрела на него с некой безрассудной гордостью: — В конце концов, кто я такая, как не обычная женщина средних лет? Я никогда не была красивой, да и мои познания весьма ограничены, ведь всю жизнь я занималась пустяками, да, я глупая и скучная. С какой же стати я решила, что вы захотите жениться на мне потому, что я люблю вас как дура?

— О, Белла, Белла, не говорите так! Вы разбиваете мне сердце.

— А вы думали, с моей стороны это самопожертвование! Я спросила вас только потому, что хотела быть с вами каждую секунду: если бы вы заболели, я не смогла бы вынести и мысли

о том, чтобы к вам прикасался кто-то другой. Я была одинока, ужасно одинока, и теперь я хотела сделать последнюю попытку стать счастливой.

Она рухнула в кресло и закрыла лицо, но Герберт, встав на колени рядом с ней, взял ее за руки.

— Посмотрите на меня, Белла… Я думал, вы предложили это, поскольку знаете: мне придется оставить работу в банке и найти человека, который ухаживал бы за мной. Я никогда не подозревал, что вы действительно испытываете ко мне такие чувства. И мне стыдно, потому что я был слеп. Но разве вы не знаете, что больше всего на свете мне хотелось бы всегда быть с вами? В этом случае моя болезнь больше меня не волнует, ведь она принесла мне счастье, на которое я и не надеялся. Белла, если вы ничего не имеете против того, что я беден, и болен, и недостоин вас, вы выйдете за меня замуж?

Ее тихие рыдания прекратились, и лучезарная улыбка прогнала печаль прочь. Какое-то мгновение, пока Белла осознавала значение слов Герберта, она смотрела на него с неким сомнением, потом, наклонившись, поцеловала его руки.

— О, мой дорогой, вы сделали меня такой счастливой!

Когда они наконец пошли к мисс Ли, заплаканные глаза Беллы лучились невыразимым счастьем. И почтенная дама, взглянув на Герберта, больше не удивлялась увлечению своей кузины, потому что его лицо, такое честное и милое, было подобно лицу молодого красивого святого на старинном полотне.

12

У Фрэнка вошло в привычку после работы приходить на чай к мисс Ли, но когда он прибыл на Олд-Куин-стрит в тот день, она удивилась бледности его лица, на фоне которой неестественным блеском сияли его темные глаза. Они казались больше, чем когда-либо, и его обеспокоенный вид подсказал ей, что он испытывает страдания: его губы были плотно сжаты, словно он твердо вознамерился держать себя в руках.

— Вы так опоздали, — заметила она. — Я думала, вы не придете.

— Я очень устал, — ответил он напряженно.

Она налила чай и, пока он ел и пил, взялась за чтение вечерней газеты, чтобы дать ему возможность взять себя в руки. С восхитительной проницательностью она одна из всех друзей Фрэнка умела распознавать его душевное состояние. И хотя мисс Ли никогда не намекала на свою осведомленность, понимая, что для него будет унизительно осознание того, насколько плохо ему удается скрывать свои чувства, она могла совершенно незаметно управлять им. Наконец, сходив за табаком, поскольку они разместились в

библиотеке, он раскурил трубку. Дым тяжелыми клубами окутал его.

— Очень успокаивает? — спросила мисс Ли улыбаясь.

— Очень!

Дожидаясь, пока он будет готов к разговору, она вернулась к газете, и хотя чувствовала, что он с любопытством буравит ее взглядом, не обращала на это внимания.

— Ради всего святого, положили бы вы эту газету! — наконец раздраженно воскликнул он.

С едва заметной улыбкой она выполнила его просьбу.

— У вас выдался трудный день, Фрэнк?

— О, просто ужасный! — ответил он. — Не знаю почему, но у меня возникло ощущение, что теперь все это обрело для меня большее значение, чем когда бы то ни было. Я не мог не думать о том, какие мучительные страдания испытал этот бедный юноша, когда я сказал ему, что его грудная клетка затронута болезнью.

— Жаль, что все это так банально, — пробормотала мисс Ли. — Чахоточный поэт и преданная старая дева! Это ужасающе избитая история. Но богам не хватает оригинальности: они всегда пытаются произвести эстетическое впечатление,

столкнув трагическое с обыденным… Полагаю, вы совершенно уверены, что у него туберкулез?

— Я обнаружил бациллы в слюне. Где они оба сейчас?

— Белла увезла его в Теркенбери, и я пообещала последовать за ними в понедельник. Она собирается замуж за этого юношу!

— Что?! — изумился Фрэнк.

— Она хочет взять его с собой за границу. Вы не думаете, что если он перезимует на природе на юге, то у него появится хоть какой-то шанс?

— В девяти случаях из десяти природа не хочет лечить человека, она хочет уложить его в гроб.

Встав со стула, Фрэнк принялся мерить шагами комнату. И вдруг он резко остановился напротив мисс Ли.

— Помните, ваш друг мистер Фарли говорил нам на днях, что боль облагораживает человека? Я хотел бы устроить ему экскурсию по больничным палатам.

— Не сомневаюсь, что если мистеру Фарли будут удалять зуб, он позаботится о том, чтобы ему сделали хороший наркоз.

— Полагаю, служители Бога оправдывают боль лишь потому, что она якобы совершенствует характер, — горячился Фрэнк. — Если бы они не

были столь невежественны, то знали бы: она не требует никакого оправдания. Можно с таким же успехом утверждать, что сигнал об опасности совершенствует движение поезда, ведь в конце концов боль — это не что иное, как указание нервов на то, что организм находится в обстоятельствах, пагубных для него.

— Не надо читать мне лекций, Фрэнк, будьте умницей! — ласково пробормотала мисс Ли.

— Но если человек видит столько же боли, сколько я, он знает, что она не облагораживает, а огрубляет. Она заставляет людей погружаться в себя и делает их эгоистичными. Вы и представить не можете, как страшны проявления эгоизма при физических страданиях: капризы, нетерпение, несправедливость, жадность. Я мог бы назвать десяток-другой не самых страшных пороков, которые порождает боль, но ни одной добродетели… О, мисс Ли, когда я вижу все мучения этого мира, я так благодарен за то, что не верю в Бога!

Фрэнк заметно волновался и беспокойно расхаживал по комнате.

— Долгие годы я день и ночь трудился над тем, чтобы отличить правду от лжи. Я хочу ясно оценивать свои поступки и идти по жизни твердым шагом, но все равно попадаю в лабиринт из

зыбучих песков. Я не вижу смысла в устройстве этого мира и иногда прихожу в отчаяние. Все, кажется, лишено смысла, как в безумном сне. В конце концов, ради чего все это: усилия, борьба, надежда, любовь, успех, неудача, рождение, смерть? Человек отделился от дикой природы исключительно потому, что был свирепее тигра и хитрее обезьяны. И наименее вероятным мне кажется предположение, что в один прекрасный день человечество достигнет состояния, близкого к идеальному. Мы верим в прогресс, но прогресс — это не что иное, как перемены!

— Признаюсь честно, — перебила мисс Ли, — иногда я спрашиваю себя: что поимели японцы, когда позаимствовали цилиндры и брюки у западной цивилизации? Интересно, есть ли причины у малайцев в лесах или канаков на островах завидовать лондонским обитателям трущоб?

— И чем все это закончится? — продолжал Фрэнк, слишком поглощенный своими мыслями, чтобы слушать. — Какая от этого польза? Несмотря на все усилия, я до сих пор даже смутно не представляю ответ. И я не знаю, что есть добро, а что — зло, что высоко, а что низко. Я не знаю, имеют ли слова какой-то смысл. Иногда люди кажутся мне калеками, которые вечно пытаются

скрыть свое уродство, толпятся в душной комнате, освещенной одной коптящей свечкой. И они жмутся друг к другу, желая согреться, и вздрагивают при каждом неожиданном звуке. И думаете, в ходе эволюции выжили именно самые лучшие и благородные, чтобы их гены передались другим? Нет, как раз самые хитрые, грубые и сильные.

— Меня ужасно утомила бы необходимость столь сильно напрягаться, дорогой Фрэнк, — ответила мисс Ли, еле заметно пожав плечами. — Один мудрый человек сказал, что в отношении мироздания можно задать немало вопросов, а ответить нельзя ни на один. В конце концов, все мы признаем этот факт, и это не мешает нам принимать пищу с удовольствием, хотя вопросы по-прежнему себе задаем. Что касается меня, я считаю, что у прогноза о конце человечества не больше оснований, чем у средневековой гипотезы (простите, если покажусь вам слишком начитанной), будто небесные тела движутся по кругу, потому что это самая идеальная геометрическая фигура. Но уверяю вас, я не испытываю ни малейших проблем со сном по ночам. Я тоже пережила волнительный период в молодости, и, если пообещаете, что не сочтете меня занудой, я расскажу вам об этом.

— Пожалуйста, расскажите, — попросил Фрэнк.

Он сел, вперив в мисс Ли проницательный взгляд, и она, словно не раз обдумывала этот вопрос, заговорила быстро, ее мысли были упорядочены, а фразы — красивы.

— Знаете, я воспитывалась в строжайших евангелистских принципах, повелевавших верить в определенные догмы под страхом осуждения на вечные муки. Но в двадцать лет, точно не знаю почему, все это стало мне чуждо. Видимо, вера — вопрос темперамента. Добрая воля никак с этим не соотносится, и когда я думаю, насколько невежественна была, то поражаюсь, что таких непродуманных доводов хватило для разрушения предрассудков, сложившихся за много лет. Тогда я была уверена, что Бог не существует, а теперь настаиваю на том, что я не уверена ни в чем: это помогает избежать неприятностей. Кроме того, каждый раз, когда принимаешь какое-то решение, лишаешься объекта для размышлений. Но все же я не могу удержаться от мысли, что для здравого взгляда на жизнь необходимо убедить себя в том, что нет никакого бессмертия души.

— Как может человек вести на земле спокойную однообразную жизнь, если его волнует мысль,

что будет с ним в другой жизни? — неистово прервал ее Фрэнк. — Бог — это сила, выталкивающая центр тяжести человека из его собственного тела.

— Мы договорились, Фрэнк, что я изложу свои взгляды, — ответила мисс Ли с некоторой резкостью, поскольку не терпела, когда ее перебивали.

— Простите меня, — улыбнулся Фрэнк.

— Но я согласна, что ваша ремарка, хотя и не своевременна, все же не лишена смысла. — Она продолжила: — Когда человек уверен, что незначительная планета, на которой он живет, и время — это все, что касается его лично, он может осмотреться по сторонам и подстроиться под то, что его окружает. Он шахматный игрок с определенным числом фигур, который может ходить определенным образом. Никто не спрашивает, почему ладья ходит прямо, а слон — наискосок. Просто нужно это принять, и человек мудрый играет по этим правилам, независимо оттого, чем окончится игра. Играют не ради победы, ибо победить невозможно, а ради достойной борьбы. И если человек действительно мудр, он никогда не забывает, что в конце концов это всего лишь игра и не стоит воспринимать ее слишком серьезно.

Мисс Ли остановилась, подумав, что сейчас самое время дать Фрэнку возможность вставить комментарий, но поскольку он промолчал, она сама прервала паузу:

— Я думаю, самая ценная мысль, которую я усвоила за свою жизнь, кроется вот в чем: каждый вопрос можно рассмотреть с двух сторон настолько обоснованно, что не останется никакой разницы, к какому лагерю примкнуть. Это сделало меня терпимой, и я могу с равным интересом слушать и вас, и моего кузена Элджернона. Откуда мне знать, имеет ли Истина одну форму или много? Скольким ошибкам она потворствуете улыбкой на лице и в ветхих одеждах? В каких противоречивых обличьях она предстает, более своенравная, чем апрельские ветры, более непредсказуемая, чем болотный огонь? Лишь слабые люди утверждают, будто все вокруг есть суета, поскольку удовольствие от всего эфемерно: возможно, нищий и успокаивается, глядя на могилы королей, но тогда он не только нищий, но и глупец. Удовольствия жизни иллюзорны, но когда пессимисты жалуются, что человеческие радости ничего не значат, поскольку преходящи и нереальны, они несут чушь. Никто не знает, что есть реальность, и мало кто думает об этом.

Мы интересуемся лишь тем, что лежит в сфере иллюзий. Как глупо говорить — мираж в пустыне некрасив только потому, что это оптический эффект!

— Значит ли это, что жизнь не что иное, как путешествие, которое совершает человек, ничем не связанный и беспрестанно скитающийся по изменчивому морю?

— Не совсем. Бури не свирепствуют постоянно, как и ветер не шумит каждую секунду. Иногда он дует ровно и сильно, так что корабль несется вперед, а моряк ликует, наслаждаясь своим мастерством, и восторгается бескрайним горизонтом. Иногда море спокойно, как спящий юноша, и благоуханный воздух, теплый и свежий, наполняет сердце ленивым удовольствием. Океан хранит свои бесчисленные тайны, откровения и самые разные чувства. Так почему же нельзя взглянуть на этот путь как на приятное путешествие, во время которого суровую погоду обязательно нужно принимать наряду с хорошей? И без сожаления ожидать конца и радоваться даже в разгар урагана или бури при воспоминаниях о счастливых беззаботных днях? Почему не уйти из жизни с такими словами: «Я знал и горе, и радость, и страдания, которые

окупались удовольствиями. И пусть дорога со всеми ее опасными поворотами привела меня в никуда, пусть я возвращаюсь усталым и постаревшим в тот порт, откуда вышел со множеством надежд, зато я рад, что мне довелось пожить на этом свете»?

— Это значит, что при всем вашем опыте, образованности и умении думать вы не нашли абсолютно никакого смысла! — воскликнул Фрэнк, совершенно обескураженный.

— Я изобрела некий смысл. Как критик, растолковывающий значение символической картины, или школьник, трактующий отрывок, которого совсем не понимает, я по крайней мере сделала свою речь логичной. Я стремилась к счастью и думаю, что в целом нашла его. Я жила, повинуясь инстинктам, и пыталась испытать каждое чувство, которое предлагала познать моя интуиция. Я намеренно отворачивалась от того, что казалось уродливым и скучным, всей душой стараясь сосредоточиться на созерцании Прекрасного, которое рассматривала, как я надеюсь, с тонким пониманием Нелепого. Я никогда особенно не утруждала себя размышлениями о современных понятиях добра и зла, поскольку знала: все относительно. Но я всегда пыталась устроить свою

жизнь так, чтобы, во всяком случае в моих глазах, из поворотов вырисовывался красивый узор на фоне темной бессмыслицы.

Мисс Ли замолчала, и необычная улыбка тронула ее губы.

— Но я должна сказать вам, что в отличие от мистера Шенди, который так долго работал над трактатом по обучению сына, что к моменту его окончания Тристрам уже вырос и все это стало ненужным, я не тянула с раздумьями над своей жизненной философией, до тех пор пока не стало бы слишком поздно воплотить в жизнь ее основные принципы.

— Ужин подан, мадам, — объявил дворецкий, войдя в комнату.

— Ничего себе! — воскликнул Фрэнк, вскакивая. — Я и не подозревал, что уже столько времени.

— Но вы ведь останетесь? Думаю, вы не удивитесь, что и для вас накрыли местечко за столом.

— Я заказал ужин домой.

— Уверена, он окажется не так хорош, как мой.

— Никогда еще не видел человека, который кичился бы мастерством своей кухарки больше, чем вы, мисс Ли.

— Подобно тому, как человеку намного лег-

че быть философом, чем джентльменом, мой дорогой, проще культивировать христианское мировоззрение, чем кулинарное искусство.

Они отправились вниз, и мисс Ли приказала, чтобы открыли бутылку шампанского мисс Дуоррис. Она, проявляя цинизм, верила, что плотная еда — эффективный способ избавиться от большинства физических мучений. Кроме того, героически (ведь она была ленивой женщиной) пыталась развлечь своего гостя. Она говорила на самые разные темы, весело и с нежностью, в то время как Фрэнк, закончив ужинать, бесконечно курил трубку. Наконец Биг-Бен пробил двенадцать, и, изрядно повеселев и погрузившись в философские размышления, Фрэнк поднялся и взял за руки мисс Ли.

— Вы золотая женщина! Я был практически раздавлен, когда пришел, а вы вдохнули в меня жизнь.

— Не я! — воскликнула она. — А шоколадное суфле и шампанское. Я всегда считала, что человеческая душа особенно восприимчива к кулинарному искусству. Лично я никогда не ощущаю такого душевного подъема, как после легкого переедания. На вашем месте я не стала бы так сжимать мне руки.

— Вы единственная женщина из всех, кого я знаю, с кем так же интересно говорить, как с мужчиной.

— Ей-богу, была бы я на двадцать лет моложе, наш юноша предложил бы руку и сердце мне!

— Скажите лишь слово, и я поведу вас к алтарю.

— На сегодняшний день я должна гордиться, что получила предложение на пятьдесят седьмом году жизни. Но если я выйду за вас замуж, куда же вы будете ходить днем на чай, мой дорогой?

Фрэнк рассмеялся, но его голос, когда он ответил, зазвучал так, как будто он был готов разрыдаться.

— Вы милое, доброе создание. И я уверен, что никогда и вполовину не буду предан любой другой женщине так, как вам.

Его чувства, должно быть, тронули мисс Ли, потому что в ее интонации не слышалось больше привычной холодной сдержанности.

— Не будьте полным глупцом, мой дорогой! — воскликнула она и, когда за ним закрылась дверь, мысленно добавила: «Благослови Бог этого мальчика! Жаль, что я не его мать».

13

Два дня спустя мисс Ли отправилась в Теркенбери. На станции ее встретила Белла и рассказала, что, как они и договорились, пока ни слова не было сказано о предстоящей свадьбе. Она просто объявила, что Герберт Филд, которого она желала познакомить с отцом, придет на чай. Декан с радостью приветствовал мисс Ли.

— С вашей стороны любезно и просто прелестно озарить своим светом нашу провинциальную темноту, моя дорогая! — заявил он, взяв ее за руку.

— Не берите меня за руку, Элджернон. Мне сделали предложение вечером в субботу, и я до сих пор вся дрожу.

— О, Мэри, вы должны нам об этом рассказать! — с восторгом откликнулась мисс Лэнгтон.

— И не собираюсь! Я сказала Элджернону только потому, что заметила: обычный мужчина не испытывает никакого уважения к одинокой женщине, если на ней нельзя жениться.

— Но почему вы не привезли своего друга, доктора Харрелла? — поинтересовался декан. — Я только сегодня купил латинский гербарий,

составленный в семнадцатом веке, который, я уверен, заинтересовал бы доктора.

— Можно подумать, он понял бы хоть слово, мой дорогой Элджернон! Кроме того, я подумала, одного уголька из пылающего огня вам будет вполне достаточно.

— Ах, Полли, не хотел бы я примерить ваши туфли в Судный день[40], — покачал он головой.

— Я очень сильно сомневаюсь, что вы сможете в них влезть, — быстро ответила мисс Ли, выставив вперед маленькую изящную ножку.

— Гордыня — это грех, моя дорогая! — Декан погрозил ей пальцем. — Гордыня всякого рода, ибо сам Люцифер не мог пожелать более ясного видения этого порока.

— Мне все равно, Элджернон: если меня поджарят на костре, значит, поджарят, — засмеялась мисс Ли. — Я знаю, что не глупа, и, если уж на то пошло, у меня *шестой* размер перчаток.

Подали чай, и наконец явился Герберт Филд. Декан, которому всегда нравилось общаться с молодежью, тепло пожал ему руку:

— Я слышал о вас от Беллы. Не могу взять в толк, почему раньше она не позволяла мне уви-

---

[40] Примечания: 40

Игра слов: to be in somebody's shoes — быть в таком же положении, как кто-либо; букв.: примерить чьи-то туфли *(англ.).*

деть вас.

Он говорил с юношей о своей старой школе и, обнаружив, что его интересуют традиции Теркенбери, очень оживился. Он принес из кабинета недавно приобретенные плиты из старых церквей этого города, и Белла, наблюдая за отцом и Гербертом, отметила, как контрастируют светлые волосы юноши с седыми волосами декана, когда они склонились над артефактами под светом лампы. Ее приводила в восторг мысль о том, что между ними может возникнуть дружба, и она всем сердцем желала, чтобы их всех ждало еще много прекрасных вечеров с дискуссиями о книгах и картинах. А пока она сидела, нежно взирая на них, как будто оба были ее детьми.

— Теперь лед сломан, и вы должны приходить к нам чаще, — заявил декан, взяв Герберта за руку, когда тот прощался с ним. — Я должен показать вам мою библиотеку, а если вам нравятся старые книги, осмелюсь предположить, что у меня есть некоторые их копии, которые вам, возможно, захочется прочитать.

— Это очень мило с вашей стороны, — ответил Герберт, вспыхнув, — старомодная вежливость декана немного смущала его, а благородная доброта была просто невыносима, ведь скоро ему

предстояло причинить этому человеку страшную боль, забрав его дочь.

Когда Герберт ушел, декан сказал, что вернется в кабинет закончить статью об одном из последних римских ораторов, которую готовил для научного журнала.

— Не мог бы ты остаться еще на пару минут, отец? — спросила Белла. — Я хотела бы кое о чем с тобой поговорить.

— Конечно, моя дорогая, — ответил он, присаживаясь. Он повернулся к мисс Ли с улыбкой. — Раньше, когда Белла говорила, что ей нужно сказать мне что-то важное, у меня сердце уходило в пятки, поскольку я думал, что она хочет известить меня о предстоящей свадьбе. Но теперь я отношусь к этому спокойно — беседа неизменно вращается вокруг того, чтобы уговорить меня взять в хор мальчика, у которого есть все задатки, кроме голоса, или помочь с жильем какой-нибудь достойной вдове.

— Думаешь, я уже слишком стара, чтобы выйти замуж? — спросила Белла улыбаясь.

— Моя дорогая, двадцать лет ты отказывала самым достойным кандидатам. Расскажем Полли о последнем из них?

— Она нам не расскажет.

— Всего два месяца назад один из наших каноников торжественно спросил, может ли он поухаживать за Беллой. Но она и слышать об этом не пожелала — у него было семеро детей от первой жены.

— К тому же он ужасно скучный человек, — добавила Белла.

— Чепуха, моя дорогая. У него есть первое издание «Путешествия пилигрима».

— Тебе понравился мистер Филд? — тихо спросила Белла.

— Очень, — признался декан. — Он кажется тихим скромным молодым человеком.

— Я этому рада, отец, потому что мы с ним помолвлены.

Декан издал изумленный возглас. Потрясение было столь велико, что какое-то мгновение он не мог говорить, а потом его охватила дрожь. Мисс Лэнгтон взволнованно за ним наблюдала.

— Это невозможно, Белла, — пробормотал он наконец. — Должно быть, ты шутишь.

— Почему?

— Он на двадцать лет моложе тебя.

— Да, это правда. Я и не подумала бы о браке, если бы не его чахотка. Я больше хочу быть его сиделкой, чем женой.

— Но он не джентльмен, — заявил декан, мрачно глядя на нее.

— Отец, как ты можешь такое говорить?! — с оскорбленным видом воскликнула Белла, покраснев. — Я никогда не встречала человека столь кроткого душой. Он воплощение добродетели и непорочности.

— Женщины ничего в этом не понимают. Они никогда не могут сказать наверняка, джентльмен человек или нет. Кем был его отец?

— Его отец был торговцем. Но доброе сердце — это нечто большее, чем дворянская корона.

Декан поджал губы. Он уже оправился от удивления и стоял перед Беллой, суровый и равнодушный.

— Пожалуй, так. Но доброе сердце еще не делает человека джентльменом. Полли может подтвердить это, как и я.

— Самым большим негодяем из всех, кого я когда-либо встречала, оказался лорд Уильям Хизер, — задумчиво произнесла мисс Ли. — Он был обманщиком и шантажистом. Он совершил множество преступлений, крупных и мелких, и избежал тюрьмы лишь благодаря чуду и влиянию его семьи. И все же ни на мгновение никому в голову не приходило отрицать то, что он был

джентльменом до мозга костей. Знатность не имеет ничего общего с десятью заповедями.

— Мэри, хоть вы меня не подводите! — воскликнула Белла. — Мне нужна ваша помощь. — Она подошла к декану и взяла его за руки. — Дорогой отец, это не мимолетная прихоть. Я серьезно размышляла над этим и могу утверждать, что мной движут отнюдь не низкие и презренные порывы. Я отдала бы целый мир, чтобы не причинять тебе боль, и если все же ранила тебя, то лишь по одной причине: я ясно вижу перед собой свой долг. Умоляю тебя дать мне согласие и вспомнить о том, что долгие годы делала все ради твоего спокойствия.

Декан высвободил руки.

— Я не знал, что это представлялось тебе утомительной обязанностью, — холодно ответил он. — И почему ты решила, что этот мужчина хочет на тебе жениться? — Он схватил Беллу за руку и с энергией, поразительной для человека столь хрупкого телосложения, повел ее к зеркалу. — Посмотри на себя. Естественно ли для юноши желать жениться на женщине, которая годится ему в матери? — Его тяжелый пристальный взгляд блуждал по лицу дочери и морщинкам вокруг ее рта. — Взгляни на свои руки: они по-

чти такие же, как у старухи. Я ошибся в твоем друге. Он всего лишь беспринципный охотник за деньгами.

Белла со стоном отвернулась. Она не могла понять, как ее отец, само воплощение доброты, вдруг превратился в чудовищно жестокого человека.

— Я знаю, что стара и некрасива! — воскликнула она. — И ни минуты не верила, что Герберт меня любит. Он никогда не подумал бы о женитьбе на мне, если бы я сама не сделала ему предложение. Но я могу спасти ему жизнь, только если увезу его за границу.

Некоторое время декан смотрел в пол, погрузившись в глубокие размышления.

— Если он болен и должен уехать за границу, Белла, я готов дать ему столько денег, сколько нужно.

— Но я люблю его, отец, — ответила она, вспыхнув.

— Ты серьезно?

— Да.

Тяжелые слезы навернулись ему на глаза и медленно заструились по щекам. Когда он заговорил, в его голосе больше не звучала жестокость, его душили рыдания.

— Ты оставишь меня одного, Белла? Не можешь подождать, пока я умру? Мне недолго осталось.

— О, отец, не говори так! Видит Бог, я не хочу причинять тебе боль. У меня сердце разрывается при мысли о разлуке с тобой. Позволь мне выйти за него замуж и поезжай в Италию вместе с нами. Мы можем быть очень счастливы, все трое.

Но тут уже декан отстранился от протянутых к нему рук Беллы и, смахнув слезы, решительно выпрямился:

— Нет, я никогда этого не сделаю, Белла. Я всю жизнь пытался помнить, что я прежде всего христианский священник, но гордость за происхождение у меня в крови. Я горжусь своим родом и собственными скромными усилиями старался добавить нашему имени славы. Выйдя замуж за этого человека, ты обесчестишь себя и обесчестишь меня. Как можешь ты поменять свою известную фамилию на фамилию несчастного продавца?! Я не имею права просить тебя отказаться от брака, поскольку я старый и беспомощный и полностью завишу от тебя, но у меня есть право просить свою дочь не позорить имя семьи.

Мисс Ли никогда не видела, чтобы добрый декан проявлял подобную строгость. Неистовый

пыл прогнал очаровательную мягкость, которая была самой притягательной чертой его характера, и два красных пятна зарделись на его щеках. Голос декана стал грубым, он держался прямо, сурово и холодно, словно римский сенатор, осознающий свою царственную ответственность. Но Беллу это не тронуло.

— Мне очень жаль, отец, что ты видишь все только под таким углом. Я никогда не посчитаю бесчестьем смену моей фамилии на фамилию человека, которого люблю. Боюсь, если ты не дашь мне согласия, я поступлю так, как считаю правильным.

Он окинул ее долгим изучающим взглядом.

— Это очень серьезный поступок — так ослушаться отца, Белла. Пожалуй, это происходит в твоей жизни впервые.

— Я это понимаю.

— Тогда позволь сказать тебе, что если ты покинешь дом декана, чтобы выйти замуж за этого злосчастного торговца, то ни один из вас не войдет сюда снова.

— Ты вправе запретить нам это, если считаешь нужным, отец. Я последую за своим супругом.

Декан медленно вышел из комнаты.

— Он никогда не передумает, — в отчаянии

произнесла Белла, повернувшись к мисс Ли. — Он отказался когда-либо встречаться с Бертой Ли, потому что та вышла замуж за фермера. Он ведет себя кротко и мило, будто его сердце переполняет смирение, но он не лукавит, когда говорит, что гордость за происхождение у него в крови. Думаю, я одна знаю, насколько это для него важно.

— Что же вы будете делать теперь? — спросила мисс Ли.

— А что я могу сделать? Я должна выбирать между Гербертом и отцом, а Герберту я нужна больше.

Они не видели декана до ужина. Наконец он спустился, облаченный в шелковые чулки и туфли с пряжками, что соответствовало его положению. Он сидел за столом молча, ел мало и не обращал внимания на беседу Беллы и мисс Ли. Время от времени тяжелая слеза скатывалась по его щеке. Он был человеком, изо дня в день следовавшим одному и тому же распорядку, и до десяти часов всегда оставался в гостиной. Поэтому и сегодня, как в любой другой вечер, сел и взял «Гардиан». Но Белла видела, что отец не читает, поскольку он целый час с отсутствующим видом смотрел в одно и то же место и периодически доставал носовой платок, чтобы промокнуть глаза.

Когда часы пробили десять, он встал. Его лицо осунулось и стало серым от горя.

— Спокойной ночи, Полли, — сказал он. — Надеюсь, Белла позаботилась о том, чтобы у вас было все, что требуется.

Он шагнул к двери, но мисс Лэнгтон остановила его:

— Ты ведь не уйдешь, не поцеловав меня, отец? Ты же знаешь, у меня щемит сердце от того, что я делаю тебя таким несчастным.

— Думаю, нам не стоит больше обсуждать этот вопрос, Белла, — холодно ответил он. — Ты напомнила мне, что уже достигла того возраста, когда можешь сама принимать решения. Мне больше нечего сказать, но я не изменю своего мнения.

Повернувшись, он закрыл за собой дверь, и они услышали, как он заперся в кабинете.

— Раньше он никогда не ложился спать, не поцеловав меня, — с болью произнесла Белла. — Даже когда задерживался где-то допоздна, он приходил ко мне в комнату пожелать спокойной ночи. О, бедный папа, каким несчастным я его сделала! — Она посмотрела на мисс Ли с мукой в глазах. — Мэри, как тяжело, что в жизни невозможно сделать добро одному, не причинив

боли другому! Чувство долга так часто указывает нам два противоположных направления, что удовольствие от выполнения одной обязанности сводится к нулю из-за страдания от пренебрежения другой.

— Хотите, чтобы я поговорила с вашим отцом?

— Вы ничем не поможете. Вы не знаете, какая непоколебимая решимость скрывается за его смиренными и кроткими манерами.

Декан сидел за столом в кабинете, закрыв лицо руками, а когда наконец отправился в постель, не мог уснуть, постоянно размышляя над переменами, которые произойдут в его жизни. Он не знал, как ему обойтись без Беллы, но мог бы смириться с утратой, если бы из-за молодости и положения Герберта Филда этот союз не представлялся ему неестественным и возмутительным.

На следующий день декан был бледнее обычного, ссутулившийся и изнуренный, он беспокойно расхаживал по дому молча, избегая участливых взглядов Беллы: со слабостью старика он не мог сдержать слезы, которых стыдился, и прятался, чтобы не вызывать жалость. Мисс Ли пыталась вразумить его, но у нее ничего не вышло — он то упрямился, то давил на сочувствие.

— Она не может бросить меня сейчас, Полли, —

повторял он. — Разве она не видит, как я стар и как она нужна мне? Пусть подождет немного, я не хочу умирать в одиночестве, чтобы чужие руки закрыли мне глаза.

— Но вы не же собираетесь умирать, мой дорогой Элджернон. Наша семья, включая самых дальних родственников, имеет две отличительные особенности — тупоумие и долголетие. И вы проживете еще лет двадцать. В конце концов, Белла очень много для вас сделала. Неужели вы не понимаете, что она хочет чуть-чуть пожить собственной жизнью? Вы не заметили, как она изменилась за последние годы. Она больше не девочка, а женщина с определившимися взглядами, а когда у старой девы появляются свои взгляды, это уже серьезно, мой дорогой. Я всегда думаю, что долг человека — не мешать ближнему реализовать себя. Почему бы вам не изменить решение и не поехать с ними в Италию?

— Я скорее останусь один до конца своих дней! — воскликнул он с неожиданной яростью. — Женщины в нашей семье всегда выходили замуж за джентльменов. Вы притворяетесь, что презираете благородное происхождение, и поэтому считаете себя человеком широких взглядов. Но меня воспитали с убеждением, что предки

оставили мне достойное имя, и я скорее умру, чем опозорю его. Перед всеми соблазнами в жизни я помнил об этом, и если я слишком гордился своими корнями, то прошу Бога простить меня.

Он был непоколебим, и мисс Ли, которой такая точка зрения казалась нелепой, пожав плечами, отвернулась.

Было получено специальное разрешение, и в следующую пятницу — день свадьбы — Белла облачилась в дорожную одежду. Новобрачные собирались сесть на поезд сразу после церемонии, чтобы в Кале на корабле отправиться прямо в Милан. Декан, услышав об этих планах от мисс Ли, не проронил ни слова. Перед уходом в церковь Белла зашла в кабинет к отцу попрощаться — она хотела предпринять еще одну попытку смягчить его и получить прощение.

Она постучала в дверь, но ответа не последовало, и, повернув ручку, она поняла, что дверь заперта.

— Можно войти, отец? — громко спросила она.

— Я очень занят, — дрожащим голосом ответил он.

— Пожалуйста, открой дверь. Я уже ухожу. Позволь попрощаться с тобой.

Повисла пауза, Белла ждала, а ее сердце коло-

тилось в груди.

— Отец… — снова позвала она.

— Я же сказал, что очень занят. Пожалуйста, не беспокой меня.

Всхлипнув, она отвернулась.

— Пожалуй, ничто так не огрубляет человека, как добродетель, — пробормотала она.

Мисс Ли ждала в коридоре, и очень тихо обе женщины отправились в церковь, где должна была проходить церемония. Герберт стоял у алтаря, и когда Белла увидела его сияющую приветственную улыбку, то осмелела, больше не сомневаясь, что поступает правильно. Мисс Ли провела ее к алтарю. После всех формальностей в ризнице Герберт нежно поцеловал жену. А она немного истерично рассмеялась, чтобы задушить слезы.

— Слава Богу, все закончилось! — произнесла Белла.

Багаж, опережая их, отправился на станцию, куда они сами спокойно пошли пешком. Вскоре прибыл поезд, и счастливая пара отправилась в долгое путешествие.

Когда декан понял, что дочь покинула его дом навсегда, он вышел из кабинета. С болью в сердце он пришел в ее комнату, и ему показалось, будто здесь уже царит одиночество. Он наведался в го-

стиную, которая тоже опустела. Некоторое время он сидел и, поскольку никто его не видел, беспомощно предавался горю. Он спрашивал себя, чего теперь ему ждать, и, сложив руки, молился, чтобы смерть скорее освободила его от страданий. Наконец, взяв шляпу, он направился через крытую галерею в собор, который так любил, решив, что найдет здесь хоть какой-то покой. Но в трансепте ему на глаза попалась большая плита из отполированной меди, на которой были выгравированы имена всех его предшественников-деканов. Сначала перечислялись странные саксонские имена, словно пришедшие из мифов, потом — мелодичные имена норманнских священников, имена святых, до сих пор упоминаемые в величественных анналах английской церкви, великих проповедников, ученых, государственных деятелей и, наконец, его собственное. Румянец залил его щеки, злость распалила его, когда он подумал, что его имя, достойное и честное, отныне покрыто несмываемым позором.

В обед декан, силясь избавиться от уныния, беседовал с мисс Ли на отвлеченные темы. Через некоторое время она бросила взгляд на часы:

— Должно быть, Белла сейчас как раз уезжает из Дувра.

— Лучше бы вам не вспоминать о ней при мне, Полли, — бросил он дрожащим голосом, стараясь изо всех сил говорить твердо. — Я должен попытаться забыть, что у меня вообще была дочь.

— Полагаю, из всех страстей человеческих наиболее глубоко укоренилась та, что заставляет людей вредить себе, желая насолить тем самым другому, — сухо заметила она.

Позже мисс Ли изъявила желание поехать в Линем, в поместье Ли, и пригласила декана сопровождать ее. Когда он отказался, она потребовала, чтобы коляска была готова к трем. Несколько лет она не видела дом, в котором появлялись на свет ее предки со времен Георга II, и не без несколько сентиментальных чувств смотрела на хорошо знакомые поля, плоские топи и сверкающее море, которое ее пристрастному взору казалось исполненным особого очарования, как ни в одном другом месте. Она поехала в церковь Линема и, получив ключ, вошла и осмотрела камни и таблички, хранившие память о ее прародителях. На новой табличке значились даты рождения, смерти и регалии Эдварда Крэддока, а снизу оставили место для имени его вдовы. Она не смогла сдержать вздох, когда вспомнила, что она сама и Берта, жена упомянутого Эдварда Крэддока,

станут последними в этом длинном списке. После них глава семьи Ли будет дописана, и книга Берка забудет о них.

— Элджернон может говорить что угодно, — пробормотала она, — но это была скучная компания. Семьи, как нации, представляют интерес только на стадии упадка.

Отправившись дальше, она добралась до поместья Ли. Белая и квадратная, постройка, как всегда, выглядела так, словно ее поставили на землю, как карточный домик. Закрытый со времен смерти Крэддока, мужа ее племянницы, дом казался заброшенным. Когда-то ровно подстриженные и ухоженные газоны теперь заросли сорняками, а клумбы лишились цветов. Запертые ворота, закрытые ставнями окна придавали строению зловещий вид, и мисс Ли с содроганием отвернулась. Она приказала извозчику вернуться в Теркенбери и, погрузившись в собственные мысли, больше не смотрела по сторонам. Она вздрогнула, услышав, как кто-то с изумлением произнес ее имя, и заметила, что на нее смотрит мисс Гловер, сестра викария Линема. Мисс Ли велела остановить коляску, и женщина быстро подошла.

— И кто бы мог подумать, что я увижу вас, мисс

Ли? Совсем как в былые времена!

— Не удивляйтесь, моя дорогая. Я остановилась у кузена в доме декана и подумала, что стоит приехать сюда и взглянуть, на своем ли все тут месте.

— О, мисс Ли, должно быть, вы очень огорчены! Бедный декан, говорят, у него просто разбито сердце! Знаете, отец молодого Филда торговал льняными тканями в Блэкстейбле…

— Похоже, мезальянсы у нас в крови. Не удивляйтесь, если услышите, что я вышла замуж за моего дворецкого — весьма уважаемого человека.

— О, но бедный Эдвард был совсем другим человеком, к тому же он стал настоящим джентльменом. Где сейчас Берта? Она никогда не пишет.

— Полагаю, в Италии. Я хочу, чтобы она вышла замуж за Фрэнка Харрелла, сына старого доктора Харрелла из Ферна.

— Но, мисс Ли, она согласится?

— Она пока еще не видела его, — ответила мисс Ли, сдержанно улыбнувшись, — но они идеально друг другу подходят.

— Вас не огорчает, что старый дом стоит заколоченный?

— Моя дорогая, я стараюсь никогда ни о чем

не сожалеть — это почти так же греховно, как раскаиваться.

— Я вас не понимаю, — заявила мисс Гловер. — Полагаю, для вас ничего не значит, что здесь, куда ни кинешь взгляд, повсюду земля Ли.

— Вы меня неправильно поняли. Я испытываю некое удовлетворение, вновь посещая это место, но я рада, что живу не здесь. Осмелюсь сказать, что хорошо родиться в деревне на своей собственной земле, даже если ты всего лишь женщина. Мне нравится ощущение того, что мои корни здесь. Когда я тут, то я едва могу устоять перед соблазном раздеться и поваляться на вспаханном поле.

— Надеюсь, вы ничего подобного не сделаете, мисс Ли, — ответила Фанни Гловер, несколько шокированная. — Это было бы так странно.

— Не говорите глупостей, моя дорогая! — улыбнулась собеседница. — Вы так наивны, что каждый раз, когда я вас вижу, то думаю, что у вас за спиной уже должны были прорезаться крылья.

— Вижу, вы все та же.

— Извините, но с каждым годом я определенно молодею. Честное слово, иногда я чувствую себя так, словно мне не больше восемнадцати.

Тут мисс Гловер вставила единственную остроумную ремарку в своей жизни.

— Признаюсь откровенно: я думаю, вы выглядите на все двадцать пять, мисс Ли, — ответила она с мрачной ухмылкой.

— Ах вы нахальное создание! — засмеялась мисс Ли и, приказав извозчику ехать дальше, на прощание помахала рукой мисс Гловер, пейзажам ее юности и полям, которые казались неотъемлемой частью ее самой.

Поскольку декан некоторым образом дал понять, что не особенно желает видеть у себя мисс Ли еще какое-то время, она на следующий день отправилась в Лондон. Внезапно ее охватила непривычная тревога, и она начала сильно жалеть о своем решении провести зиму в Англии. Миссис Мюррей уже уехала в Рим, и вид Беллы, отправлявшейся на континент, еще больше распалил в ней жажду странствий. Она представила себе все восхитительные маленькие беспокойства на таможне, особый, чуть затхлый запах салонов гостиничных автобусов, очаровательную скуку длинных путешествий на поезде, милые неудобства иностранных гостиниц. Перед ее мысленным взором возникла тусклая пасмурность Булони, а ее ноздри словно вдыхали

хорошо знакомые ароматы порта и вокзала.

Но поезд, в котором она ехала, остановился в Рочестере, и ее рассеянный взгляд вдруг задержался на пейзаже, который, как она вспомнила, однажды превозносил Бэзил Кент: небо с массивными облаками потемнело и отражалось на гладкой поверхности реки Медуэй; высокие трубы выплевывали клубы дыма, рисующие извилистые узоры на сером фоне, а низкие фабричные здания побелели от пыли. Стороннему наблюдателю это зрелище действительно могло показаться красивым — оно поражало скупостью линий и приглушенными скудными красками, как на изысканной японской гравюре.

Мисс Ли вбежала в дом.

— Дайте мне мой чемодан, — сказала она изумленной горничной. — Можете ехать в Лондон. Я остаюсь здесь.

— Одна, мадам?

— Можно подумать, кто-то захочет со мной сбежать! И побыстрее, иначе я очень рассержусь.

Она схватила сумку, быстро вышла из вагона и, когда поезд умчался прочь, вздохнула с огромным облегчением. Ее удивительно успокаивало то, что она осталась одна в незнакомом городе, где никто ее не знал, и она ощутила удивитель-

ное возбуждение. Изучив гостиничные автобусы, выбрала самый лучший и уехала.

С характерным упрямством она не обращала особого внимания на наиболее популярные достопримечательности, которые посещали туристы. Мисс Ли воображала, что произведение искусства может вызвать лишь сдержанный энтузиазм, а его запасы истощались, прежде чем она успевала подойти даже к признанным мировым шедеврам. Если она попадала в новый город на континенте, то обычно бродила там без определенной цели, наблюдая за людьми, и ничто не приводило ее в больший восторг, чем какой-нибудь заброшенный сад или украшенный дверной проем, о котором старый добрый Бедекер[41], специально оставленный дома, даже не упоминал. Поэтому тем вечером при свете фонарей обитатели Рочестера, возможно, видели изящную просто одетую даму в летах, которая лениво прогуливалась по Главной улице, осматривая ее внимательно, с живым интересом и терпением, и, очевидно, испытывая при этом чувство глубокого удовлетворения. В те мгновения дом на Олд-Куин-стрит ей казался тюрьмой,

[41] Примечания: 41
Имеется в виду серия путеводителей Карла Бедекера.

верный дворецкий — главным надзирателем, а восхитительный ужин, приготовленный по всем правилам, вызывал большее отвращение, чем похлебка и черствый хлеб.

Наконец, изрядно утомившись, мисс Ли вернулась в гостиницу. Немного отдохнув, она отправилась в ресторан. Официант посадил ее за маленький столик, и, ожидая, пока принесут ужин, она с отсутствующим видом теребила украшение эпохи Возрождения, с которым никогда не расставалась. Мисс Ли еще не успела рассмотреть посетителей, которые сидели в этом большом зале, и теперь, медленно подняв глаза, обнаружила, что ее с ужасом буравит взглядом дама — миссис Кастиллион. Ее лицо стало чрезвычайно бледным, так она разволновалась. Сначала мисс Ли не поняла, в чем дело, но потом увидела, что ее знакомую сопровождает Реджи Бассетт. Обе дамы не подали виду, что заметили друг друга: миссис Кастиллион опустила взгляд и, едва заметно шевеля губами, обратилась к Реджи. Тот вздрогнул и инстинктивно хотел повернуться, но спутница быстро одернула его. Они сидели довольно далеко от мисс Ли и переговаривались шепотом, словно боясь, что их слова донесутся до нее. Мисс Ли с интересом взглянула на них еще

раз, и миссис Кастиллион снова поспешно опустила глаза. Она оставалась такой бледной, что мисс Ли даже подумала, будто она может упасть в обморок. Реджи налил в бокал шампанского, и миссис Кастиллион его быстро выпила.

— Думаю, их ужин будет не очень приятным, — пробормотала старая дева, сдержав улыбку. — Интересно, почему они вообще выбрали Рочестер?

Потом она мысленно обругала Фрэнка за то, что он не поделился с ней тайной, которая, как она сразу догадалась, была ему прекрасно известна. На самом деле мисс Ли смутилась не меньше, чем миссис Кастиллион, поскольку и не подозревала, что эту пару могут связывать отношения, предполагающие выезды в деревню по уикэндам. Но она могла оценить обстановку. Поджав губы и вспомнив, что Пол Кастиллион сейчас должен выступать на политическом собрании на севере Англии, мисс Ли улыбнулась. Ее снедало желание узнать, что предпримут незадачливые любовники, ибо ей всегда нравилось наблюдать за поведением людей в щекотливых ситуациях. Она вроде бы и не смотрела на них, но все же заметила, что их вялый диалог сменился неловкой тишиной, не нарушая которой они и закончили

трапезу. Нельзя было отрицать, что сама мисс Ли ужинала не только с невозмутимостью, но и с удвоенной энергией.

— И не знала, что в английских гостиницах так хорошо готовят, — пробормотала она и позвала официанта. — Можете сказать мне, кто эта леди за пятым столиком, если считать отсюда?

— Миссис Барлоу, мадам. Они приехали только сегодня днем.

— А джентльмен рядом с ней ее муж или сын?

— Муж, мадам, как я полагаю.

— Пожалуйста, принесите мне газету.

Миссис Кастиллион и Реджи должны были пройти мимо мисс Ли по пути к выходу, и она, отчасти из вредности, твердо решила не покидать своего места. Она обладала достаточно хорошим зрением, чтобы заметить глубочайшее отчаяние на лице своей знакомой, когда рядом с заказанной чашкой кофе появилась «Вестминстер газетт». Мисс Ли раскрыла ее и вскоре погрузилась во внимательное изучение передовицы.

Помощи ждать не приходилось, и миссис Кастиллион могла надеяться только, что ей самой как-то удастся обернуть ситуацию себе на пользу. Реджи встал и лениво побрел к выходу, уставившись в пол, с сердитой гримасой на красивом

лице, которая позволяла предположить: миссис Кастиллион еще достанется за эту нелепую случайность. Но та повела себя более дерзко: она прошла пару шагов за ним, с прямой спиной, покачивая бедрами, как обычно, и, добравшись до мисс Ли, остановилась с изумленным возгласом, который прозвучал весьма естественно:

— Мисс Ли, кто бы мог подумать! Как чудесно, что вы здесь оказались!

Она протянула руку, изображая неимоверную радость. Мисс Ли холодно улыбнулась:

— А я давно вас заметила, миссис Кастиллион.

— Вы здесь ужинали? Как удивительно, что я вас не видела! Но у меня сегодня день странных совпадений. Когда я приехала в гостиницу, то первым делом наткнулась на мистера Бассетта. Я пригласила его поужинать со мной. Похоже, он гостит тут неподалеку. И как вы его не заметили!

— Заметила.

— Так почему же вы не подошли и не заговорили с нами? Мы могли бы поужинать все вместе.

— Вы, должно быть, считаете меня полной дурой, моя дорогая! — произнесла мисс Ли с выражением презрения, смешанного с весельем.

При этих словах миссис Кастиллион вздрогнула, ее лицо вдруг стало серым, а в глазах отразился

малодушный испуг. У нее не хватило сил продолжать игру, на успех которой она поначалу рассчитывала. Более того, она поняла, что все это бесполезно.

— Вы ведь не выдадите меня, мисс Ли? — прошептала она с таким страхом, что голос был едва слышен.

— Я не сомневаюсь, что любопытство — мой главный порок, — ответила мисс Ли, — но только не бестактность. Лишь глупцы обсуждают что-то конкретное, люди умные больше интересуются абстрактным.

— Вы знаете, что мать Пола отдала бы половину своего состояния за сведения о том, что я была здесь с мужчиной? О, как бы она обрадовалась, если бы ей представилась возможность поймать меня! Ради Бога, пообещайте, что никогда не скажете никому ни слова! Вы ведь не хотите разрушить мне жизнь?

— Торжественно обещаю.

Миссис Кастиллион вздохнула с облегчением, едва не заплакав от волнения. В зале уже было пусто, если не считать официанта, который яростно вытирал стол, но ей казалось, будто он с подозрением за ними наблюдает.

— Но теперь я тоже в вашей власти, — просто-

нала она. — Боже, как я жалею, что приехала сюда! И почему этот мужчина не уходит? У меня ощущение, что я сейчас закричу что есть мочи.

— На вашем месте я бы не стала, — тихо сказала мисс Ли.

Она ничто не ценила так высоко, как самообладание, и поэтому наблюдала за мисс Кастиллион с неким презрением, ведь эта жалкая демонстрация стыда и страха вызывала у нее отвращение. Никто не относился к общепринятым нормам поведения с большим равнодушием, чем мисс Ли, а брачные союзы особенно ее забавляли, но она глубоко презирала тех, кто нарушал правила, не обладая достаточной смелостью, чтобы принять последствия собственного дерзкого поведения. Добиваться хорошей репутации в обществе и втайне действовать вопреки его представлениям о приличиях представлялось ей проявлением презренного лицемерия. Миссис Кастиллион, догадываясь о том, что скрывалось за пристальным взглядом мисс Ли, с волнением за ней наблюдала.

— Должно быть, вы глубоко меня презираете, — пролепетала она.

— Вам не кажется, что для вас было бы лучше вернуться со мной в Лондон сегодня вечером? —

спросила мисс Ли, уставившись на испуганную даму серыми глазами, в которых читались холод и непреклонность.

Бойкое оживление миссис Кастиллион испарилось без следа, и она села перед старшей собеседницей — изможденная и побледневшая, как виновный преступник перед судьей. Но когда прозвучало это предложение, слабый румянец появился у нее на щеках, а уголки губ в мучительном страдании опустились вниз.

— Не могу, — прошептала она. — Не просите меня сделать это.

— Почему?

— У меня духу не хватит его оставить. Тогда он увяжется за кем-нибудь в Чатеме.

— Все настолько плохо?

— О, мисс Ли… Я ужасно наказана. Я не собиралась заходить так далеко, хотела всего лишь развлечься, мне было ужасно тоскливо. Вы же знаете, каков Пол. Иногда он становится таким скучным и занудным, что я просто падаю на кровать и кричу.

— Все мужья иногда скучны и занудны, — задумчиво заметила мисс Ли. — Так же, как и все жены часто бывают сварливы. Но он очень любит вас.

— Я думаю, если бы он узнал, его сердце разбилось бы. Я глубоко несчастна. Я не смогла удержаться. Я люблю Реджи всей душой. А я ему совершенно безразлична! Сначала ему льстило, что я, как он говорит, благородная дама, проявила к нему интерес, но сейчас он остается со мной только потому, что я плачу ему.

— Что?! — изумилась мисс Ли.

— Мать дает ему недостаточно денег, и мне удается помогать ему. Он оплачивает все счета купюрами, которые даю я, а я притворяюсь, будто думаю, что сдачи никогда не дают. О, я ненавижу и презираю его, и все же, если он бросит меня, то, думаю, я умру!

Закрыв лицо руками, она безудержно зарыдала. Мисс Ли размышляла. Через мгновение миссис Кастиллион подняла глаза и сжала кулаки.

— Вот и теперь, когда я приду к нему, он обругает меня, как торговку рыбой, за то, что я предложила поехать в Рочестер. Он скажет, это я виновата, что мы оказались здесь. О, как я жалею, что мы вообще на это решились! Знаю, это был сумасшедший поступок. Жаль, что я вообще встретила Реджи!

— Но почему вы выбрали Рочестер? — спросила мисс Ли.

— Разве вы не помните, как о нем рассказывал Бэзил Кент? Я решила, что никто никогда сюда не ездил, а Пол заявил, что дикими лошадьми его не заманишь. Это все и решило.

— Бэзилу нужно развивать свои эстетические теории в отношении мест менее доступных, — пробормотала мисс Ли, — ведь именно по этой причине я тоже оказалась здесь. Вы знаете, наше родовое гнездо недалеко отсюда, и я ездила в Теркенбери.

— Я забыла об этом.

Некоторое время они молчали. Гостиничный ресторан, в котором практически выключили свет и все убрали со столов, если не считать белых скатертей, казался мрачным. Миссис Кастиллион содрогнулась, когда с болью обвела взглядом помещение и осознала, что страсть, которая представлялась ей чудесной, виделась мисс Ли омерзительной и подлой.

— Неужели вы совсем не готовы мне помочь? — простонала она.

— Почему вы не порвете с Реджи раз и навсегда? — спросила мисс Ли. — Я знаю его довольно хорошо и думаю, он никогда не сделает вас счастливой.

— Хотела бы я, чтобы у меня хватило на это

сил…

Мисс Ли осторожно накрыла рукой тонкие, унизанные кольцами пальцы несчастной женщины.

— Позвольте забрать вас сегодня вечером в Лондон, моя дорогая.

Миссис Кастиллион посмотрела на нее со слезами на глазах.

— Не сегодня, — попросила она. — Дайте мне время до понедельника, и тогда я окончательно с ним порву.

— Это произойдет сейчас или никогда. Разве вам не кажется, что первый вариант лучше?

Никто и не подумал бы, что холодный тон мисс Ли может обладать столь убедительной нежностью.

— Хорошо, — сказала миссис Кастиллион, совершенно опустошенная. — Я пойду и скажу Реджи.

— Если он станет возражать, скажите, что таково условие моего обещания молчать о случившемся.

— Как будто для него это имеет хоть какое-то значение! — зло ответила миссис Кастиллион, всхлипывая.

Она удалилась, но вскоре появилась вновь.

— Он ушел, — сообщила она.

— Ушел?

— Без единого слова. В его номере не осталось ни одной вещи. Он всегда был трусом, а теперь просто сбежал.

— И оставил вам счет на оплату. Как похоже на дорогого Реджи!

— Вы правы, мисс Ли: ничего хорошего из всего этого не выйдет. Это конец. Я его брошу. Заберите меня в Лондон, и я пообещаю, что никогда не увижусь с ним снова. Отныне я буду пытаться воздать должное Полу.

Вскоре приехали двуколки, и дамы успели на последний поезд до города. Миссис Кастиллион забилась в угол купе, ее лицо казалось мрачным и бледным на фоне голубых подушек. Она смотрела в темноту и не проронила ни слова. Ее спутница размышляла.

«Интересно, что такого в респектабельности, — думала мисс Ли, — если я приложила множество усилий, стремясь вернуть эту женщину на ее скучный правильный путь. Она всего лишь бедное неосмотрительное создание, и я полагаю, не стоит того, чтобы я так беспокоилась, к тому же я как следует не осмотрела Рочестер. Но мне следует остерегаться: я становлюсь настоящей блюстительницей нравов, если так пойдет и

дальше, то превращусь в зануду».

Она бросила взгляд на красивую даму, которая выглядела старой и неухоженной с пудрой на щеках, подчеркивавшей их болезненную впалость. Миссис Кастиллион молча плакала.

«Интересно, знал ли этот монстр Фрэнк о происходящем? Неужели он хранил их тайну самым подлым образом?» — задалась вопросом мисс Ли.

Когда они наконец приблизились к Лондону, миссис Кастиллион оживилась. Она повернулась к спутнице с некой насмешливостью, в которой чувствовалась безысходность.

— Вы обожаете афоризмы, мисс Ли, — сказала она. — Вот вам один, который я открыла для себя: никого нельзя презирать так же сильно, как человека, которого любишь всем сердцем.

— Фрэнк может говорить что угодно, — ответила собеседница, — но ничто не делает людей более забавными, чем ужасная боль.

Пару дней спустя мисс Ли, гордившаяся тем, что строит планы исключительно ради удовольствия их нарушать, отправилась в Италию.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Мисс Ли вернулась в Англию в конце февраля. В отличие от большинства соотечественников она выезжала за границу не для того, чтобы встречаться с друзьями, с которыми проводила много времени дома. И хотя Белла и Герберт Филд были в Неаполе, а миссис Мюррей в Риме, она методично старалась их избегать. Зато она взяла себе за правило заводить случайные знакомства, считая, что англичане в чужой стране изменяли своим привычкам и начинали общаться с приятной и поучительной откровенностью. В Венеции, например, или на прекрасном острове Капри романтику можно было увидеть особенно отчетливо, и всякого рода странности демонстрировались с весьма любопытным нахальством. В таких местах можно встретить пары среднего возраста, состоящие в неопределенных отношениях, и их бурные приключения могли бы потрясти благовоспитанных представителей старшего поколения. Удивительно, но там порой обнаруживаешь, какими странными могут быть наиболее консервативные и какими обыкновенными — наиболее эксцентричные люди.

Мисс Ли со своим умением тактично внушать окружающим доверие после столь привычной степенности Англии на континенте получала неимоверное удовольствие. Она выслушивала неожиданные признания мужчин, которые ради спасения своих душ расстались с мирским великолепием и теперь рассказывали о былых переживаниях со снисходительной иронией, и истории женщин, которые ради любви когда-то готовы были обрушить столпы небес, а теперь пожимали плечами, с умилением вспоминая о давно умершей страсти.

— Ну и что нового вы можете мне рассказать? — спросил Фрэнк за ужином на Олд-Куин-стрит, после того как встретил мисс Ли на вокзале Виктории.

— Ничего особенного. Но я заметила, что когда удовольствие истощает человека, он приходит к убеждению, что сам истощил всякие запасы удовольствия. И потом он с мрачным видом заявляет тебе, что ничто не способно удовлетворить человеческое сердце.

Но у Фрэнка были более важные новости — Дженни неделю назад родила мертвого ребенка и чувствовала себя так плохо, что все думали, она не оправится. Теперь, однако, худшее осталось

позади, и при условии, что не случится ничего плохого, она, вероятно, должна была начать потихоньку выздоравливать.

— И как Бэзил это пережил? — спросила мисс Ли.

— Он почти ничего не говорит. Последнее время он стал очень молчаливым, но боюсь, у него совершенно разбито сердце. Вы знаете, с каким нетерпением он ждал рождения ребенка.

— Думаете, он любит жену?

— Он очень добр к ней и проявлял исключительную нежность после трагедии. Думаю, из них двоих она страдала больше. Понимаете, она считала, что именно на этом держался их брак, и он изо всех сил старается успокоить ее.

— Я должна поехать и навестить их. А теперь расскажите мне о миссис Кастиллион.

— Я не видел ее уже лет сто.

Мисс Ли внимательно следила за Фрэнком. Она задавалась вопросом, знал ли он о ее романе с Реджи Бассеттом, но хотя жаждала это обсудить, не рискнула затронуть эту тему. В действительности он был в курсе всех обстоятельств, но забавлялся, изображая полное непонимание, чтобы увидеть, как мисс Ли направит беседу в нужное русло. Она же говорила о декане Теркен-

бери, о Белле и ее супруге и потом, будто случайно, упомянула Реджи. Блеск в глазах Фрэнка тут же подсказал ей, что он раскусил ее уловку.

— Вы животное! — воскликнула она. — Почему не рассказали мне об этом и допустили, чтобы все выяснилось случайно?

— Принадлежность к сильному полу обязывает меня соблюдать элементарные нормы приличия, мисс Ли.

— Не обязательно добавлять самодовольство к списку других своих отвратительных пороков. Откуда вы узнали, что между ними что-то есть?

— Любезный молодой человек сам мне рассказал. Лишь немногие мужчины могут удержаться, чтобы не похвастаться очередной победой, и Реджи точно не из их числа.

— Вы ведь не знаете Хью Кирона? У него были романы по всей Европе, но наибольшую известность получила связь с иностранной принцессой, которая останется безымянной. Думаю, она наскучила бы ему до смерти, если бы не тот факт, что он мог иногда помахать носовым платком с огромными инициалами и изображением королевской короны в углу.

Затем мисс Ли описала свою поездку в Рочестер и, конечно, представила ее в виде красивой и

увлекательной истории.

— Вы хоть на мгновение поверили, что этим дело кончится? — с иронией спросил Фрэнк.

— Не стоит злорадствовать лишь потому, что я надеялась на лучшее.

— Дорогая мисс Ли, чем подлее мужчина, тем сильнее преданы ему возлюбленные. Лишь когда мужчина порядочен и относится к женщине как к личности, ему приходится нелегко.

— Вы ничего в этом не понимаете, Фрэнк, — возразила мисс Ли. — Пожалуйста, предоставьте мне факты, а философские выводы я могу и сама сделать.

— Что ж, Реджи обладает естественным умением общаться с противоположным полом. Я слышал все о вашей экскурсии в Рочестер и сумел его убедить, что вы не расскажете его мамочке. Он понял, что выглядел не слишком героически, поэтому принял высокомерный вид и, исполненный добродетельного негодования, месяц не замечал миссис Кастиллион. Потом она робко написала ему, умоляя о прощении, которое, как я понимаю, он благородно ей даровал. Он явился ко мне, бросил письмо на стол и сказал: «Вот, старина, если кто-нибудь спросит, скажите, что если я чего-то не знаю о женщинах, то этого и не

нужно знать». Через два дня он пожаловал ко мне с золотым портсигаром!

— И что вы ему сказали?

— Когда-нибудь его настигнет дьявольское несчастье.

— Это прозвучало мудро и выразительно. Я от всей души надеюсь, что так и произойдет.

— Думаю, у них все отнюдь не гладко, — продолжал Фрэнк. — Реджи говорит, она чертовски усложняет ему жизнь, и он уже беспокоится. Это не шутки — иметь дело с женщиной, которая отчаянно тебя любит. К тому же он никогда не имел близких отношений с дамой высокого положения и просто шокирован ее вульгарностью. Часто кажется, будто ее поведение не соответствует его понятиям о благопристойности.

— Ну разве не истинный англичанин? Он культивирует соблюдение приличий даже в аморальности!

Затем мисс Ли поинтересовалась жизнью самого Фрэнка, но, поскольку они постоянно обменивались письмами, ему было почти нечего добавить. Работа в больнице Святого Луки отличалась монотонностью: лекции студентам по три раза в неделю и прием амбулаторных пациентов по средам и субботам. Больные стали приходить

в его консультационный кабинет на Харли-стрит, и он с нетерпением, хоть и без особого энтузиазма, ждал, что вот-вот превратится в модного доктора.

— Вы в кого-нибудь влюблены?

— Вы же знаете, я никогда не позволю своим симпатиям перерасти в нечто большее, пока одиноки вы, — рассмеялся он.

— Заметьте, я не пытаюсь поймать вас на слове и не тащу за волосы к алтарю. У меня нет соперницы?

— Что ж, если вы меня прижмете, я признаюсь.

— Чудовище, как ее зовут?

— Bilharzia hoematobi[42].

— Господи Боже!

— Это паразит, которого я изучаю. Я полагаю, что авторитетные источники заблуждаются на его счет. У них неправильные представления о цикле развития, да и способ, которым, как они считают, передается заболевание, вызывает сомнения.

— Тема меня не особенно захватывает, к тому

---

[42] Примечания: 42

Вероятно, имеется в виду bilharzia haematobia *(лат.),* она же двуустка кровяная — паразит из семейства двуустковых, паразитирующий в теле человека и некоторых животных.

же складывается впечатление, что вы все это выдумываете, желая скрыть возмутительные шашни с какой-нибудь балериной.

Визит мисс Ли в Барнс не вызывал восторга ни у Дженни, ни у Бэзила, который казался встревоженным и несчастным. Похоже было, что лишь ценой неимоверных усилий он принимал добродушный вид, обращаясь к жене. Дженни до сих пор лежала в постели, очень слабая и больная, но мисс Ли, которая никогда раньше ее не видела, поразилась ее необычайной красоте. Ее лицо, белее подушек, на которых она лежала, лучилось трогательной грустью и, несмотря на все, что произошло, сохранило то милое наивное очарование, благодаря которому английских девушек и стали сравнивать с английскими розами. Наблюдательная дама также отметила мучительное, исполненное вопросов беспокойство, с которым Дженни постоянно бросала жалостливые взгляды на супруга, словно опасаясь незаслуженного упрека с его стороны.

— Надеюсь, вам нравится моя жена, — сказал Бэзил, провожая мисс Ли вниз.

— Бедняжка! Она напоминает мне красивую птичку, которую судьба заточила в четырех стенах обыденности. А ведь ей по праву пола-

гается беззаботно петь песни под бескрайними небесами. Боюсь, вы еще проявите к ней исключительную жестокость.

— Почему? — не без возмущения спросил он.

— Дорогой мой, вы заставите ее жить так, чтобы соответствовать вашему голубому фарфоровому чайнику. Мир был бы намного лучше, если бы люди так не стремились вести себя согласно неким принципам.

Миссис Буш вызвали немедленно, когда Дженни оказалась в опасности, но в горе и волнении та принялась искать утешения в бутылке виски Бэзила. В итоге ему пришлось умолять ее вернуться домой. Сцена получилась отнюдь не нравоучительной. Догадавшись о пристрастии тещи к алкоголю, Кент через два или три дня после ее приезда запер буфет и спрятал ключ. Но через некоторое время к нему подошла служанка.

— Если позволите, сэр, миссис Буш просит виски — она не очень хорошо себя чувствует.

— Я сам с ней поговорю.

Миссис Буш, выглядевшая абсолютно здоровой, сидела в гостиной, сложив руки на коленях, и изо всех сил пыталась изобразить материнское беспокойство, недомогание и оскорбленное достоинство. Она была не очень рада увидеть зятя

вместо прислуги.

— О, это вы, Бэзил? — произнесла она. — Нигде не могу найти ключ от буфета, а я так расстроена, что мне нужно выпить хоть каплю чего-то крепкого.

— На вашем месте я бы не стал, миссис Буш. Вам гораздо лучше без этого.

— О, в самом деле? — ощетинилась она. — Наверное, вам известно о моих личных переживаниях больше, чем мне самой. Я всего лишь прошу вас дать мне ключ, молодой человек, и побыстрее. Я не из тех женщин, над которыми можно шутить, и я прямо говорю вам об этом.

— Мне очень жаль, но я считаю, вы уже достаточно выпили. Вы можете понадобиться Дженни, и с вашей стороны было бы мудрее сохранять трезвость.

— Вы намекаете, что я выпила больше, чем можно?

— Так далеко я бы не зашел, — улыбнулся он.

— Надо же! — оскорбленно воскликнула миссис Буш. — Я была бы вам премного обязана, если бы вы не смеялись надо мной, и я должна сказать, что с вашей стороны это бессердечно, ведь моя дочь лежит больная у себя в спальне. Я очень расстроена, и я действительно думала, что вы бу-

дете относиться ко мне как к леди, но все вышло иначе, мистер Кент. Нет, даже когда я впервые сюда приехала. О, я все помню, так что не думайте, будто я забыла. Для меня сгодился и дешевый шестипенсовый чайник, но когда явилась ваша подруга-леди, тут же на стол поставили серебряный. Конечно, я ни на мгновение не поверила, что это настоящее серебро. Происхождение — это прекрасно, мистер Кент, но я говорю: покажите хорошие манеры. Вы такой милый молодой человек, а жалеете для меня каплю спиртного, когда моя бедная дочь на смертном одре. Я ни на минуту не задержалась бы в этом доме, если бы не она.

— Я как раз хотел предложить вам вернуться в свой прекрасный дом в Крауч-Энде, — вставил Бэзил, когда добрая женщина замолчала, чтобы перевести дух.

— Да неужели?! Ну посмотрим, что на это скажет Дженни. Полагаю, моя дочь здесь хозяйка.

Миссис Буш встала и направилась к двери, но Бэзил загородил ее спиной.

— Я не могу позволить вам идти к ней сейчас. Думаю, вы не в самом подходящем состоянии.

— Надеетесь, что вы сможете мне помешать? Прочь с дороги, молодой человек!

Бэзил, испытывавший скорее отвращение, чем ярость, смотрел на злобное существо с холодным презрением, которое не так-то легко было перенести.

— Не хочу ранить ваши чувства, миссис Буш, но полагаю, вам лучше немедленно покинуть наш дом. Фанни сложит ваши вещи. Я собираюсь в комнату Дженни и запрещаю вам туда заходить. Надеюсь, что через полчаса вас уже здесь не будет.

Он развернулся, оставив миссис Буш в бешенстве и в страхе. Она привыкла добиваться своего, так что отпор застал ее врасплох. Поведение Бэзила не оставляло возможности предположить, что он легко сдастся. Однако она твердо решила, какими бы ни были последствия, пробраться в комнату Дженни и выразить дочери недовольство. Она мысленно повторяла, что именно хочет сказать, когда вошла служанка и объявила, что по приказу хозяина она упаковала ее веши. Мать Дженни возмущенно вскочила, но гордость не позволила ей признать перед служанкой, что ее выставили вон.

— Все правильно, Фанни! Это не тот дом, где может оставаться леди. И мне жаль, что у вас, моя дорогая, такой хозяин, как мой зять. Можете

передать ему вместе с моими наилучшими пожеланиями, что он не джентльмен.

Дженни, которая спала, пробудилась, когда хлопнула входная дверь.

— В чем дело? — спросила она.

— Твоя мать уехала, моя дорогая. Ты не против?

Она бросила на него быстрый взгляд, заключив, судя по тому, насколько знала характер родительницы, что произошла ссора, и забеспокоилась — вдруг Бэзил придет в раздражение. Она протянула ему руку:

— Нет. Я рада. Хочу остаться с тобой наедине. Мне не хочется, чтобы между нами вставал хоть кто-то.

Он наклонился и поцеловал ее, а она обвила руки вокруг его шеи.

— Ты ведь не держишь на меня зла за то, что ребенок умер?

— Любимая, как я могу?

— Скажи, что не жалеешь, что женился на мне.

Дженни, уже осознавшую, что Бэзил женился на ней исключительно ради ребенка, переполнял неимоверный ужас. Интересы мужа настолько отличались от ее (и она лишь постепенно

поняла, до чего велика пропасть между ними), что только долгожданный сын мог сохранить привязанность Бэзила к ней. Он любил в ней будущую мать, а теперь мог горько пожалеть о своем решении, казалось, она обманом заставила его вступить в брак. Главные узы, связывавшие их, оказались разрублены, и хотя Дженни с покорной благодарностью принимала знаки внимания, обусловленные его добротой, она с болью в сердце спрашивала себя: что случится, когда она выздоровеет?

Прошло время, и Дженни, все еще бледная и вялая, достаточно окрепла и вышла из комнаты. Предполагалось, что через некоторое время она отправится с сестрой на месяц в Брайтон. Работа не позволяла Бэзилу надолго покидать Лондон, но он обещал приехать в выходные. Однажды днем он явился домой в приподнятом настроении, получив письмо от издателя с новостями о том, что его книгу одобрили и выпустят ближайшей весной. Казалось, это первый шаг к славе, которой он жаждал. Он обнаружил, что рядом с Дженни сидит Джеймс Буш, его шурин, и, пребывая в бурной радости, поприветствовал его с необычной сердечностью. Но на этот раз Джеймс не отличался привычной забавной болтливо-

стью и выглядел как побитая собака, что в любое другое время привлекло бы внимание Бэзила. Он тут же ушел, и только тогда Бэзил заметил, что Дженни сильно взволнована. Хотя он ничего не знал наверняка, ему пришло на ум, что члены семьи Буш приходят к его жене, когда у них бывают финансовые затруднения. Бэзил, впрочем, с самого начала решил, что их неизбежные претензии должны удовлетворяться. Он предпочитал, однако, не акцентировать внимание на том, что Дженни им помогает, и, когда она просила чуть больше денег на карманные расходы, давал ей нужную сумму без лишних вопросов.

— Почему Джимми был здесь в такое время? — беспечно спросил он, решив, что братец жены забежал как раз по поручению такого рода. — Я думал, он не уходит с работы до шести.

— О, Бэзил, произошло нечто ужасное! Не знаю даже, как тебе сказать. Его уволили.

— Надеюсь, он не хочет, чтобы мы содержали его, — холодно заметил Бэзил. — У меня трудная ситуация в этом году, и все деньги, что у меня есть, я хочу оставить для тебя.

Дженни собралась с духом перед мучительным усилием, которое должна была сделать. Она отвернулась, и ее голос задрожал.

— Не знаю, что делать. Он попал в беду. Если он за неделю не соберет сто пятнадцать фунтов, его фирма подаст на него в суд.

— О чем ты вообще говоришь, Дженни?

— О, Бэзил, не злись на меня! Мне было так стыдно сказать тебе об этом, что я молчала целый месяц. Но больше не могу. С его счетами что-то пошло не так.

— Ты хочешь сказать, он воровал? — с безжалостной прямотой спросил Бэзил, и его охватило чувство глубочайшего ужаса и отвращения.

— Ради Бога, не смотри на меня так! — воскликнула она, потому что его глаза и плотно сжатые губы заставляли ее чувствовать себя преступницей, признающейся в чем-то чудовищном. — Он не собирался никого обманывать. Я не совсем в этом разбираюсь, но он может рассказать тебе, как все было. О, Бэзил, ты же не допустишь, чтобы Джимми сел в тюрьму? Разве нельзя отдать ему деньги, которые мы отложили на мою поездку?

Бэзил сел за стол, чтобы поразмыслить над ситуацией, и обхватил лицо руками, стараясь отгородиться от напряженного умоляющего взгляда Дженни. Он не хотел, чтобы она видела испуг и ужасающий стыд, с которыми он воспринял новость. Но она все равно увидела.

— О чем ты думаешь, Бэзил?

— Ни о чем особенном. Я размышлял, как собрать деньги.

— Ты ведь не считаешь, что нас надо стричь под одну гребенку, потому что он мой брат?

Он посмотрел на нее, но ничего не ответил. Разумеется, его расстраивало, что мать его жены пьет больше, чем подобает, а брат имеет лишь примитивные представления о собственности.

— Я в этом не виновата, — заплакала она с горькой болью, нарушив тишину. — Не суди меня слишком строго.

— Нет, ты не виновата, — ответил он с невольной холодностью. — И ты все равно должна поехать в Брайтон. Но боюсь, это означает, что летом нам придется остаться без отдыха.

Он выписал чек, а потом оформил письмо в банк, умоляя выдать ему в качестве аванса сотню фунтов под залог находящихся у них ценных бумаг.

— Вот он! — воскликнула Дженни, услышав звонок. — Я велела ему вернуться через полчаса.

Бэзил встал:

— Лучше тебе сразу вручить чек брату. Скажи, что я не желаю его видеть.

— Ему больше нельзя приходить, Бэзил?

— Решай сама, Дженни. Если пожелаешь, можем притвориться, что он скорее человек неудачливый, чем непорядочный. Но я предпочел бы не возвращаться к этому вопросу. Мне не нужны ни его благодарности, ни оправдания.

Ничего не ответив, Дженни взяла чек. Она отдала бы многое, чтобы обнять Бэзила, умоляя его о прощении, но в его поведении чувствовалась какая-то жесткость. Весь вечер он просидел в угрюмой тишине, и Дженни не осмеливалась заговорить с ним. На ночь он поцеловал ее холодно, как никогда, и, мучаясь бессонницей, она горько плакала. Она не понимала, почему он смотрит на этот инцидент с таким глубочайшим презрением. Ей казалось, произошедшее — что-то вроде простого невезения, обусловленного чрезмерной горячностью Джимми, и она была склонна согласиться с братом, что удача просто отвернулась от него. Ее несколько возмущали отказ Бэзила выслушать хоть какие-то доводы в его защиту и полная уверенность в том, что верны самые худшие его предположения.

Пару дней спустя, неожиданно придя домой, Кент обнаружил, что Дженни ведет серьезный разговор с братом, который, вновь став беззаботным и веселым, даже не попытался изобразить,

будто ему стыдно, что Бэзил знает о его эскападе.

— Рад видеть, Горацио! — воскликнул он, протягивая руку. — Я забежал специально, чтобы у меня была возможность нарваться на вас. Хотел сказать спасибо за деньги, которые вы мне дали в долг.

— Лучше бы вам не говорить об этом.

— Почему же? Здесь нечего стыдиться. Меня постигла неудача, вот и все. Я верну вам деньги, вы же знаете. Не беспокойтесь.

Он живо выложил всю историю, повторив, что несчастье может обрушиться и на достойных людей, а к проблемам с законом могут привести самые безобидные поступки. Бэзил, против своей воли восхищаясь остроумным нахальством парня, слушал его в ледяном молчании.

— Не нужно оправдываться, — наконец произнес он. — Я помог вам из чистого эгоизма. Если бы не Дженни, мне было бы совершенно все равно, посадили бы вас в тюрьму или нет.

— О, это все чепуха! Они не стали бы возбуждать дело. Разве я не говорил, что у них нет оснований? Вы верите мне, правда?

— Нет, не верю.

— Что вы хотите этим сказать? — злобно спросил Джеймс.

— Мы не будем это обсуждать.

Собеседник не ответил, но метнул на Бэзила взгляд явно враждебный.

— Можете попрощаться со своими деньгами, молодой человек, — пробормотал он тихо. — От меня вы много не получите.

Он и так собирался вернуть лишь небольшую часть суммы, но теперь отказался даже от этой мысли. За шесть месяцев замужества Дженни он так и не смог преодолеть ту прохладную вежливость, с которой Бэзил с ним обращался. Он ненавидел Кента за высокомерный вид, но, нуждаясь в помощи, старался, хотя иногда ему с трудом удавалось сдерживаться, относиться к нему с родственной теплотой. Он знал, что зять с радостью ухватился бы за возможность запретить ему приходить к ним домой, и сейчас, когда остался без работы, тщательно избегал того, чтобы зятю эту возможность предоставить. Джеймс терпел оскорбления из последних сил, но успокаивал свою гордость тем, что знал: рано или поздно он отомстит.

— Что ж, всего доброго! — крикнул он с нарочитым спокойствием. — Я побежал.

Дженни наблюдала за происходящим с некой тревогой, но больше с раздражением, поскольку

равнодушное презрение Бэзила к ее брату казалось ей отражением его собственных чувств к ней.

— Ты мог хотя бы говорить с ним вежливо, — сказала она, когда Джимми ушел.

— Боюсь, моя вежливость уже иссякла.

— Все-таки он мой брат.

— Об этом я сожалею всем сердцем, — ответил он.

— Не обязательно проявлять к нему такую жестокость теперь, когда он и так расстроен. Он не хуже многих других.

Бэзил повернулся к ней с горящим взглядом:

— Боже правый, неужели ты не понимаешь, что этот человек — вор! Для тебя ничего не значит, что он непорядочный? Разве ты не видишь, насколько ужасно, когда…

Он замолчал, с отвращением взмахнув рукой. Это была их первая ссора, и на лице Дженни отразилось упрямство, а бледность сменилась яростным румянцем. Но Бэзил быстро взял себя в руки. Вспомнив о болезни жены и ее горьком разочаровании в связи с потерей младенца, он сильно пожалел о своем выпаде.

— Прости меня, Дженни. Я не хотел так говорить. Мне следовало помнить, что ты любишь

его.

Но когда она не ответила, а отвернулась с несколько угрюмым видом, он сел на подлокотник ее кресла и погладил ее чудесные густые локоны.

— Не сердись, дорогая. Мы не будем ссориться, правда?

Не в силах устоять перед его нежностью, она залилась слезами и страстно расцеловала руки, ласкавшие ее.

— Нет, нет, — рыдала она. — Я слишком сильно тебя люблю. Никогда не говори со мной так сердито, мне от этого ужасно больно.

Кратковременная гроза миновала, и они обсудили предстоящую поездку в Брайтон. Дженни собиралась снять жилье и заставила мужа клятвенно пообещать, что он будет приезжать каждую субботу. Фрэнк предложил свободную комнату на Харли-стрит, и во время ее отсутствия Бэзил хотел пожить у него.

— Ты не забудешь меня, Бэзил?

— Конечно, нет! Но ты должна поскорее поправиться и вернуться.

Когда она наконец уехала и Бэзил оказался гостем Фрэнка, он не смог удержаться от слабого вздоха облегчения. Было восхитительно вновь

остаться в холостяцком жилище, ему нравился запах дыма, неряшливые кипы книг, отсутствие ответственности. Не было никакой необходимости делать то, что ему не хочется, и впервые со времен женитьбы он почувствовал себя совершенно комфортно. Вспоминая свои уютные комнаты в Темпле, где ощущался дух старого мира, так уместно дополнявший его нрав, он думал о долгих беседах, часах мечтаний, спокойной беззаботности, с которой он читал в то время книги. И он содрогался при мысли о тесном особняке, который стал его домом теперь, о хлопотах по хозяйству и жажде уединения. Он мечтал, чтобы его жизнь стала красивой, а она была просто убогой.

— В безбрачии есть свои прелести, — засмеялся доктор, когда увидел, как Бэзил после завтрака раскурил трубку, положил ноги на каминную полку и откинулся на спинку кресла, с удовлетворением вздохнув.

Но он пожалел о своих словах, когда увидел, как оживленное лицо друга приняло печальное выражение. Это было первым знаком того, что дела у молодой пары идут не очень хорошо.

— Кстати, — предложил Фрэнк, — не хотел бы ты сходить на прием сегодня вечером? Леди Эдвард Стрингер устраивает что-то вроде

праздника, и там будет много людей, которых ты знаешь.

— Я никуда не хожу, с тех пор как женился, — нерешительно ответил Бэзил.

— Я увижу старушку сегодня. Спросить, можно ли тебя привести?

— Это было бы очень мило с твоей стороны. Господи Боже, да я был бы в безмерном восторге! — Бэзил рассмеялся. — Я не надевал фрак уже шесть месяцев.

2

Леди Эдвард Стрингер сказала, что будет счастлива увидеть Бэзила вечером, и Фрэнк, успевший подготовиться за четверть часа, с насмешливым изумлением наблюдал, с какой тщательностью одевается молодой человек. В конце концов, в последний раз осмотрев себя в зеркале, тот повернулся.

— Ты в самом деле замечательно выглядишь, — с иронией заметил доктор.

— Лучше помолчи! — Бэзил покраснел. Но все равно было очевидно, что он не разочарован своим внешним видом.

Они поужинали в весьма респектабельном клубе Фрэнка в окружении деятелей науки, имевших занимательный вид школьников среднего возраста, а потом отправились в Кенсингтон.

Бэзил ненавидел экономию, к которой был вынужден прибегать с тех пор, как женился, и символы богатства в доме леди Эдвард доставляли ему особенное удовольствие. Один напудренный лакей забрал его шляпу, другой — схватил пальто. И после тесной духоты виллы в Барнсе Бэзилу безумно нравилось расхаживать по просторным

комнатам с высокими потолками, которые были великолепно меблированы в худшем из викторианских стилей. Леди Эдвард в светлом парике, перекосившемся более, чем обычно, облаченная с потрепанным великолепием и с бриллиантами на увядшей шее, равнодушно поприветствовала его как светская хозяйка и повернулась к следующему гостю. Пройдя вперед, Бэзил лицом к лицу столкнулся с миссис Мюррей.

— О, я так рад вас видеть! — воскликнул он восторженно и удивленно. — Не знал, что вы вернулись. Пойдемте присядем, и вы расскажете мне обо всем, что видели.

— Вздор! Я и слова не произнесу. Сначала вы должны поделиться со мной всеми новостями. Я видела, что анонсировали выход вашей книги.

Бэзила поразило, насколько она красива. Он очень часто думал о ней вопреки своей воле, но образ в его голове не был лишен жизнерадостности и неуемной энергии. Скорее, его воображение преувеличило сходство миссис Мюррей с Мадонной Сандро Боттичелли, подчеркивая страстную печаль ее губ и бледный овал томного лица. Сегодня ее живость очаровывала, серые глаза искрились от смеха, а щеки восхитительно розовели. Бэзил смотрел на ее красивые руки, на

пальцы, унизанные кольцами, и живописную роскошь платья. Любимый аромат, который едва чувствовался, напоминал об их приятном общении в прошлом, и он вспомнил ее гостиную на Чарлз-стрит, где они так часто сидели, беседуя на самые возвышенные темы. У него щемило сердце, и он знал, что, несмотря на все усилия, любил ее не меньше, чем тем вечером, когда пришел к выводу, что она тоже питает к нему чувства.

— Не верю, что вы хоть чуть-чуть меня слушаете! — возмутилась она.

— Слушаю, — заверил он. — Но ваш голос одурманивает меня. В нем вся музыка Италии. Я не слышал его так долго.

— Когда мы виделись в последний раз? — спросила она, прекрасно помня об этом, но желая услышать его ответ.

— Вы проезжали рядом с Вестминстерским мостом как-то днем в воскресенье, но я не говорил с вами после четверга на той неделе. Я помню плащ, который был тогда на вас. Он у вас еще остался?

— Какая память!

Она беззаботно рассмеялась, но ее глаза засияли от ликования, потому что он, казалось, совсем забыл о ее визите в Барнс, а помнил лишь об их

взаимной любви.

— Я часто вспоминаю наши долгие беседы, — признался он. — Если бы не вы, я никогда не написал бы книгу.

— Ах да, это было до того, как вы женились, верно?

Она произнесла это беззаботно, с улыбкой, но явно хотела ранить его. И Бэзил вдруг сильно побледнел, невыразимая боль омрачила его взгляд, а губы задрожали. Миссис Мюррей наблюдала за ним с жестоким любопытством. Иногда в ярости она молилась, чтобы ей представился случай отомстить ему за все муки, которые она испытала, и это было только начало. Теперь она ненавидела Бэзила, говорила она себе, и ненавидела неистово. Тут ей на глаза попался мистер Фарли, известный священник, он улыбался. Как она и ожидала, мистер Фарли подошел к ней.

— Вы получили от меня письмо? — спросила она, протягивая руку.

— Большое спасибо. Я уже написал, что принимаю предложение.

Ее вопрос не был лишен злого умысла, поскольку она хотела, чтобы Бэзил понял: она отправила мистеру Фарли какое-то приглашение. Неохотно более молодой собеседник отошел, и викарий

занял вакантное место. Когда Бэзил с болью в сердце уходил, она обратилась к мистеру Фарли с несколько необычной сердечностью.

— Tines![43] О, целомудренная Лукреция! Как ты вообще сюда попал?

Бэзил вздрогнул, и его лицо вдруг приняло равнодушное и суровое выражение, когда где-то рядом прозвучал насмешливый голос его матери.

— Доктор Харрелл привел меня, — ответил он.

— Он проявил благоразумие, когда привел тебя в скучнейший дом в Лондоне, который также является самым респектабельным. Как Камберуэлл[44], вы вообще ужинаете?

— Моя жена сейчас в Брайтоне, — ответил Бэзил, чувствуя себя униженным из-за подтрунивания леди Визард.

— Я и не предполагала, что она здесь. А ты в самом деле очень красив. Жаль только, что смешон!

Она кивнула сыну и отправилась дальше. Наконец она подошла к мисс Ли, которая стояла в одиночестве, с удовольствием наблюдая за раз-

---

[43] Примечания: 43
Подумать только! *(фр.)*

[44] Примечания: 44
Жилой район в южной части Лондона.

номастной толпой.

— Как поживаете? — спросила леди Визард.

— Я и не представляла, что вы меня помните, — ответила собеседница.

— В газетах писали, что вы унаследовали состояние этой противной мисс Дуоррис. Разве вы не сделали открытие, что с тех пор многие вас запомнили? — Она не стала ждать ответа. — Разве вы не друг моего подающего надежды сына? Я только что его видела и представить не могу, за что он меня недолюбливает. Полагаю, он думает, будто я нехорошая женщина, но это не так, правда. У меня нет осознания, что я в своей жизни грешила. Я делала глупости и совершала поступки, о которых сожалею, но это все.

— Весьма удобно заручиться одобрением собственной совести, — пробормотала мисс Ли.

В этот момент лорд де Капит направился к леди Визард, и мисс Ли воспользовалась возможностью подойти к миссис Барлоу-Бассетт, внушительно-помпезной, как всегда. Она беседовала с четой Кастиллион.

— Для меня большое утешение — знать, что он такой хороший мальчик, — услышала мисс Ли ее слова. — Он ничего от меня не скрывает, и я могу заверить вас, что у него нет ни единой мысли, ко-

торую надо было бы таить от кого бы то ни было.

— Кто этот восхитительный человек? — спросила мисс Ли.

— Я благодарила миссис Кастиллион за то, что она хорошо относится к Реджи. Он как раз в том возрасте, когда влияние великосветской женщины — хорошей женщины — имеет огромное значение.

— Реджинальд просто кладезь добродетелей, — тихо заметила мисс Ли. — А миссис Кастиллион — образец милосердия.

— Вы меня смущаете! — воскликнула хрупкая женщина, засмеявшись, и лишь пудра скрыла алый румянец стыда на ее щеках.

Через некоторое время ей удалось остаться с мисс Ли наедине, и они присели. Миссис Кастиллион держалась так непринужденно и выглядела такой беспечной, что никто и не подумал бы, что она переживает весьма драматические события.

— Должно быть, вы глубоко меня презираете, мисс Ли, — сказала она.

— Почему?

— Я пообещала никогда больше не встречаться с Реджи и представляю, что вы подумали, когда услышали миссис Бассетт.

— По крайней мере это избавило вас от необхо-

димости рассказывать мне небылицы.

— Я не стала бы лгать на этот счет. Мне нужен человек, с которым я могу поговорить откровенно. О, я так несчастна!

Эти слова она произнесла с совершенно невозмутимым выражением лица, и сторонний наблюдатель, не слышавший разговора, мог бы решить, что она рассуждает на самые банальные темы.

— Я старалась изо всех сил. Терпела целый месяц. Но потом больше просто не смогла обходиться без него. Я чувствую себя как героиня одной из расхожих историй, на которую наложили любовные чары, и никакие силы не были способны ей помочь. Полагаю, вы скажете, я глупа, но я думаю, Изольда или Федра, должно быть, ощущали то же самое. У меня нет ни силы воли, ни смелости, и самое худшее, что все это унизительно. У вас есть все причины меня презирать, ведь я сама глубоко себя презираю. И один Бог знает, чем все окончится. Я чувствую: произойдет нечто ужасное. Рано или поздно Пол обязательно узнает, наша семья разрушится, и получится, что я бросила все ради несчастного малодушного труса.

— Не говорите так громко, — сказала мисс Ли,

поскольку собеседница немного повысила голос. — Думаете, он женился бы на вас?

— Нет. Он часто повторяет, что не сделал бы этого. Теперь я и сама не вышла бы за него. О, лучше бы я никогда его не видела! Я совершенно ему безразлична. Он знает, что я в его власти, и относится ко мне как к падшей женщине. Я так жестоко наказана!

Ее взгляд блуждал по залу, и она увидела, как Реджи разговаривает с миссис Мюррей.

— Взгляните на него, — сказала она мисс Ли. — Даже сейчас я бы душу продала, чтобы он обнял меня и поцеловал. Несмотря на опасность и несмотря на позор, если бы он только любил меня.

Спокойный и красивый, безупречно одетый, Реджи болтал с непринужденностью сорокалетнего мужчины. Его блестящие темные глаза были прикованы к миссис Мюррей, яркие губы изогнулись в сладострастной улыбке, ясно говорившей о том, что ее красота привлекает его. Миссис Кастиллион наблюдала за парой с ревнивой яростью.

— У нее есть все шансы, — пробормотала она. — Она вдова, она богата, и она моложе меня. Но я и злейшему врагу не пожелаю таких мучений,

которые приносит любовь к этому человеку.

— Боже правый! Почему вы не возьмете себя в руки? Вы совсем отказались от мысли порвать с ним?

— Да, — в отчаянии ответила она. — Я больше не хочу бороться. Будь что будет. Пусть все решает судьба. Я не покину его, пока он не выбросит меня, как надоевшую игрушку.

— А как же ваш муж?

— Пол? Пол стоит десяти других. Я и не осознавала, насколько он добр, пока не почувствовала себя такой несчастной.

— Вам хоть чуть-чуть стыдно, что вы так плохо с ним поступаете?

— Я не сплю по ночам из-за того, что думаю об этом. Любой его подарок, любое проявление доброты вызывает во мне мучительный стыд. Но я ничего не могу с этим поделать.

Мисс Ли задумалась.

— Я только что говорила с леди Визард, — произнесла она через минуту. — Полагаю, в Лондоне не найдется человека, которого набожная особа с большей охотой предала бы вечному огню, и все же сама она считает себя достойной женщиной. Я также уверена, что наш общий друг Реджи совершенно не переживает из-за своих поступков. Это

заставляет меня предположить, что во всем мире безнравственны только те, у кого есть совесть.

— И вы думаете, у меня есть совесть? — с горечью спросила миссис Кастиллион.

— Очевидно. Я не замечала ее проявлений, пока мы не встретились в Рочестере. Но я полагаю, она всегда существовала в рудиментарном состоянии и ряд событий привел к ее развитию. Смотрите, чтобы она не одержала над вами верх. Я вижу большую опасность, когда смотрю вам в глаза.

— Что вы имеете в виду?

Лицо миссис Кастиллион, несмотря на румяна, было осунувшимся и бледным. Мисс Ли окинула ее проницательным взглядом.

— Вы никогда не думали о том, чтобы признаться во всем супругу?

— О, мисс Ли, мисс Ли, как вы догадались? — В безудержном волнении она потеряла самообладание и в муках заломила руки.

— Осторожнее. Помните: вас все видят.

— Я забыла. — Сделав над собой усилие, она непринужденно улыбнулась. — Это гложет меня день и ночь. Порой, когда Пол особенно нежен со мной, я с трудом удерживаюсь от соблазна. Знаю: однажды я не смогу удержать язык за зубами и расскажу ему все.

За последние шесть месяцев миссис Кастиллион с горечью осознала, что ее красота увядает, и теперь прибегала к более экстравагантным уловкам: цвет волос еще больше отдалился от естественного, она подводила карандашом брови и наносила слишком много краски на щеки. Ее поведение стало еще беспокойнее, так что общаться с ней было довольно неприятно. Она говорила больше обычного и громче, а смеялась визгливее и чаще. А хорошее настроение, которое раньше было обусловлено безразличным отношением к миру в целом, теперь изображалось намеренно — так она пыталась скрыть, возможно даже от самой себя, подавленное состояние души.

Ее жизнь всегда протекала спокойно. Она могла похвастаться богатством, позволявшим удовлетворить любую причуду, восхищением, дававшим ощущение власти, положением в обществе. Но теперь вдруг обнаружила, что ее со всех сторон подстерегают трудности. Обжигающая страсть словно сбила ее с ног, а пробуждение принесло горькое разочарование, когда она поняла, что настала ее очередь страдать. Она не питала иллюзий насчет Реджи. Он был безмерно эгоистичен, равнодушен к ее боли, и она давно обнаружила, что слезы не имеют на него никако-

го действия. Он постоянно поступал по-своему, а когда она сопротивлялась, говорил ей правду самым жестоким образом: «Если я вам не нравлюсь, катитесь к черту. Вы не единственная женщина на свете».

Но в целом он был весьма добродушен: это было его лучшее качество, и она имела на него некое влияние в том, что касалось его неимоверной любви к удовольствиям. Она всегда могла избежать проявления недовольства с его стороны, сводив его в театр. Он старался вращаться в свете, и приглашение в какой-либо аристократический дом делало его нежным на целую неделю. Но Реджи никогда не разрешал ей диктовать условия, и ее периодические вспышки ревности воспринимались с безразличным цинизмом, который едва не доводил ее до безумия. Кроме того, миссис Кастиллион боялась его, понимая, что ради спасения собственной шкуры он без колебаний предаст ее. И все же, несмотря ни на что, она любила Реджи так страстно, что это повлияло на ее характер. Миссис Кастиллион, прежде не пытавшаяся сдерживаться, теперь тщательно избегала того, что могло обидеть беспутного юношу. Она вела себя любезно, чтобы он вновь не бросил ей в лицо жестокие слова о ее возрасте.

В горьких страданиях она научилась кротости и самообладанию, которых никогда не знала до сих пор. В прочих жизненных делах она проявляла непривычное милосердие и — что было особенно заметно — вела себя менее дерзко с супругом. Его несомненная преданность даровала исключительное успокоение, и она знала, что в его глазах выглядит не менее восхитительно, чем когда он только полюбил ее.

3

Мисс Ли узнала, в каком отеле Белла собиралась остановиться в Милане, и, когда молодожены приехали в самом начале медового месяца, их уже ждало маленькое ироничное послание, написанное в аккуратной и витиеватой манере подруги, а также чек на пятьсот фунтов в качестве свадебного подарка. Это позволило им путешествовать с большей расточительностью, чем они планировали. Поскольку супруги намеревались провести часть зимы в Неаполе и теперь могли безбоязненно потратить все деньги, они решили останавливаться по дороге то в одном очаровательном городке, то в другом. Герберт горел таким энтузиазмом, что казалось, будто он совершенно выздоровел. Он забыл о болезни, незаметно поедавшей организм, и строил дерзкие планы на будущее. Его энергия была столь неумна, что Белла с большим трудом сдерживала его в стремлении увидеть все достопримечательности, о которых он столько лет безнадежно мечтал. Было приятно смотреть, как он восхищается солнцем, голубым небом и цветами, но сердце Беллы часто сжималось от боли. Она с величайшим старани-

ем изображала веселость, понимая, что Герберту нужно за несколько месяцев успеть то, что другие растягивали на десятилетия.

В ходе постоянного общения раскрывался его характер, и она узнала, как прекрасен его нрав и как он мил и бескорыстен по натуре. С каждым днем восхищаясь им все более страстно, она не противилась тому, что иногда он принимался важничать и проявлял мужское превосходство. В такие моменты он не соглашался, чтобы к нему относились как к больному, и чуть ли не отвергал ее почти материнскую заботу. Сам же Герберт заботился о ее комфорте и брал на себя необходимые приготовления к очередной поездке, продумывая все до мелочей, хотя она бы с радостью его от этого избавила. У него были наивные представления об авторитете мужа, которым Белла подчинялась радостно и не без лукавой усмешки. Она знала, что сильнее не только здоровьем, но и характером, однако забавлялась, подыгрывая ему, помогая поверить в фантазию, как будто она и правда более слабое существо. Когда она боялась, что Герберт чрезмерно утомится, то изображала усталость, и он трогательно беспокоился о ней и укорял себя. Он никогда не забывал, сколь многим обязан Белле,

и порой слезы благодарности наворачивались ему на глаза, так что она изо всех сил убеждала его, будто он ничего ей не должен.

Не зная мира реального и полагаясь в своем поведении на книги, Герберт относился к жене с галантной учтивостью шекспировского влюбленного и посвящал ей сонеты. Под напором его романтического пыла годы уныния упали с ее души, так что она почувствовала себя более молодой, изящной и веселой. Ее рассудительность приобрела оттенок отнюдь не отталкивающего легкомыслия, и она встречала его неистовый энтузиазм с добродушным подшучиванием. Иногда он вел себя по-ребячески, как парнишка шестнадцати лет, и потом, наговорив друг другу чепухи, они принимались безудержно хохотать над своей игрой. Утверждают, будто мир — это зеркало, которое, если смотреть на него и улыбаться, отражает радостные улыбки. Поэтому им казалось, что весь мир радуется за них. Цветы распускались, гармонируя с их блаженством, и красота природы лишь довершала их счастье.

— Знаешь, мы начали один разговор два месяца назад, — однажды вспомнил он, — и мы так до сих пор его и не закончили. Ты с каждым днем кажешься мне все более интересной.

— Я очень хороший слушатель, знаю, — со смехом ответила она. — Ничто так не помогает создать репутацию хорошего собеседника.

— Не стоит говорить мне гадости, когда ты так на меня смотришь! — воскликнул он, потому что она бросила на него взгляд, исполненный исключительной нежности.

— Я думаю, ты становишься очень тщеславным.

— А как я могу этого избежать, если ты моя законная жена? Да еще и удивительно красивая.

— Что?! — рассмеялась она. — Если будешь говорить глупости, я удвою твою дозу рыбьего жира.

— Но это правда, — со страстью произнес он, и Белла, знавшая, что ее привлекательность — лишь плод его воображения, вспыхнула от восторга. — Я люблю твои глаза, и когда смотрю в них, то чувствую, что неподвластен собственной воле. На днях во Флоренции ты обратила мое внимание на одну симпатичную даму, но она и в подметки тебе не годилась!

— Боже правый, похоже, юноша говорит серьезно! — Ее глаза наполнились слезами, голос сорвался, и она заплакала.

— Что случилось? — изумился он.

— Так хорошо, когда тебя любят, — ответила она. — Мне раньше никто ничего подобного не говорил, и я просто удивительно счастлива.

Но боги словно позавидовали их недолгому счастью, и по прибытии в Рим Герберт, уставший во время путешествия, почувствовал себя хуже. Погода стояла холодная, дождливая, мрачная. И каждое утро, когда открывали ставни, Герберт взволнованно смотрел на небо. Видя, что оно по-прежнему серое и затянуто облаками, он со стоном отчаяния поворачивался лицом к стене. Белла тоже с болью в сердце ждала солнечной погоды, думая, что это может хоть немного улучшить состояние мужа, ибо она оставила всякие надежды на его полное выздоровление. Доктор объяснил, каково состояние его легких. После осмотра Фрэнка левая сторона, прежде здоровая, тоже поддалась болезни, судя по всему, прогрессировавшей с устрашающей скоростью.

Но погода наконец изменилась, и теплый ветер февраля бесшумно задул над старыми камнями Рима. Небо опять стало голубым и казалось еще более ярким благодаря белоснежным пушистым облакам, проносившимся под его сводом с грацией танцовщиц. Площадь Испании, на которую выходило окно Герберта, сверкала множеством

цветов; натурщицы в сельских платьях бродили среди шедевров Бернини, и запах цветов и весны проник в комнату больного.

Вскоре Герберту стало намного лучше: теперь его, в отличие от последних дней, когда он совсем упал духом, охватило безудержное веселье. Ненавидя Рим — город, где его настигла болезнь, он был убежден: требовалось лишь сменить место, чтобы его выздоровление завершилось. Он так яростно настаивал на отъезде в Неаполь, что доктор согласился с этим, и они отправились дальше на юг.

Они прибыли в Неаполь уже не как двое беззаботных детей, а как женщина средних лет, измученная беспокойством, и умирающий юноша. Состояние Герберта выдало себя тем, что он совершенно потерял былую жизнерадостность, так что новые места, в которых он оказывался, не вызывали новых эмоций. Его удручали церкви Неаполя, белые и золотые, как танцевальный зал XVIII века, ставшие молитвенными домами для целого поколения, вера которого являла собой лишь легкомысленное идолопоклонство. Статуи в музее казались безжизненными, да и сам вид — великолепный венец всех итальянских пейзажей — нисколько его не трогал. Герберт, совсем

недавно пылавший энтузиазмом, теперь оставался безучастным ко всему, что видел в Неаполе. Теперь он страстно желал еще больше удалиться от дома — побывать в стране, которая больше других — даже больше Италии — распаляла его воображение. Он жаждал перед смертью увидеть Грецию. Белла, опасаясь ухудшения состояния, старалась его отговорить, но вскоре поняла, что муж настроен весьма решительно.

— Тебе легко рассуждать! — воскликнул он. — У тебя еще куча времени впереди. А у меня есть только сегодня. Позволь мне поехать в Афины, и тогда у меня не останется чувства, будто я так и не увидел всю красоту мира.

— Но подумай, насколько это рискованно.

— Давай наслаждаться настоящим. Какая разница, умру я здесь, в Греции или где-то еще? Позволь мне увидеть Афины, Белла. Ты не представляешь, что это значит для меня. Разве ты не помнишь ту фотографию Акрополя, которая висела у меня в комнате в Теркенбери? Каждое утро, просыпаясь, я смотрел на нее, а вечером она была последним, что я видел, прежде чем задуть свечу. Я уже знаю там каждый камень. Хочу вдохнуть воздух Аттики, которым дышали греки. Хочу увидеть Саламин и Марафон. Иногда я так неистово

жаждал попасть туда, что это причиняло почти физическую боль. Не препятствуй моему последнему желанию. А уж потом ты сможешь делать со мной все, что пожелаешь.

В его голосе слышалось такое томление и отчаяние, что Белла, как ни страшилась путешествия, не смогла устоять. Доктор в Неаполе предупредил ее, что в любую минуту может произойти трагедия, и она больше не гнала от себя мысли о том, как разрушительно страшен недуг Герберта. Сам он в зависимости от течения болезни иногда находился в глубочайшей депрессии, а порой, когда выдавался погожий день или он хорошо высыпался, вновь приходил к убеждению, что вскоре окончательно выздоровеет. Он считал, что если сможет избавиться от кашля, раздиравшего грудь, то почувствует себя просто замечательно. Белла испытывала жесточайшие муки, слушая о его уверенных планах на будущее. Он надеялся провести лето в Валломброзе среди зеленых деревьев и, купив путеводитель по Испании, составил маршрут на следующую зиму. С улыбкой и дружескими шутками Белла была вынуждена обсуждать планы, которые, как она знала, целиком и полностью разрушит смерть.

— Два года на юге должны меня исцелить, — од-

нажды заявил Герберт. — А потом мы поселимся в маленьком домике в Кенте, где будем смотреть на луга и желтую кукурузу и заниматься вместе какими-нибудь интересными делами. Я собираюсь написать действительно хорошие стихи, теперь уже не для себя, а для тебя. Не хочу, чтобы ты когда-нибудь подумала, будто напрасно потратила на меня свои силы. Разве не прекрасно было бы прославиться! О, Белла, я надеюсь, когда-нибудь ты сможешь мной гордиться!

— Мне придется зорко следить за тобой, — ответила она со смехом, который показался ей больше похожим на горестные рыдания. — О ветрености поэтов ходит дурная слава, так что ты точно начнешь заигрывать с хорошенькими пастушками.

— О, Белла, Белла! — воскликнул он, внезапно поддавшись сильному чувству. — Жаль, что я недостоин тебя. Рядом с тобой я чувствую себя совершенно жалким и незначительным.

— Уж конечно, — с иронией ответила она, — но это не помешало тебе написать в Пизе сонет о лодыжках крестьянки.

Он засмеялся и покраснел.

— На самом деле ты ведь была не против? Кроме того, именно ты обратила мое внимание на ее походку. Если хочешь, я уничтожу сонет.

Как мальчик, он принимал ее насмешки всерьез и действительно почти боялся, что мог ее разозлить. Она тоже рассмеялась, но смех звучал тихо — его заглушали слезы, душившие ее.

— Мое драгоценное дитя! Когда же ты повзрослеешь!

— Подождите, пока мне станет лучше, а потом уже принимайтесь важничать на свой страх и риск, мадам.

На следующее утро, пока Герберт еще чувствовал себя хорошо, он предложил немедленно отправиться в Бриндизи, откуда они, подождав день, могли отплыть на корабле прямо в Грецию. Белла рассчитывала тянуть с отъездом как можно дольше, представляя, как ему будет тяжело в дороге. Но Герберт не дал ей возможности расстроить его планы — он ни слова ей не сказал, пока не выбрал поезд, не потребовал счет и не сообщил хозяину гостиницы об их намерениях. Когда они отправились в путь, его охватило такое волнение, за которым было едва ли не больно наблюдать: голубые глаза сияли, а щеки залились румянцем. Какие-то новые силы словно наполнили его, и он не только выглядел намного лучше, но и чувствовал себя так же.

— Говорю тебе, мне станет совсем хорошо, как

только я ступлю на греческую землю! — кричал он. — Бессмертные боги сотворят чудо, и я воздвигну храм в их честь.

Он с замиранием сердца смотрел на страну, по которой они мчались, — свежую и залитую весенним солнцем, с широкими зелеными полями, раскинувшимися по обе стороны дороги, на которых паслись стада коров, шерстистых и пугливых. То и дело им на глаза попадались пастухи с винтовками на спине, дикие, и красивые, и обходительные, и наконец — трепещущее море.

— Наконец-то! — воскликнул юноша. — Наконец-то!

На следующий день у Герберта началась лихорадка, и он почувствовал себя плохо, а через день, несмотря на его требования, Белла категорически отказалась ехать дальше. Он мрачно буравил ее взглядом, не скрывая горчайшего разочарования.

— Прекрасно, — произнес он через некоторое время, — но пообещай мне: в следующий раз мы поедем, что бы ни случилось, даже если я буду умирать. Ты должна устроить, чтобы меня отнесли на корабль.

— Клятвенно обещаю, — ответила Белла.

Поразительная сила воли придала ему сил,

так что через пару дней он снова был на ногах. Но восторг, который поддерживал его в течение двух недель, полностью исчез, и он был так молчалив, что Белла испугалась, что он не простил задержку, на которой настояла она. Им пришлось провести неделю в Бриндизи — в этом скучном, отвратительном, многолюдном городе — и вместе бродить по его извилистым узким улочкам. Герберту нравилось главным образом ходить в порт, поскольку он любил смотреть на переполненные пассажирами корабли, которые загружались и разгружались, и представлять их долгие странствия по дикой пустыне моря. Еще он любил слонявшихся без дела моряков, смуглых грузчиков в красных поясах, а также уличных мальчишек, весело игравших на пристани. Но жизнь, бурлившая в них, во всех до единого, иногда вызывала у него приступ безудержного отчаяния. Казалось, они обладали возможностью бесконечно наслаждаться всем на свете, и он всем сердцем завидовал самому бедному кочегару, потому что его мускулы были словно железо, а дыхание ничто не стесняло.

Прошла неделя, и в день до отплытия их корабля Герберт ушел один. Белла, зная его привычки, в конце концов сумела найти его: он сидел на

маленьком холме, поросшем оливами, и смотрел на море. Он не заметил ее приближения, поскольку его взгляд, напряженный, словно он хотел увидеть желанные берега Греции, был устремлен в голубую эгейскую даль. На его изможденном лице отражались боль и страдание.

— Я рад, что ты пришла, Белла, ты нужна мне.

Она села рядом, и, взяв ее за руку, он снова устремил задумчивый взгляд куда-то вдаль. Рыбацкая лодка с белым парусом странной формы, как прекрасная морская птица, скользила по сияющему зеркалу воды. Небо было пронзительного ярко-голубого цвета, как лазурит, и ни одно облачко не нарушало его безмятежную монотонность.

— Белла, — наконец произнес Герберт, — я не хочу ехать в Грецию. У меня не хватает духа.

— О чем ты? — изумилась она. Все его мысли вращались исключительно вокруг поездки в Грецию, и казалось, это плохой знак — отступать, когда до желаемого остался один шаг.

— Ты думала, я злюсь, потому что мы не выехали на прошлой неделе. Я пытался, но в глубине души был рад передышке. Я боялся. Я пытался собрать в кулак остатки смелости, но не могу. — Он не смотрел на нее, не отрывая взгляда от

моря. — Я не могу пойти на такой риск, Белла. Боюсь испытывать фантазии реальностью. Я хочу сохранить свои иллюзии. Италия показала мне: ничто не может быть так прекрасно и очаровательно, как воображаемый образ, идеал. Каждый раз, когда что-то не вполне соответствовало моим ожиданиям, я говорил себе, что Греция восполнит все. Но теперь я знаю: Греция доставит мне такое же разочарование, и я этого не вынесу. Позволь мне умереть, сохранив в душе тот образ давно любимой мной страны. Что она для меня, когда фавны больше не резвятся на полях, а дриады не прячутся в звенящих ручьях? Я ведь хотел посмотреть не на реальную Грецию, а на землю моей мечты…

— Но, дорогой мой, нам и не обязательно ехать. Ты же знаешь, я предпочла бы этого не делать! — воскликнула Белла.

Герберт наконец посмотрел на нее внимательным и долгим взглядом. Казалось, будто он хотел заговорить, но по какой-то причине колебался. Потом он все же сделал попытку.

— Я хочу отправиться домой, Белла, — прошептал он. — Я чувствую, что не могу здесь дышать. Это голубое небо подавляет меня, и я тоскую по серым облакам Англии. Я и не знал, что так люб-

лю свою страну, пока не покинул ее… Думаешь, я ужасный зануда?

— Нет, дорогой, — ответила она срывающимся голосом.

— Шумный юг утомляет мой слух, да и цвета здесь слишком яркие, воздух слишком прозрачный и слишком сияющий, вечное солнце слепит меня. О, верните мне мою страну! Я не могу здесь умереть. Хочу, чтобы меня похоронили среди родных мне людей. Я и слова тебе об этом не говорил Белла, но в последнее время лежал ночью без сна, думая о плодородной земле Кента. Я хочу сжать в руках прохладный и рыхлый ком и ощутить холод и силу этой земли. Когда я смотрю на небесную пламенеющую лазурь, то думаю о милом небе Кента, таком сером, таком нежном, таком низком. И я скучаю по круглым облакам, которые готовы пролиться дождем.

Его волнение стало невыносимым, и он закрыл глаза руками, чтобы ничто не отвлекало его.

— Я изголодался по весенним цветам. Знаешь, мы и капли дождя не видели за целый месяц. В Линеме и Ферне дубы и вязы уже покрылись густой листвой, а я так люблю их молодую свежую зелень. Здесь нет ничего, подобного зеленым полям Кента. О, я чувствую, как соленый ветер Се-

верного моря обдувает мне щеки, и я улавливаю все весенние запахи деревни! Мне необходимо еще раз увидеть живую изгородь и насладиться пением птиц. Я тоскую по собору с его старыми серыми камнями и темным тенистым улицам Теркенбери. Хочу слышать вокруг себя английскую речь. Хочу видеть английские лица. Белла, Белла, ради Бога, увези меня домой, иначе я умру!

В его страстном порыве чувствовалась смертельная тоска, и Белла встревожилась как никогда. Она подумала, что Герберта посетило загадочное предчувствие скорого конца, и ценой невероятных усилий заставила себя произнести слова утешения и ободрения. Они решили отправиться в путь немедленно. Герберт, снедаемый беспокойством, желал поехать сразу в Лондон, но Белла, настроенная избегать ненужного риска, настояла на том, чтобы осуществить задуманное в несколько легких этапов. Всю зиму она каждую неделю отправляла послания декану, сообщая об их путешествии и описывая места, которые они посетили. Декан, увы, не ответил ни разу, и ей приходилось полагаться на друзей из Теркенбери, чтобы узнать о нем хоть что-нибудь. Она вновь написала ему:

Дражайший отец!

Мой супруг умирает, и я везу его домой по его просьбе. Не знаю, долго ли он еще проживет, но больше всего боюсь, что это, возможно, вопрос нескольких месяцев. Я умоляю тебя забыть о гневе. Позволь нам приехать к тебе. Мне больше некуда привезти Герберта, и мне ненавистна мысль, что ему придется умереть в чужом доме. Я заклинаю тебя написать мне в Париж.

Твоя любящая дочь Белла.

У декана хватило решительности не открывать первые два письма, но он не мог привыкнуть к одиночеству и с каждым днем все острее ощущал, как ему не хватает заботы дочери. Без нее дом казался совершенно пустым, а иногда по утрам, забывая о произошедшем, он ждал, что, спустившись на завтрак, увидит ее, как всегда энергичную и аккуратную, во главе стола. Перед третьим письмом он не устоял и потом, хотя гордость не позволяла ему отвечать, с нетерпением ждал вести от дочери каждую неделю. Однажды, когда по какой-то причине письмо задержалось на два дня, он разволновался так, что отправился к другу в капитуле, жена которого, как он знал,

переписывалась с Беллой, и спросил, не слышно ли от нее новостей.

Открыв последнюю записку дочери, декан с удивлением обнаружил, что она чрезвычайно коротка. Обычно Белла, желая успокоить и развлечь его, присылала подробное описание событий последней недели. Декан перечитал записку два или три раза. Сначала он осознал, что Белла едет домой и, если он только захочет, вновь сядет за его одинокий стол, будет сновать по дому, как в добрые старые времена, а по вечерам — играть ему простые мелодии, которые он так любил. Но потом он различил между этих коротких, поспешно написанных строк с трудом сдерживаемое отчаяние и, уловив нечто большее, чем можно выразить словами, впервые увидел ее всепоглощающую любовь к несчастному больному юноше. Из писем дочери декан узнал Герберта довольно хорошо, потому что она с неуловимой нежностью описывала особенности поведения мужа — мелочи, которые, как она знала, растрогают отца. Декан уже долгое время боролся с тревожным ощущением того, что был несправедлив. Теперь он вспомнил о молодости и простоте Герберта, о том, что тот беден и болен, и его сердце удивительным образом

оттаяло. Декана охватило раскаяние. Портрет его жены, умершей сорок пять лет назад, висел в кабинете. Она была запечатлена на нем в первый год замужества — немного жеманный вид, каштановые локоны в духе моды расцвета викторианской эпохи. И хотя в работе не было ничего выдающегося, горюющему супругу этот портрет казался настоящим шедевром. Он часто находил утешение и совет в карих глазах молодой леди и теперь, когда гордость и любовь боролись в его груди, серьезно вглядывался в лицо жены на портрете. Казалось, на нем отражался упрек, и в немом самоуничижении декан склонил голову. К нему пришел алчущий, а он не накормил его; он не принял странника и выгнал из своего дома больного.

— Я согрешил против неба и против Тебя, — с болью пробормотал он. — Господи, я больше недостоин называться сыном Твоим.

Ему на глаза попалась фотография Беллы — на некоторое время исчезнув из комнаты, она снова заняла привычное место. И, словно желая заключить в объятия дочь, он протянул к снимку руки. Он счастливо улыбался, потому что принял решение. Несмотря на обещание, данное в гневе, он собрался в Париж, чтобы привезти домой дочь

и ее умирающего мужа. И если в последние месяцы жизни юноши он сможет загладить былую суровость, вероятно, это хоть как-то искупит грех гордыни.

Никому не сообщив о своем намерении, декан отправился в путь. Он не имел возможности связаться с Беллой, но знал, в каком отеле она остановится, и твердо решил ждать ее приезда. Узнав, в котором часу она доберется туда, он ждал в фойе, но дважды испытал горестное разочарование. На третий день, однако, когда его томление стало невыносимым, прибыл экипаж, и, дрожа от волнения, он увидел, как из него вышла Белла. Не желая сразу попадаться ей на глаза, декан отошел в сторону. Он заметил, с какой заботой его дочь помогла Герберту выбраться из экипажа: она взяла его под руку и повела в отель. Герберт, очевидно, был очень слаб — и хотя вечер выдался теплый, он был закутан по самые уши и, пока она узнавала про свободные комнаты, сидел в полной неподвижности.

Декан ощутил угрызения совести, когда заметил, насколько сильно изменился Герберт Филд — когда они встречались в последний раз, юношу переполняли энергия и веселье. Месяцы волнений наложили печать и на Беллу, у которой стало

больше седых волос. Ее лицо тоже приобрело усталый, болезненный вид. Когда супруги ушли наверх, декан узнал, в каком номере они остановились, но, желая дать им время переодеться, заставил себя подождать и засек время по часам. Потом, поднявшись через тридцать минут, он постучал в дверь. Белла, решив, что это горничная, отозвалась по-французски.

— Белла, — тихо сказал декан и вспомнил, как однажды она умоляла пустить ее в кабинет, а он отказал ей.

С криком она распахнула дверь, и через мгновение они заключили друг друга в объятия. Декан прижал дочь к сердцу, но от переполнявших его чувств лишился дара речи. Она нетерпеливо увлекла его в номер.

— Герберт, вот мой отец.

Юноша лежал на кровати в соседней комнате, и Белла провела туда декана. Герберт слишком устал, чтобы встать.

— Я приехал забрать вас обоих домой, — произнес пожилой священник, в его голосе слышалась горькая радость.

— О, папа, я так рада! Ты больше не злишься на меня. Я буду просто счастлива, если ты меня простишь.

— Это не тебя нужно простить, а меня, Белла. Надеюсь, твой муж сможет забыть о моей жестокости. Я был суров, горд и безжалостен… — Он подошел к Герберту и взял его за руку. — Вы простите меня, мой дорогой? Позволите мне стать таким же отцом для вас, как и для Беллы?

— С огромной благодарностью.

— И вы вернетесь со мной в Теркенбери? Я хотел бы, чтобы вы знали: пока я жив, мой дом — ваш дом. Я попытаюсь помочь вам забыть, что я когда-то… — Декан умолк, сделав умоляющий жест, не в силах закончить.

— Я знаю, вы очень хороший, — улыбнулся Герберт. — И видите, я вернул вам Беллу.

Декан смущенно поколебался одно мгновение, потом наклонился и очень нежно поцеловал больного юношу.

4

Через пару дней после приема у леди Эдвард Стрингер Бэзил поехал в Брайтон, где на станции его встретила Дженни с сестрой. Послав багаж вперед с носильщиком, они отправились в арендованные комнаты, но к ним быстро присоединился весьма щегольского вида молодой человек, которого представили Бэзилу как мистера Хиггинса, и вскоре они с Энни Буш отделились. Когда парочка отошла довольно далеко, Бэзил поинтересовался, кто он такой.

— Это последний кавалер Энни, — со смехом ответила Дженни.

— Ты давно его знаешь?

— Мы познакомились с ним на второй день, после того как приехали сюда. Я заметила, что он смотрит на нас, и сказала Энни: «А вот и для тебя компания, моя дорогая, на тот случай, если приедет Бэзил. Потому что я не смогу гулять втроем в одном ряду».

— Кто вас с ним познакомил?

— Какой ты глупый! — рассмеялась Дженни. — Он просто подошел и поздоровался, и Энни поздоровалась, а потом он заговорил. Похоже, у

него много денег. Прошлым вечером он водил нас на концерт, причем купил билеты на лучшие места. Очень мило с его стороны, не правда ли?

— Но, дитя мое, нельзя расхаживать по городу с людьми, которых едва знаешь.

— Мы должны позволить Энни повеселиться, а он весьма респектабельный молодой человек, разве нет? Понимаешь, дома у нее не было возможности знакомиться с мужчинами, как у меня. А он вполне себе джентльмен.

— В самом деле? Я решил было, что он ужаснейший невежа.

— Ты такой привередливый, — сказала Дженни. — Не вижу в нем ничего плохого.

Добравшись до гостиницы, Энни, увлекшись беседой с новым знакомым, остановилась в ожидании остальных. Она была похожа на Дженни настолько, насколько возможно для совершенно неприметной женщины быть похожей на красивую. Энни обладала такой же изящной фигурой, но ее волосы, уложенные с чрезмерной тщательностью, казались тусклыми, а цвет лица не отличался изысканной нежностью, как у старшей сестры.

— Дженни! — воскликнула она. — Он отказывается зайти на чай, говорит, вы с мужем хотите

побыть наедине. Скажите ему, что с этим нет проблем.

— Конечно, нет проблем, — кивнула Дженни. — Можете зайти и выпить с нами чашку чая, а потом мы все отправимся гулять.

Он, очевидно, был остроумным человеком, потому что Бэзил, умываясь, слышал, как обе дамы в соседней комнате заходятся громким смехом. Наконец Дженни объявила, что чай готов, и Бэзил был вынужден войти. Его жена, чувствовавшая себя намного лучше, смеялась, громко разговаривала и явно пребывала в прекрасном настроении. Все трое, судя по всему, отлично провели последние две недели, они так и сыпали только им понятными шутками. Бэзил, раздраженный вторжением незнакомца, не пытался вступить в разговор и сидел тихо, а через некоторое время взял газету. Энни бросила на него злобный взгляд, а мистер Хиггинс, раз или два посмотрев с некоторым сомнением, все же продолжил череду забавных историй. Вероятно, у него тоже был повод для раздражения, поскольку Бэзил выслушивал его лучшие истории с видом человека, умирающего от скуки.

— Ну и как насчет прогулки по променаду? — воскликнул наконец мистер Хиггинс.

— Пойдем, Дженни. — Энни Буш повернулась к Бэзилу: — Вы идете?

Он равнодушно отвлекся от газеты:

— Нет, мне нужно набросать пару писем.

Дженни предпочла составить компанию мужу, и, оставшись одни, они некоторое время говорили о домашних делах. Но между ними чувствовалось какое-то напряжение, и в конце концов Бэзил взялся за чтение. Когда же вернулась Энни, она с недовольством уставилась на него.

— Лучше? — спросила она.

— Вы о чем?

— Я подумала за чаем, что вам нехорошо.

— Благодарю за заботу, я прекрасно себя чувствую.

— Могли бы проявить любезность, а не сидеть молча, как на похоронах, когда у меня в гостях джентльмен!

— Мне жаль, что вы недовольны моим поведением, — тихо ответил он.

— Мистер Хиггинс говорит, что больше не посетит нас, до тех пор пока твой муж не уедет, моя дорогая. Он знает, где он нежеланный гость, и со своей стороны я не могу с ним не согласиться.

— О, Энни, какой вздор! — воскликнула миссис Кент. — Бэзил просто устал.

— Да, путешествие в Брайтон ужасно утомительно, не правда ли? Говорю вам прямо, Бэзил: я требую, чтобы к моим друзьям относились как к джентльменам.

— Вы такое милое существо, Энни… — ответил он, пожав плечами.

После ужина Энни в явном нетерпении ждала, пока служанка не придет с объявлением, что мистер Хиггинс уже у двери, а потом поспешно надела шляпу. Бэзил пару секунд колебался, не желая ее обижать, но решил, что предупредить все же необходимо.

— Послушайте, Энни, вы действительно думаете, что вам стоит идти одной на прогулку вечером с мужчиной, с которым вы случайно познакомились на пирсе?

— То, что я делаю, вас не касается! — агрессивно бросила она. — Я поблагодарю вас за совет в том случае, если сама попрошу его.

— Пойти с тобой, Энни? — спросила ее сестра.

— Нет, не вмешивайся. Я и сама могу за себя постоять, ты это прекрасно знаешь.

Она вышла, демонстративно хлопнув дверью, и Бэзил, нахмурив лоб, молча вернулся к своей книге. Но вскоре он услышал, что Дженни еле слышно плачет.

— Дженни, Дженни! Что случилось? — удивился он.

— О, ничего, — ответила она, вытирая глаза и пытаясь изобразить улыбку. — Просто я так хорошо проводила здесь время. Нужен был лишь ты, чтобы сделать отдых идеальным. Я ждала твоего приезда, но ты все разрушил…

— Мне очень жаль, — вздохнул он, совершенно обескураженный.

Он не знал ни что сказать, ни как ее утешить, поскольку тоже понимал: своим появлением он испортил ей все удовольствие. И несмотря на благие намерения, он, похоже, приносил ей только несчастье. Дженни была самой собой в компании таких, как мистер Хиггинс. Больше всего она любила гулять по променаду, разглядывая людей, или слушать сентиментальные песенки чернокожих менестрелей. Она жаждала веселья, и шума, и всего кричащего и яркого. А то, что мучительно волновало его, нисколько не трогало ее. Дженни полностью удовлетворяло мерзкое вульгарное жилище, которое вызывало отвращение у него. Казалось, будто Бэзил попал в лабиринт недоразумений, из которого не было выхода.

Следующим утром произошел пустяковый ин-

цидент, показавший Бэзилу, как жена относится к нему. Энни, собираясь в церковь, спустилась в костюме, выглядевшем настолько странно, что можно было изумиться извращенной изобретательности, с которой были подобраны цвета. Еще на ней было много дешевых украшений.

— Ну, моя дорогая, в таком виде ты не покажешься на людях! — воскликнула она, увидев, что сегодняшнее одеяние Дженни ничем не отличается от вчерашнего. (Неприязнь к воскресной одежде оставалась для Бэзила одной из непостижимых причуд жены.) — Разве ты не собираешься надеть новую шляпку?

Миссис Кент, скрывая тревогу, взглянула на мужа:

— Я увидела такую красивую шляпку в магазине, Бэзил, и Энни просто заставила меня купить ее. И, должна сказать, она стоила неприлично дешево — всего шесть шиллингов одиннадцать пенсов.

— Случай точно подходящий, чтобы надеть ее, — улыбнулся он.

Через пару минут Дженни вернулась сияющая и румяная, но Бэзил не мог убедить себя, что ее головной убор стоил даже таких денег.

— Тебе нравится? — взволнованно спросила

она.

— Очень, — ответил он, надеясь ее порадовать.

— Вот видишь, Дженни, я знала, он не будет возражать. Если бы вы слышали, как она переживала, что вы разозлитесь и вам не понравится шляпка!

— Бэзил говорит, мне больше всего идет черное, — попыталась оправдаться Дженни.

— Мужчины вообще не разбираются в моде, — заявила Энни. — Если бы ты одевалась, как нравится Бэзилу, то выглядела бы ужасно.

Бэзил весьма огорчился, осознав, что жена до сих пор в некотором роде боится его. Очевидно, в ее глазах он был грубоватым созданием, непонятным прихотям которого следовало потакать, и он с горечью подумал о доверии, которое, как он надеялся, установится между ними, о полном союзе, в котором ни одна мысль, ни одно переживание не останется неразделенным. И, зная, что его собственная любовь давно умерла, Бэзил старался убедить себя, что ее любовь тоже угасала. Выходные неимоверно утомили его, и он не без чувства облегчения отправился на станцию в понедельник утром в сопровождении жены.

— Я ужасно занят. Не знаю, удастся ли мне вырваться в следующую субботу, — осторожно

произнес он.

Глаза Дженни вдруг наполнились слезами.

— О, Бэзил, Бэзил, я не могу жить без тебя! Я бы лучше вернулась в город. Если тебе не нравится Энни, она может уехать. Пообещай, что приедешь. Я всю неделю этого жду.

— Ты и без меня прекрасно проведешь время. Я только расстроил тебя своим приездом.

— Нет, не расстроил. Ты мне очень нужен. Я лучше буду совершенно несчастна с тобой, чем счастлива без тебя. Пообещай приехать.

— Ладно. Приеду.

Цепи, сковывавшие его, были крепки как никогда. А пока поезд мчался к Лондону, его сердце бешено колотилось, потому что с каждой минутой он приближался к Хильде Мюррей. Теперь было абсолютно ясно, что он страстно ее любит, больше, чем когда-либо, и с неистовой яростью он повторял себе, что она потеряна для него навсегда. Опьяненный звуком ее голоса, шуршанием ее платья, ее нежным взглядом, он мысленно повторял каждое слово, которое она произнесла у леди Эдвард. В среду должен был состояться ужин у мисс Ли, и Бэзил дрожал от волнения, думая о возможной встрече там с Хильдой. Еще днем, покинув адвокатскую контору, он отправился

домой по Чарлз-стрит и, как влюбленный юнец лет восемнадцати, смотрел на ее окна. В гостиной горел свет, и он понял, что она дома, но не осмелился войти. Миссис Мюррей не приглашала его в гости, а он не знал наверняка, пожелает она его видеть или дружеский визит покажется ей столь очевидным, не требующим особого приглашения. Окна словно манили его, а дверь словно молчаливо приглашала войти. Но пока он раздумывал, кто-то вышел. Мистер Фарли. Бэзил стал мучиться вопросом, почему этот человек так часто ходит сюда. Наконец, сделав над собой усилие, он удалился.

В среду Бэзил отправился к мисс Ли, стараясь скрыть волнение, он весело поинтересовался, кого ожидают к ужину, но упал духом, когда она не упомянула миссис Мюррей. Теперь ему ужасно хотелось, чтобы вечер, которого он с таким нетерпением ждал, поскорее закончился. После встречи у леди Эдвард Стрингер страсть, дремавшая до сих пор, разгорелась таким неистовым огнем, что он едва мог с собой совладать. Ему казалось, что он не проживет и недели, если не увидит Хильду. Бэзил не мог думать ни о чем другом и в ужасе трепетал перед субботней поездкой в Брайтон. Конечно, это было сумасшествием, и

он прекрасно знал: нет никакого смысла снова встречаться с миссис Мюррей. Было бы лучше, если бы они больше не увиделись, но его желание вновь оказаться рядом с ней перевешивало всякое благоразумие. Он подумал, что не случится ничего страшного, если он поговорит с ней всего один раз, после чего постарается забыть ее навсегда.

На следующий день Бэзил снова пошел по Чарлз-стрит и опять увидел свет в ее окнах. Он прохаживался у дома, размышляя, хотела ли она продолжать общение с ним. Он страшно боялся прочесть на ее лице возмущение, вызванное его вторжением, но наконец, не в силах больше ждать, решился на авантюру. Он не мог любить Хильду больше, даже если бы увидел ее, и надеялся, что ее вид, возможно, успокоит его и поможет нести бремя своих чувств. Он позвонил.

— Миссис Мюррей дома?

— Да, сэр.

Она читала, когда Бэзил вошел в комнату, и ему показалось, будто легкое раздражение промелькнуло у нее во взгляде. Он перепугался и стал в замешательстве думать, что его поведение, должно быть, удивляет ее и она знает о причине его поспешной женитьбы. Он изо всех сил старал-

ся поддержать беседу, но его слова звучали так неестественно, что он едва узнавал собственный голос. И все же они смеялись и шутили довольно непринужденно. Они говорили о мисс Ли и Фрэнке, о пьесах, идущих в театрах Лондона, рассуждали на всякие банальные темы, пока Бэзил не решился взять инициативу в свои руки.

— Я пришел к вам, дрожа от страха, — весело признался он. — Потому что вы, конечно, не приглашали меня.

— Я думала, это не обязательно, — улыбнулась она и посмотрела ему прямо в глаза с каким-то вызывающим видом.

Бэзил вспыхнул, бросив на нее быстрый взгляд, потому что в ее словах, казалось, был скрытый смысл, и он не знал, как их воспринимать. Он мгновенно лишился своей изысканной учтивой манеры.

— Я так хотел прийти и увидеть вас, — произнес он тихо, стараясь говорить твердо. — Можно мне прийти снова?

— Разумеется! — ответила она, но в тоне слышалось холодное изумление, словно она удивилась его вопросу и негодовала.

Вдруг она обнаружила, что он смотрит на нее с такой жуткой мукой, что забеспокоилась. Его ли-

цо стало очень бледным, а губы подергивались, словно он пытался вернуть себе самообладание. Потом всю ночь она думала об этом взгляде, полном отчаяния. Он смотрел на нее из темноты, и она знала, что если она и жаждала мести, то судьба отомстила за нее. Но она не испытывала радости. В сотый раз, не сомневаясь, что он до сих пор ее любит, она задавалась вопросом, почему он столь странным образом женился. И все же она не собиралась копаться в собственных чувствах.

Зная, что он появится снова, миссис Мюррей сначала хотела приказать дворецкому не пускать его, но вскоре передумала. Она желала увидеть еще раз его ужасно жалкое лицо, она желала удостовериться в его несчастье. Как-то днем наследующей неделе, вернувшись из поездки, она нашла его визитку. Она взяла карточку и повертела в руках.

— Пригласить его на ленч? — Раздраженно нахмурившись, она положила визитку. — Нет, если он хочет меня увидеть, пусть придет снова.

Бэзил испытал горькое разочарование в тот день, когда дворецкий сказал, что миссис Мюррей нет дома, и сначала решил поставить на этом точку. Он ждал от нее записки, но так и не получил. Он ждал неделю и все время думал о ней.

Мучимый угрызениями совести, он отправился в Брайтон и старался не оставаться с Дженни наедине. В один вечер он сводил ее в театр, а в другой — на концерт и настоял, чтобы мистер Хиггинс, до сих пор верный им, их сопровождал. Все происходящее вызывало у него отвращение, но чувство стыда заставляло смириться.

Бэзил взял за правило каждый вечер проходить по Чарлз-стрит по дороге к Фрэнку и подолгу смотрел в окна в доме Хильды, не решаясь войти. В конце концов он не устоял. Бэзил знал, что миссис Мюррей дома. Если бы дворецкий отправил его восвояси, это определенно значило бы, что она велела не пускать его.

На этот раз, когда он увидел ее, все слова, которые хотелось сказать, улетучились, а простой светский разговор требовал усилий. Миссис Мюррей тоже смутилась, видя, какая боль омрачает его чело. Бэзил не желал уходить, так и не высказав того, что лежало тяжелым грузом у него на душе, но не решался начать. Воцарилось неловкое молчание.

— Когда выходит ваша книга? — поинтересовалась она, пытаясь снять возникшее напряжение.

— Через две недели… Я хотел поблагодарить вас за помощь.

— Меня?! — воскликнула она с удивлением. — И что же я сделала?

— Больше, чем вы думаете. Иногда я чувствовал, словно пишу для вас одной. Я пытался оценивать все, как мне казалось, с вашей точки зрения.

Миссис Мюррей, несколько смутившись, промолчала. Он отвернулся, словно заставляя себя продолжить, но очень нервничал.

— Знаете, мне кажется, будто любой человек окружен невидимым кольцом, которое отрезает его от всего остального мира. Каждый из нас совершенно одинок, и о каждом шаге дозволено судить лишь тебе самому, и никто здесь не поможет.

— Вы так считаете? — отозвалась она. — Если бы только люди знали об этом, они были бы рады сделать все, что в их силах.

— Вероятно, но они никогда не знают. Затруднения, по поводу которых можно обратиться за советом, так незначительны. Существуют другие проблемы, когда на кону жизнь и смерть, но о них человек и слова сказать не отважится. А ведь это могло бы многое изменить. — Он повернулся и серьезно посмотрел на нее. — Человек мог поступить определенным образом и причинить сильную боль кому-то, кто ему очень дорог, а ведь

если были бы известны все факты, этот кто-то мог бы простить и принять его.

Сердце миссис Мюррей забилось быстрее, и ей с трудом удалось сохранить самообладание, когда она заговорила:

— Разве это имеет большое значение? В конце концов, все мы подчиняемся этим правилам. Думаю, сторонний наблюдатель, умеющий заглядывать в человеческие души, был бы потрясен, узнав, сколько мучений люди терпят с улыбкой. Всем нам пришлось бы проявлять невероятную доброту к ближним, если бы мы понимали, насколько они несчастны.

Снова воцарилась тишина, но, как ни странно, стена между ними будто рухнула, и теперь, когда они молчали, больше не ощущалось неловкости. Бэзил поднялся:

— До свидания, миссис Мюррей. Я рад, что вы разрешили мне сегодня прийти.

— А почему я должна была не разрешать?

— Я боялся, ваш дворецкий скажет, что вас нет дома. — Он смотрел на нее, не отводя глаз, словно собирался сказать намного больше, чем произнес.

— Я всегда буду очень рада вас видеть, — тихо проронила она.

— Благодарю. — Теперь он смотрел на нее не с обреченным и горестным выражением, а, скорее, с благодарностью.

В то же мгновение доложили о прибытии миссис Барлоу-Бассетт. Она довольно холодно пожала Бэзилу руку, подумав, что мужчина, который женился на официантке, не подходит в компаньоны ее добродетельному сыну, и твердо решив не поддерживать с ним отношений. Он вышел.

— Вы знаете, на ком женился мистер Кент и почему? — спросила миссис Мюррей.

Ей много раз хотелось задать этот вопрос, но до сих пор гордость не позволяла сделать попытку разобраться в том, что так долго мучило ее.

— Моя дорогая Хильда, неужели вам ничего не известно? Это весьма скандальная история. Должна сказать, я удивилась, когда увидела его здесь, но раз вы ничего не знаете, это все объясняет. Он связался с особой ужасно низкого происхождения.

— Она очень красивая. Я ее видела.

— Вы? — изумилась миссис Бассетт. — Вроде бы у них должен был родиться ребенок, и его заставили жениться.

Миссис Мюррей покраснела до корней волос, и на мгновение ее охватили ненависть и презре-

ние, но, вспомнив печальный взгляд Бэзила, она смягчилась.

— Думаете, он очень несчастен?

— Должно быть. Когда мужчина женится на женщине более низкого происхождения, он всегда несчастен, и, должна сказать, я думаю, он это заслужил. Я рассказала моему мальчику эту историю в назидание. Вот пример того, что случается, когда не соблюдаешь высокие моральные принципы.

Миссис Мюррей рассеянно смотрела на собеседницу, словно думала о чем-то другом.

— Бедняга! Боюсь, вы правы. Он очень несчастен.

5

Бэзил не мог свыкнуться с мыслью о возвращении к былой жизни в Барнсе, жалкой и ограниченной. И хотя он едва мог себе это позволить в материальном смысле, под предлогом того, что Дженни нужно поправить здоровье, он настоял, чтобы она осталась в Брайтоне на более долгий срок, чем изначально планировалось. Но со временем уже никакие убеждения Бэзила не могли заставить ее продлить пребывание там. Они вернулись в маленький домик в Ривер-Гарденс, и на первый взгляд все пошло так же, как раньше. Однако наблюдались и некоторые отличия. Казалось, они все больше отдалялись друг от друга после недолгой разлуки, мелкие обиды, накапливаясь, разрушали отношения.

Теперь Бэзил рассматривал жену более критично, и некоторые ее грубые привычки, прежде остававшиеся незамеченными, действовали ему на нервы. Он считал, что общение с сестрой на протяжении двух месяцев дурно на нее повлияло. Дженни употребляла выражения, которые он находил вульгарными, и он ничего не мог поделать с тем, что ее манеры за столом оскорбляли его

тонкий вкус. Его дико раздражала неопрятность, с которой она вела хозяйство, и небрежность, с которой она одевалась. Все ее покупки отличались вопиющей безвкусицей, а дома она даже не старалась выглядеть аккуратно и почти весь день расхаживала растрепанная, в грязном халате. Но поскольку Бэзил не видел способа изменить Дженни, он решил не обращать на это внимания и жить своей собственной жизнью, позволяя ей жить своей. Когда она совершала поступок, который он не одобрял, он просто пожимал плечами и морщился. Бэзил стал более молчаливым и не пытался обсуждать с ней вопросы, которыми, как он знал, она не интересовалась.

Но несмотря на его охлаждение, страстная любовь Дженни ничуть не ослабела с тех пор, как они поженились. Понимая, что он изменился по каким-то непостижимым причинам, Дженни глубоко переживала. Иногда она беспомощно рыдала, недоумевая, что же она сделала не так. А порой, осознавая его несправедливость к ней, с болью разражалась язвительной речью. Она негодовала из-за его сдержанности и равнодушия, когда он отмахивался от ее вопросов на темы, которые раньше охотно обсуждал. Размышляя над всем этим, она заключила, что лишь другая жен-

щина могла вызвать подобные перемены в нем, и вспомнила совет матери внимательно следить за ним. Как-то утром Бэзил сказал ей, что вечером идет на ужин в гости. Он принял приглашение, до того как она должна была вернуться домой.

— И к кому ты собираешься? — спросила Дженни, тут же заподозрив неладное.

— К миссис Мюррей.

— Это та леди, которая приходила к тебе в прошлом году?

— Она приходила, чтобы увидеть тебя, — с улыбкой ответил Бэзил.

— Да, я верю. Думаю, женатому мужчине не следует отправляться на ужин в Уэст-Энд одному.

— Прости. Я принял приглашение и должен идти.

Дженни не ответила. Но когда Бэзил вернулся домой днем, внимательно наблюдала за ним. Она видела, как он беспокоен. Его глаза сияли от возбуждения, он часто смотрел на часы, желая узнать, не пора ли одеваться. Как только он удалился, твердо решив выяснить, что у него с миссис Мюррей, она без всяких угрызений совести принялась шарить по карманам его пальто, которое он только что снял, но блокнота там не было. Несколько удивившись (потому что обычно он не

придавал значения такого рода вещам), она подумала, что в столе, возможно, осталось письмо, и с трепетом в сердце направилась туда. Но ящик оказался заперт на ключ, и эта непривычная мера предосторожности удвоила ее подозрения. Вспомнив, что у ключа есть дубликат, она сходила за ним и, открыв ящик, тут же наткнулась на записку с подписью «Хильда Мюррей». Она начиналась с обращения «Дорогой мистер Кент» и заканчивалась подписью «Искренне ваша» — совершенно формальное приглашение на ужин. Дженни просмотрела другие письма, но они касались деловых вопросов. Она вновь разложила их в том же порядке и заперла ящик. Ей сделалось стыдно за совершенный поступок.

— О, как бы он стал презирать меня за это! — простонала она.

И в ужасе из-за того, что могла оставить следы на месте преступления, она снова открыла ящик и опять все переложила и навела порядок. Бэзил попросил ее не ждать его допоздна, но она не могла заставить себя пойти спать. Дженни смотрела на часы, тикавшие на удивление медленно, и с чувством, походившим на ярость, говорила себе, что Бэзил сейчас прекрасно проводит время, совсем не думая о ней. Когда он явился домой

раскрасневшийся и оживленный, ей показалось, что на его лице отразилось раздражение, стоило ему увидеть, что она все еще сидит в кресле.

— Очень хочешь спать? — спросил он.

— Да.

— Тогда почему не ложишься? Просто я хочу выкурить еще одну трубку.

— Я подожду, пока ты будешь готов.

Она наблюдала, как он расхаживает по комнате, увлеченный своими мыслями, и видела — он не замечает ее. Казалось, он вообще забыл о ее присутствии. Злость и ревность одержали верх над другими чувствами Дженни.

— Ладно, мой прекрасный друг, — прошептала она. — Я узнаю, скрывается ли за этим что-нибудь.

Она запомнила почерк миссис Мюррей и с тех пор внимательно изучала адреса отправителей всех писем, которые приносили Бэзилу. Она желала увидеть, не пришло ли что-нибудь от нее. Раньше корреспонденция Бэзила валялась по всему дому, но теперь он тщательно все запирал, и это убедило Дженни, что у него было что скрывать. С горькой усмешкой она льстила себе, будто может его перехитрить, и он не представлял, что каждый день после его ухода она обыскивала его

стол. Хотя улик не было, Дженни продолжала считать, что имеет веские основания для ревности. Однажды утром она заметила, что Бэзил оделся во все новое, и ей в голову пришла мысль, будто днем он собирается увидеться с миссис Мюррей. Если он в самом деле отправится на встречу, это подтвердит ее опасения, а если нет — она все равно не сможет отступиться от мучительных фантазий. Зная, в какое время Бэзил уходит из конторы, Дженни, скрыв лицо под вуалью, в неброской одежде, чтобы случайно не привлечь его внимание, заранее заняла удобное место на другой стороне площади и принялась ждать. Наконец он вышел, и она последовала за ним. Она шагала за ним по Стрэнду, потом по Пиккадилли-Серкус, где ей пришлось подойти поближе, потому что она боялась потерять его в толпе. Вдруг он развернулся и поспешил к ней. Она сдавленно вскрикнула, а потом, увидев его лицо, побелевшее от гнева, чуть не сгорела от стыда.

— Как ты смеешь за мной следить, Дженни?!

— Я не следила за тобой. Я тебя не видела.

Он поймал такси и велел ей садиться, потом уселся туда сам и приказал извозчику ехать на вокзал. Они как раз успели на поезд до Барнса. Бэзил не разговаривал с Дженни, и она, пере-

пугавшись, молча наблюдала за ним. Он не произнес ни слова, пока они шли к дому. Потом они отправились в гостиную, и он осторожно закрыл дверь.

— Теперь тебе хватит совести признаться мне, что это значит? — спросил он.

Она не ответила, а в мрачной злобе просто опустила глаза.

— Так что же?

— Я не позволю над собой издеваться, — наконец ответила она.

— Послушай, Дженни, раньше мы лучше понимали друг друга. Почему ты лазила в мой ящик и читала мои письма?

— У тебя нет прав обвинять меня в этом. Это неправда.

— У меня в столе полный беспорядок из-за тебя.

— Что ж, у меня есть право знать. Куда ты собирался сегодня?

— Это совершенно не твое дело. Мне просто стыдно, что ты совершаешь такие ужасные поступки. Разве ты не знаешь, что нет ничего позорнее, чем следить за кем-то на улице? Лучше бы ты воровала, чем читала личную переписку!

— Я не собираюсь терпеть то, что ты волочишь-

ся за другими женщинами, можешь на это не рассчитывать.

Бэзил засмеялся, отчасти с пренебрежением, отчасти с отвращением:

— Не говори глупостей! Мы женаты и должны пользоваться этим себе во благо. Можешь быть совершенно спокойна: я не дам тебе повода для упреков.

— Ты вечно ходишь к своим благородным друзьям, для которых я недостаточно хороша.

— Боже правый! — с горечью воскликнул он. — Неужели тебе жалко, если я чуть-чуть расслаблюсь?! Тебе уж точно никак не вредит то, что я иногда хожу повидаться с людьми, которые были моими близкими друзьями еще до женитьбы.

Дженни не ответила, а притворилась, будто переставляет цветы в вазе, потом поправила подушки на диване и картину, чтобы она висела ровно.

— Если ты закончил читать мне нотации, то я пойду и сниму шляпку, — раздраженно произнесла она.

— Делай, как тебе угодно, — ответил он с равнодушием.

Вскоре роман Бэзила опубликовали. Зная, что книга вряд ли заинтересует Дженни и вызовет

у нее какие-то чувства, он все же преподнес ей один экземпляр. С миссис Мюррей же он был вполне откровенен, когда написал: ему приятнее всего, что после выхода книги он может отправить издание ей. Он ждал с таким же волнением ответа от нее, как первых рецензий. Она написала дважды: первый раз, чтобы подтвердить получение и сообщить, что уже прочитала одну главу, второй — чтобы после прочтения всей книги воздать ему восторженную похвалу. Такая оценка доставила Бэзилу огромное удовольствие. Дженни явно с большим трудом добралась до последней страницы, и он думал, что она выскажет критические замечания, но ничего подобного не произошло — она молчала. Бэзил был вынужден спросить, что она думает.

— Мне очень понравилось, — сказала она.

Но в ее тоне слышалось безразличие, и это разозлило его. И хотя Бэзил знал: это равнодушие не означает, что она нашла в его книге какой-то недостаток, чувствовал себя от этого не менее скверно. И все же еще более горькое разочарование ожидало его, когда начали поступать рецензии. В основном они были коротки, отчасти насмешливы, отчасти снисходительны. Создавалось впечатление, будто его книга,

которая, как он воображал, незамедлительно позволит ему занять почетное место на литературном Олимпе, на самом деле оказалась лишь работой подмастерья, скорее, предрекавшей писательские перспективы, но не заслуживающей особого внимания сейчас. По мнению критиков, чрезмерное внимание автора к окружающей обстановке делало его произведение похожим на эссе или научный трактат, и хотя книга была не лишена достоинств, не получилось ни хорошего романа, ни хорошей истории. Наконец две литературные газеты немного утешили Бэзила, пролив бальзам на его израненное тщеславие длинными лестными отзывами, отдав должное его страсти к красоте, размеренному и точному стилю, четкости в описании действующих лиц. Первый отзыв пришел с поздравительной запиской от миссис Мюррей, и Бэзил прочитал все с неистово бьющимся сердцем. Это вновь придало ему уверенность в себе и укрепило в решении писать дальше. И хотя он передавал все неблагоприятные рецензии Дженни, эти отзывы, такие важные для него, он из-за какой-то извращенной гордости решил ей не показывать.

В результате у Дженни сложилось совершенно несправедливое впечатление о провале книги,

и ей на ум пришла мысль, что Бэзил все-таки оказался не таким чудесным человеком, как она представляла. Она не умела анализировать свои чувства, но понимала: в ее отношении к мужу что-то изменилось. Дженни боготворила Бэзила страстно и ревностно, но в то же время чувствовала некое смущенное раздражение, заставлявшее ее с восторгом встречать публикацию очередной насмешки, так больно его ранившей. Казалось, неудача приближает его к ней, ведь если он не так умен, как она полагала, это сокращало дистанцию между ними. Однако пропасть, разделявшая их, увеличивалась день ото дня, и ссоры случались все чаще. Бэзил, ненавидя жизнь в Барнсе, замкнулся в себе и был чрезвычайно сдержан. Он преимущественно молчал, что-то писал и всеми силами старался избегать любых разговоров, которые ему навязывала Дженни. Свою несчастливую семейную жизнь он заполнил беспрестанным трудом и к плохому характеру жены относился с философским равнодушием. Она же приходила в исступленную ярость от того, что на все ее колкости он отвечал очень редко и с неизменным холодным сарказмом. Но иногда ее охватывало раскаяние. И она шла к мужу в слезах, умоляя простить ее и снова заверяя в

своей великой любви. И после подобных сцен в их семье на несколько дней воцарялся мир.

Но однажды утром произошла более серьезная ссора. Бэзил, которому понадобилась некая сумма, обнаружил, что Джеймс Буш, до сих пор безработный, постоянно занимает деньги у Дженни. Бэзил попросил ее больше ничего не одалживать брату, но, поняв, что она не хочет давать обещаний, был вынужден решительно заявить, что больше ни пенни не должно попасть в загребущие руки семейства Буш. Они сильно поругались, и наконец Бэзил в ярости вышел из дома.

Вскоре Джеймс Буш, виновник этих неприятностей, забрел к ним в гости.

— И где сегодня его превосходительство? — спросил он, угощаясь сигаретами Бэзила.

— Ушел на прогулку.

— Это он тебе так говорит, моя дорогая, — заметил он, недобро усмехнувшись.

— Ты его где-нибудь видел? — тут же насторожилась Дженни.

— Нет, не могу сказать, что видел, а если бы и видел, то не стал бы этим хвастаться.

— Что ж, тогда я повторю: он на прогулке.

Джеймс взглянул на сестру и без лишних санти-

ментов попросил одолжить ему пару соверенов, но она, вспомнив утренний спор и жалея о том, что вела себя неправильно, твердо отказала ему. Поскольку он настаивал, обвиняя ее в жадности, ей пришлось объяснить, какие большие траты у них были в последнее время. Доктор прислал счет на пятьдесят фунтов, поездка в Брайтон обошлась в кругленькую сумму, и они с трудом сводили концы с концами.

— Какой же чудесный и прекрасный поступок ты совершила, когда вышла за него замуж, Дженни! Да еще гордилась, что тебе так повезло.

— Я не позволю тебе говорить про Бэзила ничего плохого! — с чувством воскликнула она.

— Ладно, не кипятись. Черт меня побери, если я пойму, чего ты так за него уцепилась. Ему нет до тебя дела.

Она подняла глаза, судорожно вдохнув:

— Откуда ты знаешь?

— Думаю, это и так видно! Полагаю, ты сегодня еще не плакала?

— Мы немного поругались с утра, — призналась она. — О, пожалуйста, не говори, что ему нет до меня дела! Я этого не переживу.

— Да ну тебя! — засмеялся Джеймс. — На Бэзиле Кенте свет клином не сошелся.

Дженни подошла к окну и выглянула на лицу. Она увидела, как ее муж медленно прогуливается, опустив голову. Вид у него был совершенно несчастный. И, подумав, как они мучаются, она не смогла сдержать слез. Все было против них, и хотя Дженни нежно любила Бэзила, какая-то неведомая сила словно заставляла ее злить его. В полном отчаянии она повернулась к брату и произнесла слова, которые уже долго тяжелым камнем лежали у нее на сердце:

— О, Джимми, Джимми, порой я не знаю, как себя вести, так я несчастна! Если бы только малыш выжил, я могла бы удержать мужа, могла бы заставить его полюбить меня. — Она рухнула на стул и закрыла лицо руками, но через мгновение, услышав, как хлопнула дверь, подняла голову. — Он только вошел, Джимми. Не вздумай злить его всякими разговорами.

— Я просто скажу ему парочку теплых слов.

— О, Джимми, не надо! Я сама виновата, что мы поссорились сегодня утром. Я хотела разозлить его и измучила придирками. — Дженни знала, как повлиять на брата. — Не дай ему понять, что я пожаловалась тебе, и я постараюсь отправить тебе завтра фунт.

— Что ж, лучше бы он не относился ко мне свы-

сока — я не буду с этим мириться. Я джентльмен, ничуть не хуже его, если не лучше.

Тут вошел Бэзил. Он заметил Джеймса, но не заговорил.

— Добрый день, Бэзил.

— Вы снова здесь? — равнодушно отозвался он.

— Похоже на то.

— Боюсь, что да.

— В самом деле? Полагаю, я имею право навестить сестру.

— Наверное, это неизбежно. Только был бы премного признателен, если бы вы приходили, когда я отсутствую.

— Это означает, что вы хотите выставить меня вон, как я понимаю.

— Вы удивительно догадливы, дорогой Джеймс, — произнес Бэзил с холодной улыбкой.

— Послушайте, Бэзил, позвольте дать вам один совет: не задавайтесь, иначе это может вам повредить.

— Я вижу, вы так и не овладели весьма полезным умением дерзить без проявления грубости.

Ничто не распаляло Джеймса больше, чем ирония и нарочитый сарказм, с которым Бэзил неизменно отвечал ему, и теперь, в приступе гнева, забыв о всяком благоразумии, он вскочил:

— А теперь слушайте: с меня хватит! Я больше не собираюсь терпеть ваши издевательства и насмешки. Похоже, вы думаете, что я никто. Мне просто интересно, почему вы ведете себя так, будто я — незнамо кто.

— Потому что я так хочу, — ответил Бэзил, окинув его с ног до головы взглядом, полным ледяного презрения.

Сердце Дженни неистово забилось, когда она поняла, что надвигается серьезная ссора, и она тут же принялась тихо умолять Джеймса держать язык за зубами. Но совладать с ним ей уже не удалось.

— Можете делать все, что вам нравится. Но я прихожу не к вам.

— Я понимаю, что толщина моего кошелька привлекает вас сюда больше всего. Интересно, с какой стати вы решили, что, женившись на вашей сестре, я на веки вечные взял на себя обязательства содержать всю вашу семейку? Не будете ли вы так добры сообщить своим родным, что мне надоело давать вам деньги?

— Интересно, запретите ли вы и им приходить к вам домой в вашем присутствии, — проворчал Джеймс.

Бэзил пожал плечами:

— Можете приходить, когда меня нет, если будете вести себя подобающим образом.

— Я недостаточно хорош для вас, полагаю?

— Да, недостаточно, — решительно ответил Бэзил.

— Осмелюсь сказать, что вы хотели бы вообще отправить меня с глаз долой. Но я собираюсь приглядывать за вами.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил Бэзил, и Джеймс понял, что задел его за живое.

Он воспользовался преимуществом:

— Вы думаете, я не знаю, что вы за человек. Да я почти насквозь вас обоих вижу. Держу пари, Дженни приходится кое с чем мириться.

Но Бэзил быстро овладел собой и повернулся к Дженни с улыбкой, полной презрения, которое ранило ее еще глубже, тем более что она его не заслужила.

— Она перечислила вам мои многочисленные недостатки? Должно быть, у вас полно тем для разговора, моя дорогая. — Увидев, что она хочет возразить, он рассмеялся: — О, моя милая девочка, если тебя это веселит, обязательно обсуждай меня с твоими родственниками! Я был бы так скучен, не имей я столько слабостей.

— Подтверди, что я ничего плохого о нем не

говорила, Джимми! — воскликнула она.

— Не испытываю большого желания что-то говорить. Я промолчу.

Бэзилу стало скучно, и он не видел необходимости это скрывать. Он сел за стол, чтобы написать письмо, и взял лист почтовой бумаги. Джимми злобно за ним наблюдал, обиженный его колкостями, и недоумевал, каким будет следующий ход. Бэзил равнодушно посмотрел на него:

— Я очень устал, брат Джеймс. На вашем месте я бы уже ушел.

— Не уйду, пока сам не захочу, — весьма агрессивно ответил Буш.

Бэзил поднял глаза, улыбнувшись:

— Разумеется, мы оба христиане, дорогой Джеймс, и мир становится все более цивилизованным. Но последнее слово все равно остается за сильнейшим.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что бережного Бог бережет. Говорят, пословицы — истинное богатство народа.

— Именно так вы и поступили бы: ударили бы парня ниже ростом.

— О, я никогда не ударил бы вас, — горько усмехнулся Бэзил. — Я просто спустил бы вас с лестницы.

— Хотел бы я посмотреть, как вы это сделаете! — воскликнул Джимми, чуть попятившись к двери.

— Не глупите, Джеймс. Вы же знаете, вам это совсем не понравилось бы.

— Я вас не боюсь.

— Конечно, нет. Но все же вы не очень мускулисты, правда?

Ярость заставила забыть о благоразумии, и Джеймс затряс кулаком перед лицом Бэзила:

— О, я прежде вам отплачу! Я отплачу вам!

— Джеймс, я же велел вам убраться пять минут назад, — заявил Бэзил еще более категорично.

Джимми еще мгновение смотрел на него, взбешенный и бессильный, а потом без единого слова вылетел из комнаты, захлопнув за собой дверь. Бэзил молча улыбнулся и пожал плечами. Он испытывал к себе почти такое же отвращение, как к Джеймсу, но полагал, что, поскольку подобные сцены будут происходить все чаще, он выработает к ним некое безразличие. В порыве самообличения он говорил себе, что наступит время, когда он будет гордиться своей триумфальной победой в поединке колкостей с клерком аукциониста. Он бросил взгляд на Дженни — она сидела с шитьем в руках, но не работала, а смот-

рела в окно.

— Единственная положительная черта брата Джеймса — умение слегка позабавить собеседника, — пробормотал он.

— Не знаю, что с ним не так, — ответила она. — Почему ты относишься к нему как к собаке?

— Мое дорогое дитя, это неправда. Я очень люблю собак.

— Разве он не так же хорош, как я? Ты ведь снизошел до брака со мной…

— Я действительно не понимаю, почему из-за женитьбы на тебе я должен непременно сблизиться со всеми твоими прекрасными родственниками.

— Почему они тебе не нравятся? Они честные и уважаемые люди.

Бэзил устало вздохнул. За последний месяц они часто обсуждали этот вопрос, и хотя он изо всех сил старался не наговорить лишнего, его терпение было на исходе.

— Моя дорогая Дженни, — произнес он, — мы выбираем друзей не потому, что они честные и уважаемые люди, как и не потому, что они ежедневно меняют постельное белье. Но я готов признать: твои родные обладают всеми достоинствами и добродетелями, только кажутся мне

ужасно скучными.

— Не казались бы, будь они знатными.

Он с любопытством посмотрел на нее, недоумевая, почему она приписывает ему столь низменные мотивы, и подумал, что мог бы в самом деле подружиться с родственниками жены, если бы они были простыми сельскими жителями, непритязательными и честными. Но в отношении кодекса чести семейство Буш отличалось самой вульгарной претенциозностью, которую лишь по доброте душевной можно было назвать странной. Дженни поразмышляла над словами Бэзила и, помолчав несколько минут, нетерпеливо воскликнула:

— В конце концов, у нас не такое уж плохое положение! Отец моей матери был джентльменом.

— Жаль, что сын твоей матери таковым не является, — парировал Бэзил, не отвлекаясь от письма, которое писал.

— А знаешь, что говорит Джимми про тебя?

— Мне это не особенно интересно, но если тебе очень хочется, можешь мне рассказать.

Она метнула на него гневный взгляд, но не ответила. Бэзил встал и, подойдя к ней, обнял за плечи. Стараясь говорить как можно более нежно, он объяснил, что не виноват в том, что не

любит ее семью. Разве не может Дженни просто смириться с этим и использовать себе во благо, а не страдать. Но жена, отвергнув его попытку примирения, отвернулась.

— Ты думаешь, мои родные недостаточно хороши для общения с тобой, поскольку они не занимают высокого положения.

— Я не имел бы ни малейших возражений, будь они бакалейщиками и галантерейщиками, — ответил Бэзил, ощутив прилив раздражения. — Я просто хотел бы, чтобы они продавали нам вещи за столько, за сколько берут сами.

— Джимми не бакалейщик и не галантерейщик. Он клерк у аукциониста.

— Смиренно приношу извинения. Я подумал, он бакалейщик, потому что когда в последний раз почтил нас своим визитом, то спросил, сколько мы платим за фунт чая, и предложил продать нам его по той же цене. А потом он также предложил застраховать наш дом на случай пожара и продать мне золотую шахту в Австралии.

— Уж лучше направить все усилия на успех маленьких предприятий, чем просто слоняться без дела, как ты.

— Действительно, боюсь, даже ради твоего удовольствия я не стану расхаживать с образцами

чая в кармане и предлагать друзьям купить фунт-другой, когда приду к ним в гости. К тому же я не думаю, что они вообще мне за это заплатят.

— О нет! — насмешливо откликнулась Дженни. — Ты ведь джентльмен, и барристер, и писатель, и ты не сделаешь ничего, чтобы запачкать белые руки, которыми так гордишься. И как другие юристы получают собственные дела?

— Самый простой способ, я полагаю, — жениться на дочери хитрого солиситора.

— Вместо официантки?

— Этого я не говорил, Дженни, — очень мрачно ответил он.

— О нет, ты этого не сказал. Но ты намекнул. Ты никогда ничего не говоришь, но всегда что-то подразумеваешь и делаешь намеки, пока я не выйду из себя.

Он протянул к ней руки:

— Мне очень жаль, если я задел тебя. Уверяю: я этого не хотел. Я всегда пытаюсь проявлять к тебе доброту.

Он с тоской посмотрел на нее, ожидая услышать слова сожаления или любви, но она лишь угрюмо поджала губы, опустила глаза и взяла шитье.

Нахмурившись, он вернулся к письмам, и еще час они молчали. Потом Дженни, будучи не в си-

лах выносить полную тишину, которая довлела над ней еще больше, потому что Бэзил сидел так близко, холодный и неприступный, отправилась к себе в комнату. Ее злость улетучилась, и она была напугана собственным поведением. Она хотела все обдумать и в отчаянии вспомнила, что ей не к кому обратиться за советом. Было невозможно заставить родных понять эти трудности, вместо помощи они осыпали бы ее издевками и жестокими шутками. Ей пришла на ум мысль поговорить с Фрэнком — единственным другом Бэзила, которого она знала больше других, поскольку он нередко приезжал в Барнс, держась приветливо и учтиво. Ей казалось, ему можно доверять. Но какое Фрэнку дело до ее несчастья и чем он поможет? Дженни знала, как он выразит свое бесполезное сочувствие. Ей казалось, она совершенно одна в целом мире, слабая, перепуганная и лишенная общения с людьми, с которыми прошла ее жизнь, и с людьми, в класс которых она вроде бы вошла после брака. Как марионетка, она бесконечно вращалась в круге своих проблем, но не видела выхода. Ужас и неопределенность ее положения заставили отчаянно начать искать новые пути к счастью, которого она так отчаянно желала. Дженни стала

размышлять над событиями последнего года, вспоминая каждую ссору с мужем, и видела, как потихоньку копившаяся обида омрачала блаженство, в котором она купалась поначалу. Потом она решила, что необходимо срочно что-то предпринять, иначе будет слишком поздно. Дженни стремительно теряла любовь мужа и в горьком самобичевании взвалила всю вину на свои плечи. У нее остался лишь один шанс — полностью измениться. Она должна была попытаться избавиться от придирчивости и безумной ревности. Она должна была хотя бы попробовать стать более достойной его. В муках раскаяния Дженни мысленно перебрала все свои недостатки. В конце концов, раскрасневшаяся, с блестевшими от слез глазами, она подошла к Бэзилу и положила ладонь ему на плечо.

— Бэзил, я здесь, чтобы умолять тебя простить меня за то, что я наговорила. Я поддалась чувствам и забылась.

В ее голосе слышалась нежность, от которой он почти отвык. Он встал и взял ее за руки, лучисто улыбаясь:

— Моя милая девочка, какое это имеет значение? Я уже обо всем забыл.

— Я все обдумала. В последнее время мы не

очень хорошо ладим, и я боюсь, что виновата в этом сама. Я совершала поступки, о которых жалею. Я читала твои письма… — Она залилась глубоким румянцем от стыда. — Но клянусь, я не хочу больше этого делать. Я постараюсь быть тебе хорошей женой. Знаю, я тебе неровня, но хочу попробовать до тебя дотянуться. И ты должен быть терпелив со мной. Ты должен помнить, что мне предстоит многому научиться.

— О, Дженни, не говори так! Из-за этого я чувствую себя таким невежей.

Она улыбнулась сквозь слезы. Он говорил тем же взволнованным голосом, который когда-то заворожил ее. Но печальное выражение вновь появилось на ее лице.

— Ты ведь еще любишь меня хоть чуть-чуть, Бэзил?

— Моя дорогая, ты же знаешь, что люблю.

Он заключил ее в объятия и поцеловал. Она разразилась слезами, но это были слезы радости, потому что она думала (бедняжка!), что на этом и закончатся их неприятности. Что будущее будет более ярким и совсем другим.

6

В числе обязанностей Фрэнка на посту ассистента врача было проведение вскрытия пациентов, умерших в больнице. В ходе выполнения этой работы вскоре после Пасхи он подхватил септическое воспаление горла. Как обычно, он не придавал этому значения, пока его наконец не забрали в больницу Святого Луки в ужасной лихорадке и бреду. Больше недели он пролежал там в весьма тяжелом состоянии. Еще две недели Фрэнк ощущал сильную слабость, и хотя сам с досадой восставал против собственной немощи, был вынужден соблюдать постельный режим. Наконец оправившись, он решил отправиться в недолгое путешествие в Ферн близ Теркенбери, где его отец занимался врачебной практикой, потом он собирался остановиться в Джейстоне в Дорсетшире, где Кастиллионы устраивали маленький праздник в загородном доме в Духов день. Ничто не мешало ему взять столь необходимый отпуск сейчас, поскольку из-за отсутствия терапевта, которого он должен был замещать в августе и сентябре, ему предстояло провести самые жаркие месяцы в городе.

Вечером накануне отъезда Фрэнк ужинал с мисс Ли наедине, как нравилось им обоим. За едой, следуя сложившейся традиции, они обсуждали погоду и виды на урожай. Каждый с исключительной нежностью относился к собственным мыслям, чтобы разрешить кому-то перебить себя подношением очередного блюда. Они предпочитали оставлять на потом любую тему, требовавшую дискуссии. Но когда в библиотеку принесли кофе, мисс Ли удобно устроилась на диване, а Фрэнк, расположив ноги на кресле, закурил сигару, они обменялись взглядами, вздохнули с облегчением и заулыбались.

— Вы ведь поедете в Джейстон? — спросил он.

— Не уверена, что смогу это вынести. По мере того как времени остается все меньше, я начинаю чувствовать себя все более несчастной в преддверии этого события. Убеждена, что доведу себя до какой-нибудь опасной болезни к назначенному дню. Не вижу причин, по которым в моем возрасте я должна по собственной воле подвергать себя такому заурядному мероприятию, как вечер в загородном доме. Пол Кастиллион отличается старомодными представлениями о гостеприимстве и каждое утро после завтрака спрашивает гостей, чем они хотели бы заняться. Как будто

хоть одна здравомыслящая женщина знает в столь нелепый час, чем захочет заняться днем! Но это лишь формальность, поскольку он уже распланировал твой день и ты вскоре узнаешь, что все развлечения четко расписаны вплоть до минуты. Да и потом меня до смерти утомляет, когда приходится быть милой с людьми, которых я презираю, и вежливой… О, как я ненавижу быть вежливой! После двух дней в гостях я начинаю испытывать острое желание выругаться, как торговка с рынка Биллингзгейт, чтобы хоть как-то нарушить монотонность хороших манер.

Фрэнк улыбнулся, глотнув из своего бокала ликера «Бенедиктин».

— Кстати, раз уж зашла речь о хороших манерах, я говорил вам, что до болезни успел три раза сходить на танцы?

— Я думала, вы их ненавидите.

— Так и есть, но я преследовал определенную цель. Больше всего меня поразило ужасающее воспитание людей. Поздний ужин должны были подать в полночь, и в полдвенадцатого все начали собираться у закрытых дверей столовой. К двенадцати там стояла уже такая толпа, как у входа в партер в театре. А когда открыли двери, люди бросились вперед и принялись толкаться,

как дикие звери. Я уверен, скромному зрителю последних рядов далеко до подобной ярости, а они просто напали на столы, как стая голодных волков. Что ж, мне следовало бы вспомнить о том, что люди воспитанные не выказывают чрезмерного беспокойства при виде еды. Подумать только! Они устроили больше шума, чем животные в зоопарке.

— Вы такой bourgeois[45], дорогой Фрэнк, — улыбнулась мисс Ли. — А зачем, вы полагаете, ходят на танцы, если не затем, чтобы плотно поесть, да еще и бесплатно? Но у вас, разумеется, была другая цель.

— Именно. Я пошел туда, потому что решил жениться.

— Боже правый!

— Придя к теоретическому умозаключению, что брак весьма желателен, я принял решение три раза сходить на танцы и посмотреть, удастся ли мне найти женщину, кандидатуру которой я мог бы без отвращения принять с целью провести остаток жизни вместе. Я танцевал и общался с семьюдесятью пятью разными дамами, мисс Ли, от семнадцати до сорока пяти лет, и могу честно

---

[45] Примечания: 45
Буржуа *(фр.).*

сказать, что никогда в жизни не испытывал такой смертельной скуки. Ничего хорошего в этом нет. Я обречен на жизненный путь в одиноком блаженстве. Я и не думал, что испытаю любовь с первого взгляда, однако мне казалось возможным, что хотя бы одна из этих семидесяти пяти дев подарит мне пусть слабое, но волнение. И вот представьте — ни одна ни на секунду не вывела меня из равновесия. Кроме того, большинство из них имели чахоточный, или анемичный, или недоразвитый вид. Среди них не было ни одной, которая казалась бы способной родить здоровых детей.

Они молчали, пока мисс Ли не без изумления раздумывала над фантастической схемой, изобретенной Фрэнком для поиска жены.

— И что же вы собираетесь делать теперь? — осведомилась она.

— Сказать вам? — Он отбросил легкомысленную манеру, которая не позволяла собеседнику понять, говорит он серьезно или специально несет чепуху, и наклонился вперед, уперев квадратный волевой подбородок в руку и устремив ровный взгляд на мисс Ли. — Я думаю, что все брошу.

— И что, скажите на милость, вы имеете в

виду?

— Я размышляю над этим уже несколько месяцев и за последние две недели постельного режима сопоставил все «за» и «против». Я отправлюсь домой отчасти для того, чтобы поддержать свою семью. Вы знаете, мой отец трудился год за годом, откладывая каждое пенни, чтобы я мог получить лучшее медицинское образование и тут же заняться консультацией пациентов и не волноваться о заработках на хлеб насущный. Он знал, что я долгое время буду получать совсем мало, но твердо решил дать мне шанс. В Ферне не хватает врачей, и за тридцать лет у него ни разу не было отпуска. Я хочу узнать, переживет ли он, если я скажу ему, что намереваюсь оставить профессию.

— Но, мой дорогой мальчик, вы понимаете, что собираетесь отказаться от блестящей карьеры? — пришла в ужас мисс Ли.

— Я тщательно все обдумал. Полагаю, никто из моих сокурсников на медицинском факультете не получил столь блестящего шанса, как я. Удача всегда была на моей стороне. Я попал на постоянную должность в больнице Святого Луки после смерти человека, стоявшего надо мной, и стал ассистентом терапевта в весьма юном возрасте.

У меня есть друзья и связи в свете, так что скоро я приобрету богатых и важных пациентов. Со временем, осмелюсь предположить, если продолжу в том же духе, я смогу зарабатывать от десяти до пятнадцати тысяч в год, получу назначение на должность королевского терапевта и в конце концов даже титул баронета. А потом я умру, и меня похоронят, и я оставлю после себя довольно большое состояние. Вот карьера, которая меня ждет: в будущем я вижу себя тучным и самодовольным человеком, лысоватым, с часами на толстой цепочке, в ладно скроенном сюртуке и с учтивыми манерами модного специалиста. Я буду гордиться своими лошадьми и с удовольствием рассказывать смешные истории о знатных персонах, которых буду лечить от переедания.

Он замолчал, глядя прямо перед собой, словно смотрел на воображаемого сэра Фрэнсиса Харрелла, который напыщенно расхаживал по комнате, холеный и благополучный, купающийся в почестях. Мисс Ли, глубоко тронутая его душевным волнением, проследила за этим его презрительным взглядом.

— Но мне кажется, что в конце концов я могу оглянуться, невыносимо утомленный собственным успехом, и сказать себе: несмотря ни на

что, я не жил по-настоящему ни одного дня. Мне сейчас тридцать, и юность уже ускользает: неискушенные студенты-первокурсники думают, что я уже вполне зрелый мужчина, а я еще не пожил. У меня было время лишь на работу… И подумать только! Я работал как дьявол. Пока мои однокурсники проводили вечера на попойках и в варьете, буянили и напивались, или занимались любовью с красивыми распутными женщинами, или играли в покер в предрассветные часы, беспечные и с легким сердцем, я сидел и работал, работал, работал. Теперь они по большей части успокоились и стали трезвыми унылыми врачами общей практики, достойными членами общества и удачно женились.

И глупец сказал бы, что я получил свою награду, поскольку я успешный и даже в некотором роде выдающийся специалист, в то время как они за свой разгульный образ жизни будут расплачиваться до конца дней своих и никогда не смогут оторваться от глупейшей посредственности. Но порой, должно быть, каждый их нерв трепещет, когда они оглядываются на эти славные дни веселья и свободы. А мне нечего вспомнить, кроме постоянной учебы и труда над обретением знаний. О, будь я мудрее, я пустился бы во все тяжкие

вместе с ними! Но я был лишь добродетельным занудой. Слишком много работал, был слишком образцово-показателен, а теперь моя молодость уходит, а я так и не познал ни одного из ее глупых удовольствий. Моя кровь кипит от желания устроить восстание, совершить горячий, сумасшедший и безрассудный поступок.

Вся эта медицинская жизнь оказалась не такой, как я воображал, — всеобъемлющей и многосторонней. Она извращена и очень узка. Мы видим лишь одну сторону предметов. Для нас мир — это больница, где есть только нездоровые люди, и мы приучились смотреть на человечество исключительно с точки зрения заболеваний. Однако человек мудрый думает не о смерти, а о жизни и не о болезни, а об укреплении здоровья. Болезнь — по сути, несчастный случай, а как мы можно вести нормальную жизнь, если постоянно приходится иметь дело с отступлением от нормы? Я чувствую, что не хочу никогда больше видеть больных людей. Не могу ничего с этим поделать: они приводят меня в ужас и вызывают отвращение. Я думал, что смогу углубиться в науку, но и это кажется мне ненужным и утомительным. Учеными должны становиться люди с характером, отличным от моего. Для многих мир и его

прелести ничего не значат, но меня раздирают страсти — яростные, жгучие страсти. Мои чувства накалены до предела, и я хочу жить. Жаль, что жизнь — это не какой-нибудь спелый фрукт, тогда я взял бы ее в руки и, разломив на части, съел кусок за куском. Как можно требовать, чтобы я сидел за микроскопом час за часом, когда у меня в венах кипит кровь, а мускулы дрожат в жажде простого ручного труда?

В чрезвычайном возбуждении Фрэнк вскочил и принялся расхаживать по комнате, выдувая облака табачного дыма. Мисс Ли пришла на ум старая басня о стрекозе и муравье, и она подумала, что приближение осени так же повлияло на муравья, когда он принялся разглядывать свои тщательно собранные запасы. Вероятно, он тоже с горечью завидовал стрекозе, которая провела славные дни за ленивым пением, и в душе, несмотря на пустую кладовую собрата и предстоящую холодную зиму, чувствовал, что беззаботная певунья куда лучше провела лето, чем он.

— Думаете, у вас будут такие же мысли после двух целительных недель в деревне? — задумчиво спросила мисс Ли.

Ее поразило, какой эффект произвел этот вопрос, потому что Фрэнк повернулся к ней со

злобой, которой она никогда не видела в нем раньше.

— Считаете, я полный дурак, мисс Ли? — воскликнул он. — Считаете, это все праздные фантазии незрелого человека? Я раздумываю над этим уже много месяцев, и болезнь прояснила мои мысли еще больше. Все мы, как привязанные, ходим по кругу, и когда кто-то из нас пытается сбежать, остальные готовы удерживать его ценой любых издевок и насмешек.

— Я не хотела задеть ваших чувств, сын мой, — терпеливо улыбнулась мисс Ли. — Вы же знаете, я питаю к вам кое-какие чувства.

— Прошу прощения. Я не хотел вести себя грубо, — ответил он, мгновенно раскаявшись. — Но я чувствую себя так, словно цепи впиваются в мою плоть, и я хочу освободиться.

— Я всегда думала, что Лондон предлагает возможность вести весьма насыщенную и разнообразную жизнь.

— Лондон не предлагает жизнь, он предлагает культуру. О, они наскучили мне до смерти, эти люди, с которым я встречаюсь! Они вечно говорят об одном и том же и так упиваются самодовольством в своем ограниченном мировоззрении! Только подумайте, что такое культура. Под этим

подразумевается, что ты посещаешь премьеры в театре и закрытые просмотры в «Академии». С ума сходишь по Элеоноре Дузе[46] и читаешь «Сатердей ревью». Обязательно берешь себе за правило пролистывать последний роман, о котором говорят в Париже, активно обсуждаешь книги, что выходят здесь, и периодически встречаешься за чаем с людьми, которые их пишут. Путешествуешь по изъезженным маршрутам по Италии и Франции, неистово презираешь путеводитель Кука, хотя сам являешься всего лишь заурядным туристом. Тебе очень нравится хвастаться своим плохим французским и немного — итальянским, который ты знаешь еще хуже. Иногда, чтобы поразить чернь, ты соглашаешься посетить смертельно скучный симфонический концерт, еще ты участвуешь в модном воспевании Вагнера, коллекционируешь пряжки с искусственными бриллиантами и выписываешь «Морнинг пост».

— Пощадите меня! — Мисс Ли всплеснула руками. — Я узнаю в этом явно нелестном описании себя.

Фрэнк, распалившись, не обратил внимания на

---

[46] Примечания: 46
Элеонора Дузе (1858–1924) — известная итальянская актриса.

ее замечание.

— Вся унылая глупость этого просто душит меня, так что я изнываю по свежему воздуху. Я хочу плавать на кораблях и сражаться с ураганами и штормами. Хочу уехать подальше с теми, кто действительно делает что-то стоящее, и увидеть новые страны — Канаду и Австралию, где люди сообща сражаются с дикой природой. Я жажду кипящего бурления великих городов, где нет учтивых полицейских, которые пекутся о твоей нравственности. Всей душой я тянусь к Востоку — к Египту, Индии и Японии. Хочу познать порочную страстную жизнь малайцев и яркие приключения на островах на юге Тихого океана. Может, я и не получу ключ к загадке жизни там, на просторах мира, но приближусь к нему там больше, чем здесь. Я ничего не могу почерпнуть из книг и достижений цивилизации. Хочу увидеть жизнь, и смерть, и страсти, и добродетели, и пороки людей как они есть. Хочу жить настоящей жизнью, пока еще есть время. Хочу, чтобы в старости мне было что вспомнить.

— Все это звучит очень красиво и романтично, — ответила мисс Ли. — Но где вы собираетесь брать на это деньги?

— Мне не нужны деньги. Я буду зарабатывать

где придется. Я поплыву матросом в Америку и буду выполнять на корабле черновую работу. Буду скитаться по разным местам и приниматься за любую работу. А когда я пойму, что пришла пора, то сяду на другой корабль, который отвезет меня на Восток. Меня тошнит от вашего светского общества. Я хочу работать с теми, кто знает жизнь изнутри, ее голод и труд, ее исконную любовь и ненависть.

— Это чушь, мой дорогой. Бедность имеет значение гораздо большее, чем все традиции общества, вместе взятые. Осмелюсь предположить, что одно путешествие матросом может показаться интересным и уж точно поможет вам понять, какие преимущества дают солидные средства и какое удобство создают вроде бы бесполезные предметы роскоши. Но помните: как только нечто превращается в рутину, оно перестает быть истиной.

— Это похоже на афоризм, — вставил Фрэнк. — Но может ли это что-то означать?

Мисс Ли, сомневаясь в ответе, быстро продолжила:

— Уверяю вас, никто не может стать свободным, если не избавится от необходимости зарабатывать деньги. Лично я всегда думала, что философы

говорят глупости, когда восхваляют свободу человека, который довольствуется малым. Человек, у которого нет музыкального слуха, охотно обойдется без билета в партер на оперу, но скудость здравого смысла не является доказательством мудрости. Никто не может быть по-настоящему свободным, никто не может даже начать вкушать жизнь во всей ее полноте, имея доход меньше чем пять сотен в год.

Фрэнк смотрел прямо перед собой и молчал. Его сметливый ум еще находился в возбуждении, обусловленном перспективами, которые нарисовало воображение. Мисс Ли задумчиво заговорила вновь:

— С другой стороны, доказательством ужасного занудства мне видится пример, когда обладатель солидного состояния посвящает себя какому-нибудь прибыльному делу. И я терпеть не могу людей с деньгами, которые исключительно по привычке или по бедности духовной продолжают заниматься монотонным и омерзительным трудом. Я знаю одного миллионера, который заставляет единственного сына работать по десять часов в день в банке и думает, что дает ему возможность научиться чему-то полезному! Будь моя воля, я велела бы богатым оставить добычу

денег тем, кто вынужден каждый день зарабатывать себе на хлеб, а люди обеспеченные пусть посвящают все силы исключительно тому, чтобы эти деньги потратить. Мне бы хотелось создать класс людей беззаботных и процветающих, у которых есть время на искусство и другие проявления прекрасного, в которых можно взращивать цивилизованность, и остроумие, и учтивость манер. Я заставила бы их попытаться провести весьма любопытные жизненные эксперименты, как при дворе Людовика Пятнадцатого, дабы возник легкомысленный и приятный контраст с безнадежным напряжением, в котором по необходимости приходится существовать миру в целом. Сейчас много глупостей говорится о достоинствах труда, но я задаюсь вопросом, хватило ли этим проповедникам и им подобным смелости хоть раз сказать рабочему на фабрике, что в его тяжелом труде есть нечто облагораживающее. Полагаю, похвала обусловлена тем, что это позволяет людям отвлечься, а глупцы скучают, когда им нечего делать. Для подавляющего большинства работа — лишь средство избежать тоски, но, разумеется, просто абсурдно называть труд благородным только по этой причине. Напротив, вероятно, благородство в большей степени

присуще праздности, которая требует многочисленных талантов, самосовершенствования и ума исключительного и тонкого склада.

— И еще, чтобы было перед кем выступить с подобными разглагольствованиями, — с улыбкой добавил Фрэнк.

— Просто в нашей короткой жизни никогда не стоит скучать. Я не придаю обычным занятиям такого значения, чтобы обвинить вас в желании оставить профессию. И что касается меня, ни почести, ни богатство не соблазнили бы меня на карьеру, в которой я оказалась бы в тисках какой бы то ни было привычки, привязанности или рутины. Нет никаких причин, по которым вы должны оставаться доктором, если вас это раздражает, но, Бога ради, не стоит из-за этого презирать бордели Египта. А теперь я хочу сделать предложение. Как вы знаете, мой доход превышает мои потребности, и если вы будете так любезны принять мой дар, я с удовольствием положу вам довольствие в пять тысяч фунтов в год — минимальная сумма, которой, как я вам часто говорила, хватит, чтобы играть в увлекательную игру под названием «Жизнь».

Фрэнк, улыбаясь, покачал головой:

— Очень мило с вашей стороны, но я не могу

это принять. Если мой отец смирится с моим решением, я отправлюсь в Ливерпуль и сяду на корабль как обычный матрос. Мне не нужны деньги ни от кого.

Мисс Ли вздохнула:

— Мужчины неизлечимо романтичны.

Фрэнк пожелал ей спокойной ночи и на следующий день отправился в Ферн. Но мисс Ли обдумала его слова и на следующее утро с торжественным видом отправилась к своему солиситору на Ланкастер-Гейт — пожилому румяному джентльмену с бакенбардами.

— Я хочу составить завещание, — заявила она. — Но я и правда не знаю, как поступить с этим свалившимся на меня богатством. Никто особенно на него не претендует. А теперь, когда умер мой брат, мне даже некого позлить тем, что я ничего ему не оставила. Кстати, могу ли я, пока жива, назначить ежегодную выплату человеку против его воли?

— Боюсь, никого нельзя заставить принять деньги, — ответил солиситор со смешком.

— Как мне надоели эти ваши законы!

— Я бы сказал, что они в высшей степени грамотны, поскольку человеку, который отказывается от денег, место в сумасшедшем доме.

Если не считать дом на Олд-Куин-стрит, мисс Ли имела чуть меньше четырех тысяч годового дохода, и необходимость распорядиться им более или менее рационально в последнее время сильно ее беспокоила.

— Думаю, — сказала она, поразмыслив минуту-другую, — что я просто разделю мое состояние на три части. Одну оставлю моей племяннице Берте Крэддок, которая понятия не будет иметь, что с этим делать. Другую — племяннику Джеральду Водри — большому бездельнику, который промотает всю сумму, живя на широкую ногу. И третью — моему другу Фрэнсису Харреллу.

— Прекрасно. Я велю, чтобы завещание составили и отправили вам.

— Какой вздор! Возьмите лист бумаги и напишите все сейчас. Я подожду.

Солиситор со вздохом встретил возмущение вполне оправданными юридическими проволочками, но, осознавая, что его клиентка — натура властная, выполнил ее просьбу и позвал клерка, вместе с которым они засвидетельствовали подлинность ее подписи. Мисс Ли удалилась с чувством исключительного самоудовлетворения, ведь теперь, что бы ни случилось, Фрэнк не будет иметь финансовых проблем. И она не без

лукавой усмешки подумала, как же он удивится, когда обнаружит, что после ее кончины станет человеком с солидным состоянием.

7

В течение двух недель, проведенных дома, Фрэнк внимательно наблюдал за отцом и матерью и впервые осознал, насколько большие жертвы они принесли ради его блага. Каждый день, будь он погожий или дождливый, старый доктор Харрелл выезжал на дом к живущим по всей округе пациентам, а во второй половине дня ходил пешком. С пяти до семи он принимал больных в операционной, и посреди ночи его часто вызывали в какой-нибудь фермерский дом в пяти милях пути, в самой глуши. Всем этим людям он щедро дарил плоды своего долгого опыта и медицинские знания, возможно, немного неточные, но вполне применимые в жизни. И уж конечно, его устаревшие лекарства и несколько грубоватая манера делать операции пользовались большей популярностью у деревенского люда и фермеров, чем любые другие новомодные методы лечения. Кроме того, он давал всем и каждому ободряющие советы и не стеснялся в выражениях, когда следовало отругать пациентов за то, что им делать не полагалось. Никого не удивляло, что ни один терапевт в радиусе двадцати миль не пользовался

такой любовью и доверием. Но отец Фрэнка вел монотонную жизнь, без отдыха, без единого перерыва от начала года и до конца, получая при этом скудное жалованье, если вообще что-то получал. И в течение тридцати лет этот чудесный человек и его жена смотрели на каждый заработанный соверен как на взнос в пользу трастового фонда для их единственного сына. Они не требовали от него экономить ни в Оксфорде, ни уже после, в Лондоне, а скорее, навязывали ему деньги. Родители с гордым энтузиазмом приняли желание Фрэнка заняться консультациями, хотя знали, что он еще долго будет у них на содержании. Они настаивали, чтобы он снял на Харли-стрит лучшие комнаты, которые мог себе позволить. Рутина превратилась для них в ничем не омраченное счастье, ибо таким способом они давали все шансы своему любимому мальчику, блестящие таланты которого казались явлением столь удивительным, что они могли лишь скромно благодарить Бога за незаслуженный дар.

— Разве ты иногда не устаешь от работы? — спросил Фрэнк.

— Это вопрос привычки, и все, на что я гожусь, — это деревенская практика. Да и потом, я получу свою награду, потому что в один пре-

красный день ты, быть может, станешь ведущим специалистом в своей профессии. А когда напишут твою биографию, одну главу посвятят старому терапевту из Ферна, который привил тебе любовь к медицине.

— Но нам не так долго осталось работать, — заметила миссис Харрелл. — Ведь скоро мы сможем выйти на пенсию и переселиться поближе к тебе. Иногда нам так хочется видеть тебя чаще, Фрэнк. Очень тяжело находиться в разлуке с тобой так долго.

В этих словах было столько надежды, что Фрэнк почувствовал себя бессильным. Как мог он по причинам, которые они никогда не поймут, разрушить их мечту? Он никогда не посмел бы причинить им такую мучительную боль. Пока они живы, он должен нести это бремя и продолжать влачить стабильное и не самое постыдное существование в Лондоне.

— Вы были очень добры ко мне, — произнес он. — И я постараюсь жить так, чтобы доказать вам: я благодарен за все, что вы сделали. Я буду стремиться к большему, чтобы вы не подумали, будто зря потеряли время.

Но юмор Фрэнка приобрел сатирический оттенок, когда он прибыл в Джейстон — в загородный

дом Кастиллионов в Дорсетшире. Мисс Ли в итоге решила, что здоровье не позволяет ей тратить силы на всякие легкомысленные увеселения. Зато миссис Барлоу-Бассетт с Реджи приехали на том же поезде, что и Фрэнк. А потом через пару часов прибыла мать Пола, которая вместе с компаньонкой и устраивала этот маленький праздник.

Старшая миссис Кастиллион — морщинистая маленькая женщина с седыми волосами в нелепой шапочке — беспрестанно бормотала всякую ерунду. По большей части она рассказывала о своей семье, Бейнбриджах из графства Сомерсет, из которых лишь она одна еще осталась в живых. Невероятно гордясь своим происхождением, миссис Кастиллион не особенно старалась скрыть презрение ко всем, чьи фамилии занимали иное место в «Списке поместного дворянства». Невежественная, ограниченная, плохо образованная и дурно воспитанная, она твердо шла своим путем по земной долине скорби со спокойной уверенностью в собственном превосходстве над всем миром в целом. И не только при жизни своего супруга, но даже сейчас, когда Пол сам распоряжался на своей земле, благодаря финансовым инструментам, которые она крепко держала в руках, она периодически тиранизи-

ровала Джейстон и ближайшие деревеньки. Ее нрав, отвратительный и необузданный (ведь ей с раннего детства внушали, что она наследница старинного рода), лавиной обрушивался на мисс Джонстон, ее компаньонку — скромную старую деву сорока лет, с достойным восхищения благодушием вкушавшую хлеб рабства, а также в какой-то мере — на невестку, которую старая леди презирала всей душой. Причем она не упускала случая напомнить жене Пола, что именно ее деньги та столь легкомысленно проматывает. Лишь один Пол, которого мать всегда называла сквайром, имел авторитет в ее глазах, ибо она верила: как утки рождены плавать, обладатель титула рожден быть представителем Бога на земле, человеком со сверхъестественными способностями, слово которого — закон, а указания обязательны для исполнения.

Фрэнк, видевший, как в Лондоне все смеются над мистером Кастиллионом из-за пресловутого занудства, был поражен, когда обнаружил, что здесь его решения не подвергались сомнению как с точки зрения личного отношения к вопросу, так и с точки зрения общественной пользы. Его взгляды на искусство или науку являлись единственно правильными, и лишь его политические теории

мог разделять честный человек. Считалось, что, после того как он высказался, добавить уже нечего и что возражать ему столь же целесообразно, как спорить с землетрясением.

Но даже Пол испытывал облегчение, когда мать уезжала после очередного визита, ибо ее навязчивое и уникальное остроумие несколько затрудняло общение.

— Слава Богу, *я* не Кастиллион, — периодически говорила она. — Я Бейнбридж, и думаю, что вам сложновато будет найти более уважаемую семью в этой части Англии. У вас, Кастиллионов, за душой и пенни не было, когда я вышла замуж за одного из вас.

В первый вечер за ужином Фрэнк пытался интеллигентно участвовать в беседе, но вскоре обнаружил: что бы он ни сказал, это нисколько не интересовало собравшуюся компанию. Он наивно полагал, что говорить о предках — дурной тон, но теперь понял, что еще остались дома, где эта тема пронизывала все разговоры. Главным образом общались миссис Кастиллион-старшая, сквайр и его брат Бейнбридж, агент по недвижимости, — тучный мужчина с неаккуратной бородой, весьма неопрятный и в старой, ветхой одежде, который говорил очень медленно, с

резким дорсетским акцентом и казался Фрэнку ничуть не лучше фермеров, входивших в его круг общения. Помимо этого, компания обсуждала местные новости, соседствующих дворян и вульгарную независимость приходского священника. Потом Грейс Кастиллион подошла к Фрэнку.

— Разве они не ужасны? — спросила она. — Мне приходится терпеть это день за днем, а иногда — неделю за неделей. Мать Пола донимает меня разговорами о деньгах и ее семье. Бейнбридж, деревенщина, ему бы ужинать с экономкой, а не с нами, обсуждает погоду и урожай. А Пол изображает всемогущего Господа Бога.

Зато миссис Барлоу-Бассетт впечатлилась помпезностью окружения и при первой же возможности внимательно изучила рассказ достопочтенного Берка о семье, которая пригласила ее в гости. Она обнаружила, что уголок страницы загибался не один раз, а текст во многих местах жирно отметили синим карандашом. Каждый предмет в доме имел свою историю, и эти истории миссис Кастиллион-старшая излагала с удовольствием. Ведь несмотря на то что она презирала семью, с которой породнилась, эти люди все равно были намного лучше остальных. Здесь находились книги, собранные сэром Джо-

ном Кастиллионом, дедом теперешнего сквайра, там — восточные диковинки адмирала, его двоюродного деда, а рядом — целая коллекция портретов изящных леди времен Карла и картин с изображением охоты на лис и краснолицых джентльменов, живших в годы правления короля Георга. Миссис Бассетт никогда еще так остро не ощущала собственную незначительность.

Через два дня Фрэнк удалился к себе в комнату, чтобы написать гневное письмо мисс Ли.

> О, мудрая женщина!
>
> Теперь я знаю, почему мысль о визите в Джейстон приводила вас в такое отчаяние. Мне так скучно, что я чувствую, что нахожусь на грани истерики. И лишь потому, что мне не хватает духу выставить себя на посмешище даже наедине с собой в отведенной мне спальне, я не бросаюсь на пол с воем. С вашей стороны было бы очаровательно предупредить меня, но я так понимаю, вас посетило низменное желание заставить меня вкусить хлеб радушных хозяев, а потом передать вам все их секреты. Чтобы добиться цели, вы подавили глас совести и стали глухи

к увещеваниям добрых чувств. Вас порадовал бы трактат на шесть страниц о том, как обстоят дела в целом, но меня настолько переполняет возмущение, что хоть я и чувствую себя свиньей, злоупотребляющей гостеприимством хозяев, должен немного выпустить пар.

Представьте себе георгианский дом, просторный, пропорциональный и величественный, обставленный изящнейшей мебелью «чиппендейл» и «шератон», с портретами кисти сэра Питера Лели и Джорджа Ромни и великолепными гобеленами. Парк с широкими лугами и изумительными деревьями, перед которыми невозможно не упасть на колени в благоговении. Вся земля вокруг холмиста, прекрасна и плодородна, и она целиком и полностью принадлежит людям, не имеющим ни единой благородной идеи, ни единой мысли, которая не банальна, ни единого чувства, которое бы не было мелочным и постыдным. Пожалуйста, имейте в виду, что они от всей души презирают меня, поскольку я принадлежу к тем, кого они зовут материалистами. У

меня кровь кипит в жилах, когда я думаю, что красотами этого чудесного места наслаждаются напыщенный осел, глупая женщина, вспыльчивая старая карга и неотесанный хам. Причем, будь жизнь справедлива, все они обитали бы в подсобке бакалейной лавки в Пэкхем-Рай[47] Бейнбридж, который в конечном итоге получит поместье, если только миссис Кастиллион не решится подвергнуть свою фигуру такой опасности, чтобы произвести на свет наследника, являет собой весьма любопытный феномен. Он учился в Итоне и провел год в Оксфорде, откуда его выгнали, поскольку он не мог сдать экзамены. Да и по манерам он ничем не отличается от чернорабочего, получающего тринадцать шиллингов в неделю. Он всю жизнь прожил здесь и лишь раз в два года ездил в Лондон на сельскохозяйственную выставку.

Но позвольте мне отвлечься от него. Сегодня весь день миссис Барлоу-Бассетт с открытым ртом слушала семейные бай-

[47] Примечания: 47
Местность в южной части Лондона.

ки старшей миссис Кастиллион, Реджи ел, пил и подлизывался к сквайру, а я пребывал в отчаянии. Я воображал, что меня хоть немного развлечет общество мисс Джонстон, компаньонки, и даже старался держаться приветливо, но у нее душа подхалимки. Когда я спросил, не становится ли ей иногда скучно, она одарила меня суровым взглядом и ответила: «О нет, доктор Харрелл. Меня никогда не утомляют аристократы». Всякий раз, когда в разговоре возникает пауза или миссис Кастиллион выходит из себя, мисс Джонсон указывает на картину или украшение, историю которого слышала уже тысячу раз, и спрашивает, как эта вещица попала в семью. «Надо же, вы не знаете!» — вопит старуха и начинает бесконечный рассказ о каком-нибудь любившем выпить сквайре, счастливо почившем, или о даме со слащавой улыбкой, портрет которой свидетельствует о болезни печени, возникшей из-за тугого корсета. И чего только не готова вытерпеть эта компаньонка за тридцать фунтов в год с питанием и проживанием! Я бы луч-

ше устроился на работу кухаркой. О, как мне не хватает курительной комнаты на Олд-Куин-стрит и разговоров с вами! Я прихожу к выводу, что мне нравятся только две разновидности общества: ваше с одной стороны и третьесортного актера — с другой. Там, где все мужчины подлецы, все женщины откровенно аморальны и никто не обращает внимания на произношение, я чувствую себя совершенно комфортно. Не то чтобы я испытывая непреодолимое желание пропускать придыхательные согласные, но мне легко находиться в компании, где не заметили бы, если бы это произошло.

Искренне ваш, Фрэнк Харрелл.

Мисс Ли, будь она в Джейстоне, следила бы за происходящим внимательнее, чем Фрэнк, и увидела бы, как разыгралась маленькая комедия, имевшая и трагическую сторону. Усталая и несчастная, Грейс Кастиллион с нетерпением ждала приезда Реджи, рассчитывая, что встреча станет передышкой в ее полной страданий жизни. Ведь в последнее время совесть мучила ее как никогда, и лишь присутствие любовника

могло заставить ее забыть, как отвратительно она поступала с Полом. Она научилась видеть нежность за напыщенными манерами супруга, и его безраздельное, исполненное любви доверие делало ее поведение еще более презренным, и она чувствовала себя ужасно виноватой перед ним. Но Грейс знала: рядом с Реджи она забудет обо всем, кроме своей ненасытной страсти. Она решила, что будет видеть в нем исключительно хорошее и не станет вспоминать, как некрасиво он ее использовал. Ей казалось, она может сохранить крупицы самоуважения, только если будет держаться за его любовь, а если же потеряет, то не останется ничего, кроме темного мрака отчаяния и стыда. И ее сердце ликовало, потому что в Джейстоне никакие противоречивые желания не могли помешать Реджи быть рядом с ней. Они могли бы совершать восхитительные прогулки вместе и в этой тихой деревенской глуши вновь ощутить такое же удивительное блаженство, как в начале их отношений.

Но к своему ужасу, миссис Кастиллион обнаружила, что Реджи упорно не желает оставаться с ней наедине. На следующее утро после приезда она пригласила его пройтись по парку, и он с готовностью согласился, однако, сходив наверх

за шляпкой, она увидела, что Пол ждет ее в холле вместе с миссис Бассетт.

— Реджи говорит, вы предложили показать нам парк, — сказала миссис Бассетт. — Было бы так приятно прогуляться!

— Да, очаровательно, — ответила миссис Кастиллион.

Она метнула гневный взгляд на Реджи, а тот совершенно спокойно, с легким изумлением улыбнулся. И когда они отправились в парк, Реджи шагал неторопливо и вальяжно. После ленча он остался с Фрэнком, и до самого вечера миссис Кастиллион не удавалось найти возможность сказать ему хоть несколько слов.

— Почему вы попросили мать пойти с нами сегодня утром? — поспешно спросила она, понизив голос. — Вы же знали, что я хотела побыть с вами наедине!

— Моя милая девочка, мы должны быть осторожными. Ваша свекровь следит за нами, как кошка, и я уверен: она что-то подозревает. Не хочу втягивать вас в неприятности.

— Я должна повидаться с вами наедине. Мне необходимо с вами поговорить! — в отчаянии воскликнула миссис Кастиллион.

— Не глупите!

— Что ж, я буду ждать вас здесь, пока все остальные не уйдут спать.

— Тогда вам долго придется ждать, поскольку *я* не собираюсь рисковать.

Она с ненавистью посмотрела на него, но не смогла ответить — в это мгновение к ним присоединилась мисс Джонстон, а Реджи с непривычной для него живостью тут же втянул ее в разговор. Грейс, смутившись на долю секунды, уставилась на него, ничуть не волнуясь о том, что это может выдать ее печаль, и недоумевая, что на уме у человека, которому нравится вести себя столь странно. Она чувствовала себя совсем беспомощной в его руках и знала, что теперь он будет играть с ней жестоко, как кот с мышью, пока не развлечется в полной мере, а лишь потом нанесет последний удар.

Следующие два дня Реджи с еще большей осторожностью применял ту же тактику, избегая даже минутного общения с миссис Кастиллион, за исключением тех случаев, когда рядом был кто-то еще. Казалось, он просто наслаждается, причиняя ей боль. Он щедро расточал комплименты, подстегивавшие неуклюжую веселость Пола, и, обращаясь к ней как к близкой подруге, с которой его связывали весьма доверительные от-

ношения, подшучивал, и подтрунивал, и смеялся над ней. Старшей миссис Кастиллион, которая любила, когда ее веселят, он очень понравился. И ее симпатия ничуть не уменьшилась, когда она обнаружила, что ее невестка морщится при его добродушных шутках с плохо скрываемым отвращением. Грейс же натянуто улыбалась и визгливо смеялась, но в ее сердце словно зияла глубокая рана, которую Реджи с бессердечной веселостью, оттого что может сделать еще больнее, бередил докрасна раскаленным ножом. Оставаясь одна, она могла отдаться своему горю и горько рыдать, недоумевая и едва не мечась в бреду, почему на ее страстную любовь отвечают таким презрением. Она сделала все возможное, чтобы заставить Реджи полюбить ее, и помимо того, что отдала ему всю душу, была очень добра к нему.

— Он отгородился от меня! — рыдала она. — А я сделала все, чтобы помочь ему.

В последнее время она пыталась повлиять на него ради его же блага, убеждая меньше пить и перестать сорить деньгами. В своем восхищении им она была способна на любые жертвы, а в результате он возненавидел ее. Она не могла этого понять. В конце концов Грейс осознала, что не в силах дольше терпеть эти муки, и, поскольку

Реджи не давал ей возможности объясниться, решила во что бы то ни стало поговорить с ним наедине. Но это был последний день его пребывания в их доме, и он удвоил меры предосторожности.

Подозревая, что Грейс заставит его поговорить с ней, он ни на мгновение не оставался один и вздохнул с облегчением, когда удалился с другими мужчинами в курительную комнату и они с улыбкой пожелали друг другу спокойной ночи. Но миссис Кастиллион не собиралась отпускать его без объяснения причин подобного поведения. И хотя замышляемое ею предприятие было крайне опасно, она находилась в таком отчаянии, что не колебалась. Когда Реджи, довольный, что перехитрил ее, отправился в спальню, он обнаружил, что Грейс тихо сидит там, поджидая его.

— Боже правый! Что вы здесь делаете? — изумился он, потеряв самообладание. — Ведь со мной мог войти Фрэнк.

Она не ответила на его вопрос, а встала и посмотрела ему прямо в глаза. Бледная, в великолепном платье и сверкающих бриллиантах, она попыталась успокоиться и говорить решительно:

— Почему вы меня избегаете все эти дни? Я

требую объяснений. Что вы задумали?

— О, ради Бога, не начинайте опять! Меня уже от этого тошнит. Вы ведь не думали, что я приеду погостить у вашего мужа и буду волочиться за вами? В конце концов, я тешу себя мыслью, что я джентльмен.

Миссис Кастиллион засмеялась тихим недобрым смехом:

— Поздновато играть в благородство, не правда ли? Получше историю не могли сочинить?

— За кого вы меня принимаете? Почему вы всегда думаете, будто я вам лгу?

— Потому что по опыту знаю: по большей части так оно и есть.

Он пожал плечами и закурил, потом посмотрел на Грейс с некоторым сомнением, словно раздумывая, что ему делать теперь.

— Неужели вам совсем нечего мне сказать? — Ее голос вдруг сорвался.

— Нечего, кроме того, что вам лучше вернуться к себе в комнату. Для вас чертовски опасно здесь находиться, и могу сказать вам, что я не хочу попасть в переплет.

— Но что все это значит? — Она пришла в отчаяние. — Разве вы больше не испытываете ко мне никаких чувств?

— Что ж, если вы настаиваете, скажу: я собираюсь положить этому конец.

— Реджи!

— Хочу начать жизнь с чистого листа. Хочу оставить развлечения и вести размеренный образ жизни. Мне все это надоело. — Теперь он не смотрел на нее, а отводил глаза.

Рыдания подступили к горлу Грейс, ибо худшие ее опасения оправдались.

— Полагаю, вы решили приударить за другой.

— Это не ваше дело, не так ли?

— О, вы грубиян! Удивляюсь, как я могла быть глупа настолько, чтобы питать к вам какие-то чувства!

Он сдержанно усмехнулся, но не ответил. Она быстро подошла к нему и взяла его за руки.

— Вы что-то скрываете от меня, Реджи. Ради Бога, расскажите мне всю правду сейчас же!

Он медленно перевел на нее взгляд, и на лице его появилось выражение угрюмой злобы.

— Что ж, если хотите знать, я собираюсь жениться.

— Что?! — Долю секунды она не могла поверить ему. — Ваша мать и слова об этом не сказала!

Он засмеялся:

— Вы ведь не думаете, что она знает, правда?

— А что, если я ей скажу? — быстро прошептала Грейс в растерянности, зная только, что этот кошмар нужно предотвратить. — Вы не можете жениться. Вы не имеете права на это сейчас. Я вам не позволю. Я сделаю все, чтобы этого не допустить! О, Реджи, Реджи, не бросайте меня! Я этого не вынесу.

— Не будьте дурой! Это должно было закончиться рано или поздно. Теперь я намерен жениться и остепениться.

Миссис Кастиллион смотрела на него: отчаяние, гнев и ненависть сменялись на ее подвижном лице.

— Еще посмотрим… — мстительно прошептала она.

Реджи подошел к ней и с силой сжал плечо, так что она едва терпела боль.

— Послушайте, и не вздумайте показывать фокусы! Если я узнаю, что вы вставляете палки мне в колеса, то выдам вас. Лучше вам держать язык за зубами, моя дорогая. А если не будете, все письма, которые вы мне писали, отправятся к вашей свекрови.

Грейс отвернулась, смертельно побледнев.

— Вы обещали, что сожжете их.

— Еще бы, но вы же не единственная женщи-

на, с которой мне приходилось иметь дело. Мне нравится держать в руках оружие, и я подумал, мне не повредит, если я сохраню ваши письма. Их чтение может стать увлекательным, правда?

Он увидел, какой эффект его слова произвели на Грейс, и отпустил ее. Она шагнула к стулу, дрожа от ужаса. Реджи напирал:

— Я не такой уж плохой парень, но когда меня злят, знаю, как свести счеты с обидчиком.

Мгновение она смотрела прямо перед собой, потом подняла голову, и в ее глазах сверкнуло любопытство. Она заговорила хрипловато и отрывисто:

— Не думаю, что вы смогли бы легко отделаться, если бы произошел публичный скандал.

— За меня не беспокойтесь, моя девочка, — ответил он. — Думаете, я хоть сколько-нибудь тревожусь, что вы выставите меня своим сообщником? Мамуля, конечно, расстроится, но для мужчины это не имеет особого значения.

— Но не в том случае, если станет известно, что мужчина взял кучу денег у женщины, которая имела несчастье попасть ему в когти. Вы забываете, что я платила вам, платила, мой друг, платила. За последние шесть месяцев вы вытянули из меня две сотни фунтов. Думаете, с вами

кто-нибудь будет разговаривать, если узнает? — Она увидела, как глубокий румянец стыда залил его смуглые щеки, и с триумфальной горечью, звенящей в голосе, продолжила: — Когда я в первый раз отправила вам деньги, то и подумать не могла, что вы их примете. А поскольку вы приняли, я поняла, как низко вы пали. Я тоже получала письма, в которых вы просили денег, и письма, в которых благодарили меня за то, что я эти деньги отправила. Я сохранила их не потому, что хотела использовать против вас, а потому, что любила вас и берегла все, что имеет отношение к вам.

Она произнесла это стоя, с выражением холодного презрения, надеясь, что он разозлится. Она хотела задеть его, обжечь так, чтобы он скорчился от боли перед ней.

— Устроить скандал во что бы то ни стало и позволить всему миру увидеть, что вы не кто иной, как мерзавец и грубиян! О, я хотела бы увидеть, как вас исключат из клуба! Я хотела бы увидеть, как люди бьют вас на улице! Разве вы не знаете, что существуют законы, по которым сажают в тюрьму мужчин, добывающих деньги способом, ничуть не хуже вашего?

Реджи подскочил к ней, но теперь она не боялась его. Грейс смеялась над ним. Он вплотную

приблизился к ней:

— Послушайте, прекратите это! Иначе я устрою вам такую взбучку, что вы никогда не забудете. Слава Богу, у меня с вами все кончено. Убирайтесь, убирайтесь!

Не проронив ни слова, Грейс проворно прошла мимо него, направляясь к двери. Не волнуясь, что может кого-то встретить, она пересекла длинный коридор, ведущий из комнаты Реджи в ее комнату. Кровь бешено пульсировала у нее в висках, словно это сам дьявол стучал молотком. Она не могла осознать, что произошло, но чувствовала: весь мир странным образом перестал для нее существовать. Ей казалось, жизнь кончилась. Ее обычно бледные щеки все еще пылали от гнева и ненависти. Она едва добралась до двери, когда Пол поднялся к ней по большой лестнице. На мгновение она поддалась панике, но ощущение опасности удивительным образом прояснило ее мысли.

— Грейс, я искал тебя, — сказал Пол. — Интересно, где ты была?

— Я говорила с миссис Бассетт, — быстро ответила она. — А ты думал где?

— Я и представить не мог — спускался вниз проверить, нет ли тебя там.

— Лучше бы ты не ходил за мной по пятам и не шпионил! — раздраженно воскликнула она.

— Мне очень жаль, моя дорогая. Я и не собирался этого делать. — Он встал у двери в ее комнату.

— Ради Бога, или входи — или отправляйся к себе, — заявила она. — Но не стой здесь перед открытой дверью.

— Я зайду всего на две минуты, — тихо ответил он.

— Что тебе нужно?

Она сняла драгоценности, которые жгли ее шею, словно огнем.

— Есть один вопрос, который я хотел бы с тобой обсудить. Я весьма расстроен кое-чем, случившимся в поместье.

— О, мой дорогой Пол, — в нетерпении попросила она, — ради всего святого, не докучай мне сегодня вечером! Ты же знаешь, мне нет никакого дела до поместья. Почему ты не обратишься к Бейнбриджу, которому платят за то, чтобы он за всем присматривал?

— Любовь моя, мне нужен твой совет.

— О, если бы ты только знал, как у меня болит голова! Я чувствую себя так, что готова закричать.

Он шагнул вперед, исполненный нежной за-

боты:

— Мое бедное дитя, почему ты не сказала мне раньше? Мне так жаль, я побеспокоил тебя. Болит очень сильно?

Она подняла на него глаза, ее губы дрогнули в улыбке. Он был так предан, так добр и готов прощать и закрывать глаза на все, что бы она ни сделала.

— Какая же я неблагодарная! — воскликнула она. — Как ты можешь меня любить, если я совершенно ужасно отношусь к тебе?!

— Моя дорогая, — улыбнулся он. — Я же не могу обвинять тебя в том, что у тебя болит голова.

Внезапный порыв чувств охватил ее, она обвила руки вокруг его шеи и разразилась рыданиями:

— О, Пол, Пол, ты так добр ко мне! Жаль, не могу быть тебе лучшей женой. Я не выполнила свой долг перед тобой.

Он обнял ее и с любовью покрыл поцелуями ее чересчур накрашенное, изможденное, увядающее лицо.

— Моя дорогая, лучшей жены и пожелать нельзя.

— О, Пол, почему мы никогда не можем побыть одни? Мы так далеки друг от друга. Давай поедем

вместе туда, где сможем уединиться. Разве нельзя отправиться за границу? Я устала от людей, устала от общества…

— Мы сделаем все, что хочешь, моя дорогая.

Счастье переполняло Пола, и он удивлялся, чем заслужил подобную нежность. Он хотел остаться с женой и помочь ей раздеться, но она упросила его уйти.

— Мое бедное дитя, ты выглядишь такой усталой, — произнес он, поцеловав ее в лоб.

— Утром мне будет лучше, и тогда мы начнем новую жизнь. Я постараюсь быть добрее к тебе. Я постараюсь стать достойной твоей любви.

— Спокойной ночи, дорогая.

Он очень тихо закрыл за собой дверь, оставив ее наедине с ее мыслями.

8

Миссис Кастиллион провела беспокойную бессонную ночь и, посмотревшись в зеркало следующим утром, пришла в ужас, настолько она осунулась. Но она твердо решила, что Реджи не должен заметить следов расстройства на ее лице, и, спустившись к завтраку, старалась продемонстрировать великолепное расположение духа. Она заметила, как он отводит глаза с видом побитой собаки, и с гневной решительностью принялась нападать на него самым банальным образом — люди, подобные ей, часто считают это проявлением остроумия. Желая скрыть мучительную боль, она продолжала живо участвовать в неинтересном разговоре, перемежая реплики визгливыми взрывами смеха, и активно жестикулировала. Но Грейс явно переусердствовала с наигранной живостью — складывалось впечатление, будто она едва ли не на грани истерики. Фрэнк, заметивший это, недоумевал, что так на нее повлияло, и мысленно уже выписал ей успокоительное.

Экипаж подали еще до завершения завтрака, и миссис Бассетт, боясь опоздать на поезд, начала

со всеми прощаться. Миссис Кастиллион протянула руку Реджи:

— До свидания. Вы должны приехать к нам снова, когда у вас будет время. Я надеюсь, вам здесь понравилось.

— Разумеется, — ответил он.

После вчерашнего разговора он был настороже и с тревогой спрашивал себя, что может быть у нее на уме. Он все еще размышлял, как Грейс могла ему навредить, но был доволен, что наконец порвал с ней, и искренне радовался, что последняя встреча осталась позади. Он ненавидел ее еще больше из-за того, что она напомнила, как много денег перекочевало к нему из ее рук.

«Она знала, что я не могу позволить себе выводить ее в свет на свои деньги, ведь я и так тратил все на нее», — думал он, пытаясь найти себе оправдание.

Теперь они ехали в поезде, и он смотрел на мать, читавшую «Морнинг пост». Он не хотел бы, чтобы она узнала о подробностях его романа. Реджи снова вспомнил вчерашние упреки Грейс и в конце концов ощутил чудовищную обиду на Грейс, потому что она его соблазнила. В итоге его мысли заняло что-то другое, гораздо более приятное.

После того как Бассетты и Фрэнк уехали, миссис Кастиллион охватил неимоверный испуг, и она задрожала, как под порывом холодного ветра, ведь ей предстояло провести еще два дня под безжалостным взглядом матери Пола. Свекровь словно следила за ней, мстительно торжествуя, как будто знала ее постыдную тайну и только ждала, когда представится возможность открыть ее всему свету. Грейс стояла и смотрела в окно на широкий луг и великолепные деревья в парке. Серое небо нависало над землей с неким грустным однообразием, которое соответствовало ее настроению, подавленному после притворной веселости. Пол подошел к ней сзади и обнял за талию.

— Ты очень устала, дорогая? — спросил он.

Она отрицательно покачала головой, силясь улыбнуться, тронутая, как это часто случалось в последнее время, нежностью его голоса.

— Боюсь, ты переутомилась. Ты была душой компании. Без тебя мы почти наверняка заскучали бы.

Как всегда, ироничный едкий ответ уже вертелся у нее на языке, но она промолчала и положила голову ему на плечо.

— Я начинаю чувствовать себя ужасно старой,

Пол.

— Чепуха! Ты едва достигла возраста, когда женщина расцветает. И сейчас ты красивее, чем когда бы то ни было.

— Ты правда так думаешь? Я полагаю, это потому, что у тебя до сих пор есть ко мне чувства. Знаешь, сегодня утром мне показалось, я выгляжу лет на сто с небольшим.

Он не ответил, потому что больше привык к дебатам, чем к задушевным беседам, и лишь крепче обнял ее за талию.

— Ты никогда не жалел, что женился на мне, Пол? Знаю, я не та жена, о которой ты мечтал, и у нас так и не появились дети…

Пол был глубоко тронут, поскольку его жена никогда раньше с ним так не говорила. И тут из его тона пропала всякая напыщенность, и он произнес дрожащим голосом, чуть ли не шепотом:

— Моя дорогая, каждый день я благодарю Бога, что Он дал мне тебя. Я чувствую, что недостоин благословенного дара, который получил, и благодарен Создателю, очень благодарен, потому что Он позволил мне взять тебя в жены.

Губы Грейс дрогнули в улыбке, и она сжала кулаки, чтобы не разрыдаться. Пол посмотрел на нее с теплой улыбкой:

— Грейс, я купил маленький подарок на твой день рождения, который будет на следующей неделе. Можно преподнести его тебе сейчас, чтобы не ждать?

— Да, пожалуйста. — Она улыбнулась. — Я знала, ты что-то приготовил мне, а я так нетерпелива!

Он удалился, а через минуту, чуть запыхавшись, вернулся с бриллиантовым украшением. Миссис Кастиллион знала толк в драгоценностях, и ее глаза засияли.

— Пол, как ты мог?! — воскликнула она. — Это просто совершенство! Но я не ожидала такого ценного подарка. У меня и так много вещей, которые подарил ты. Хватило бы и маленькой безделушки в подтверждение того, что ты еще любишь меня.

Он засиял от удовольствия.

— Можно подумать, хоть одна вещь может быть слишком хороша для моей любимой верной жены!

— Мы не должны показывать это твоей матери, Пол. Она устроит ужасную сцену, — лукаво заметила Грейс.

Он разразился громогласным смехом:

— Нет, нет, спрячь это от нее.

Миссис Кастиллион подставила ему губы, и с пламенной страстью, столь удивительной для пухлого самодовольного мужчины, он поцеловал ее. В ту же минуту к двери подъехал двухколесный экипаж, и Пол удивленно спросил жену, заказывала ли она его.

— О да, я забыла? — встрепенулась она. — Я собралась в город на один день. Надо было тебя предупредить. Мисс Ли чувствует себя намного хуже, чем говорит, и я думаю, необходимо съездить повидать ее и узнать, можно ли чем-то помочь.

После ужасных ночных мучений миссис Кастиллион пришла к разумному решению посоветоваться с мисс Ли, и когда появилась горничная, чтобы раздвинуть шторы, она приказала вызвать извозчика, чтобы отправиться на станцию. Теперь, бойко изобретая предлоги для отъезда, она отказывалась слушать возражения Пола, который боялся, что она чересчур устанет. К тому же она не позволила ему сопровождать ее.

— Я чувствую, что не должен мешать тебе, раз ты отправляешься творить добрые дела, — наконец произнес он. — Только возвращайся как можно скорее.

* * *

Мисс Ли как раз заканчивала обедать, когда доложили о приезде миссис Кастиллион.

— А я думала, вы развлекаетесь в Джейстоне! — воскликнула она, весьма удивившись.

— Я почувствовала, что должна увидеть вас, иначе сойду с ума. О, почему вы не приехали? Вы были так нужны мне! — призналась гостья.

Мисс Ли, явно пребывавшая в добром здравии, вместо объяснений предложила миссис Кастиллион поесть.

— Не могу проглотить ни кусочка. — Грейс передернуло. — Я просто обезумела.

— Я подозревала, что у вас неприятности, — пробормотала мисс Ли, — потому что вы слегка переусердствовали со… «штукатуркой». Технически это ведь так называется?

Миссис Кастиллион приложила ладони к щекам:

— У меня вся кожа горит. Позвольте, я выйду и все смою. Мне пришлось загримироваться с утра. Я выглядела просто кошмарно. Можно пойти и помыть лицо? Это меня освежит.

— Пожалуйста, — ответила мисс Ли с улыбкой и, пока миссис Кастиллион отсутствовала,

задавалась вопросом, что явилось причиной внезапного визита.

Наконец Грейс вернулась и посмотрела в зеркало. Ее кожа без пудры и румян казалась желтой и морщинистой, а краска на ресницах и бровях, которую не удалось полностью смыть водой, еще больше подчеркивала ее бледность. Инстинктивно она вытащила пуховку из кармана, быстро припудрилась и повернулась к мисс Ли.

— А вы никогда не красились? — спросила она.

— Никогда. Я всегда боялась, что буду выглядеть нелепо.

— О, это можно преодолеть. Но я знаю, это глупо. Я собираюсь от этого отказаться.

— Вы произнесли это с таким трагизмом, как будто хотели объявить, что уходите в монастырь.

Миссис Кастиллион с подозрением покосилась на дверь:

— Никто не войдет?

— Никто. Тем не менее я советую вам сохранять спокойствие, — ответила хозяйка, подозревавшая, что Грейс хотела бы устроить сцену, но пока сдерживалась.

— Между мной и Реджи все кончено. Он выбросил меня, как истрепавшийся галстук. У него

кто-то есть.

— Вам повезло, что вы избавились от него, моя дорогая.

Внимательные глаза мисс Ли изучали лицо миссис Кастиллион, словно пытались разглядеть сокровенную тайну ее души.

— Вы больше не испытываете к нему никаких чувств, правда?

— Нет, слава Богу, не испытываю. О, мисс Ли, я знаю, вы мне не поверите, но я пытаюсь начать жизнь с чистого листа! За последние месяцы я увидела Пола совершенно в ином свете. Конечно, он нелеп, и напыщен, и скучен. И мне это известно лучше, чем кому бы то ни было. Но он такой добрый! Даже сейчас он любит меня всем сердцем. И он честен. Вы не представляете, каково это — быть с человеком, который искренен до глубины души. Это дарит такое облегчение и успокоение!

— Моя дорогая, конечно, чтобы найти хорошие качества в собственном муже, повод не требуется. Ваши высказывания не только курьезны, но и в высшей степени оригинальны и своеобразны.

— Это настолько все для меня усложняет, — ответила миссис Кастиллион с печалью и трагизмом. — Я чувствую себя подлой. Я не могу

слышать о его безоговорочном доверии, когда я вела себя столь отвратительным образом. Мне невыносима его доброта. Вы и раньше догадывались, что меня мучает желание облегчить душу, и я больше не могу это терпеть. Сегодня утром, когда Пол был так мил и нежен, я еле сдержалась. Не могу так больше. Я должна рассказать ему все и перешагнуть через это. Лучше быть разведенной, чем продолжать постоянно врать.

Мисс Ли спокойно наблюдала за ней некоторое время.

— Какая вы эгоистка! — пробормотала она наконец ровным, спокойным голосом. — Мне как раз казалось, что вы начали испытывать чувства к супругу.

— Но я действительно испытываю к нему чувства, — с изумлением ответила миссис Кастиллион.

— А вот это вряд ли, иначе вы не захотели бы причинять ему страдания. Вы прекрасно знаете, что он вас обожает. Вы для него свет в окошке и единственное яркое пятно в жизни. Если он потеряет веру в вас, то потеряет все.

— Но признаться в своем грехе значит поступить честно…

— Разве вы не помните пословицу о том, что

чистосердечное признание хорошо для души? Здесь есть большая доля правды: такое признание действительно очень хорошо влияет на душу того, кто его делает. Но вы уверены, что оно благотворно и для того, кто его выслушивает? Когда вы желаете рассказать Полу о том, что сделали, вы думаете лишь о собственном душевном спокойствии и совершенно не принимаете во внимание его состояние. Возможно, это лишь иллюзия, что вы красивая добродетельная женщина, но все в мире — иллюзия, так почему вы стараетесь разрушить именно ту, что особенно дорога Полу? Вы и так достаточно ему навредили. Когда я вижу сумасшедшего в бумажной короне, которая, по его мнению, сделана из чистого золота, у меня не хватает жестокости разубеждать его. И пусть никто не пошатнет нашу веру в фантазии, которыми мы дышим. В жизни существуют три золотых правила: никогда не греши. Если согрешил, никогда не раскаивайся. И самое главное — если раскаялся, никогда, никогда не признавайся. Неужели вы не можете хоть чем-то пожертвовать ради человека, с которым поступили так плохо?

— Но я не понимаю! — воскликнула Грейс. — Разве это жертва — держать язык за зубами? Это просто трусость. Я хочу понести наказание. Хочу

начать жизнь с чистым сердцем и прямо смотреть Полу в глаза.

— Моя дорогая, ваша страсть к бахвальству неизлечима. Вы в самом деле нисколько не думаете о муже. Вы лишь испытываете сильнейшее желание устроить сцену. Вы жаждете стать мученицей и унизиться соответствующим образом. Более того, вы хотите избавиться от обременительных угрызений совести, и при этом вас совершенно не волнует, насколько серьезно пострадают другие. Если вы действительно жалеете о том, что совершили, я полагаю, наилучший способ загладить вину — впредь вести себя иначе. А если вы желаете наказания, то получите его сполна, когда будете заботиться о том, чтобы ни одно ваше слово или поступок не позволили мужу узнать эту весьма гнусную тайну.

Миссис Кастиллион опустила глаза, изучая узор на ковре. Она обдумывала слова мисс Ли.

— Я пришла к вам за советом, — беспомощно простонала она, — а теперь вообще ни в чем не уверена.

— Уж извините, — бросила ее собеседница весьма резко. — Вы явились сюда, когда уже приняли решение и хотели, чтобы я одобрила его. Но поскольку я считаю, что вы необычайно глупы и

себялюбивы, то аплодировать вам не собираюсь.

В результате этой беседы миссис Кастиллион пообещала держать язык за зубами, но, покинув Олд-Куин-стрит, чтобы сесть на обратный поезд в Джейстон, она толком не могла понять, что испытывает в большей степени — облегчение или разочарование.

Миссис Кастиллион вернулась в Джейстон как раз вовремя, чтобы переодеться к ужину, и, несколько утомленная поездкой, не заметила тягостную атмосферу в доме. Она привыкла к скудоумию родственников и сидела за столом молча, желая, чтобы ужин поскорее завершился. Когда Пол и Бейнбридж вошли в гостиную, она с трудом одарила супруга приветливой улыбкой и подвинулась, чтобы освободить место на диване рядом с собой.

— Скажи, о чем ты хотел поговорить со мной прошлым вечером, — попросила она. — Ты обратился ко мне за советом, а я была слишком сердита, чтобы его дать.

Он улыбнулся, но его лицо быстро обрело привычное серьезное выражение.

— Теперь уже слишком поздно. Мне необходимо было принять решение немедленно. Но все же лучше мне рассказать тебе об этом.

— Тогда принеси мою накидку, и мы прогуляемся по террасе. Свет раздражает глаза, к тому же я ненавижу беседовать с тобой в присутствии посторонних.

Пол был только рад выполнить ее просьбу, тем более что ему казалось, будет восхитительно побродить под звездным небом этим приятным вечером. Облака, которые омрачили утро, исчезли с заходом солнца, а в воздухе чувствовалась нежная мягкость. Грейс взяла мужа под руку, и, ощутив ее потребность в поддержке, он почувствовал себя очень сильным и мужественным.

— Произошло нечто чудовищное, — начал он. — И я очень расстроился. Помнишь Фанни Бриджер, которая отправилась работать прислугой в Лондон в прошлом году? Что ж, она вернулась. И похоже, она попала в беду… — Он мгновение колебался, испытывая неловкость. — Мужчина бросил ее, и она вернулась с младенцем.

По телу жены пробежала дрожь, и он пожалел, что поступил вопреки своему предварительному решению ничего ей не говорить.

— Знаю, ты не любишь обсуждать подобные темы, но я должен что-то сделать. Она не может больше жить здесь. — Отец Фанни Бриджер был младшим егерем в поместье, и оба его сына помо-

гали ему. — Сегодня я встретился с Бриджером и сказал ему, что его дочь нужно отослать. В моем положении я не могу потворствовать аморальности.

— Но куда ей ехать? — спросила миссис Кастиллион голосом, который больше напоминал шепот.

— Это меня не касается. Бриджеры верно служили нам много лет, и я не хочу быть с ними жестоким. Я сказал старику, что дам ему неделю на поиски жилья для дочери.

— А если он ничего не найдет?

— Если не найдет, значит, он глупый и упрямый болван. Сегодня днем он принялся придумывать оправдания. Нес всякую чушь, что сам станет заботиться о ней и что его сердце разобьется, если мы отошлем ее восвояси, и он не может этого позволить. Я подумал, не стоит рубить с плеча, и сказал ему, что если Фанни не уйдет до вторника по-хорошему, то придется уволить его и двух его сыновей.

Миссис Кастиллион резко вырвала у него руку. Она была возмущена и шокирована.

— Лучше нам отправиться к твоей матери, Пол, — заявила она, зная, кому муж обязан таким решением. — Мы должны немедленно это

обсудить.

Удивившись перемене тона жены, Кастиллион последовал за ней, когда она быстро зашагала в гостиную. Сбросив накидку, Грейс обратилась к старшей миссис Кастиллион:

— Это вы посоветовали Полу выгнать Фанни Бриджер из поместья? — Ее глаза сверкали от ярости.

— Конечно, я. Она не может здесь оставаться, и я счастлива, что Пол принял волевое решение. Люди нашего положения должны во всем проявлять большую осмотрительность. Мы не можем позволить никакой порче проникнуть в святая святых.

— И что же, вы думаете, произойдет с несчастной девочкой, если мы выкинем ее на улицу? Единственный шанс для нее — остаться в семье.

Мать Пола, женщина ни в коей мере не терпеливая, сразу пришла в негодование, заметив презрительное возмущение на лице Грейс. Она выпрямилась и заговорила, поджав губы с раздражением:

— Вероятно, вы не очень разбираетесь в таких делах, моя дорогая. Вы так долго прожили в Лондоне, что, осмелюсь предположить, ваши понятия о плохом и хорошем несколько туман-

ны. Но видите ли, я всего лишь неотесанная деревенщина и рада сообщить, что мои мысли на этот счет отличаются от ваших. Я всегда считала, что моральные устои следует поддерживать. По моему мнению, Пол и так проявил абсурдную снисходительность, когда предоставил им еще неделю. Мой отец выкинул бы их на улицу со всеми пожитками за двадцать четыре часа.

Грейс содрогнулась — ее возмутило выражение жестокого самодовольства на лице старой фанатички. Она взглянула на Пола, ужасно расстроенного, но все равно уверенного в собственной правоте. Поджав губы и не сказав больше ни слова, она отправилась к себе. Грейс чувствовала, что уже ничего нельзя сделать, и решила следующим утром навестить несчастную девушку сама. Пол, взволнованный ее отказом разговаривать с ним, хотел бы пойти за ней и объясниться, но мать, резко постучав веером по столу, остановила его.

— И не вздумай бежать за ней, Пол, — безапелляционно заявила она. — Ты ведешь себя как круглый дурак, а она просто вертит тобой как хочет. Если твоя жена не имеет понятия о морали, то у других людей оно есть, а ты должен выполнять свой долг, как бы это ни раздражало ее.

— Осмелюсь предположить, что мы могли бы найти для Фанни Бриджер какое-то жилье.

— Заявляю тебе: ты ничего подобного делать не будешь, Пол, — отрезала она. — Эта девушка развратна. Я знаю ее еще с детства, и она всегда была такая. Интересно, как у нее хватило наглости вернуться сюда? Если у тебя есть хоть какое-то представление о приличиях, ты не станешь ей помогать. Как можно, по твоему мнению, требовать от людей высокоморального поведения, если ты сам лелеешь падших? Помни, что у меня тоже есть кое-какие права в этом доме, Пол, и я не потерплю, если мои желания будут игнорироваться.

С властным видом она оглядела комнату, и выражение ее лица — поджатые тонкие губы, прищуренное маленькие проницательные глазки — говорило о том, что она помнит, как безгранична ее власть над финансами в этой семье. Пол в самом деле был сквайром, а вот деньги принадлежали ей, и она могла бы оставить Бейнбриджу все до последнего пенни, если бы только пожелала. На следующий день она пожаловала на обед в сильном душевном волнении.

— Думаю, тебе следует знать, Пол, что Грейс была в доме Бриджера. Не представляю, как ты

можешь требовать от обитателей поместья проявлять хоть какое-то уважение к скромности и приличиям, если твоя жена открыто поощряет самую скандальную непристойность.

Грейс повернулась к свекрови:

— Мне стало жаль девушку, и я отправилась повидать ее. Бедняжка! Она очень страдает.

Перед ее глазами опять возник маленький домик у одного из входов в парк — прекрасное сельское местечко, поросшее плющом, крошечный садик, горящий яркими пятнами ухоженных цветов. Здесь жил Бриджер — мрачный человек средних лет, с грубыми чертами лица, загорелый из-за постоянного пребывания на солнце. Услышав ее шаги, он повернулся к ней спиной и, когда она пожелала доброго утра, ответил неохотно.

— Я пришла повидать Фанни, — сказала миссис Кастиллион. — Можно войти?

Он повернулся к ней и какое-то время молчал.

— Неужели нельзя оставить девочку в покое? — хрипло пробормотал он наконец.

Миссис Кастиллион с сомнением задержала на нем взгляд, но лишь на мгновение. Она быстро прошла мимо него и без единого слова открыла дверь в дом. Фанни сидела за столом и шила, а рядом с ней стояла колыбель. Увидев Грейс, она

в тревоге вскочила, и румянец залил ее бледные щеки. Теперь под глазами этой когда-то хорошенькой девушки со свежим цветом лица, подвижной и веселой, пролегли глубокие морщины из-за вечных волнений, и это придавало ей изможденный вид. У нее впали щеки, а былая опрятность уступила место неряшливости. Она стояла перед Грейс, словно преступница, испытывая угрызения совести, и на мгновение та, смутившись, лишилась дара речи. Ее взгляд переметнулся на ребенка. Фанни, заметив это, взволнованно преградила путь к колыбели.

— Вы искали отца, госпожа? — спросила она.

— Нет, я пришла увидеться с вами. Подумала, быть может, сумею что-то сделать. Я хочу помочь вам, если вы позволите.

Девушка упрямо опустила глаза, теперь уже побледнев, белыми стали даже губы.

— Нет, госпожа, мне ничего не нужно.

Посмотрев ей в лицо, Грейс поняла, что у них есть нечто общее, ведь обе любили всей душой и обе стали очень несчастны. Ее сердце странным образом потянулось к бедной девушке, и она мучительно переживала, что не может сломать стену холодной враждебности между ними. Она не знала, как показать, что пришла не с намере-

нием посмеяться над чужим горем, а как одно слабое существо к другому. Грейс могла бы выкрикнуть, что ее Фанни не должна стыдиться, потому что она сама пала еще ниже. Девушка стояла не шелохнувшись и ждала, пока посетительница уйдет, и губы миссис Кастиллион задрожали в беспомощной жалости.

— Нельзя ли взглянуть на малыша? — спросила она.

Без единого слова девушка сделала шаг в сторону, и миссис Кастиллион подошла к колыбели. Маленький ребенок открыл огромные голубые глаза и лениво зевнул.

— Позвольте взять его на руки, — попросила Грейс.

И вновь румянец на мгновение залил щеки Фанни, когда она, смягчившись, взяла ребенка и передала его Грейс. Грейс покачала его, нежно напевая, а потом поцеловала. И тут у нее из груди вдруг вырвался крик:

— О, как жаль, что это не мой малыш!

Она посмотрела на Фанни с печальным томлением в глазах, ставших еще более яркими от слез. И ее теплые чувства наконец растопили лед отчаяния, сковавшего девушку. Фанни, закрыв лицо руками, разрыдалась. Грейс положила ре-

бенка в колыбель и заботливо склонилась над его юной матерью:

— Не плачьте. Осмелюсь предположить, мы сможем что-то сделать. Поговорите со мной и позвольте подумать, чем я могу помочь.

— Никто не сможет помочь, — простонала она. — Нам нужно уехать через неделю. Так сказал сквайр.

— Но я попытаюсь заставить его изменить решение, а если не получится, то позабочусь о том, чтобы вы с ребенком ни в чем не нуждались.

Фанни с безнадежным видом покачала головой:

— Отец говорит, если я уйду, он тоже уйдет. О, сквайр не может нас выгнать! Что же нам делать? Нам всем придется голодать. Отец уже не так молод, и он не найдет работу сразу, да и Джиму с Гарри тоже придется уйти.

— Вы мне не верите? Я сделаю все, что смогу. Уверена, мой супруг позволит вам остаться.

— Сквайр — непреклонный человек, — пробормотала Фанни. — Когда он решает что-то сделать, он это делает.

И теперь за обедом, глядя на Пола и его мать, Бейнбриджа и мисс Джонстон, Грейс ощутила едкую неприязнь к ним из-за их узколобой

жестокости. Что могли они знать об ударах судьбы, когда их самодовольство так облегчало им жизнь?

— Фанни Бриджер не хуже кого бы то ни было, и она очень несчастна. Я рада, что навестила ее, и я пообещала сделать все, что в моих силах, чтобы помочь ей.

— Тогда я умываю руки! — с яростью воскликнула старшая миссис Кастиллион. — Но могу заявить: я шокирована и возмущена, что вам абсолютно чуждо всякое понятие о приличиях, Грейс. Думаю, вы должны иметь хоть какое-то уважение к имени мужа и не опускаться до потакания аморальной женщине.

— Я тоже думаю, что с твоей стороны было опрометчиво ходить в дом к Бриджерам, — мягко заметил Пол.

— Вы все невыносимо жестоки! В вас есть хоть крупица жалости или милосердия? Разве вы сами никогда не совершали в жизни поступка, о котором сожалеете?

Миссис Кастиллион с суровым видом повернулась к Грейс:

— Пожалуйста, не забывайте, что мисс Джонстон — одинокая женщина и не привыкла к обсуждению вопросов такого рода. Пол и так

проявил чрезмерное снисхождение. Будь он еще мягче, могло бы показаться, будто он потворствует непристойному поведению. Долг людей нашего положения — следить за теми, кого Провидение передало нам на попечение. Это наш долг — наказывать их, как и награждать. Если у Пола остались хоть какое-то представление о своих обязанностях, он немедленно выгонит в шею все семейство Бриджер.

— Если он это сделает, — заявила Грейс, — я тоже уйду.

— Грейс! — воскликнул мистер Кастиллион. — Что ты имеешь в виду?

Она посмотрела на него сияющими глазами, но не ответила. Все тут были против нее, и она понимала, что бесполезно пытаться что-то предпринять до следующего дня, когда уедет мать Пола. И все же было невероятно трудно промолчать, борясь с отчаянным искушением выложить им историю ее собственного постыдного падения.

«О, эти добродетельные людишки! — думала она. — Они ни за что не успокоятся, пока не увидят, как мы жаримся в аду! Как будто нужен ад, когда каждый грех влечет за собой мучительное наказание. И они никогда не находят для нас

оправданий. Они не знают, от скольких соблазнов нужно удержаться ради одного, которому ты все-таки поддашься».

9

Увы, Грейс обнаружила, что муж не намерен отступать, и хотя перепробовала все возможные средства, он оставался непреклонен. Она попеременно была нежной и настойчивой, презрительной, расстроенной и злой, но наконец из-за невозмутимого самодовольства Пола пришла в неистовую ярость. Он был человеком, который гордился педантичным исполнением каждого принятого решения, и после того как заявил, что по истечении недели Бриджеры должны уйти, никакие воззвания к здравому смыслу и чувствам не могли заставить его передумать. И хотя его бесконечно огорчало то, что он расстраивает жену, а ощущение ее холодной враждебности причиняло сильную боль, чувство долга явно указывало ему, в каком направлении действовать, а страдания, которые он при этом испытывал, только укрепляли в собственной правоте.

Пол Кастиллион был очень высокого мнения как о требованиях, которые к нему предъявляли обитатели поместья, так и о своей огромной ответственности перед ними. Он даже на мгнове-

ние не мог представить, что их личная жизнь его не касается. Напротив, будучи убежденным, что милосердное Провидение оказало ему доверие, влекущее за собой определенные последствия, он был готов отвечать за всех, кто находился на его попечении. И он воспринимал свой долг настолько серьезно, что, даже оставаясь в Лондоне, старался быть в курсе самых незначительных событий, происходящих в поместье. Для всех этих людей он был справедливым, не лишенным благородства господином, который проявлял щедрость в момент нужды и сочувствие в болезни, но взамен самонадеянно требовал от них полной свободы распоряжаться их жизнями. В данном случае произошедшее возмутительным образом противоречило его понятиям о морали. Присутствие Фанни Бриджер, казалось, несло в себе разложение, и с исключительным ханжеством, свойственным некоторым людям, он не мог думать о ней, не испытывая тошноты или отвращения. Его ужасало, что Грейс может не только защищать, но и посещать ее. Ему казалось, что праведная женщина должна испытывать лишь презрение к тем, кто пал столь низко.

Проша неделя, и Грейс не смогла ничего изменить. Горько разочарованная и злая на супруга и

себя, она твердо решила, что никакие материальные трудности не должны усугублять страдания Фанни. Раз уж ее вынуждали уйти, по крайней мере можно было бы дать ей надежду на какое-то счастье. Но этому мешало упрямое решение Бриджера не разлучаться с дочерью: он вбил в свою не самую сообразительную голову, что беды обрушились на семью из-за того, что она уехала на заработки, и ничто не могло убедить его, что впредь подобного не стоит опасаться. К тому же он невероятно злился на сквайра и, будучи не менее своевольным, отказывался уступать. Он снова и снова повторял, что если дочь уйдет, он с сыновьями последует за ней.

Ближе к вечеру, за день до того как Фанни должна была навеки покинуть деревню, где родилась, миссис Кастиллион в унынии сидела в гостиной, перелистывая журнал. Пол же, то и дело бросая на нее взволнованные взгляды, с трудом читал недавно опубликованную Синюю книгу[48]. Вошла горничная и доложила, что Бриджер желает поговорить со сквайром. Пол встал, собираясь выйти к нему, но миссис Кастиллион попросила, чтобы пришедшего пригласили в комнату.

---

[48] Примечания: 48
Имеется в виду правительственный доклад.

— Пусть войдет, — велел сквайр.

Бриджер с некоторой робостью шагнул через порог и застыл на месте, схватившись за дверной косяк. На улице шел дождь, и от его мокрой одежды исходил неприятный запах. В этом мужчине была заметна некая мрачная свирепость, как будто, пока он жил среди диких зверей в лесу, в него вселился похожий на молодого оленя дух земли.

— Итак, Бриджер, что вам угодно?

— Извольте, сквайр. Я пришел узнать, действительно ли завтра мне придется уехать.

— А вы когда-нибудь слышали, что я не исполнял свои обещания? Я же сказал вам, что если вы не отошлете дочь отсюда в течение недели, то я уволю вас и ваших сыновей.

Егерь опустил глаза, обдумывая эти слова, он до сих пор не мог заставить себя поверить, что господин произнес их совершенно серьезно. Ему казалось, стоит только дать мистеру Кастиллиону понять, насколько сложно выполнить его распоряжение, и тот непременно разрешит им остаться.

— Фанни некуда идти. Если я выгоню ее, она и вовсе погибнет.

— Вы, несомненно, знаете, что миссис Кастиллион пообещала взять ее на содержание. Я уверен,

существуют дома для падших женщин, где за ней присмотрят.

— Пол! — возмутилась Грейс. — Как ты можешь так говорить?!

Бриджер шагнул вперед и повернулся к сквайру. Он с гневом посмотрел ему в глаза:

— Я верно служил вам сызмальства сорок лет, я родился в доме, где сейчас живу. Говорю вам: девочка не может уйти. В душе она очень добрая, ей просто не повезло. Если вы выкинете нас на улицу, куда мы пойдем? Я уже немолод, мне будет непросто найти другую работу. Это для нас смерти подобно.

Он не мог ни выразить свои чувства, ни передать словами, какой невыносимой несправедливостью ему казалось все происходящее. Он видел лишь то, что долгие годы верной службы ничего не стоили и что в будущем его ждали только холод, и нужда, и унижение.

Пол оставался равнодушным и непреклонным.

— Мне очень жаль, — произнес он, — но я ничего не могу для вас сделать. У вас был шанс, а вы от него отказались.

— И завтра я должен уйти?

— Да.

Егерь нервно теребил свою кепку, и на лице

его отразилось выражение полнейшей безнадежности. Он открыл было рот, желая возразить, но не проронил ни слова, а лишь издал стон. Он развернулся и вышел. Потом Грейс в отчаянии шагнула к мужу.

— О, Пол, ты не можешь так поступить! — воскликнула она. — Ты разобьешь сердце этому человеку! В тебе нет ни капли жалости? Неужели ты не умеешь прощать?

— В этом нет смысла, Грейс. Мне жаль, если мои действия идут вразрез с твоими желаниями. Но я должен выполнить свой долг. Будет несправедливо по отношению к другим обитателям поместья, если я закрою на это глаза.

— Как можно быть столь жестоким?!

Он не хотел и не мог понять, что нельзя отрывать Бриджера от земли, которую тот любил всей душой. Лишь за одно мгновение озарения она поняла, что значил для егеря этот маленький домик, эти леса, чащи, луга, деревья и живые изгороди. Со всем этим была связана его жизнь: как у растения, его корни погрузились глубоко в землю, которая видела, как он родился и рос, как женился и воспитывал детей. Она взяла мужа за руки и посмотрела ему в глаза:

— Пол, разве ты не понимаешь, что делаешь?

Мы же сблизились за последнее время. Я почувствовала, как в моем сердце зародилась новая любовь к тебе, а ты ее убиваешь. Ты не позволяешь мне тебя любить. Неужели ты не можешь не думать только о долге и вспомнить, что ты человек, слабый и хрупкий, как все остальные? Ты сам надеешься на прощение, но не имеешь жалости.

— Моя дорогая, помимо прочего, я должен быть тверд с этим человеком ради твоего блага. Именно потому, что ты так добра и чиста, я не имею права попустительствовать ему.

— Что, скажи на милость, ты имеешь в виду? — Она резко выпустила его руки из своих и отошла. Ее лицо без пудры и румян казалось серым, как пепел, а в глазах таился панический страх.

— Я не могу позволить, чтобы это существо жило там же, где и ты. Поскольку ты добродетельная и хорошая женщина, мой долг — защищать тебя от любого соприкосновения с пороком. Меня ужасает мысль, что ты можешь встретить ее на прогулке. Ее и ее ребенка.

Щеки миссис Кастиллион зарделись, к горлу подступил ком, и она приложила руку к шее.

— Говорю же тебе, Пол: по сравнению со мной эта женщина невинна и добродетельна.

— Чепуха, моя дорогая, — рассмеялся она.

— Пол, я не такая, как ты думаешь. Эта женщина согрешила, потому что была невежественна и несчастна, а я знала, что делаю. У меня было все, чего можно желать, и твоя любовь. Мне не было оправданий. Я вела себя не лучше, чем блудница.

— Не говори глупостей, Грейс! Как ты можешь нести подобную чушь?

— Пол, я говорю совершенно серьезно. Я не была тебе хорошей женой. Мне очень жаль, но лучше тебе знать правду.

Он с недоверием посмотрел на нее:

— Ты с ума сошла, Грейс? О чем ты говоришь?

— Я была неверна тебе.

Пол ничего не сказал и не пошевелился, но дрожь пробежала по его массивным рукам и ногам, а лицо стало мертвенно-бледным. Он с трудом мог в это поверить. Она продолжала говорить, хотя у нее пересохло горло и она с трудом выдавливала слова:

— Я недостойна любви и доверия, которые ты мне подарил. Я самым постыдным образом обманула тебя. Я совершила… прелюбодеяние!

Это слово обрушилось на Пола как удар, и, взвыв от ярости, он шагнул к жене, поникшей

перед ним, и схватил ее за плечи. Он вцепился в нее грубо и решительно, так что она стиснула зубы, чтобы не закричать от боли.

— Что ты имеешь в виду? Ты полюбила кого-то еще? Скажи мне, кто он!

Грейс не отвечала, а лишь смотрела на него в ужасе, и он принялся неистово трясти ее. В этот момент он просто ослеп от ярости, в таком состоянии она его никогда раньше не видела.

— Реджи Бассетт! — воскликнула она наконец.

Он резко оттолкнул ее, так что она ударилась об стол.

— Ты грязная мерзавка! — закричал он.

Дыхание миссис Кастиллион участилось. Почувствовав, что вот-вот упадет в обморок, она облокотилась на стол. Она все еще дрожала, ее плечи болели. Муж повернулся к ней с таким видом, словно до сих пор плохо понимал, в чем она призналась, и устало провел ладонями по лицу.

— А я ведь любил тебя всем сердцем. Я делал все, что мог, чтобы ты была счастлива. — Вдруг он что-то вспомнил. — Накануне вечером, когда ты поцеловала меня и сказала, что мы должны сблизиться, что ты имела в виду?

— Тогда я как раз окончательно порвала с Реджи, — простонала она.

Он дико расхохотался:

— Ты не возвращалась ко мне, пока он тебя не бросил!

Она шагнула вперед, но он вытянул руки, не подпуская ее:

— Ради Бога, не приближайся ко мне, иначе я тебя ударю!

Она замерла, и еще мгновение они молча смотрели друг на друга. Потом он снова провел ладонями по лицу, словно хотел оттолкнуть чудовищное видение, возникшее перед ним.

— О Боже, Боже! Что же мне делать? — произнес он.

Быстро отвернувшись, он рухнул на кресло, закрыл лицо руками и разразился слезами. Он рыдал безудержно, с отчаянием человека, у которого нет чувства стыда.

— Пол, Пол, ради всего святого, не плачь! Я не могу это вынести. — Она подошла к нему и попыталась отнять его руки от лица. — Не думай сейчас обо мне. Потом можешь поступить со мной как захочешь. Подумай об этих несчастных людях. Теперь ты не можешь их выгнать.

Он оттолкнул ее уже мягче и встал.

— Нет, теперь я не могу их выгнать. Я должен сказать Бриджеру, что он и его дочь могут

остаться.

— Немедленно пойди к ним, — умоляла она. — Сердце этого человека рвется на части, а ты можешь сделать его счастливым. Не позволяй ему ждать ни одной лишней минуты.

— Хорошо, я сейчас же отправлюсь к нему.

Казалось, Пол Кастиллион больше себе неподвластен, он действовал, словно повинуясь чужой воле. Он подошел к двери, двигаясь, как внезапно состарившийся на много лет человек, и Грейс увидела, как он шагнул в пелену дождя и исчез в дымке приближающейся ночи. Она стояла у окна, недоумевая, как поступит Пол, и, дрожа от ужаса, представляла весь позор бракоразводного процесса. Она смотрела на величественные деревья Джейстона, словно в последний раз, и пыталась вообразить, какая жизнь ее ожидает. Реджи не сделает ей предложения, а если и сделал бы, то она не дала бы согласия, поскольку в душе и следа не осталось от неистовой страсти, и она вспоминала о нем исключительно с ненавистью. Грейс надеялась, что дело без участия защиты не вызовет большого ажиотажа, к тому же она имела достаточно собственных средств, чтобы жить на континенте, как ей захочется. На светских раутах она могла чувствовать себя

спокойно и как-нибудь протянула бы до конца своих дней. Теперь она была рада, что у нее нет ребенка, разлуки с которым она не вынесла бы. Грейс устало потерла глаза.

— Как же глупа я была! — воскликнула она.

Все события ее жизни проплыли перед глазами, и она со стыдом и ужасом смотрела на себя прежнюю — легкомысленную, эгоистичную и недостойную.

— О, надеюсь, теперь я не такая!

Минуты тянулись неимоверно долго, так что она стала недоумевать, почему Пол не возвращается. Бросив взгляд на часы, обнаружила, что прошло уже полчаса. Дом Бриджеров находился не больше чем в пяти минутах ходьбы, и было совершенно непонятно, что так задержало Пола. Грейс охватил страх неминуемой катастрофы, и ей на ум пришла безумная мысль, будто егерь, не дожидаясь приказа хозяина, в горе и гневе совершил какой-то ужасный поступок. Она едва не отправила горничную узнать, что случилось с мужем. И тут она увидела, как он бежит к дому по подъездной аллее. Солнце уже зашло, и она не могла как следует рассмотреть его. Сначала она подумала, что ошиблась, но это был Пол. Он мчался маленькими быстрыми шажками,

как человек, не привыкший бегать, и его шляпа исчезла. Дождь хлестал по нему. Она быстро распахнула стеклянные двери, ведущие в сад, и он вошел.

— Пол, что произошло? — воскликнула она.

Он вытянул вперед руки, чтобы опереться на стул. Он промок до нитки, испачкался в грязи, а его волосы растрепались. На его большом белом лице отражался полнейший ужас, а глаза были выпучены. На мгновение он прижал руку к сердцу, будучи не в силах говорить.

— Слишком поздно, — выдохнул он. Его голос прозвучал хрипло и странно. Было страшно видеть, как преобразился этот напыщенный человек, обычно спокойный. Теперь он пребывал в смятении и дрожал от ужаса. — Ради Бога, налей мне каплю бренди!

Грейс быстро отправилась в гостиную и принесла ему стакан и графин. Хотя обычно отличался воздержанностью и не пил почти ничего, кроме красного вина с водой, теперь он налил себе полстакана неразбавленного виски и судорожно проглотил его. Взяв носовой платок, вытер лицо, влажное от дождя и пота, и тяжело опустился в ближайшее кресло. Он взглянул на нее и с отвращением поморщился, видимо, вспомнив ее

признания. Пол попытался заговорить, но не смог произнести ни слова. Он размахивал руками как сумасшедший и что-то невнятно бормотал.

— Ради Бога, скажи мне, в чем дело! — воскликнула она.

— Слишком поздно. Она бросилась под лондонский экспресс.

Грейс инстинктивно шагнула вперед, а потом некая неведомая сила словно остановила ее. Покачнувшись, она вскинула руки вверх и громко вскрикнула от ужаса.

— Тише, тише! — со злостью рявкнул он.

Когда к нему вернулся дар речи, он рассказал ей всю историю стремительно и нервно:

— Я отправился к ним домой, но Бриджера там не было. Он ушел в паб, и я проследовал туда. Мне навстречу выбежал человек и сказал, что на путях произошел несчастный случай. Я, казалось, уже знал, что случилось. Я побежал за ним, и мы добрались до места, как раз когда ее уносили. О Боже, о Боже! Я ее видел.

— Пол, не говори мне об этом! Я этого не выдержу.

— Эта сцена всегда будет стоять у меня перед глазами.

— А ребенок?

— Ребенок в порядке. Она не взяла его с собой.

— О, что же мы наделали, Пол, ты и я?!

— Это моя вина! — закричал он. — Только моя!

— Ты видел Бриджера?

— Нет. Люди пошли рассказать ему, а я больше не мог этого выносить. О, хотел бы я выкинуть эту сцену из головы… — Он посмотрел на свои руки и содрогнулся. Потом он встал. — Я должен пойти повидать Бриджера.

— Нет, не надо. Не ходи к нему сейчас — он обезумел от выпивки и горя. Подожди до завтра.

— Как мы переживем эту ночь, Грейс? Я чувствую, что навеки потерял сон.

На следующий день, когда мистер Кастиллион спустился, его жена увидела, что он спал так же плохо, как и она. Его лицо было усталым и бледным, а глаза — красными от бессонницы. Он потянулся, чтобы поцеловать ее, как обычно, но вдруг замер, и его щеки вдруг потемнели от прилившей к ним крови. Он отстранился, и, не говоря ни слова, сел завтракать. Оба не могли проглотить ни кусочка, и после паузы, призванной убедить слуг, что ничего особенно не произошло, Пол тяжело поднялся.

— Куда ты идешь? — спросила Грейс. — Лучше тебе не показываться у Бриджера. Он пил всю

ночь и может ударить тебя. Ты же знаешь, у него есть склонность к агрессии.

— Думаешь, я боюсь, что он убьет меня? — грубо ответил он, а его лицо исказилось, как от страшной боли.

— О, Пол, что же я наделала! — воскликнула она.

— Не говори об этом сейчас.

Он шагнул к двери, и она вскочила.

— Если ты собираешься к Бриджеру, я тоже должна пойти. Я так боюсь за тебя.

— Разве ты расстроилась бы, если бы со мной что-то случилось? — с горечью спросил он.

Она посмотрела на него с невыразимой болью:

— Да, Пол.

Он пожал своими массивными плечами, и они вместе молча зашагали по подъездной аллее. Хорошая погода, стоявшая последние три недели, сменилась резким похолоданием, и дул восточный ветер. Низкий белый туман висел над парком, и мокрые деревья выглядели очень уныло. Никаких признаков жизни в домике Бриджера не наблюдалось, а маленький сад, обычно ухоженный и аккуратный, был в ужасающем состоянии, как будто целая толпа людей прошлась по клумбам. Пол постучал в дверь и подождал,

но ответа не последовало. Он сдвинул щеколду и вместе с Грейс, следовавшей за ним, вошел внутрь. Бриджер, сидевший за столом, смотрел прямо перед собой, оцепенев от горя и алкоголя. Он рассеянно оглядел непрошеных гостей, как будто не узнал их.

— Бриджер, я пришел сказать вам: я очень сожалею, что произошла такая трагедия, — сказал Пол.

Звук его голоса, казалось, привел Бриджера в чувство — он издал басовитый вопль и, пошатываясь, двинулся вперед.

— Чего вы хотите? Зачем пришли? Разве нельзя оставить меня в покое? — Он таращился на Пола, и его постепенно охватывала ярость. — Вы все еще хотите, чтобы мы уехали, я и мальчики? Дайте нам время, и мы уберемся отсюда!

— Я надеюсь, что вы останетесь. Я хочу сделать все возможное, чтобы возместить вам страшную утрату. Я и передать не могу, каким виноватым себя чувствую. Я отдал бы все, чтобы этого кошмара не произошло.

— Она покончила с собой, чтобы меня не выкинули на улицу. Вы суровый хозяин. Вы всегда таким были.

— Мне очень жаль. Впредь я постараюсь быть

мягче со всеми вами. Я думал, что всего лишь выполняю свой долг.

Мистер Кастиллион, человек, настолько преисполненный чувства собственного достоинства, никогда раньше не говорил с людьми, стоящими ниже его, в извиняющемся тоне. Привыкший требовать отчета от других, он даже не предполагал, что когда-нибудь ему самому придется оправдываться.

— В конце концов она была хорошая девочка, — сказал Бриджер. — В душе она была так же добра, как ваша жена, сквайр.

— Где ребенок? — почти шепотом спросила Грейс.

Бриджер в ярости повернулся к ней:

— Что вам еще нужно? Неужели ребенок тоже должен исчезнуть, чтобы нам разрешили остаться?

— Нет, нет! — поспешно закричала она. — Вы должны оставить ребенка, а мы сделаем все возможное, чтобы помочь вам.

Пол посмотрел на егеря:

— Не пожмете мне руку, Бриджер? Я хотел бы услышать, что вы простили меня.

Бриджер, спрятав руки за спину, покачал головой. Пол понял, что задерживаться здесь не

имеет смысла, и направился к двери. Пока егерь провожал его взглядом, ему на глаза попалось ружье, прислоненное к стулу. Он вытянул вперед руку и взял его. Грейс вздрогнула, но удержалась, чтобы не вскрикнуть от ужаса.

— Сквайр, — позвал он Пола.

— Да? — Пол повернулся и, увидев, что Бриджер держит в руках оружие, выпрямился. — Так чего вы хотите?

Бриджер шагнул вперед и грубо сунул ружье ему в руки.

— Заберите его и храните у себя, сквайр. Вчера ночью я поклялся, что вышибу ваши чертовы мозги, чего бы мне это ни стоило. Мне пока нельзя держать в доме это ружье. Храните его у себя, иначе, если напьюсь, я убью вас.

Неописуемая гордость отразилась на лице Пола, прогнав унижение и стыд. Сердце Грейс забилось быстрее, когда она увидела, что он собирается сделать, а из груди вырвались рыдания. Он вернул егерю ружье:

— Оно вам пригодится. Не думаю, что мне стоит бояться. Я готов рискнуть, даже если вы захотите меня пристрелить.

Бриджер с удивлением оглядел хозяина, а потом яростно швырнул ружье в угол.

— На все воля Божья! — ответил он.

Пол подождал минуту, чтобы понять, не хочет ли он добавить еще что-нибудь, потом с мрачным видом распахнул дверь перед женой:

— Пойдем, Грейс.

Он широким шагом направился к дому, и впервые в жизни Грейс восхитилась супругом. Она почувствовала, что, в конце концов, он в какой-то степени достоин данной ему власти. Она прикоснулась к его руке:

— Я рада, что ты сделал это, Пол. Я ощутила такую гордость!

Он так быстро отдернул руку, что она отшатнулась.

— Разве я мог испугаться собственного егеря? — с пренебрежением отозвался он.

— А что ты собираешься делать со мной? — поинтересовалась она.

— Пока не знаю. Я должен это обдумать. Все, что ты рассказала мне вчера вечером, — правда?

— Чистая правда.

— Почему ты решилась открыть мне ее?

— Это был единственный способ спасти семью Бриджера. Если бы я набралась смелости признаться на пару часов раньше, бедная девушка не покончила бы с собой…

Он ничего не сказал, и они молча дошли до дома.

Несколько дней Пол не упоминал об откровениях жены, а просто продолжал работать в поместье, с невозмутимым видом заниматься парламентскими делами, но только Грейс благодаря открывшейся ей способности сопереживать замечала, какие ужасные муки терзают его душу. Он старался держаться непринужденно со слугами и братом, но избегал общения с ней наедине. Пол стал сильно сутулиться и двигался в каком-то апатичном оцепенении, как будто на плечи ему давил тяжелый груз. Его пухлое лицо выглядело изможденным и болезненным, веки отяжелели от недостатка сна, а взгляд потускнел. В конце концов Грейс не выдержала — отправилась в библиотеку, где, как она знала, он находился в одиночестве, и тихо открыла дверь. Пол сидел за столом над Синими книгами и кипой бумаги. Но он не читал — положив подбородок на сцепленные руки, он смотрел прямо перед собой. Вздрогнув, когда вошла жена, он встревоженно посмотрел на нее.

— Прости, что побеспокоила тебя, Пол, но так больше не может продолжаться. Я хочу знать, что ты собираешься делать.

— Понятия не имею, — пожал плечами он. — Я хочу выполнить свой долг.

— Полагаю, ты собираешься со мной развестись.

Он застонал, отодвинул стул и встал.

— О, Грейс, Грейс, почему ты так поступила? Ты ведь знаешь, что я тебя боготворил. Я бы отдал жизнь, чтобы избавить тебя от малейшего несчастья. Я доверял тебе всем сердцем…

— Да, так и было. Я повторяла это себе тысячу раз.

Он посмотрел на нее так беспомощно, что ей стало жаль его.

— Хочешь, чтобы я уехала? Твоя мать с радостью навестит тебя, и ты сможешь с ней все обсудить.

— Ты же знаешь, что она мне посоветует! — воскликнул он.

— Да.

— Ты сама хочешь, чтобы я развелся с тобой?

Она бросила на него взгляд, исполненный невероятной муки, но сдержала слезы, которые уже начали застилать глаза. В порыве неистового самобичевания Грейс не желала, чтобы он проявил к ней хоть каплю сострадания. Она отвела взгляд, ощущая стыд в преддверии его следующего вопроса.

— Ты еще испытываешь чувства к… Реджи Бассетту?

— Нет! — торжествующе воскликнула она. — Я ненавижу и презираю его. Я знаю, что он и мизинца твоего недостоин.

Пол беспомощно взмахнул рукой:

— О Боже! Хотел бы я знать, как поступить. Сначала мне казалось, я готов тебя убить, а теперь чувствую: все не может продолжаться, как раньше, нужно что-то делать. Я не могу об этом забыть. Мне следовало бы тебя возненавидеть, но не получается. Несмотря на все, я до сих пор тебя люблю. Если ты уедешь, я думаю, что умру.

Она задумчиво посмотрела на него, в некоторой степени понимая, насколько противоречивы чувства, разрывающие его. Казалось, для него дело чести развестись с оступившейся женой, и все же ему не хватало духа. Злость и стыд уступили место глубокой печали. К тому же он не пережил бы скандала и публичного позора. Пол Кастиллион был человеком старомодных взглядов, и он считал, что джентльмену пристало заботиться о том, чтобы его имя не попало в газеты. Он также не разделял модной точки зрения на то, что обманутый супруг становится в некотором роде героем. Он живо помнил, какое отвращение

испытал, когда член его клуба, разводясь с женой, живописал измены благоверной в курительной комнате, пытаясь вызвать сочувствие слушателей. Пол гордился своим именем и допустить не мог, что оно может стать предметом насмешек. Сама мысль об этом вызывала у него стыд. Он с трудом поднял глаза на жену.

— Я полностью в твоих руках, — наконец произнесла она, — и сделаю все, что ты пожелаешь.

— Разве ты не можешь дать мне еще немного времени все обдумать? Я не хочу ничего делать в спешке.

— Полагаю, лучше решить прямо сейчас же. Для тебя будет намного лучше разобраться с этим. Тебе плохо. Я не могу видеть тебя таким несчастным.

— Не думай обо мне. Подумай о себе. Что ты сделаешь, если… — Он замолчал, не в силах продолжать.

— …если ты со мной разведешься?

— Нет, я не могу этого сделать! — мгновенно откликнулся он. — Осмелюсь заявить, что я слепо влюбленный маразматический старый дурак, и ты будешь презирать меня еще больше, чем сейчас, но я не могу окончательно лишиться тебя. О, Грейс, ты ведь не хочешь, чтобы я подал

на развод?

Она покачала головой:

— С твоей стороны было бы очень благородно избавить меня от этого. Тебя устроит, если я уеду и поселюсь за границей? Обещаю, я больше не дам тебе повода для обвинений. Нам не обязательно что-то объяснять окружающим, пусть все думают, что это нечто вроде дружеского расставания.

— Осмелюсь сказать, так было бы лучше всего, — тихо произнес он.

— Тогда до свидания.

Она протянула ему руку, и в пелене слез все расплылось у нее перед глазами. Он принял это молча.

— Хочу сказать тебе еще раз, Пол, как горько сожалею, что причинила тебе боль. Я никогда не была тебе хорошей женой. От всей души надеюсь, что теперь ты станешь счастливее.

— Разве я могу быть счастлив, Грейс? Ты была моим счастьем. Я ничего не могу с этим поделать. Все эти дни я пытался справиться с собой, но даже теперь, теперь, когда знаю, что ты ничего ко мне не испытывала, и… словом, я люблю тебя всем сердцем.

Слезы потекли по исхудавшим бесцветным щекам Грейс, и какое-то время она не могла

говорить. Наконец она встала перед ним со склоненной головой.

— Я не прошу тебя поверить мне, Пол. Я лгала и предавала тебя, и ты имеешь право считать, что мои слова ничего не стоят. Но я хотела бы сказать кое-что, прежде чем уйти: теперь я действительно тебя люблю. За последние месяцы страданий я поняла, какой ты добрый и хороший, и меня безмерно тронула твоя огромная любовь ко мне. Ты заставил меня устыдиться себя самой. О, я была недостойна и эгоистична! Я слепо принесла тебя в жертву ради своих причуд, я никогда не пыталась сделать тебя счастливым. И если теперь я изменилась, то лишь благодаря тебе. А на днях, когда ты вернул ружье этому человеку, я так гордилась тобой и чувствовала себя настолько жалким, омерзительным существом, что готова была упасть перед тобой на колени и целовать твои руки.

Взяв носовой платок, Грейс вытерла глаза. Потом, с трудом улыбнувшись, бросила на него веселый взгляд, который прежде часто дарила ему:

— Не думай обо мне слишком плохо, ладно?

— О, Грейс, Грейс! — воскликнул он. — Я этого не вынесу! Не уезжай. Ты так мне нужна! Давай

начнем все сначала.

Румянец залил ее лицо, и она быстро подбежала к нему.

— Пол, неужели когда-нибудь ты сможешь простить меня? Говорю же: я люблю тебя так, как не любила никогда раньше!

— Давай попробуем.

Он раскрыл объятия, и, вскрикнув от радости, она бросилась к нему. Она потянулась к нему губами, а когда он поцеловал ее, прижалась к нему еще крепче.

— Мой любимый муж… — прошептала она.

— О, Грейс, давай возблагодарим Бога за Его милость к нам!

10

Лето прошло, и мисс Ли, как обычно, с живостью молодой девушки предавалась разнообразным развлечениям сезона. Она обладала способностью получать удовольствие от приемов, которые другие находили невероятно скучными, и с игривым добродушным ехидством живописала свои приключения верному Фрэнку.

Он, разумеется, остался в Лондоне, но раз в две недели ездил навещать Герберта Филда в Теркенбери. Его визиты, хотя и были совершенно бесполезны, приносили исключительное успокоение семейству декана. Его приветливость и способность сопереживать утешали их, так что все с огромнейшим удовольствием ждали его приезда. Фрэнк умел внушать веру в лучшее, так что даже Белла чувствовала, будто никто не может сделать для ее мужа больше. Вернувшись домой из Парижа, они зажили очень тихо, и, хотя сначала декана немного стесняло присутствие Герберта, его чувства вскоре сменились очень трогательной нежностью. Он научился восхищаться решительностью, с которой молодой человек был готов встретить неизбежную

смерть, смелостью, с которой он терпел боль. Когда потеплело, Герберт весь день лежал в саду, наслаждаясь видом зеленых листьев, цветов и пением птиц. Забросив свои интеллектуальные занятия, декан сидел вместе с ним и рассказывал о древних писателях или о розах, которые так любил. Они часто играли в шахматы, и Белле нравилось смотреть на них в нежном свете солнечных лучей, пробивавшихся сквозь листву. Ее забавляла торжествующая улыбка на губах отца, когда ему удавалось сделать ход, озадачивший соперника, и мальчишеский смех Герберта, когда он находил способ с честью выйти из сложной ситуации. Они оба казались ее детьми, и она не могла сказать, кто был ей дороже.

Но жестокий недуг прогрессировал, и в конце концов Герберт слег. Ужасные кровотечения истощали его, и Фрэнк больше не мог скрывать от Беллы свои опасения, что конец близок.

— Долгие месяцы он был на волосок от гибели, и этот волосок рвется. Боюсь, вы должны приготовиться к худшему.

— Неужели это вопрос нескольких недель? — с мукой в голосе спросила она.

Фрэнк, чуть поколебавшись, решил, что лучше сказать правду.

— Думаю, это вопрос нескольких дней.

Белла смотрела на него, не отводя глаз, но теперь она так хорошо научилась сохранять самообладание, что ни ужас, ни боль не могли стереть неизменное спокойствие с ее лица.

— Неужели больше ничего нельзя сделать? — спросила она.

— Ничего. Я ничем не могу вам помочь. Но если вам это принесет хоть какое-то облегчение, телеграфируйте мне, когда у него откроется новое кровотечение.

— Оно станет последним?

— Да.

Когда Белла вернулась к Герберту, он улыбался так лучезарно, что, казалось, мрачный прогноз Фрэнка никак не может быть правдой.

— Ну, и что доктор сказал?

— Он говорит, ты удивительным образом набираешь силы, — ответила она с улыбкой. — Надеюсь, скоро ты снова сможешь вставать.

— Я чувствую себя так хорошо, как только возможно. Через две недели мы сможем отправиться на море.

Оба знали, что каждый скрывает свои истинные мысли, но ни у нее, ни у него не хватало духа оставить пустые надежды, которыми они так

долго пытались ободрить друг друга. И все же для Беллы напряжение становилось невыносимым, она упросила мисс Ли приехать к ним в гости. Декан так полюбил Герберта, что она не осмеливалась сказать ему правду и хотела, чтобы мисс Ли немного отвлекла его. Без посторонней помощи Белла не смогла бы долго изображать веселье, и лишь присутствие гостьи еще могло позволить ей сохранить наигранную жизнерадостность.

Мисс Ли согласилась и тотчас приехала. Но, осознав, что по роли ей предназначено добавить искру радости в финальный акт пьесы жизни, она почувствовала, что это в некотором роде отвратительно. Ее как будто пригласили на мрачный праздник наблюдать за тем, как умирает бедный мальчик. Однако с присущим ей рвением она изо всех сил пыталась развлечь декана, справедливо полагая, что ее умение поддержать беседу находится не на самом презренном уровне. Герберт бесконечно радовался, слушая ее разговоры со стариком, когда она мягко поддразнивала его, играя словами с проворством легкокрылой бабочки, выдвигала опасные теории, которые защищала с присущей ей находчивостью. Декан получал удовольствие от состязаний с ней и спорил, опираясь на свои знания и здравый

смысл. Явно простыми вопросами он стремился заманить ее в капкан противоречий, но даже если преуспевал, то не получал от этого никакого преимущества, ибо она выпутывалась при помощи колкостей, цветистых выражений или шуток. И еще, поскольку значение придавалось лишь эстетической ценности фразы, мисс Ли могла заявить о своем полном безразличии к предмету спора. Она выдавала парадокс за парадоксом или вела полемику с точностью Евклида.

— У человека есть четыре страсти, — говорила она. — Любовь, власть, пища и риторика. Но лишь одна риторика защищает от пресыщения, тоски и диспепсии.

Прошло две недели, и однажды утром, когда Герберт Филд остался наедине с Беллой, у него началось очередное кровотечение, и в какой-то момент она решила, что он умирает. Герберт потерял сознание от истощения, и в ужасе она велела послать за местным доктором. Наконец молодого человека привели в чувство, но стало очевидно, что конец близок. От этого последнего приступа он никогда не оправится. И все же казалось невероятным, что помочь ему никак нельзя. Должно же быть какое-то лекарство для чрезвычайных случаев, для приема которого

как раз наступил подходящий момент, и Белла спросила мисс Ли, не стоит ли вызвать Фрэнка.

— В любом случае мы больше никогда не побеспокоим его, — заметила Белла.

— Вы не знаете Фрэнка, — возразила мисс Ли. — Разумеется, он сейчас же приедет.

Была отправлена телеграмма, и через четыре часа приехал Фрэнк. Он заключил, что Герберт безнадежен. Филд парил между жизнью и смертью, поддерживаемый постоянным приемом стимуляторов, и его близким ничего не оставалось, кроме как сидеть и ждать. Когда Белла сказала отцу, от которого как можно дольше пыталась скрывать состояние мужа, что тот вряд ли переживет эту ночь, он на мгновение опустил глаза, а потом повернулся к Фрэнку:

— Ему хватит сил, чтобы я провел обряд причащения?

— Он этого хочет?

— Думаю, да. Я разговаривал с ним раньше, и он сказал мне, что желает причаститься перед смертью.

— Прекрасно.

Белла отправилась готовить мужа, а декан облачился в церковные одежды. Фрэнк также пришел в спальню, чтобы быть рядом на случай

необходимости, и стоял у окна, отделившись от тех троих, кто совершал священную тайну. Ему показалось, будто декан странным образом преобразился. Какое-то величие снизошло на Божьего слугу, и, пока он читал молитвы, его лицо походило на лик святого на иконе.

— «Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь».

Белла склонилась у кровати, а Герберт Филд, изнуренный и совсем слабый, с печальным выражением глаз, неестественно сиявших на белом изможденном лице, внимательно слушал. Теперь уже не было страха, осталась только покорность и надежда. Было видно: он всем сердцем верил, что ему обещают вечную жизнь и отпущение былых грехов. И Фрэнк, которого носило по волнам сомнений, завидовал этой непоколебимой уверенности.

— «Тело Господа нашего Иисуса Христа, за тебя преданное, да сохранит тело и душу твою в жизнь вечную: прими и вкуси сие в воспоминание, что Христос умер за тебя, и питайся Им в сердце твоем с верою и благодарением».

Умирающий юноша принял хлеб и вино, кото-

рые непостижимым образом готовят христианскую душу к путешествию в жизнь после смерти, и, казалось, они принесли ему несказанное облегчение. Измученное тело чудом расслабилось, воспаленный ум обрел спокойствие.

Декан прочел последние торжественные строки и, встав с колен, поцеловал юношу в лоб. Герберт был слишком слаб, чтобы говорить, но едва заметная тень улыбки тронула его губы. Наконец он тихо заснул. Близился вечер, и Фрэнк предложил вывести декана погулять на свежем воздухе.

— Ведь нет опасности, что он умрет прямо сейчас? — спросил старик.

— Не думаю. Вероятно, он доживет до утра.

Они вышли из сада на прилегающую территорию. Там было большое зеленое поле, где обычно мальчики играли в крикет, но сейчас они уехали на каникулы, и только карканье грачей, тяжело летавших над вязами, нарушало тишину. Рядом располагался собор, его серые стены гармонировали с розовым вечерним светом, и центральная башня в безупречном великолепии взмывала в небеса как воплощение человеческой силы, обращенной в камень. Вокруг теснились дома каноников. День выдался жаркий и ясный, но

теперь легкий бриз обдувал лица двух джентльменов, что медленно брели по тропинке. Это было место, дышавшее умиротворением столь совершенным, что Фрэнк мечтательно пожалел, что его жизнь протекает не в таком приятном окружении. Время от времени колокола собора отбивали очередную четверть часа. Оба мужчины молчали, погруженные в свои мысли, и шли, пока заходящее солнце не предупредило их о приближении ночи. Когда они вернулись домой, мисс Ли сообщила, что Герберт проснулся и просит позвать декана. Она предложила, чтобы они сначала поели, а потом отправились к нему в комнату. Казалось, ему чуть лучше, и она спросила Фрэнка, осталась ли еще хоть какая-то надежда.

— Никакой. Это вопрос нескольких часов.

Когда они вошли в спальню, Герберт встретил их с улыбкой, видимо, с приближением конца его сознание прояснилось. Белла повернулась к ним:

— Отец, Герберт хотел бы, чтобы ты ему почитал.

— Я как раз собирался предложить это, — ответил декан.

Наступила ночь, и звезды рассыпались по небу.

Через широко распахнутые оконные створки свежие запахи сада проникали в дом. Фрэнк сидел у окна, лицо его было в тени, чтобы никто его не видел, и наблюдал за юношей, который лежал неподвижно, и можно было подумать, будто он уже мертв. Белла поставила лампу так, чтобы декану было удобно читать. Когда он сел, свет упал на лицо молодого человека, и оно показалось ей прозрачным, как алебастр.

— Что почитать, Герберт?

— Что вам угодно, — прошептал молодой человек.

Декан взял Библию, лежавшую под рукой, и задумчиво полистал страницы, но тут к нему пришла одна странная мысль, и он отложил книгу. Аромат ночи, листьев и роз, привкус росы наполняли комнату неуловимой нежностью, как будто всем тут завладел легкий эфир поэтической фантазии. И интуитивно декан ощутил, что юноша, всю жизнь так страстно любивший мир за его чувственную красоту, должно быть, жаждет услышать иные слова, а не те, что были сказаны иудейскими пророками. Огромная любовь и сочувствие подняли декана с привычного уровня его призвания в плоскость высшего милосердия, и к нему пришло понимание, какое чтение станет

для Герберта самым восхитительным утешением. Склонившись вперед, он прошептал что-то Белле, которая очень удивилась, но тем не менее встала, чтобы выполнить его просьбу. Она принесла ему маленькую книгу в голубом тканевом переплете, и он принялся медленно читать:

— «Чтоб обольстить Амариллис, я с песней иду, пока мои козы щиплют траву на холме, а Титир их пасет. Ах, Титир, мой нежно любимый друг, накорми же ты коз и отведи их воды напиться, Титир…»

Мисс Ли с изумлением подняла глаза и даже в тот момент не смогла удержаться, чтобы не усмехнуться с иронией, поскольку узнала идиллию Феокрита[49]. Очень серьезно, останавливаясь на образах, которые рисовало воображение на основе его классического образования, добрый декан прочитал очаровательный диалог, где подробно, с тщательной простотой декадентского века описывались амурные дела сицилийских пастухов. Герберт слушал с молчаливым удовлетворением, счастливая улыбка играла на его бледных губах. Теперь, когда его воображение любопытным образом стало работать быстрее в преддверии

[49] Примечания: 49

Древнегреческий поэт III в. до н. э., известный преимущественно своими идиллиями.

скорой смерти, он тоже представлял тенистые гроты и бурлящие ручьи Сицилии, слышал мучительные стоны страдающих от неразделенной любви пастухов, уклончивые ответы прекрасных дев, не желавших дарить сладкие поцелуи лишь для того, чтобы потом сдаться полностью и окончательно. Даже в переводе в этих строках чувствовалось дыхание чистой поэзии и сохранился дух жизни, не испорченный фальшью цивилизации, дух жизни, в которой для счастья хватало солнечного света и тени, весны и лета, аромата цветов.

Декан закончил и закрыл книгу. Воцарилась тишина, и все сидели и ждали в ночи. Слова, которые они только что услышали, казалось, принесли каждому удивительное спокойствие, сняв напряжение. И даже Белла, хотя ее муж лежал на смертном одре, испытала странное чувство благодарности за полноту и красоту жизни. Проходили часы, отмечаемые низким звоном соборных колоколов. Каждые пятнадцать минут они гремели с предупреждением, зловещим, но не пугающим, и всем казалось, будто покидающая тело душа ждет лишь наступления дня, чтобы отправиться в полет.

Тишина стояла удивительная, более прекрас-

ная, чем мелодичная музыка. Она казалась живой, заполнив эту обитель смерти покоем, который не описать словами. Ночь выдалась темная, ведь все звезды померкли перед полной луной, но бледное светило пощадило дом, решив не заливать его холодным блеском, и оставило сад во мраке. Ни один порыв ветра не колыхал деревья, и ни малейший шелест листьев не нарушал умиротворенное спокойствие.

Потом воздух наполнился звуком, таким нежным и постепенно нараставшим, что никто толком не мог сказать, когда он возник. Можно было подумать, что он волшебным образом родился из тишины. Это была чистая высокая нота, пронзившая тишину, как свет пронзает воздух, и вдруг, с пугающей внезапностью, она разлилась песней, неистовой и страстной. Это был соловей. Безмятежная ночь звенела, отражая звук, и каждый глоток воздуха наполнялся трепетным волшебством. Птица пела в кустах боярышника у окна, и ее восхитительная трель звоном разносилась по саду и большой комнате, достигая ушей умирающего юноши. Он вздрогнул, очнувшись от сна, и показалось, будто его позвали назад из царства мертвых. Никто не пошевелился, всех заворожила и пленила эта чудесная песня.

Страсть, и мука, и ликование сменяли друг друга в вечной гармонии. Радостная, торжествующая и сознающая свою силу, эта песня была в то же время печальной, как безнадежная любовь. Она была самой сладостью и нежностью, дарящей отпущение былых грехов, и милосердием, и миром, и покоем, который длится вечно. Она торжествовала в сладких запахах земли, ярких цветах, мягких дуновениях ветра, росе и белом свечении луны. Безжалостно, исступленно, вызывающе соловей продолжал трель, опьяненный красотой, сотворенной им самим.

Герберту, который, как ни удивительно, оживился, испытав обострение всех чувств в этой последней попытке насладиться прекрасным, эта песня напоминала о крае, который он никогда не видел, — об Элладе, с ее оливковыми садами и бурлящими ручьями, с ее серыми скалами, розовевшими в лучах заходящего солнца, с ее священными рощами, с ее жизнерадостными ликами и мелодичной речью. У него в голове проплывали образы Филомелы[50], вечно поющей о своем горе, и Пана — счастливого пастуха, и фавнов, и летящих нимф, — все прекрасные

[50] Примечания: 50

Дочь афинского царя Пандиона, которую муж ее собственной сестры обесчестил и лишил языка.

создания, о которых он читал и мечтал, явились перед ним в одном последнем видении. В это мгновение он был счастлив умереть, ведь мир дал ему так много и избавил от разочарований старости.

Но для Фрэнка соловей пел о другом: о рождении, которое вечно идет по пятам за смертью, о жизни, вечно новой и желанной, о чуде многолюдной земли и бесконечной круговерти событий. Люди приходили и уходили, а Земля все так же вращалась. Отдельный человек был ничем, но весь род людской продолжал свое слепое путешествие к еще большему небытию. Деревья сбрасывали листья, а цветы никли и увядали, но весной набухали новые почки. Надежды умирали, прежде чем желаемое было достигнуто. Любовь погибала, любовь, которая казалась бессмертной. Одно явление неизменно следовало за другим, а мир всегда оставался свеж и чудесен. И он тоже был благодарен за свою жизнь. А потом вдруг в самой середине песни, когда соловей, казалось, собрал все силы для кульминации бесконечной мелодии, он оборвал ее, и весь сад словно содрогнулся, как будто деревья, и цветы, и замолчавшие дневные птицы обезумели, потому что их внезапно вернули к жизни. Еще мгновение

ночь трепетала от воспоминания об этих божественных звуках, а потом вернулась тишина, еще более глубокая. Герберт тихо всхлипнул, и Белла быстро подошла к нему, она наклонилась, чтобы услышать.

— Я так рад, — прошептал он. — Я так рад.

И снова зазвонили колокола, и все присутствующие принялись отсчитывать решительные удары часов. Затем они снова сидели в тишине. А потом темнота стала постепенно рассеиваться, и хотя света еще не было, все чувствовали, что скоро взойдет солнце. В комнату прокралась прохлада уходящей ночи. Тихий звук донесся из кровати, декан подошел и прислушался. Конец был совсем близок. Он опустился на колени и тихим голосом принялся читать молитвы за умирающих:

— «О всемогущий Господь, с которым пребывают души великих, достигших совершенства, после того как их освободили от земного заточения: мы смиренно вверяем душу раба Твоего, нашего дорогого брата, в Твои руки, с величайшей кротостью просим Тебя принять его в царствие Твое. Омой его, молим Тебя, в крови непорочного агнца, умерщвленного, чтобы взять на себя грехи мира, дабы любые небогоугодные поступки,

которые он мог совершить в этом бренном мире, повинуясь зову плоти или козням сатаны, нашли очищение и искупление, и он предстал перед Тобой чистым и целомудренным».

Мисс Ли встала и прикоснулась к руке Фрэнка.

— Пойдемте, — прошептала она. — Мы с вами больше ничем не можем помочь. Давайте оставим их.

Он молча встал и последовал за ней. Они осторожно выскользнули из комнаты.

— Я хочу погулять в саду, — произнесла она с дрожью в голосе. На свежем воздухе самообладание, которое она сохраняла до сих пор неимоверными усилиями воли, вдруг изменило ей, и сильная невозмутимая женщина залилась слезами. Рухнув на скамейку, мисс Ли закрыла лицо руками и безудержно зарыдала. — О, это так ужасно! — стенала она. — Это так невероятно глупо, что люди должны умирать.

Фрэнк мрачно посмотрел на нее и с задумчивым видом набил трубку.

— Боюсь, вы очень расстроены. Лучше бы разрешили мне выписать вам с утра один маленький рецептик.

— Не ведите себя как полный идиот! — простонала она. — Думаете, мне нужно ваше дурацкое

снотворное?

Он не ответил, но решительно закурил трубку, и, хотя мисс Ли об этом не догадывалась, его слова оказали успокаивающий эффект, на который он и рассчитывал. Смахнув слезы, она взяла его под руку. Они неторопливо прогуливались. Но мисс Ли, не привыкшая давать выход чувствам, все еще дрожала.

— Просто в такие моменты понимаешь, что и вы, и я совершенно бессильны. Когда сердца людей рвутся на части и они жаждут услышать хоть какое-то утешение, когда им тошно от страха перед неизвестностью, мы можем лишь пожать плечами и сказать им, что ничего не знаем. Слишком ужасно думать, что мы никогда больше не увидим тех, кого так глубоко любили. Слишком ужасно думать, что ничто не ждет нас впереди. Я пытаюсь выкинуть смерть из мыслей, я желаю никогда о ней не думать, но она ненавистна, ненавистна. С каждым годом, становясь старше, я все более страстно привязываюсь к жизни. В конце концов, даже если надежды людей незрелы и ошибочны, разве не лучше сохранить их? И уж конечно, идолопоклонничество не самая большая цена, которую приходится платить за чудодейственную поддержку в последние ча-

сы жизни, когда все остальное меркнет. И как только у некоторых хватает духа лишать людей простодушных столь великого утешения? Разве вам не кажется, что большинство из нас продали бы душу ради такой веры? Конечно, мы нуждаемся в ней, а иногда так остро, что с трудом можем молиться Богу, которого, как мы знаем, не существует. Очень тяжело стоять в одиночестве и смотреть вперед без всякой надежды.

Они спокойно брели дальше, и вот весело запели птицы. Природа пробуждалась от сна медленно и лениво. Ночь прошла, но день еще не наступил. Деревья и цветы стояли в призрачной дымке, и воздух в первые мгновения рассвета был свеж и прозрачен. Все окутал неведомый аметистовый цвет, словно придававший предметам новые очертания и новые оттенки. В утре чувствовалась какое-то любопытное смущение, и листья шелестели, как живые существа. Небо было безоблачным и серым. А потом вдруг луч желтого света пронзил его, и взошло солнце.

— Знаете, — произнес Фрэнк, — мне кажется, подобно тому, что существует инстинкт выживания, должен быть и инстинкт смерти. Некоторые люди почтенного возраста жаждут освобождения, так же как большинство жаждет

дальнейшего существования. Вероятно, в будущем это явление распространится. И так же, как некоторые насекомые, проработав всю жизнь, умирают без сожалений, ввиду истощения всякого желания жить, люди, вероятно, тоже разовьют в себе подобное отношение к смерти. И тогда она перестанет нести ужас, ибо мы будем подходить к ней с такой же радостью, с какой ложимся спать после тяжелого дня.

— А сейчас? — спросила мисс Ли с вымученной улыбкой.

— А сейчас мы должны набраться смелости. В моменты здравомыслия мы разрабатываем некий план жизни, и мы должны придерживаться его, когда наступают нелегкие времена. Я попытаюсь прожить жизнь так, чтобы в конце мог оглядываться назад без сожаления и смотреть вперед без страха.

Но теперь солнце осветило весь сад, утро засияло красотой, которая красноречивее любых слов давала понять, что жизнью нужно наслаждаться и что мир полон радости. Все так же птицы пели веселые песни: певчий дрозд, и черный дрозд, и зяблик, и щебечущий воробей. Величественные старые деревья, которым было около ста лет, стояли не шелохнувшись, а столь любимые деканом

розы источали нежнейший аромат.

Но вдруг мисс Ли вскрикнула и, бросив руку Фрэнка, шагнула вперед: на скамейке под деревом сидела Белла, и солнце светило ей в лицо. Она смотрела прямо перед собой широко открытыми глазами, нисколько не ослепленная этим блеском.

— Белла! — воскликнула мисс Ли. — Белла!

Она опустила глаза и прикрыла их рукой, теперь уже ослепнув от золотого света. Счастливая улыбка появилась у нее на губах.

— Он умер, когда солнце осветило комнату. Перед ним раскинулся золотой мост, и он с легкостью отправился в открытые просторы.

— О, мое бедное дитя!

Белла покачала головой и снова улыбнулась:

— Я не жалею. Я рада, что его страданиям пришел конец. Он умер так тихо, что сначала я и не заметила. С трудом поверила, что он не спит. Я сказала отцу, а потом увидела красивую бабочку, золотую бабочку, такой я никогда не видела раньше, и она порхала по комнате. Я не могла отвести от нее глаз — она словно знала, куда держит путь: добралась до солнечного луча и полетела вдоль него, а потом растаяла в голубом небе, и я потеряла ее из виду.

* * *

Через неделю мисс Ли уже была в Лондоне, где собиралась провести весь август, отчасти потому, что так и не решила, где пробыть остаток лета, отчасти потому, что миссис Барлоу-Бассетт пришлось лечь на операцию в частную больницу, но главным образом потому, что присутствие Фрэнка придавало уверенности, что ей будет с кем поговорить, когда она того захочет. Этот месяц невероятно забавлял ее, ибо Лондон в ее глазах в некотором роде уподобился иностранной столице, а поскольку мало кто из ее знакомых остался дома, она чувствовала себя вправе делать все, что пожелает, не рискуя прослыть особой вызывающе экстравагантной.

Мисс Ли ужинала с Фрэнком в убогих ресторанчиках в Сохо, где ни скатерти, ни завсегдатаи не могли похвастаться безупречностью, но ей доставляло неимоверное удовольствие наблюдать за бородатыми французами, отдыхавшими вдали от родины, и ненароком подслушивать многословные признания леди, чье положение в обществе едва ли имело какое-то значение. Они вместе посещали концертные залы за рекой, катались на втором этаже автобусов и без

перерыва обсуждали погоду, вечность, смысл жизни и слабости друзей, Шекспира и кровяную шистозому[51].

Мисс Ли оставила Беллу и декана в Теркенбери. Вдова пребывала в мрачном спокойствии. На похоронах супруга она не обронила ни слезинки и стояла с рассеянным видом, как будто это формальная церемония, которая не особенно ее трогала. Декан же, который не мог понять дочь, переживал и совершенно упал духом из-за трагедии, и именно Белла старалась его утешить. Она повторяла, что Герберт и теперь вместе с ними, а мебель в доме, розы в саду, голубизна в небесах обрели особое значение, поскольку он, казалось, все еще присутствовал везде.

Вскоре мисс Ли получила от родственницы письмо с приложением записки от Герберта, нацарапанной карандашом за пару дней до смерти.

В письме Беллы говорилось:

> Это послание, очевидно, предназначалось вам, и хотя это последнее, что он написал, я чувствую, что вы должны за-

---

[51] Примечания: 51
Простейшее, вызывающее паразитарное заболевание крови.

брать его. Похоже, речь идет о разговоре, который состоялся у вас с ним, и я рада, что нашла эту записку. У отца все хорошо, и у меня тоже. Иногда я с трудом осознаю, что Герберт умер, кажется, он так близко. Я думала, что не смогу без него жить, но совершенно спокойна, и я знаю, что скоро мы вновь соединимся, на этот раз уже навсегда.

Письмо было следующее:

Дорогая мисс Ли!

На днях вы хотели задать мне вопрос, но испугались, что этим причините мне боль. Но я догадался, о чем вы хотели спросить, и ответил бы вам весьма охотно. Разве не это вы хотели узнать: рад ли я, что жил на этом свете, невзирая на бедность, и болезнь, и крушение надежд, и скорую смерть? Мой ответ — да, невзирая на все. Если не считать того, что я должен покинуть Беллу, мне не жаль умирать, потому что я наконец понял: мне никогда не следовало и пытаться стать великим поэтом. А Белла вскоре ко мне присоединится. Я страстно любил

мир, и я благодарю Бога за все красоты, которые видел. Я благодарю Бога за зеленые луга вокруг Теркенбери, и вязы, и скучное серое море. Я благодарю Его за прелесть собора в дождливые зимние вечера, и за драгоценные стекла его раскрашенных окон, и за величественные облака, плывущие по небу. Я благодарю Бога за благоухающие цветы и поющих птиц, за солнечный свет и весенний ветер и людей, которые меня любили. О да, я рад, что жил на этом свете, и если бы мне пришлось пройти через все это снова, со всеми горестями, и разочарованиями, и болезнью, я бы с радостью согласился, ибо по крайней мере для меня счастья в жизни было больше, чем боли. Я готов заплатить за это сполна и хотел бы умереть с молитвой благодарности на устах.

Письмо резко обрывалось, как будто он собирался сказать много больше, но ему не представилась возможность. Мисс Ли прочитала письмо Фрэнку, когда он пришел в следующий раз.

— Вы заметили, — спросила она, — что абсолютно все, о чем он говорит, апеллирует к чувствам?

А ведь единственное, в чем сходятся философы и священнослужители, — то, что чувства — низшее проявление нашей натуры и их нужно сдерживать самым решительным образом. Они ставят интеллект на гораздо более высокую ступень.

— Они бесстыдно лгут. К тому же легко доказать, что они сами в это не верят. Достаточно посмотреть, с какой заботой они относятся к своему животу и с какой халатностью используют собственный ум. Чтобы сделать пищу удобоваримой, питательной и полезной, прилагаются неимоверные усилия, зато голова забивается любой ерундой, которая попадается на пути. Когда сопоставляешь небрежность, с которой люди выбирают книги в библиотеке Мьюди[52], и тщательность, с которой они заказывают ужин, можно понять: что бы ни утверждали, они уделяют куда больше внимания желудку, чем интеллекту.

— Жаль, что это сказали вы, а не я, — задумчиво пробормотала мисс Ли.

— Не сомневаюсь, вы еще скажете что-то подобное, — возразил он.

---

[52] Примечания: 52

Имеется в виду публичная библиотека в Лондоне, основанная Чарлзом Эдвардом Мьюди в 1842 г.

11

Миссис Барлоу-Бассетт, культивировавшая модную тенденцию проводить лето за границей, с рвением женщины, не слишком уверенной в своем положении в обществе, как раз готовилась провести август в Хомбурге, когда внезапная болезнь лишила ее сил и обнаружилось, что требуется немедленная операция. Она легла в частную больницу с предубеждением, будто никогда не оправится, и главным образом печалилась, что обрекает Реджи, столь плохо подготовленного к мирским трудностям, влачить дальнейшее существование в одиночестве, как раз когда нежная материнская забота столь ему необходима. Ее сердце изнывало от болезненного желания все время держать сына рядом, но когда он сообщил ей о намерении позаниматься с преподавателем в деревне, она не пожелала препятствовать. Ввиду ее возможной кончины еще больше обострялась необходимость поставить его на ноги в плане профессии, и она решительно подавляла не только свои нежные материнские порывы, но и всякие признаки обеспокоенности собственным состоянием. Она делала вид, что

не придает значения предстоящим мучениям, чтобы не отвлекать его от работы. Реджи пообещал писать каждый день и даже (что глубоко ее тронуло) настоял, что останется в Лондоне, пока операцию не проведут. У него не будет возможности навещать ее, но он хотя бы сможет узнать, как она перенесла медицинское вмешательство. Миссис Барлоу-Бассетт приехала на Уимпоул-стрит вместе с сыном и очень нежно с ним попрощалась. В конце концов прямо перед его уходом смелость почти покинула ее, и она не смогла удержаться, чтоб не расплакаться от горя.

— Но если что-то случится, Реджи, и я не поправлюсь, ты будешь хорошим мальчиком, правда? Ты будешь честным, и открытым, и преданным?

— А как думаешь ты? — ответил Реджи.

Она заключила сына в объятия и с решительностью, вполне соответствующей ее внешности, в несколько высокопарном стиле, отпустила без всяких слез и с улыбкой. Но миссис Барлоу-Бассетт несколько преувеличила опасность собственного состояния. Она прекрасно перенесла операцию, а через два дня беспрепятственно приблизилась к полному выздоровлению. Реджи с достаточной регулярностью писал письма из Брайтона, где, судя по всему, учитель проводил лето, и сообщал

матери о работе, которую проделал. Он описывал все до мельчайших подробностей, и в самом деле казалось, он усердно занимался, так что миссис Барлоу-Бассетт вознамерилась сделать замечание его преподавателю. В конце концов, шли каникулы, и вряд ли было справедливо таким образом давить на Реджи. Ближе к концу месяца ей стало лучше, и она смогла вернуться домой, а наутро после приезда спустилась вниз, в великолепном расположении духа, радуясь новому самочувствию и прекрасной летней погоде. Она беспечно открыла «Морнинг пост» и, как обычно просмотрела объявления о рождении, смерти и бракосочетаниях. Вдруг ей на глаза попалась собственная фамилия, и она прочитала следующее:

> *«БАРЛОУ-БАССЕТТ — ХИГГИНС.* 30 числа прошлого месяца в церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер У. Реджинальд, единственный сын покойного Фредерика Барлоу-Бассетта, женился на Энни (Лория Гелбрейт), младшей дочери Джонатана Хигтинса из Уимблдона».

Какое-то мгновение миссис Бассетт не могла ничего понять, она перечитала абзац дважды, безнадежно озадаченная, прежде чем осознала:

в заметке всему миру объявляется о женитьбе ее сына. Датой события значился день, следующий за ее операцией, и в то самое утро Реджи звонил на Уимпоул-стрит, чтобы осведомиться о ее здоровье. Дворецкий еще находился в комнате, и миссис Бассетт, беспомощно протянула ему газету:

— Вы понимаете, что это значит?

— Нет, мадам.

Сначала она подумала, что это, должно быть, шутка, да и потом, что значило второе имя в скобках — Лория Гелбрейт? Она вызвала слугу и приказала ему немедленно отправить телеграмму Реджи в Брайтон, требуя объяснений этому странному объявлению. После завтрака она телеграфировала своему солиситору и преподавателю Реджи на лондонский адрес. Первым ответил преподаватель, сообщивший, что не видел Реджи с июля, а в ответ на второй вопрос добавил, что сам все лето находится в Лондоне. Наконец миссис Бассетт начала понимать: произошло нечто ужасное. Она отправилась в комнату Реджи и, наткнувшись на запертый ящик, сломала замок. Она обнаружила там бювар и с ужасом и возмущением вытащила оттуда пестрое собрание счетов, закладных и писем. Она тщательно все

изучила и, увидев, что счета, на которые она давала деньги, остались неоплаченными, выяснила, что существуют и другие, о которых она не подозревала, на астрономические суммы, по ее мнению. Она поняла, что Реджи заложил часы отца, все свои безделушки, футляр для туалетных принадлежностей, который она ему подарила, и множество других вещей. Мгновение растерявшаяся женщина колебалась, стоит ли читать письма, но только мгновение. Теперь ей казалось правильным узнать самое худшее, и понемногу на нее снизошло озарение: до сих пор она жила в блаженном неведении.

Первыми ей попались послания назойливых кредиторов — вежливые, умоляющие, угрожающие, потом пара повесток, попахивавших тюремной решеткой и невообразимыми наказаниями, а также письма от женщин, написанные самыми разными почерками, большинство с ошибками и на дешевой бумаге, выдававшей социальное положение отправительниц. Нахмурившись, миссис Бассетт читала их с ужасом и отвращением: одни были исполнены любви, другие — гнева, но все явно указывали на склонность Реджи к полигамии. Наконец очередь дошла до пачки писем на совсем другой бумаге — плотной,

дорогой, надушенной. И хотя, открыв первое послание, миссис Бассетт не сразу узнала почерк, она вскрикнула от изумления: слева вверху маленькими золотыми буковками в окружении завитков значилось имя «Грейс». И пусть там не было адреса, она знала, что оно пришло от миссис Кастиллион. Миссис Бассетт прочитала все письма, и ее смятение сменилось стыдом и гневом. Выходило, что эта женщина высылала Реджи чеки и банкноты. В одном письме говорилось: «Надеюсь, вы сможете поменять чек», в другом: «Так жаль, что у вас туго с деньгами, вот вам пятерка на расходы», в третьем: «Как по-свински ведет себя ваша мать, проявляя такую жадность! И на что только она тратит деньги?» Сначала послания горели страстью, но вскоре в них появились жалобы на суровость или жестокость, и в каждом последующем письме было все больше горьких упреков.

Миссис Бассетт вытащила бумаги из бювара и заперла в собственном шкафу, а потом поспешила к преподавателю Реджи. Там ее худшие подозрения оправдались. Она снова отправилась домой и вызвала старших слуг. Ее невероятно оскорбляла необходимость расспрашивать их о поведении сына, но теперь она не колебалась.

Сначала они ни в чем не признавались, но обещаниями и угрозами она выудила из них все подробности жизни Реджи за последние два года. Наконец, став последним ударом, прибыло послание от самого Реджи.

Воксхолл-Бридж-роуд, 371

Моя дорогая матушка!

В сегодняшней «Морнинг пост» ты уже прочитала, что в конце прошлого месяца я женился на мисс Хигинс, известной под сценическим псевдонимом Лория Гелбрейт, и сейчас мы проживаем по вышеуказанному адресу. Я уверен, тебе понравится Лория, она лучшая женщина на свете и спасла меня от сущего ада. Возможно, ты дашь нам возможность объясниться, когда мы приедем повидать тебя. Лория очень хочет с тобой познакомиться. Должен сказать, я решил оставить карьеру юриста и собираюсь на сцену. Нас с Лорией ангажировали на весенние гастроли с постановкой «Валет червей», и мы приехали в город на репетиции. Я уверен, ты одобришь эту затею, поскольку юриспруденция — отврати-

тельная специальность, к тому же в этой сфере царит жесткая конкуренция, а, как говорит Лория, на сцене всегда есть место для таланта. Я знаю, у меня все получится, и мы с Лорией надеемся, что через пару лет откроем собственный театр. Я очень много работаю, потому что, хотя занят только в этой драме (я бы не принял предложение, если бы Лории не досталась потрясающая роль, к тому же, поскольку я раньше не выступал, пришлось соглашаться на то, что дают), я учу «Гамлета». Мы с Лорией подумываем провести публичные чтения этой пьесы и «Ромео и Джульетты» в городе следующей весной.

Твой любящий сын, Реджи.

P.S. Можешь не беспокоиться о деньгах — на сцене я смогу зарабатывать намного больше, чем получил бы благодаря адвокатской практике. Антрепренер имеет тысячи.

Миссис Бассетт залилась слезами, она не представляла, что Реджи может оказаться таким бессердечным и безрассудно легкомысленным. Но вскоре ярость заглушила все остальные чув-

ства в ее груди, и она принялась в гневе писать сыну, чтобы он не смел никогда больше показываться в ее доме, иначе слуги выкинут его на улицу. Из ее денег, добавляла она, он не получит ни фартинга. Потом ей показалось, что достойнее будет промолчать, и она просто решила оставить дерзкое письмо Реджи без ответа. Но ей было необходимо излить свое негодование, и она отправила срочное сообщение мисс Ли, умоляя ту немедленно приехать.

Когда добрая леди, откликнувшись на призыв, прибыла, то увидела, что миссис Бассетт находится в весьма истеричном состоянии: она возбужденно расхаживала по комнате. Лишившись на время своих величественных манер, она в некотором роде напоминала вакханку средних лет.

— Слава Богу, вы здесь! — воскликнула она. — Реджи женился на актрисе, и я лишила его наследства. Никогда больше его не увижу, и мне нет дела до того, что он, возможно, будет голодать.

Мисс Ли не выказала никакого удивления, мысленно отметив, что все-таки обладает даром предвидения. Все, чего она ожидала, действительно произошло.

— Я глубоко обманулась в нем. Он не сдал ни единого экзамена, а слуги сказали мне, что ночью он часто приходил домой навеселе. Реджи систематически врал мне, обманывал меня всеми возможными способами, и все то время, пока я льстила себе, думая, будто он хороший честный мальчик, он вел распущенную, полную разврата жизнь. — Миссис Бассетт умолкла, предавшись безудержному плачу, а мисс Ли задумчиво наблюдала за ней. Наконец миссис Бассетт взяла себя в руки.

— Признаю, его женитьба меня удивила, — пробормотала мисс Ли. — Должно быть, ваша невестка — женщина сильного характера и большого такта, Эмили, а все остальное уже год как известно вашим друзьям.

— Хотите сказать, вы знали, что он горький пьяница и немногим лучше вора и лгуна?

— Да.

— Почему же вы мне ничего не сказали?

— Я думала, вы и сами скоро все выясните, но в самом деле, Эмили, вы так глупы, что могли бы все еще больше испортить.

Миссис Бассетт была слишком сильно подавлена, чтобы возмутиться столь откровенной речью.

— Но вы не знаете всех подробностей! Я нашла множество писем от женщин. От тех, которые сбили его с пути истинного. И представляете, от кого пришли самые худшие?

— От миссис Кастиллион?

— Вам и это известно? Неужели все знали о моем позоре и видели, как погибает мой мальчик, но никто меня не предупредил? Я отплачу ей! Отправлю письма, все до единого, ее мужу. Это ведь она совершила порочный поступок! — Она вытащила из ящика стопку писем и, не скрывая волнения, передала их мисс Ли.

— Это все? — спросила та.

— Да.

Мисс Ли, прихватившая с собой черную атласную сумку, в которой хранила носовой платок и кошелек, быстро открыла ее и положила туда письма.

— Что вы делаете?

— Моя дорогая, не глупите! Вы не отправите эти письма кому бы то ни было, и, как только доберусь домой, я сожгу их. Реджи стал распутным повесой задолго до встречи с Грейс Кастиллион, и единственная женщина, которая повинна в его гибели, — вы сами! Вы разозлились, когда я однажды сказала вам, что самая страшная беда,

которая может настигнуть человека, — это воистину любящая мать. Но уверяю вас, если бы не ваше негативное влияние, Реджи был бы ничуть не хуже любого другого юноши.

Миссис Бассетт побагровела от ярости:

— Должно быть, вы сошли с ума, Мэри! Я сделала все возможное, чтобы своим примером и наставлениями сделать из него джентльмена. Я посвятила жизнь его образованию и безраздельно жертвовала собой ради него с того самого дня, как он родился. Я могу честно сказать, что была хорошей матерью.

— Извините меня, — холодно произнесла мисс Ли, — но вы были плохой матерью, очень эгоистичной матерью, и вы систематически приносили сына в жертву в угоду своим прихотям и фантазиям.

— Как вы можете так со мной разговаривать, когда я нуждаюсь в сочувствии и помощи?!

— И не надейтесь! Все, что произошло, — дело лишь ваших рук. Вы превратили сына в лжеца, вынуждая рассказывать вам о делах сугубо личных, вы толкнули его на путь обмана, ожидая от него невероятной безупречности, вы предупреждали его о соблазнах так, что они становились привлекательны вдвойне. Вы никогда не поз-

воляли ему поступать сообразно его желаниям или инстинктам, а настаивали, чтобы он вел себя и чувствовал как женщина средних лет, к тому же плохо образованная. Вы отвергали все его предпочтения и навязывали ему ваши. Боже правый! Да если бы вы презирали этого мальчика, и то не смогли бы проявить больше эгоизма и жестокости!

Миссис Бассетт, ошеломленная, уставилась на нее:

— Но я желала лишь обычной честности и правдивости… Я только хотела уберечь его от позора и грязи, я только ожидала соблюдения норм нравственности, ведь к этому призывает религия и все остальное.

— Вы истощили его инстинкты: естественную тягу мальчика к увеселениям и развлечениям, естественное стремление юности к любви. Вы применяли к нему стандарты пятидесятилетней женщины. Мудрая мать позволяет сыну идти своим путем и закрывает глаза на грешки молодости. Но вы превратили эти грешки в смертные грехи. В конце концов, моралисты беспрестанно несут чушь о нравственном несовершенстве человечества. Но когда дело доходит до непосредственного столкновения со злом, оно оказывается не столь

отчаянно порочным, как говорят. Мужчина может быть очень хорошим человеком, даже если засиживается где-то допоздна и периодически выпивает больше, чем подобает, немного увлекается азартными играми и волочится за дамами с сомнительной репутацией. Все это свойственно человеческой натуре, когда молодость и горячая кровь бурлят, и для некоторых чужеземных народов, более мудрых, чем мы, это даже становится основой жизни.

— Лучше бы у меня вообще не было сына! — завопила миссис Бассетт. — Насколько вы счастливее меня!

Мисс Ли встала, и у нее на лице появилось необычное выражение.

— О, моя дорогая, не говорите так! Уверяю вас: хотя знаю, что Реджи ленив, и эгоистичен, и распущен, я отдала бы все, что угодно, лишь бы он стал моим сыном. На этом свете нет ни души, которая любит меня, кроме Фрэнка, потому что я его забавляю. И я так одинока! Я старею. Часто чувствую себя такой старой, что удивляюсь, как я вообще еще живу. И я так остро ощущаю потребность в человеке, которому не было бы совершенно все равно, болею я или здорова, жива или мертва. О, моя дорогая, поблагодарите Бога

за вашего сына!

— Теперь не могу, когда я знаю, что он порочен и грешен.

— Но что есть порок и что — греховность? Вы уверены, что знаете? Полагаю, я была добродетельной женщиной, никому не причиняла зла, я многим помогала. Я совершала обычные высоконравственные поступки, положенные женщине. А когда что-то, чего я особенно хотела, становилось доступным, я отказывалась, поскольку была убеждена: приятное всегда безнравственно. Но иногда я думаю, что напрасно прожила жизнь, и осмелюсь сказать, что из меня вышла бы лучшая женщина, не окажись я столь добродетельна. Когда я оглядываюсь назад, то сожалею не об искушениях, которым поддалась, а об искушениях, перед которыми устояла. Я старая женщина и никогда не знала любви, я бездетна и всеми брошена. О, Эмили, если бы мне дали возможность прожить жизнь заново, клянусь: я не была бы столь добродетельна! Я взяла бы от жизни все хорошее, не думая слишком много о благопристойности. И прежде всего я бы родила ребенка.

— Мэри, что вы говорите?

Мисс Ли пожала плечами и замолчала. Но мысли миссис Бассетт вернулись к удару, который

нанес ей Реджи, и она протянула мисс Ли его письмо:

— В нем нет ни слова сожаления. Похоже, у него нет ни стыда, ни совести. Он женился в день моей операции, когда я в любой момент могла умереть. Должно быть, он совершенно бессердечный.

— Знаете, что сделала бы я на вашем месте? — спросила мисс Ли, обрадовавшись возможности отбросить в сторону собственные чувства. — Я отправилась бы к нему и попросила прощения за все то зло, которое вы ему причинили.

— Я? Мэри, вы, должно быть, не в своем уме! С какой стати мне просить прощения?

— Подумайте хорошенько. Мне кажется, в конечном счете вы придете к мысли, что так никогда и не дали мальчику шанса. Не уверена, что вы не должны выплатить весьма солидную компенсацию за свои деяния. В любом случае брак отменить вы не можете, и, вполне вероятно, он станет спасением для Реджи.

— Вы же не собираетесь просить меня принять актрису как невестку!

— Чепуха! Она станет вашему сыну лучшей женой, чем любая герцогиня.

Когда миссис Барлоу-Бассетт показала подруге письмо Реджи, мисс Ли тщательно прочитала

адрес и на следующий день после обеда приехала навестить молодоженов. Они обитали в несколько обветшалом доме гостиничного типа на Воксхолл-Бридж-роуд — длинной омерзительной улице. Мисс Ли препроводили на чердак, служивший гостиной. Он был скудно обставлен дешевой безвкусной мебелью, которая выглядела еще хуже из-за своей потрепанности. Для создания уюта на стенах висели фотографии, каждая с размашистым завитком, обозначающим автографы людей, связанных со сценой, но совершенно неизвестных.

Когда мисс Ли вошла, Реджи, облаченный в экстравагантный костюм и в хомбургской твидовой шляпе, читал «Эру», в то время как его жена стояла у зеркала, укладывая волосы. Несмотря на поздний час, она до сих пор была в отделанном дешевым кружевом халате из красного атласа, который уж точно был не слишком новым и не слишком чистым. Появление мисс Ли вызвало некоторое смущение, и не без неловкости Реджи представил женщин друг другу.

— Простите, что я в таком виде, — произнесла супруга Реджи, собирая заколки. — Я как раз собиралась одеваться.

Это была миниатюрная женщина, явно старше

своего супруга и, к удивлению мисс Ли, совершенно некрасивая. У нее были прелестные глаза, чем она весьма умело пользовалась, и роскошные черные волосы. Но гораздо заметнее в ее облике были исключительная решительность в манерах и властность — все это позволяло предположить, что если ее желания оставались нереализованными, кто-то мог сильно пострадать. Она с большим подозрением посмотрела на мисс Ли, но отнеслась к ней с достаточной сердечностью, чтобы обозначить готовность проявить дружелюбие, если гостья не будет вести себя враждебно.

— Я услышала, что вы поженились, только вчера, — поспешила заметить мисс Ли как можно более приветливо. — И мне очень захотелось познакомиться с вашей женой, Реджи.

— Вы ведь не от матушки приехали? — спросил он.

— Нет.

— Полагаю, она сейчас в бешенстве, черт возьми!

— Реджи, не ругайся, мне это не нравится, — вставила его жена.

Мисс Ли пожала плечами и еле заметно улыбнулась. Поскольку присесть ей не предложили, она осмотрелась в поисках самого удобного стула

и опустилась на него. Миссис Реджи с сомнением перевела взгляд с мужа на мисс Ли, потом на свою домашнюю одежду, раздумывая, стоит ли оставить эту парочку наедине.

— У меня неопрятный вид, — заявила она.

— Боже мой! Это так необычно — найти человека, который не одевается до вечера. Когда снимаю халат, я неизменно надеваю на себя чувство ответственности. Прошу вас, садитесь и расскажите мне о своих планах.

Мисс Ли обладала умением располагать к себе людей, и новобрачная тут же приняла спокойную, но властную манеру общения старшей собеседницы. Она бросила взгляд на мужа.

— Реджи, сними шляпу, — безапелляционно приказала она.

— О, простите! Я забыл.

Когда он избавился от головного убора, мисс Ли заметила, что у него очень длинные волосы, которые он демонстрирует с некоторой театральностью. Говорил он решительно, в некой ораторской манере, что неимоверно забавляло мисс Ли. Его ногти не отличались чистотой, а ботинки нуждались в полировке.

— А что матушка думает о моем решении играть на сцене? — спросил он, изящно проведя

рукой по иссиня-черным локонам. — Это самое лучшее, что я мог сделать, правда, Лория? Я чувствую, что нашел свое призвание. Самой природой мне было предназначено стать актером. Единственное, на что я гожусь, — это актерская карьера. Скажите моей матери, что я пожертвую всем ради искусства. Надеюсь, вы придете и посмотрите мое выступление.

— С огромным удовольствием.

— Но не в этой роли. Здесь я играю без слов. Зато весной мы с Лорией собираемся дать целую серию художественных чтений.

Он поднялся и, встав напротив камина, эффектно вытянул вперед руку:

Быть или не быть — вот в чем вопрос!
Что доблестнее для души: сносить
Удары оскорбительной судьбы,
Или вооружиться против моря зол
И победить его, исчерпав разом?[53]

Он выкрикивал слова во весь голос, отчеканивая каждый слог эффектно и выразительно.

— Боже правый! — сказал он. — Какая роль! Теперь таких монологов не пишут. У актера нет

---

[53] Примечания: 53
У. Шекспир. «Гамлет». *Перевод Н. А. Полевого.*

никаких шансов в современной пьесе, где ни одна реплика не растягивается больше чем на две строки.

Мисс Ли с изумлением посмотрела на него — ей никогда не приходило в голову, что профессия актера может ему подойти. Потом, когда она взглянул на Лорию, ей показалось, что легкая ироничная улыбка играет на ее губах.

— Говорю вам, — произнес Реджи, ударив себя в грудь, — я чувствую, что буду великим актером. Если мне только представится возможность, я потрясу мироздание. Я должен пойти повидаться с Бэзилом Кентом и попросить его написать для нас пьесу, Лория.

— Вы тоже собираетесь потрясти мироздание? — спросила мисс Ли, с любезным видом повернувшись к супруге Реджи.

Молодая женщина больше не могла удерживаться от веселья и залилась таким искренним смехом, что мисс Ли даже прониклась к ней симпатией.

— Вы останетесь на чай, мисс Ли?

— Разумеется. Я ради этого и приехала.

— Хорошо. Сию минуту приготовлю вам чай. Реджи, возьми бидон и пойди принеси полпинты молока.

— Да, моя дорогая, — послушно ответил он и, с напыщенным видом надев твидовую шляпу, взял со стола, заваленного бумагами, одеждой и всякими вещами, маленький бидончик.

— Сколько денег у тебя в кармане?

Он вытащил пару медяков и одну серебряную монету.

— Один шиллинг и семь с половиной пенсов.

— Значит, у тебя останется один шиллинг и шесть с половиной пенсов, когда ты вернешься домой. Можешь купить пачку сигарет за три пенса, но имей в виду, что ты должен уложиться в десять минут.

— Да, дорогая.

Он смиренно вышел и закрыл за собой дверь. Его жена шагнула к двери и выглянула на улицу.

— Мать очень плохо его воспитала, — объяснила она. — И он не брезгует подслушивать у замочной скважины.

Мисс Ли, тихо смеясь, наблюдала за происходящим с удивлением. Лория продолжала объясняться извиняющимся тоном:

— Знаете, мне приходится внимательно следить за его расходами, поскольку он склонен к пьянству. Я его от этого отвадила, но всегда боюсь, что он отправится в паб, если я не дам ему

нагоняй. Его мать, должно быть, самая большая дура из всех, с кем вы знакомы, я права?

Супруга Реджи взглянула на пачку сигарет, а ее собеседница, заметив желтизну на указательном пальце актрисы, заключила, что та — заядлая курильщица. Это помогало быстрее расслабиться.

— Не дадите мне сигарету?

— О, вы курите? — изумилась Лория, просветлев от удовольствия. — Мне до смерти хотелось затянуться, но я не решалась шокировать вас.

Они закурили, и мисс Ли подвинула к себе еще один стул.

— Вы не возражаете, если я подниму ноги? Всегда считала, что только у четвероногих длинные конечности постоянно должны болтаться.

Со слабой улыбкой она попробовала выпустить дым кольцами.

— А вы совершенно нормальная, — произнесла Лория, едва заметно кивнув. — Я рада, что вы приехали. Мне хотелось поговорить с кем-то, кто знаком с матерью Реджи. Полагаю, она в ярости. Я просила, чтобы он сказал ей заранее, но он не осмелился. Кроме того, он никогда не делает что-то прямо, если это можно провернуть окольными путями. А что касается *лжи*, в этом он хуже женщин. Можете сказать его матери,

что мне придется потратить всю жизнь, чтобы превратить ее сына в джентльмена.

Мисс Ли сухо улыбнулась:

— Мне крайне редко встречаются женщины, которые, только выйдя замуж, столь живо реагируют на недостатки в характере супруга.

— На самом деле Реджи — неплохой парень. — Лория пожала плечами. — Но его нужно привести в форму.

— Интересно, почему вы вышли за него замуж? — поинтересовалась мисс Ли, задумчиво стряхивая пепел.

Лория испытующе посмотрела на нее, колеблясь, потом решила говорить откровенно.

— Похоже, вы хороший человек и к тому же светская женщина. В конце концов, я уже замужем, и вам придется со мной мириться. Реджи красив, не правда ли? — Она бросила взгляд на фотографию на каминной доске. — И он мне нравится. Знаете, я на сцене уже восемь лет. Я начала, когда мне было шестнадцать. Значит, сколько лет мне сейчас?

— Двадцать семь, вероятно, — решительно ответила мисс Ли.

Лория добродушно улыбнулась:

— Некоторые противные личности утвержда-

ют, что мне двадцать восемь. Но как бы там ни было, мне это до смерти надоело, и я хочу уйти.

— Я думала, вы собираетесь играть Джульетту в тандеме с Ромео — Реджи.

— Да, так и вижу этот кошмар! Прежде всего Реджи совершенно не умеет играть, и абсолютно все в начале творческого пути жаждут исполнить роль Гамлета. Что ж, я никогда не видела статиста, который бы расхаживал с плакатом в пантомиме и при этом не думал: будь у него шанс, он стал бы новым Ирвингом[54]. О, я так часто это слышала! Каждая знакомая девушка подходила ко мне и говорила: «Лория, я чувствую, во мне это есть, и мне нужен только шанс». Меня уже от всего этого тошнит. Не хочу колесить по провинциям и работать, как рабыня, всю неделю, и куда-то ездить по воскресеньям, и скитаться по грязным квартирам, и все остальное. Я просто разрешила Реджи позабавиться, к тому же разучивание ролей спасает его от неприятностей. Я думала, его мать появится у нас месяца через три и к тому времени ему все надоест. Мне нравится Реджи, и, после того как он пробудет у меня в руках пару месяцев, я сделаю из него приличного

[54] Примечания: 54

Имеется в виду сэр Генри Ирвинг (1838–1905) — английский актер и помощник режиссера, обычно следивший за подготовкой спектакля.

человека. Но я ни на мгновение не стану притворяться, что вышла бы за него, если бы у его матери не было денег.

— Вы мудрая женщина. В первую очередь я и представить не могу, как вы заставили его жениться в принципе. Я никогда не думала, что он на это согласится.

— Моя дорогая мисс Ли, я полагала, вы много вращаетесь в обществе. Неужели не знаете, что если девушка моего возраста решает выйти замуж за мужчину, он должен быть неимоверно изворотлив, чтобы спастись?

— Признаюсь, я давно об этом подозревала, — улыбнулась мисс Ли.

— Разумеется, своего мужчину еще надо выбрать. Увидев, что Реджи без ума от меня, я взяла инициативу на себя. Знаете, у актрис репутация дурных девушек, но это все ерунда. Мы не хуже остальных, только перед нами больше соблазнов, и когда что-то случается, газеты тут же раздувают скандал, только потому, что у нас такая профессия. Но я знала, как о себе позаботиться, и просто дала господину Реджи понять: меня голыми руками не возьмешь. Две недели я лебезила перед ним, а потом сказала, что больше не хочу его видеть. К тому времени он совершенно заболел

сценой и в итоге сделал мне предложение.

— Как просто! А как вам удалось его приручить?

— Я всего лишь втолковала ему, что если он хочет прилично проводить время, то должен хорошо ко мне относиться, и вскоре он с этим согласился. Может, так сразу и не скажешь, но в гневе я просто отвратительна. Он уважает меня, как никого другого, и знает, что я не потерплю никакой чепухи. О, через полгода он исправится.

— И что прикажете передать его матери?

— Просто скажите, чтобы она не вмешивалась. Что касается денег, пока мы и так проживем. А когда она успокоится, возможно, назначит нам содержание. Шести сотен в год будет вполне достаточно, и мы заберем дом в Борнмуте. Я не хочу жить в Лондоне, до тех пор пока не буду уверена в Реджи.

— Отлично, — ответила мисс Ли, — это я передам. А еще скажу: она должна благодарить небо, что Реджи нашел приличную женщину. Я не сомневаюсь: через некоторое время вы сделаете из него вполне респектабельного члена общества.

— А вот и он возвращается с молоком!

Вошел Реджи, и они вместе принялись готовить чай. Когда мисс Ли собралась домой, Лория

отправила мужа вниз проводить ее.

— Разве она не сокровище? — воскликнул он. — И вот что я вам скажу, мисс Ли: она человек действительно хорошего круга. Скажите матушке, что ее никак нельзя считать недостойной меня.

— Недостойной вас?! Мой дорогой мальчик, да она достойна шести таких, как вы. И осмелюсь сказать, под ее руководством, вы в конце концов превратитесь в сносное подобие джентльмена.

Реджи посмотрел на нее с трагическим выражением лица, откинул голову и прижал обе руки в своей мужественной груди.

— «Какой злодей, какой я раб презренный!»[55] — завопил он.

— Ради всего святого, придержите язык! — быстро перебила его она.

Она протянула ему руку, и, сжав ее, он наклонился вперед и доверительно прокричал ей:

— «Мне нужно основание потверже.

Злодею зеркалом пусть будет представленье —

И совесть скажется и выдаст преступ-

---

[55] Примечания: 55

У. Шекспир. «Гамлет». *Здесь и далее перевод А. И. Кроненберга.*

ленье».

12

У Бэзила и Дженни между тем дела становились еще хуже. Их примирение оказалось невластно над тем, чтобы избежать дальнейших ударов судьбы, и наконец еще одна яростная ссора подтвердила: ни при каких обстоятельствах они не способны жить без раздоров. Бэзил, приучившийся по большей части молчать, несмотря на любые провокации жены, старался сохранять сдержанность, но это весьма его раздражало, и в его груди постепенно росла слепая и яростная ненависть к Дженни, ведь именно она заставляла его терпеть невыразимые муки. Они совершенно перестали сочувствовать друг другу, и он не сознавал, что она страстно любит его до сих пор и причиняет ему боль только по этой причине. Так прошло лето. Бэзилу, увязшему в долгах, пришлось весь отпуск просидеть в адвокатской конторе, хватаясь за каждую возможность взять на себя какую-нибудь заблудшую записку, которой некому было заняться.

Его поглотила глубокая депрессия, и он без надежд размышлял о будущем. Что оно могло предложить ему, кроме непрекращающейся

боли? Он вглядывался в грядущие годы, полные уныния, и жизнь в подобных условиях казалась ему невозможной. Лишь страсть к Хильде Мюррей поддерживала его, давала ему мужество смело смотреть на мир и в то же время усмиряла. Он научился просить у богов немного и довольствовался любовью без надежды на воздаяние. Он был неимоверно благодарен за ее дружбу и чувствовал, что она понимает его горе и сочувствует ему.

Миссис Мюррей провела лето за границей, но часто писала, и ее письма на целые дни наполняли его счастьем. Во время одиноких прогулок Бэзил бесконечно анализировал свои чувства, говоря себе, что они исключительно чисты. И лишь потому, что так много думал о ней, он считал, что становится лучше и проще.

В октябре она вернулась, и через два дня Бэзил нанес ей визит, но испытал горчайшее разочарование, увидев у нее в гостях мистера Фарли. Бэзил презирал викария Церкви всех душ, видя в нем соперника, находящегося отнюдь не в таком невыгодном положении, как он сам. Мистер Фарли все еще оставался привлекательным мужчиной, имея наружность человека весьма важного. Его манера разговора позволяла пред-

положить, что он часто ужинал в гостях и умел вежливо дискутировать на любые темы в обществе благовоспитанных особ. Он был интересен и вел себя непринужденно, прекрасно зная, как ввернуть тонкое суждение в каждом разговоре, а в его отношении к миссис Мюррей проскальзывала неуловимая, но многозначительная лесть. Бэзила страшно раздражала его раскованность в обращении с женщиной, к которой он сам относился с благоговением. Хильда принимала участие в неких благотворительных мероприятиях викария Церкви всех душ, и, заливаясь смехом, они с Фарли обменивались всякими курьезными историями по этому поводу.

Бэзил отправился домой в мрачном негодовании, весь вечер думая о Хильде, которую оставил с мистером Фарли, и не успокоился, даже когда лег в постель. Он слышал, как часы отбивают один удар за другим, и беспокойно ворочался с боку на бок и с ума сходил от тоски и боли. Он приказывал себе не думать о Хильде, но ежеминутно возвращался к мысли о ней и в безнадежной печали задавался вопросом, как жить дальше. Бэзил пытался вразумить себя, мысленно повторяя, что столь сильная страсть может быть только временной и что через пару месяцев он будет с

иронией вспоминать теперешнее сумасшествие. Чтобы успокоить ноющее сердце, он решил изложить свои чувства на бумаге. Когда часы пробили пять, он обрадовался, что только три часа осталось до того времени, когда он сможет встать, чтобы нарушить наконец сладкую горечь своих размышлений. Утром за завтраком Дженни заметила, что его глаза опухли от недостатка сна, а выглядел он усталым и изможденным. Она могла только гадать о причине его бессонницы, но интуитивно ревновала и пыталась разозлить его, и, когда представлялась возможность, вставляла язвительные замечания. Но Бэзил оставался безучастным и не отвечал ей. После завтрака он, в тяжелом расположении духа, отправился на привычную работу.

Так продолжалось всю осень, а с ноябрем пожаловала зима, холодная, темная и сырая. Возвращаясь домой по вечерам, Бэзил испытывал отчаяние, ступая на улицу, где стоял его дом. Его убивало омерзительное однообразие маленьких жилых зданий. Мисс Ли, вероятно с иронией, как-то заметила, что жизнь в пригороде должна быть сплошной идиллией. И Бэзил развеселился, когда думал, что только тележка молочника и шарманка нарушают романтическое уединение.

Теперь он ненавидел соседей, с которыми, без сомнений, его обсуждала Дженни, и содрогался от ужаса при мысли об их ограниченном существовании, абсолютно лишенном всего, что делает бытие приятным и цивилизованным.

Ссоры супругов были неизбежны, несмотря на решимость Бэзила избегать разногласий, а в последнее время они становились все более тяжелыми для обоих. Однажды, забрав письма, он заметил, что одно из них было вскрыто, а потом неловко заклеено вновь. Он бросил взгляд на Дженни, следившую за ним, но та быстро опустила глаза. Несомненно, именно розовая бумага вызвала у нее подозрения. Над адресом значилось «Конфиденциально», на обороте красовался золотой инициал. Это было всего лишь предложение от ростовщика предоставить Бэзилу любую сумму от пяти до пяти тысяч фунтов, и он не смог удержаться от презрительной усмешки, ведь Дженни с энтузиазмом распечатала письмо, но не обнаружила ничего для себя важного. Когда он попросил больше не вскрывать его личную почту, она промолчала и залилась краской стыда. Через минуту-другую Бэзил собрал всю свою корреспонденцию и, прихватив бумагу, направился к двери.

— Куда ты идешь? — резко спросила она. — Ты не можешь писать здесь?

— Разумеется, если это доставит тебе удовольствие, но у меня тут есть пара особых писем, и я хочу побыть в полной тишине.

Дженни отбросила работу, которой занималась, и в ярости уставилась на мужа, задетая за живое равнодушием в его тоне.

— Полагаю, ты не будешь возражать, если я буду говорить, когда мне хочется что-то сказать? Похоже, ты думаешь, я гожусь только на то, чтобы следить за домом и чинить твою одежду. Тогда я могла бы вообще пойти на кухню посидеть со служанкой.

— Считаешь, стоит устраивать сцену? Мне кажется, мы уже говорили об этом столько раз…

— Я хочу все выяснить.

— Мы все выясняем по два раза в неделю последние полгода, — ответил Бэзил, изнывая от скуки, — но так ни к чему и не пришли.

— Я жена тебе или нет?

— У тебя есть свидетельство о браке, которое ты надежно заперла в ящике, и оно доказывает сей факт. — Он задумчиво посмотрел на нее, складывая письма обратно в стол. — Говорят, первый год брака — самый трудный. Честно говоря, у

нас он выдался действительно неудачным, не правда ли?

— Видимо, в этом виновата я?

Дженни говорила агрессивно, с некой грубой насмешкой, но, казалось, это больше не трогает Бэзила. Ему в некотором роде удавалось смотреть на происходящее с любопытным отчуждением, как будто он зритель в театре, наблюдающий за игрой актеров.

— В конце концов, я изо всех сил старался сделать тебя счастливой.

— Что ж, в этом ты не очень преуспел. Ты думал, я могу быть счастлива, когда ты бросаешь меня одну на весь день и полночи ради знатных друзей, для которых я недостаточно хороша?

Он пожал плечами:

— Ты прекрасно знаешь, что я почти не встречаюсь со старыми друзьями.

— Кроме миссис Мюррей, не правда ли? — перебила она.

— Я видел миссис Мюррей раз десять за последний год.

— О, не обязательно мне об этом сообщать! Я и так знаю. Она же леди, правда?

Бэзил уставился на жену, словно задавшись вопросом, почему именно это имя пришло ей

на ум. Он никогда не думал, что жена может подозревать, насколько сильна его страсть к этой женщине. Но он собирался проигнорировать обвинения.

— Работа заставляет меня проводить меньше времени дома, — сказал он. — Но подумай, как бы ты заскучала, если бы я всегда сидел здесь!

— Много пользы от твоей работы! — с насмешкой воскликнула она. — Ты не можешь заработать достаточно, чтобы вытащить нас из долгов!

— Мы действительно в долгах, но в этом достойном положении находится половина всех знатных людей королевства.

— Соседи знают, что мы даже с торговцами рассчитаться не можем…

Бэзил вспыхнул и поджал губы.

— Очень жаль, что я оказался не такой выгодной партией, как ты ожидала, когда выходила за меня, — язвительно бросил он.

— Интересно, и что же ты делаешь, чтобы преуспеть? Твоя книга принесла тебе огромную славу, не правда ли? Ты думал, она потрясет мир, а она провалилась, провалилась, провалилась!

— Такая судьба постигла и другие книги, гораздо лучше моей, — рассмеялся он.

— Но твоя этого заслужила!

— Я и не предполагал, что ты ее оценишь. К несчастью, не всем нам дано сочинять истории о коварных эрлах и красивых герцогинях.

— Зато газеты ее хвалили, не так ли?

— Единодушие в отрицательных отзывах было единственным, что меня успокоило. Я часто задаюсь вопросом: догадывается ли ругающий тебя рецензент, какое удовольствие доставляет тем самым твоей жене?

Именно очевидное равнодушие Бэзила к ее издевкам, его презрение и горький сарказм заставили Дженни потерять самообладание. Она часто не понимала сути его ответов, но смутно осознавала: он смеется над ней. Ее неистовый гнев перешел всякие границы.

— О, я так хорошо узнала тебя, с тех пор как умер ребенок, — произнесла она, сжимая кулаки. — У тебя нет никаких оснований возносить себя на пьедестал. Теперь я знаю, каков ты. Я была глупа, когда воображала тебя героем. Ты всего лишь неудачник. Во всем, что делаешь, ты жалкий неудачник.

Бэзил смотрел на нее спокойно, но в его глазах отражалось полное отчаяние, ибо она весьма ясно выразила мысль, которая долгое время,

как червь, въедалась в его душу, высасывая из него все жизненные силы. Он видел будущее как человек, приговоренный к смерти, как человек, для которого красота жизни заключается лишь в ее горечи.

— Вероятно, ты права, Дженни, — ответил он. — Осмелюсь сказать: я всего лишь слабый неудачник.

Он принялся мерить шагами комнату, мучительно размышляя, а потом выглянул из окна на ровный ряд домов, показавшихся ему в тусклом свете газовых горелок омерзительными, как никогда. Он содрогнулся, когда оглядел гостиную, обычную и безликую. И, как поток воды, на него внезапно нахлынули воспоминания обо всех страданиях, которые он пережил в этих стенах. Дженни, вернувшаяся к шитью, обрабатывала кромки тряпок для пыли. Он сел подле нее.

— Послушай, Дженни, мне нужно серьезно с тобой поговорить. Я хотел бы, чтобы ты спокойно послушала меня пару минут — нам надо трезво все обсудить. Похоже, мы не ладим, и нет никакой надежды на то, что ситуация исправится. Ты несчастна, и, боюсь, я тоже не очень счастлив. Не хочу показаться эгоистом, но я не могу заниматься работой или чем-то еще, пока все это

продолжается. Я чувствую, что все наши ссоры ужасно унизительны. Ты не думаешь, что для нас обоих было бы лучше немного пожить раздельно? Вероятно, чуть позже мы сможем сделать еще одну попытку.

Пока он говорил, Дженни испуганно смотрела на него, но, хотя испытывала смутную тревогу, не вполне понимала, к чему он клонит. А потом она едва выдавила ответ:

— Ты хочешь сказать, нам надо расстаться? И что ты собираешься делать?

— Мне нужно уехать за границу на какое-то время.

— С миссис Мюррей? — Она разволновалась и теперь кричала. — В этом дело? Ты хочешь уехать с ней! Тебя от меня тошнит! Ты получил от меня все, что хотел, и теперь можно отправить меня восвояси. На сцену выходит изящная леди, а меня можно отослать прочь, как служанку. Думаешь, я не вижу, что ты влюблен в нее? Ты, без сомнений, пожертвовал бы мной, чтобы избавить ее от минутного недовольства. И поскольку любишь ее, ты ненавидишь меня.

— Как ты можешь нести подобную чепуху?! Ты не имеешь права такое говорить!

— Разве нет? Видимо, я должна просто закрыть

глаза и молчать. Ты влюблен в нее. Думаешь, я ничего не замечала в последние месяцы? Это из-за нее ты хочешь меня бросить!

— Нам невозможно жить вместе, — в отчаянии произнес он. — Мы никогда не придем к согласию и никогда не будем счастливы. Ради Бога, давай расстанемся и покончим с этим.

Бэзил уже поднялся, и Дженни подошла к нему так близко, что они стояли лицом к лицу.

— Слушай, Бэзил, ты поклянешься, что не влюблен в эту женщину?

— Разумеется, — с пренебрежением ответил он.

— Это ложь… И она так же влюблена в тебя, как и ты в нее.

— Что ты хочешь этим сказать? — воскликнул он, и кровь ударила ему в голову, а сердце с болью забилось в груди. Он схватил ее за руку. — Что ты имеешь в виду, Дженни?

— Думаешь, у меня нет глаз? Я увидела это в тот день, когда она заявилась сюда. Ты полагаешь, она приходила посмотреть на меня? Она презирает меня, потому что я не леди. Она пришла, чтобы угодить тебе, она была вежлива со мной, чтобы угодить тебе, она пригласила меня в гости, чтобы угодить тебе…

— Это нелепо. Конечно, она приехала. Она из моих старых друзей.

— Я знаю таких друзей. Думаешь, я не видела, как она смотрела на тебя и провожала взглядом? Она же ловила каждое твое слово. Когда ты улыбался, улыбалась и она. Когда ты смеялся, смеялась и она. О, я поняла, что она влюблена в тебя! Я знаю, что такое любовь, и я это почувствовала. А когда она смотрела на меня, я знала, что она меня ненавидит, потому что я украла тебя у нее.

— О, какое жалкое существование мы влачим! — воскликнул Бэзил, не в силах обуздать чувства. — Мы оба совершенно измучены, и так не может продолжаться. Я изо всех сил стараюсь сдерживаться, но иногда думаю, что это невозможно. И меня можно довести до слов, о которых мы оба пожалеем. Ради всего святого, давай разойдемся!

— Нет. Я не дам на это согласия.

— Мы не можем и дальше устраивать кошмарные ссоры. Наш брак был ужасной ошибкой. Ты должна понимать это так же, как и я. Мы совершенно не подходим друг другу, и смерть ребенка уничтожила единственное обстоятельство, которое нас связывало.

— Ты говоришь так, будто мы остались вместе

только потому, что это было удобно.

— Отпусти меня, Дженни. Я не могу этого больше выносить! — с горечью воскликнул он. — Я чувствую, что схожу с ума. — Он умоляюще протянул к ней руки. — Год назад я сделал ради тебя самое большое, на что был способен. Я дал тебе все, что у меня было, а было мало, по правде говоря. Но теперь я прошу тебя вернуть мне свободу.

Она была совершенно растеряна. Она и не подозревала, что все зайдет так далеко.

— Ты думаешь только о себе! — воскликнула она. — Что станет со мной?

— Ты будешь намного счастливее, — страстно ответил он, надеясь, что она уступит. — Это лучшее решение для нас обоих.

— Но я люблю тебя, Бэзил.

— Ты?! — Он уставился на нее в ужасе и оцепенении. — Надо же, ты изводила меня полгода и испытывала мое терпение. Ты каждый мой день делала невыносимо тяжелым. Ты превратила мою жизнь в сущий ад.

Дженни смотрела на него с паническим страхом в глазах, каждое его слово разило ее, как смертельный удар, она ловила ртом воздух и содрогалась. Как загнанный зверь, она беспрестанно переводила взгляд туда-сюда в поисках

путей бегства, но не находила ни одного. А потом, рассеянно ощупывая все вокруг себя, словно пытаясь спрятаться, она побрела к двери.

— Дай мне время подумать, — хрипло проронила она.

На следующее утро за завтраком Бэзил с исключительной вежливостью рассуждал на банальные темы, но Дженни заметила, что он отводит взгляд, и это задело ее за живое, ведь он обращался с ней как со случайной знакомой. Казалось, даже полную тишину ей было бы легче вынести. Встав из-за стола, он поинтересовался, обдумала ли она его предложение.

— Нет. Я не думала, что ты говоришь серьезно.

Он молча пожал плечами. А она смотрела на него с дрожью в сердце, мучительно надеясь, что он скажет ей хоть одно доброе слово на прощанье.

— Ты очень рано сегодня уходишь, — заметила она.

— В одиннадцать у меня предварительная работа по одному делу, и я хочу кое с кем встретиться, прежде чем отправлюсь в суд.

— С кем?

Залившись румянцем, он отвернулся:

— С моим солиситором.

Дженни промолчала, но когда он вышел на улицу, она стала следить за ним из окна, осторожно, так чтобы он не увидел ее, если поднимет глаза. Но Бэзил ни разу не оглянулся. Он шел медленно с поникшими плечами, как будто очень устал.

Когда он исчез из виду, она, отдавшись горькой печали, безудержно зарыдала. Дженни не знала, что делать, и нуждалась в совете больше, чем когда бы то ни было. Внезапно она решила повидать Фрэнка Харрелла, ведь летом он довольно часто приезжал в Барнс и она всегда была благодарна ему за доброту. По крайней мере этому человеку она могла доверять — в отличие от остальных он не будет насмехаться над ней из-за низкого происхождения. Отчасти ее затруднения проистекали из того, что в последнее время она попала в немилость к своим собственным родственникам, смотревшим на все со своей точки зрения, и было невозможно воззвать к их сочувствию. Дженни оказалась одна во всем мире, оторванная от своего круга и все еще не принятая в тот, за представителя которого вышла замуж. В отчаянии она воображала, будто все мироздание восстало против нее, и ей казалось, что она борется, как утопающий, с каким-то непреодолимым потоком бурной реки. А рекой этой была природа

человеческая.

Дженни поспешно оделась и отправилась на поезде к Ватерлоо. Она не знала, когда Фрэнк уходит, и очень боялась упустить его. По привычке она не взяла извозчика, а села в омнибус. Казалось, он полз еле-еле, а минуты растягивались в часы. Каждая остановка длилась бесконечно долго, так что она едва могла спокойно усидеть на месте и только убеждала себя, что, как бы медленно ни ехал омнибус, это все равно быстрее, чем если бы она шла пешком. Наконец, прибыв на место, Дженни, к великому облегчению, обнаружила, что Фрэнк у себя. Но он был столь явно удивлен ее визитом, что, на мгновение опешив, она не знала, как объяснить свое появление.

— Можно пару минут с вами поговорить? Я вас не задержу.

— Пожалуйста. А где Бэзил?

Фрэнк предложил Дженни сесть и попытался забрать зонт, в который она крепко вцепилась. Но она отказалась с ним расставаться и опустилась на краешек стула, явно переживая, с неловким видом человека, не привыкшего бывать в гостиных. Фрэнку, пытавшемуся дать ей почувствовать себя как дома, она напоминала экономку, пришедшую устраиваться на работу.

— Вам можно доверять? — резко начала она, сделав над собой усилие. — Я в ужасной беде. Вы хороший человек и никогда не смотрели на меня свысока из-за того, что я была официанткой в баре. Скажите, что я могу вам доверять. Мне не с кем поговорить, а я чувствую себя так, будто сойду с ума, если не поделюсь с кем-то.

— Боже правый! Что случилось?

— Все случилось! Он хочет расстаться со мной! Сегодня он ходил к солиситору. Он собирается выкинуть меня на улицу, как какую-то служанку. И тогда я покончу с собой, говорю вам: я покончу с собой. — Дженни заломила руки, и слезы полились по ее щекам. — Раньше в вашем присутствии мы всегда соблюдали приличия, поскольку Бэзилу было стыдно показывать вам, как он жалеет, что женился на мне.

Фрэнк и так хорошо знал, что некоторое время дела у этой пары шли отнюдь не гладко, но ему не приходило в голову, что они окажутся в такой ситуации. Он не представлял ни что сказать ей, ни как успокоить ее.

— Это чепуха. Наверняка это лишь мелкая мимолетная ссора. В конце концов, они и должны случаться.

— Нет, все не так. Я не возражала бы, если бы

думала, что Бэзил любит меня, но он не любит. Он называет это жалким существованием, и он прав. — Она замялась, но лишь на мгновение. — Вы скажете мне правду, если я задам вам один вопрос, клянетесь честью?

— Разумеется.

— Между Бэзилом и миссис Мюррей что-то есть?

— Нет, конечно, нет! — решительно воскликнул он. — Как такая мысль могла прийти вам в голову?!

— Вы не признались бы, даже если бы это было правдой, — растерянно ответила она, и теперь слова, которые давались ей с таким трудом, хлынули потоком. — Вы все против меня, потому что я не леди… О, я так несчастна! Говорю вам: он влюблен в миссис Мюррей. На днях он собирался поужинать у нее, так это надо было видеть! Он переживал, просто усидеть на месте не мог, каждую минуту смотрел на часы. Его глаза просто светились от возбуждения, и я чуть ли не слышала, как бьется его сердце. Он был там два раза на прошлой неделе и два раза — на позапрошлой.

— Откуда вы знаете?

— Я следила за ним. Если уж по его меркам я не дотягиваю до леди, то и не нужно ее изображать.

Теперь вы шокированы, я полагаю?

— Не мне вас судить, — тихо ответил Фрэнк.

— Бэзил никогда не любил меня, — продолжала Дженни взволнованно. — Он женился на мне, поскольку считал это своим долгом. А потом, когда умер ребенок, он подумал, что я заманила его в ловушку.

— Он так не говорил.

— Нет! — истерично прокричала она. — Он никогда ничего не говорит, но я прочла это по его глазам. — Она сцепила руки, раскачиваясь из стороны в сторону. — О, вы не знаете, что у нас за жизнь! Целыми днями он не произносит ни слова, лишь отвечает на мои вопросы. А тишина буквально сводит меня с ума. Лучше бы он ругал меня. Лучше бы бил меня, чем просто смотрел и смотрел. Я видела: он держит что-то в себе — и знала — конец близок.

— Мне очень жаль, — беспомощно произнес Фрэнк.

Даже ему самому эти слова показались сухими и неискренними, и Дженни разразилась яростной тирадой:

— О, не надо меня жалеть! Меня и так слишком много жалели, мне это не нужно. Бэзил женился на мне из жалости. О Боже, лучше бы он этого не

делал! Я не могу выносить такие мучения.

— Знаете, Дженни, он человек чести и никогда не совершил бы поступка, который неблагороден.

— О, я знаю, что он человек чести! — с горечью воскликнула она. — Лучше бы у него было поменьше этой чести. В семейной жизни не так нужны изящные сантименты. — Она встала и ударила в себя в грудь: — О, почему я не могла полюбить человека своего круга? Я была бы намного счастливее. Раньше я так гордилась, что Бэзил не клерк или какая-нибудь мелкая сошка в Сити. Он прав: мы никогда не будем счастливы. Я не могу изменить себя. Он знал, что я не леди, когда женился на мне. Моему отцу приходилось поднимать пятерых детей на два фунта десять шиллингов в неделю. Вряд ли на это можно отправить дочерей в пансион в Брайтон, а затем на учебу в Париж… Бэзил и слова не произносит, когда я говорю или делаю что-то, чего не сделала бы леди, но поджимает губы и смотрит. И я прихожу в такую ярость, что начинаю специально раздражать его. Иногда я даже пытаюсь вести себя вульгарно. В баре в Сити можно многому научиться, и я представляю, что приводит Бэзила в ужас. Порой мне хочется ему отомстить, и я

знаю, где у него больное место и как ранить его еще сильнее. Видели бы вы, как он смотрит, когда я неприлично веду себя за столом или называю мужчину бабником!

— Подобное поведение открывает массу возможностей для его недовольства и ведет к семейным проблемам, — сухо заметил Фрэнк.

— О, знаю, что это несправедливо по отношению к нему, но я теряю голову. Я не могу всегда быть утонченной. Иногда я не могу удержаться и чувствую, что должна выпустить пар.

Ее щеки пылали, и она быстро дышала. Никогда раньше Дженни никому не раскрывала душу, и Фрэнк, внимательно за ней наблюдавший, не мог разобраться в этой любопытной смеси любви и ненависти.

— Тогда почему вы не расстанетесь? — спросил он.

— Потому что я люблю его. — Ее голос, прежде холодный, с нотками металла, вдруг стал таким нежным, что перемена казалась просто удивительной. С ее лица исчезло выражение обиды. — О, вы не знаете, как я его люблю! Я готова на что угодно, лишь бы сделать его счастливым. Я отдала бы жизнь, если бы он захотел. О, не могу этого выразить, но когда думаю о нем, мое сердце

бьется так, что порой я с трудом дышу! Я никогда не смогу дать ему понять, что весь мир для меня — это он. Я пытаюсь заставить его полюбить меня, но заставляю лишь ненавидеть. Что я могу сделать, чтобы доказать ему свою любовь? Ах, если бы он только знал о ней, я уверена, он не стал бы жалеть, что женился на мне. Я чувствую себя так, как будто мое сердце переполняет музыка, и все же что-то мешает мне признаться в этом хотя бы раз.

Какое-то время они молчали.

— О чем вы пришли просить меня? — наконец спросил Фрэнк.

— Хочу, чтобы вы сказали ему, что я люблю его. Сама я не могу. Я всегда превращаю признание в кошмар. Скажите ему, что он для меня целый мир и я действительно постараюсь быть ему хорошей женой. Попросите его не бросать меня и скажите, что я хотела как лучше. — Она сделала паузу и вытерла глаза. — И вы не могли бы сходить к миссис Мюррей и передать кое-что ей? Попросите ее пощадить меня. Быть может, она не знает, что он творит. Попросите ее не забирать его у меня.

Она умоляюще схватила Фрэнка за руки, и он не нашел в себе сил воспротивиться.

— Я сделаю все, что в моих силах. Не падайте

духом. Уверен, все наладится и вы опять будете очень счастливы.

Она попыталась улыбнуться сквозь слезы и поблагодарить его, но голос ее не слушался, и она могла лишь сжимать его руки. Повинуясь внезапному порыву, Дженни наклонилась и поцеловала их, а потом быстро вышла, оставив Фрэнка одного — удивленным и растроганным.

13

Дженни поручила Фрэнку не самую простую задачу, и когда она удалилась, он принялся раздраженно поносить ее, а также ее отца, мать, супруга и всех родственников. Он довольно хорошо знал миссис Мюррей, лечил ее, когда она болела, и весьма часто появлялся в доме на Чарлз-стрит. Но несмотря на все это, ему было неудобно поднимать вопрос столь деликатного характера, и он понимал, что в итоге подвергнется суровому порицанию. И все же он, пожав плечами, решил нанести ей визит в тот же день после обеда и сказать то, что должен.

— Ну и пусть ругает меня, — пробормотал он.

Не подозревая о грядущих событиях, Хильда Мюррей, вернувшись домой с обеда, отправилась в гостиную, а поскольку день выдался дождливый и хмурый, приказала задернуть занавески и включить свет. Она обожала теплый и расслабляющий уют этой комнаты, обставленной с большим вкусом, пусть и без особой оригинальности. В Мейфэре[56] были десятки

---

[56] Примечания: 56
Фешенебельный район в Уэст-Энде.

подобных квартир с такими же большими, обитыми английским ситцем креслами, столами в стиле чиппендейл, застекленными шкафами с инкрустацией и картинами на стенах. Там было богатство без хвастовства, искусство без эксцентричности, и мистер Фарли, викарий Церкви всех душ, который заглянул в гости, отметил не без лести, что женщина, обитающая в такой комнате, уж точно имеет четкое представление о приличиях и уважении к традициям.

Впервые встретив Хильду год назад в доме на Олд-Куин-стрит, приветливый священник быстро сблизился с ней. Крепкий здравый смысл протестанта на законных основаниях разрешал душе церковника повиноваться чарам прекрасной женщины, а он всегда видел удачный брак кульминацией своей приходской деятельности. Хильда была привлекательна, богата и достаточно родовита, чтобы стать ровней служителю Христа, который порой по три дня вращался среди герцогинь. К тому же он полагал, что она не совсем равнодушна к его знакам внимания. Мистер Фарли твердо решил покончить с далеким от идеала состоянием одинокого блаженства, упав, как спелое яблоко, к ногам этой миловидной и процветающей вдовы. И подобному тому как

Отелло, обольщавший Дездемону, без остановки рассказывал изумленной красавице бравые истории о грабежах и нападениях, о гибели, которой едва удалось избежать, и об опасных предприятиях, преподобный Коллинсон Фарли говорил о благотворительности, встречах с церковными старостами и духовном возрождении простых тружеников.

Хильда очень заинтересовалась деятельностью Церкви всех душ и охотно подарила приходу целый набор подушечек, чтобы, как говорил викарий, прихожане больше не искали предлога не преклонять колени в молитве. Немного позже Хильда согласилась занять место в ларьке на ярмарке ради покупки нового органа, а потом, однажды перейдя рубеж филантропии, стала постоянно принимать участие в благотворительных акциях. Общие дела часто сводили их вместе и обеспечивали бесконечный поток новых тем для разговора. Но мистер Фарли льстил себе, думая, что он блестящий собеседник и постоянное обсуждение исключительно рабочих вопросов противоречило бы его принципам. Культурные проблемы также не оставались в стороне. Он одалживал у Хильды книги и ходил с ней в картинные галереи и на выставки. Они вместе то

читали Теннисона, то отправлялись в театр и обсуждали моральные аспекты английской драмы. По утрам, если выдавалась хорошая погода, они часто изучали итальянских мастеров на Трафальгарской площади[57] или мраморы Элгина[58] в Британском музее. Мистер Фарли обладал большим багажом знаний и мог дать историческую справку или рассказать пикантный анекдот о любом произведении искусства. В результате Хильда, повинуясь типичной женской любви к лекциям, пришла к выводу, что он может быть интересным и полезным другом. Но ей никогда не приходило в голову, что какие-то более теплые чувства будоражат сердце под его безупречным шелковым жилетом, и не без тревоги она обнаружила, что теперь они касаются в разговоре тем, которые не обсуждали раньше. Мистер Фарли наконец принял решение и, поскольку не относился к людям, которые колеблются из-за неуверенности в себе, перешел сразу к делу.

— Миссис Мюррей, — произнес он. — Есть один

---

[57] Примечания: 57

То есть в Национальной галерее, которая находится на Трафальгарской площади.

[58] Примечания: 58

Имеется в виду собрание образцов древнегреческого искусства, в том числе из Парфенона, вывезенных из Греции лордом Элгином.

весьма важный вопрос, о котором я желаю вам сообщить.

— Опять благотворительность, мистер Фарли? — воскликнула она. — Вы меня разорите.

— Вы воистину ангел милосердия, и ваш кошелек всегда открыт для церковных нужд. Но на этот раз я желаю обсудить дело более личного характера. — Он поднялся и шагнул к камину, у которого встал так, что тепло перестало проникать в комнату. — Я считаю своим долгом предварить вопрос, который собираюсь задать, небольшим рассказом о моем положении и обстоятельствах. Полагаю, лучше рискнуть показаться слегка скучным, чем оставить неясное представление о себе.

Разумеется, Хильда не могла не понять, к чему он клонит, и после минутного ужаса испытала почти непреодолимое желание рассмеяться. Вероятно, ее любовь к Бэзилу была столь велика, что она и не мечтала, будто ее может возжелать другой мужчина. А о мистере Фарли в этой связи она никогда не думала. Когда она смотрела теперь на него, элегантного, с тщательно уложенными седыми волосами, с ухоженными руками, с непринужденной уверенностью в себе и некоторой склонностью к ожирению, этот человек

казался существом неимоверно нелепым. Серьезно и решительно он перечислял преимущества своего положения и не без соблюдения правил приличия объяснял, что он не какой-нибудь нищий охотник за деньгами. Он предлагал справедливый обмен, и многие женщины приняли бы это предложение с благодарностью. Хильда знала, что должна его остановить, но чувствовала, что не готова. К тому же ее терзало любопытство, как именно он сделает предложение. Фарли вдруг резко остановился, улыбнулся и сделал шаг вперед:

— Миссис Мюррей, имею честь попросить вас стать моей женой.

Теперь она была вынуждена что-то ответить и от всей души пожалела, что ей не хватило силы духа остановить этого мужчину вовремя.

— Будьте уверены, я невероятно польщена, — неловко пробормотала она. — Никогда не предполагала, что вы относитесь ко мне таким образом…

Он, возражая, выбросил руку вперед:

— Я не жду немедленного ответа, миссис Мюррей. Это вопрос, требующий серьезных раздумий, и мы оба не дети, чтобы беспечно соединять себя узами брака. Это огромная ответственность, и я

хотел бы, чтобы вы поразмыслили над тем, сколько истинного добра могли бы творить в качестве моей жены. Помните этот красивый пассаж у Теннисона: «И рука об руку мы устремимся к более возвышенному»?

Дверь открылась, и викарий Церкви всех душ сумел спрятать раздражение только потому, что был очень вежливым человеком, а Хильда, испытав неимоверное облегчение, повернулась к Фрэнку Харреллу — вошедшему гостю — с величайшей теплотой.

Фрэнк заглянул на работу к Бэзилу, но, не застав его там, отправился на Чарлз-стрит, решив во что бы то ни стало поговорить с миссис Мюррей о Дженни. Казалось, однако, возможность так и не представится, потому что появлялись все новые посетители и разговоры велись все больше на общие темы.

Через некоторое время объявили о прибытии Бэзила, и Фрэнк заметил взволнованный быстрый взгляд миссис Мюррей. Она быстро оглядела Бэзила, сразу отметив его взъерошенные волосы, угрюмую бледность и глубочайшее уныние. Она говорила смеясь, но он почти не улыбался, а лишь смотрел на нее с выражением муки. Ей было очень больно видеть его совершенно несчаст-

ным. В конце концов Фрэнк оказался достаточно близко к Хильде, чтобы при этом его не слышали другие.

— Бэзил выглядит больным, не правда ли? Его жена приходила ко мне сегодня утром. Осмелюсь предположить, вы помните, что год назад он женился.

Миссис Мюррей покраснела и уставилась на Фрэнка с холодным подозрением. Она поджала губы, гадая, что у него на уме.

— Я приезжала к ним познакомиться с ней, — бесстрастно ответила она. — Эта женщина показалась мне вульгарной и претенциозной. Боюсь, она не особенно меня интересует.

— Она любит Бэзила всем сердцем, и она страшно подавленна. — Фрэнк смотрел на миссис Мюррей, не отводя глаз, и понизил голос, так чтобы со стороны казалось, будто он ничего не говорит, но для нее каждое слово звучало как удар грома. — Дженни попросила меня передать вам ее слова. Она знает, что Бэзил… любит вас. И она умоляет вас пощадить ее.

Мгновение Хильда не могла ответить.

— Вам не кажется, что с вашей стороны довольно дерзко говорить со мной на подобные темы? — спросила она, произнося слова с пауза-

ми, как будто выдавливала их одно за другим.

— В высшей степени дерзко, — согласился он. — И я не отважился бы на это, если бы она не сказала, что любовь звучит как музыка в ее сердце, а что-то мешает ей выразить ее. Мне показалось, что весьма глупая, ограниченная и простая женщина могла дойти до такой мысли, только если пережила адские мучения. И мне стало жаль ее.

— А вы думаете, я не страдала?

Хильда не могла больше скрываться за маской равнодушной благопристойности. Вопрос так взволновал ее, что у нее не хватило духу промолчать.

— Вам он очень нравится?

— Нет, он мне не нравится. Я боготворю землю, по которой он ступает.

Фрэнк протянул руку на прощание:

— Тогда поступайте так, как сочтете нужным. Вы играете в самую опасную игру на свете. Вы играете с людскими сердцами… Простите меня за мои слова.

— Напротив, я благодарна вам, ведь теперь я лучше знаю, что делать. Я забыла о его жене.

Фрэнк удалился, и мистер Фарли, отчаявшись дождаться ухода других гостей, тоже встал. Пожав

руку Хильде, он поинтересовался, когда может зайти снова. Встревожившись из-за разговора с Фрэнком, она совершенно забыла о предложении викария Церкви всех душ. Но теперь, когда на нее вдруг нахлынула жажда самопожертвования, оно не казалось ей нелепым или невозможным. В самом деле, если бы она согласилась, этот брак мог бы решить многие проблемы, и она решила не отвергать мистера Фарли сразу, как намеревалась, а прежде хорошо подумать. По крайней мере она не должна предпринимать никаких поспешных действий.

— Я напишу вам завтра, — мрачно произнесла она.

Он улыбнулся и нежно сжал ее руку, уже с некой страстью принятого любовника. Миссис Мюррей осталась наедине с Бэзилом. Он листал какую-то книгу, и это обыденное занятие, в тот момент, когда она была так возбуждена, казалось ей проявлением равнодушия.

— Очень интересно? — холодно спросила она.

Он тут же отбросил книгу.

— Я думал, этот человек никогда не уйдет. Я прихожу в ярость каждый раз, когда вижу его здесь. Вы очень к нему привязаны?

— Какой странный вопрос! — спокойно отве-

тила Хильда. — Интересно, почему вообще вы его задали?

— Потому что я люблю вас! — поддавшись чувству, воскликнул он. — И я ненавижу, когда с вами рядом оказывается кто-то еще.

Она смотрела на него с полнейшей невозмутимостью, и неведомое прежде равнодушие охватило ее, так что она не испытывала совершенно никаких чувств.

— Возможно, вам будет интересно узнать, что мистер Фарли предложил мне выйти за него замуж.

— И что вы ответите?

Его лицо вдруг стало пепельно-серым, а голос — хриплым.

— Не знаю, возможно, да.

— Я думал, вы любите меня, Хильда.

— Именно потому, что люблю вас, я и выйду за мистера Фарли.

Бэзил с жаром подскочил к ней и схватил за руки:

— О, но вы не можете, Хильда! Это же глупо. Вы не знаете, что вы делаете. О, не соглашайтесь, ради Бога! Вы сделаете нас обоих такими несчастными. Хильда, я люблю вас. Я не могу жить без вас. Вы не знаете, как я страдал. Месяцами я с ужа-

сом возвращался домой. Когда на подходе к дому я видел свои окна, мне едва ли не становилось плохо. Вы не знаете, как искренне я жалел о том, что не погиб на войне. Я не могу так больше…

— Но вам придется, — произнесла она. — Это ваш долг.

— О, я думаю, что сыт по горло долгом и честью. Я исчерпал запас терпения. Знаю, я сам во всем виноват. Я был слаб и глуп и должен отвечать за последствия. Но у меня не хватает сил. Я не люблю… свою жену.

— Тогда не допускайте, чтобы она когда-либо об этом узнала. Будьте добры к ней, нежны и снисходительны.

— Я не могу быть добрым, нежным и снисходительным день за днем, неделями, месяцами и годами. И самое худшее — то, что для меня нет никакой надежды. Я честно пытался все наладить, но без толку. Мы слишком разные, и невозможно продолжать жить вместе. Все, что она говорит, все, что она делает, страшно расходится с моими представлениями. Мужчина, который женится на такой женщине, надеется, что поднимет ее до своего уровня. Глупец! Это она утащит его за собой на дно.

Хильда в растерянности расхаживала по ком-

нате, и противоречивые чувства разрывали ей грудь. Она знала, как велика ее любовь к нему, и знала, что его любовь не меньше. Ей была невыносима мысль, что он мучается. Она остановилась и посмотрела на него. Ее глаза были полны слез.

— Если бы не вы, я не смог бы жить, — сказал он, и его голос затронул струны ее души, словно она была неким странным живым инструментом. — Лишь благодаря нашим встречам у меня хватало духу все продолжать. И каждый раз, когда приходил сюда, я любил вас еще более страстно.

— Зачем вы пришли? — прошептала она.

— Я не смог удержаться. Я знал, что для меня это яд, но я люблю этот яд. Я отдал бы душу, чтобы один раз заглянуть вам в глаза.

Впервые Бэзил говорил ей подобные нежности, и это было очень, очень мило, но она пыталась проявить твердость.

— Если вы хоть что-то ко мне испытываете, выполняйте свой долг как храбрый человек и позвольте мне уважать вас. Сейчас вы только делаете нашу дружбу невозможной. Разве вы не видите, что таким образом заставляете меня навсегда закрыть для вас двери своего дома?

— Я ничего не могу с этим поделать. Даже если

никогда больше вас не увижу, я должен сказать вам, что люблю вас. Месяцами это вертелось у меня на языке, и порой я едва сдерживался. Я принес вам страдания. Я был слеп. Но я люблю вас всем сердцем, Хильда, и не могу без вас жить.

Он шагнул к ней, но она быстро отпрянула, вскрикнув с мукой в голосе:

— Ради Бога, не говорите ничего такого! Я не могу это слышать. Разве вы не видите, как я слаба? Пощадите меня.

— Вы не любите меня.

— Вы знаете, что люблю! — выкрикнула она яростно. — Как раз из-за своей огромной любви я и призываю вас исполнить долг.

— Мой долг — быть счастливым. Давайте уедем туда, где мы сможем любить друг друга, подальше от Англии, куда-нибудь, где любовь не греховна и не уродлива.

— О, Бэзил, — серьезно произнесла она, почувствовав себя более сильной теперь, когда решила надавить на его чувство жалости, — о, Бэзил, давайте постараемся пойти по правильному пути! Подумайте о вашей жене, она тоже вас любит, так же сильно, как я. Вы для нее весь мир. Вы не можете так плохо поступить с ней.

Она опустилась на стул и вытерла глаза. Ее

боль утихомирила страсти, бушевавшие в груди Бэзила, и у него сердце защемило при мысли, что она расстроилась из-за него.

— Не плачьте, Хильда, я не могу этого видеть.

Он стоял над ней, и очень нежно она взяла его за руку.

— Разве вы не понимаете, что мы никогда не сможем уважать себя снова, если причиним такое страшное зло этому бедному созданию? Она всегда будет между нами со своими слезами и печалями. Говорю вам: я не смогу этого вынести. Пощадите меня, если вы хоть немного меня любите.

Он не ответил, и она, судорожно вздохнув, продолжила:

— Я знаю, всегда лучше выполнять свой долг. Ради меня, мой дорогой, идите к своей жене и никогда не позвольте ей узнать, что вы любите меня. Именно потому, что мы сильнее ее, мы и должны пожертвовать собой.

Его охватило глубочайшее уныние, и в комнате воцарилась тишина. Наконец он отпустил ее руку.

— Я больше не знаю, что хорошо, а что плохо. Такое ощущение, что все перемешалось. Это очень тяжело.

— Это не менее тяжело для меня, Бэзил.

— Тогда до свидания. — Он был убит горем. — Осмелюсь сказать, вы правы, и, вероятно, я лишь сделал бы вас очень несчастной.

— До свидания, мой дорогой.

Она встала и дала ему обе руки, а он наклонился и поцеловал их. Она с трудом терпела эту боль, и, когда он повернулся и направился к двери, вся решительность покинула ее. Она не могла допустить, чтобы он ушел прямо сейчас, такой отчужденный и расстроенный. Она подумала, что, вероятно, видит его в последний раз, и долго сдерживаемая страсть охватила ее, и вдруг стало ясно, что ничто не имеет значения, кроме любви.

— Не уходите, Бэзил! — воскликнула она. — Не уходите!

С радостным возгласом он повернулся, и она оказалась в его объятиях. Он целовал ее исступленно, он целовал ее губы, ее глаза и волосы. А она рыдала со всей неистовостью раздиравших ее желаний. Теперь ее ничто не волновало. Даже если бы исчезло все вокруг, а небеса низверглись на землю, ничто в мире не имело значения, кроме этого божественного безумия.

— О, это невыносимо! — простонала она. — Я

не хочу терять вас, Бэзил, скажите, что любите меня.

— Да, да. Люблю вас всем сердцем и всей душой.

Он снова припал к ее губам, и она едва не потеряла сознание от наслаждения. Она упала в объятия его сильных рук и почувствовала, что в них могла бы умереть счастливой.

— О, Бэзил, мне нужна ваша любовь! Мне так сильно нужна ваша любовь!

— Теперь ничто не разлучит нас. Вы моя навеки.

Он провел пальцами по ее лицу, его глаза горели. Она с ликованием встречала его пылкую страсть, гордясь, что мужчина может впасть в такое безумие из-за нее.

— Скажите еще раз, что любите меня, — прошептала она.

— О, Хильда, Хильда, наконец-то! Мы отправимся в такое место, где вся земля говорит лишь о любви и где лишь любовь, молодость и красота что-то значат.

— Давайте отправимся туда, где мы всегда сможем быть вместе. У нас так мало времени. Давайте украдем у жизни все счастье, которое только можно.

Он поцеловал ее снова, а она заплакала от счастья. Они как сумасшедшие говорили о своей любви и былых муках, строили рискованные планы на будущее, забывая обо всем, кроме своей страсти. В тот момент существовало лишь настоящее, и они недоумевали, как могли так долго жить друг без друга. Она с восторгом сжала его руки, когда он сказал, что теперь ничто не может разлучить их, ведь они принадлежат друг другу отныне и навсегда. И даже если они потеряли свои души, это не играло никакой роли, ведь они обрели целый мир. Но вдруг Хильда вскочила:

— Осторожнее! Кто-то идет.

Едва она успела это произнести, как появился дворецкий, вслед за которым тут же вошла Дженни. Бэзил издал изумленный возглас. Слуга закрыл дверь, и на мгновение, смутившись, Хильда лишилась дара речи. Бэзил пришел в себя первым:

— Я думаю, вы знаете мою жену, миссис Мюррей.

— О да, я ее знаю. Не нужно меня представлять, — прогремела Дженни со злостью в голосе. Она быстро подошла к Хильде: — Я пришла за своим мужем.

— Дженни, что ты говоришь? — воскликнул

Бэзил, предвидя, что назревает отвратительная сцена. Он повернулся к Хильде: — Вы не могли бы оставить нас одних?

— Нет, я хочу поговорить с вами, — перебила Дженни. — Не надо кормить меня этими вашими светскими уловками. Я пришла сюда говорить откровенно. Наконец я вас поймала. Вы пытаетесь отнять у меня мужа.

— Потише, Дженни. Ты сошла с ума? Ради Бога, оставьте нас, миссис Мюррей! Она оскорбит вас.

— Ты думаешь о ней, ты не думаешь обо мне. Тебе все равно, как сильно я мучаюсь, — не отступала Дженни.

Бэзил взял жену под руку, пытаясь увести, но она с яростью оттолкнула его. А Хильда стояла перед ней, бледная и пристыженная: внезапное вторжение показало ей всю уродливую омерзительность того, что она собиралась совершить, и она была в ужасе. Хильда сделала знак Бэзилу, чтобы он позволил жене говорить.

— Вы крадете у меня мужа! — воскликнула Дженни угрожающим тоном. — О, вы… — Она подбирала слова, которые прозвучали бы достаточно резко, и дрожала от бессильной ярости. — Вы порочная женщина!

Хильда заставила себя заговорить:

— Я не хочу, чтобы вы были несчастны, миссис Кент. Если вам угодно, я пообещаю никогда больше не видеться с вашим мужем.

— Много толку с ваших обещаний! Я ни одному слову вашему не поверю. Я знаю, каковы светские дамы. Мы в Сити все про них знаем.

Бэзил шагнул вперед и еще раз попросил Хильду оставить их одних. Он открыл дверь, и в его глазах читалась такая мольба, что она не смогла остаться. Но, даже отводя глаза, она чувствовала, как он молчаливо уговаривает ее не расстраиваться из-за этой отвратительной грязной сцены, которую устроила его жена.

— Она меня испугалась, — свирепо прошипела Дженни. — У нее не хватит смелости бороться со мной.

Бэзил закрыл дверь и повернулся к жене. Он побледнел от ярости, но ей было все равно.

— Что ты хотела показать, когда заявилась сюда и повела себя подобным образом? — гневно воскликнул он. — Ты вообще не имела права приходить. Что тебе нужно?

— Мне нужен ты. Думаешь, я не догадывалась о том, что происходит? Я ждала у подъезда много часов. Видела, как люди заходят и выходят, и наконец я узнала, что вы остались вдвоем.

— Как ты узнала?

— Я дала дворецкому соверен, и он сказал мне.

Ледяная дрожь отвращения пробежала по спине Бэзила, и Дженни с горечью рассмеялась, когда увидела глубочайшее презрение на его лице. Потом ей на глаза попалась фотография Бэзила, стоявшая на столе у окна, и, прежде чем он успел остановить ее, она схватила снимок, бросила на пол и жестоко растоптала каблуком.

— Она не имеет права держать здесь твою фотографию. О, я ненавижу ее, ненавижу ее!

— Ты выводишь меня из себя. Ради Бога, уходи!

— И не подумаю. Ты уйдешь со мной.

Он какие-то мгновения смотрел на нее, силясь сдержать неистовую ненависть, нахлынувшую на него безудержной волной. Он шагнул к ней и схватил за руку:

— Послушай, до сегодняшнего дня, клянусь тебе перед Богом, я никогда не делал и не говорил того, чего ты знать не могла. Я пытался исполнять свой долг и изо всех сил старался сделать тебя счастливой. Я всем своим естеством стремился полюбить тебя. А теперь я не желаю тебя обманывать. Лучше, чтобы ты точно знала, что случилось. Сегодня днем я сказал Хильде, что люблю ее… И она тоже меня любит.

Дженни издала бешеный вопль и импульсивно с размаху ударила Бэзила зонтиком по лицу. Он выхватил у нее зонт и, в слепой ярости сломав об колено, отбросил в сторону.

— Ты сама все это устроила, — сказал он. — Ты сделала меня совершенно несчастным.

Он посмотрел на Дженни как на незнакомую женщину, которую видел впервые в жизни. Она стояла перед ним, запыхавшаяся и ошарашенная, пытаясь взять себя в руки.

— А теперь настал конец, — холодно продолжил он. — Жизнь, которую мы вели, была невыносима. Я пробовал что-то предпринять, но это было не в моей власти. Я ухожу. Не могу и не буду больше жить с тобой.

— Бэзил, ты ведь вовсе не это имел в виду! — воскликнула она, вдруг поняв, что он говорит совершенно серьезно. Прежде она воображала, будто он лишь угрожает, но не собирается претворять угрозы в жизнь. — Ты должен со мной считаться. Я не отпущу тебя.

— Что еще тебе нужно? — с горечью спросил он. — Разве тебе недостаточно, что ты разрушила всю мою жизнь?

— Ты не любишь меня?

— Я никогда тебя не любил.

— Почему тогда женился на мне?

— Потому что ты меня заставила.

— Ты никогда меня не любил? — повторила она, теперь уже совершенно раздавленная, дрожа от страха и едва ли не падая в обморок. — Даже в самом начале?

— Никогда. Больше не стоит продолжать лгать. Я должен сказать тебе всю правду и положить этому конец. Ты выясняла со мной отношения много месяцев, теперь моя очередь.

— Но я люблю тебя, Бэзил! — со страстью крикнула она, потянувшись к нему, чтобы обвить руками его шею. — Я заставлю тебя полюбить меня!

Он отшатнулся:

— Ради Бога, не трогай меня!.. О, Дженни, давай с этим покончим! Мне очень жаль. Я не желаю быть к тебе жестоким, но ты, должно быть, видела, что я не испытывал к тебе никаких чувств. Какой смысл продолжать лгать, притворяться и причинять друг другу страдания?

Она повернулась к нему, униженная, сотрясаясь от сдерживаемых рыданий, и уставилась на него неестественно расширившимися глазами.

— Да, я видела это, — хрипло подтвердила она. — Но я не хотела в это верить. Когда клала

руку тебе на плечо, я видела, что ты едва сдерживался, чтобы не сбросить ее. А порой, когда я тебя целовала, то видела, что лишь усилие воли не давало тебе меня оттолкнуть.

В конце концов, у него было доброе сердце, и теперь, когда гнев утих, он не мог остаться безучастным к невероятной муке в ее голосе.

— Дженни, я не могу ничего поделать с тем, что не люблю тебя. Я не могу ничего поделать с тем, что люблю другую.

— И какие у тебя планы? — спросила она, ошеломленная и испуганная.

— Я уеду.

— Куда?

— Бог знает!

Какое-то время они молча стояли друг против друга, пока Дженни пыталась разобраться в сумятице мыслей, которые носились у нее в голове, теснясь и словно танцуя в буйном, безумном ритме. Осторожно вошел дворецкий и передал Бэзилу записку со словами, что ее велела принести миссис Мюррей. Бэзил не открывал ее, пока слуга не ушел, а потом, прочитав, без единого слова протянул ее Дженни.

Можете сказать жене, что я решила выйти замуж за мистера Фарли. Я никогда больше вас не увижу.

Х.М.

— Что это значит? — спросила Дженни.

— Разве не ясно? Один человек сделал ей предложение, и она собирается согласиться.

— Но ты сказал, она любит тебя.

Бэзил пожал плечами и не ответил. Луч надежды пронзил сердце Дженни, и, вытянув руки, взволнованная, она подошла к нему:

— О, Бэзил, если это правда, дай мне еще один шанс! Она не любит тебя так, как я. Я была эгоистичной, склочной и требовательной, но я всегда тебя любила. О, не бросай меня, Бэзил! Позволь мне попытаться еще раз завоевать твою любовь.

— Мне очень жаль, — ответил он, опустив глаза. — Слишком поздно.

— О Боже! Что мне делать? — воскликнула она. — И даже теперь, когда она собирается замуж за другого, ты любишь ее больше всех на свете?

Он молча кивнул.

— И даже если она выйдет замуж за этого человека, она будет любить тебя. Мне нет места между вами, и я могу уйти, как уволенная служанка. О

Боже, Боже! Чем я такое заслужила?

— Мне очень жаль, что я причинил тебя боль, — прошептал Бэзил, глубоко тронутый ее страданиями.

— О, не надо меня жалеть! Думаешь, мне сейчас нужна жалость?

— Лучше нам уйти, Дженни, — мягко произнес он.

— Нет, ты сказал мне, что больше не хочешь меня видеть. Я пойду своей дорогой.

Он посмотрел на нее, колеблясь, но потом пожал плечами:

— Тогда до свидания.

Он вышел, и Дженни проводила его глазами. Сначала она едва могла поверить, что Бэзил ушел. Казалось, он вот-вот вернется и заключит ее в объятия. Казалось, он снова поднимется по лестнице и скажет, что до сих пор ее любит. Но он так и не появился, и из окна она увидела, как он зашагал по улице прочь.

— Он так рад, что ушел от меня… — прошептала она.

Убитая горем, она рухнула на пол и, закрыв лицо руками, безудержно зарыдала.

14

Наконец Дженни поднялась и спустилась по лестнице. Тихо открыв дверь, вышла на улицу. Хотя она очень устала, бережливость на уровне инстинкта помешала ей взять извозчика, и тяжелым шагом она направилась к Ватерлоо. Вечер выдался холодным и темным, мелкий ноябрьский дождь промочил ее насквозь, но в своем величайшем унынии она не замечала ничего вокруг. Дженни шла, глядя прямо перед собой, переполняемая отчаянием, и не видела ни домов, ни людей. Она прошла через толпу на Пиккадилли, как по пустой улице. Укутавшись и раскрыв зонтики, люди спешили домой или, невзирая на суровую погоду, просто прогуливались. Время от времени Дженни горестно всхлипывала, и обжигающие слезы начинали струиться по щекам. Дорога казалась бесконечной, силы быстро покидали ее. Все ее члены налились свинцом и невыносимо болели. Но она не желала ехать, ибо легче переносить боль в движении, чем в состоянии покоя.

Она перешла Вестминстерский мост и наконец, едва осознав это, оказалась на Ватерлоо. У нее

был такой вид, что носильщик решил, будто она пьяна. Дженни спросила, когда будет поезд, и присела в ожидании. Лучи электрических ламп с трудом пронзали сырой воздух, и помещение вокзала в тусклом свете казалось огромным и словно изрытым пещерами. Появлялись и исчезали люди, ходили с багажом носильщики, приезжали и уезжали поезда. Все происходящее отпечатывалось в измученном сознании Дженни с отвратительной жестокой яркостью.

Наконец добравшись до Барнса, она испытала не облегчение, а еще большие мучения, ибо вспомнила, как часто летом под нежно-голубыми небесами прогуливалась по окрестностям, держа за руку Бэзила. А теперь все здесь казалось темным и уродливым, ракитник, весь обуглившийся и потрепанный, даже под покровом ночи имел унылый, жалкий вид. Она пришла к маленькому тесному домику, открыла ключом дверь и поднялась наверх, смутно надеясь, что Бэзил все-таки вернулся, — казалось невероятным, что она его больше не увидит. Но его нигде не было. Ее переживания стали настолько мучительными, что она бродила по дому как умалишенная и механически переставляла вещи, оказавшиеся не на своих местах. В спальне она посмотрела в

зеркало, сравнивая себя с миссис Мюррей, и отметила с некой печальной гордостью великолепие собственных волос, блеск глаз и восхитительное совершенство кожи. Несмотря на все, что пришлось пережить, Дженни осознавала: она красивее миссис Мюррей и к тому же моложе. Вспоминая восхищение, в котором купалась в былые времена в «Голден краун», она не могла понять, почему на Бэзила ее чары больше не действовали. Другие мужчины страстно любили ее, были готовы смиренно исполнить любую просьбу. Одни, пожирая Дженни глазами, дрожали, когда касались ее руки. Другие бледнели от желания, когда она дарила им улыбку. Ей внушали, что она красива, и только Бэзил остался равнодушным. Дженни задалась вопросом, чем она заслужила столь суровое наказание. Она старалась изо всех сил: была Бэзилу хорошей и верной женой, стремилась угодить ему всеми возможными способами. И все равно он ненавидел ее. Казалось, сам Всемогущий Господь против нее, и она, беспомощная стоит перед некой карающей силой.

Надеясь на чудо, она села ждать и, зная расписание поездов, в мучительном томлении отсчитывала время, за которое пассажир успевал

добраться домой после прибытия на станцию. Проходил вечер, и поезда прибывали один за другим, но Бэзила все не было. Когда ушел последний поезд, ее охватило отчаяние — муж точно не появится. Дженни поняла, что это действительно конец, и отбросила ту крупицу надежды, которая одна и поддерживала ее. Она снова увидела его лицо, искаженное ненавистью, с которой он бросил ей горькие слова презрения, и вздрогнула. От всей души Дженни жалела, что не закрыла глаза на проделки Бэзила, ибо теперь была бы рада удержать его подле себя без надежды на взаимность. Она отдала бы целый мир, только бы не слышать от него признание в любви к миссис Мюррей, которое вырвала у него сама. Подозрение, терзавшее ее ранее, было куда лучше этой ужасной определенности. Она предпочла бы вытерпеть что угодно, лишь бы не потерять его совсем. Она была бы счастлива хоть иногда его видеть, только бы не потерять. Уж лучше умереть.

Ее сердце вдруг затрепетало. Уж лучше умереть… Вот и нашлось решение для всех проблем. Было невозможно жить с этой болью. Несчастье раздавило ее: насколько лучше было бы умереть и ничего не чувствовать!

— Между ними нет места для меня, — повторила она. — Я только мешаю.

Вероятно, умерев, она могла бы оказать Бэзилу последнюю услугу, и он, быть может, испытал бы сочувствие к ней. Быть может, он раскаялся бы в своих словах и пожалел, что не был добрее и терпимее. Она понимала, что, продолжая жить, не заслужит его любовь, но кто знает, какие чудеса способна сотворить ее смерть? Искушение охватило ее, и овладело ею, и подчинило ее себе. Невероятное волнение поднялось в груди бедной женщины, и, собрав в кулак последние силы, она без колебаний встала, надела шляпку и вышла. Дженни шагала быстро, странным образом ободренная решением, завораживавшим своей неимоверной притягательностью, ведь она ждала успокоения и избавления от страданий, разрывавших сердце сильнее самой страшной физической боли, которую она когда-либо испытывала. Она пришла к реке, молчаливой и мрачной в такой же мрачной и молчаливой ночи. Поток воды казался угрожающим и холодным. Но Дженни не боялась: если ее сердце и билось быстро, то от пугающей радости, ведь конец мучениям был близок. Она радовалась, что ночь выдалась темная, и благодарила Бога за дождь,

удержавший дома любителей слоняться без дела. Она направилась по бечевнику к месту, которое давно знала: год назад оттуда бросилась в воду женщина, потому что там было глубоко и берег резко обрывался. Дженни часто проходила мимо этого места с легкой дрожью. Однажды в шутку она сказала, что гуляет по чужой могиле. По направлению к ней шел человек, и она спряталась в тени около стены, он миновал ее, не заметив. С деревьев струями лилась вода. Дженни добралась до нужного места и осмотрелась, желая убедиться, что рядом нет ни души. Она сняла шляпку и положила ее на землю под стеной, чтобы она намокла как можно меньше, потом без колебаний отправилась на берег. Она не испытывала никакого страха, всего миг смотрела на мутную безжалостную воду, а потом дерзко бросилась в нее…

Бэзил, покинув миссис Мюррей, отправился на Харли-стрит, но, узнав, что Фрэнка нет, двинулся к себе в клуб, где провел вечер в угрюмом отчаянии, переживая, что Хильда обозначила свое намерение выйти замуж за викария Церкви всех душ, и уже раскаиваясь, что причинил такую боль жене. Сначала он намеревался провести ночь в городе, но чем дольше думал об этом, тем

более необходимым казалось возвращение в Барнс. И хотя он твердо решил расстаться с Дженни, учитывая все, что произошло раньше, он не мог покинуть ее в гневе. Зная, что не выдержит немедленной встречи с ней, он решил появиться дома поздно, чтобы она к этому моменту уже спала. Бэзил не сомневался, что не сможет заснуть, и потому решил прогуляться. Было уже почти два, когда он добрался до своего маленького домика в Ривер-Гарденс, и с удивлением увидел, что в его дверь звонит полицейский.

— Что вы хотите, констебль? — спросил он.

— Вы мистер Бэзил Кент? Не пройдете со мной на станцию? С вашей женой произошел несчастный случай.

Бэзил вскрикнул и, охваченный ужасом, спросил, что случилось. Но полицейский просто повторил, что ему нужно немедленно последовать за ним, и они поспешили вперед. Наконец, когда они прибыли на место, инспектор сообщил ему страшную новость:

— Вы должны опознать жену. Свидетель видел, как она прошла по бечевнику, а потом бросилась в воду. Она утонула, прежде чем ей успели помочь.

Не в состоянии полностью осознать эти слова,

Бэзил молчал, объятый ужасом и смятением. Он открыл рот, чтобы заговорить, но издал лишь невнятный звук. Он переводил взгляд с одного мужчины на другого: оба равнодушно наблюдали за ним. Комната вращалась у него перед глазами, и он, ничего не видя, почувствовал неимоверную слабость, а потом возникло ощущение, будто кто-то беспощадно рвет его череп на части. Бэзил вытянул вперед руки, и инспектор, поняв его желание, отвел его в помещение, где лежала Дженни. При ней до сих пор находился врач, но, казалось, все попытки спасти жизнь давно прекратились.

— Это супруг, — произнес провожатый Бэзила.

— Мы ничего не смогли сделать, — пробормотал врач. — Она была мертва, когда ее вытащили.

Бэзил посмотрел на Дженни и закрыл лицо руками. Ему хотелось закричать, казалось, все это слишком ужасно, слишком невероятно.

— У вас есть хоть какие-то догадки, почему она это сделала? — спросил врач.

Бэзил не отвечал, а лишь в замешательстве смотрел на закрытые глаза и прекрасные, спутанные и мокрые волосы Дженни.

— О Боже! Что же мне делать? Неужели никак нельзя ей помочь?

Врач попросил констебля принести бренди, но Бэзил с отвращением оттолкнул стакан.

— Что я должен теперь сделать?

— Вам лучше пойти домой. Я провожу вас, — предложил врач.

Бэзил уставился на него, его глаза, полные страха, казались неестественно черными и выделялись на мертвенно-бледном лице.

— Пойти домой? А здесь нельзя остаться?

Собеседник взял его под руку и повел прочь. Путь был недолгим, и у двери дома врач спросил, справится ли Бэзил дальше сам.

— Да. Я в порядке. Не беспокойтесь.

Он отпер дверь, поднялся наверх и, споткнувшись о стул, закричал в страхе и полном смятении. Сев, он попытался собраться с мыслями, но мозг был словно в тумане, так что он испугался, что сходит с ума. Голова по-прежнему страшно болела, но душевная боль была еще сильнее. В его воспаленном сознании возникла сцена в полицейском участке, которая прежде представлялась смутной и тусклой. Теперь с доскональной точностью он видел каждую деталь: голые каменные стены морга, слепящий свет и резкие тени, выражения лиц этих мужчин в форме (каждая черта, игра мимики отличались невероятной

четкостью) и — тело! Это зрелище так потрясло Бэзила, что он едва не упал в обморок от ужаса и раскаяния, издав стон, полный страшной муки. Он застонал в муках. Он никогда не знал, что можно так сильно страдать.

— О, если бы она подождала еще немного! Если бы я приехал раньше, то мог бы спасти ее.

С той же необычайной четкостью он вспомнил события второй половины дня и пришел в полный ужас от собственной жестокости. Он мысленно повторял свои и ее слова и видел жалобное выражение ее лица, когда она умоляла дать ей еще один шанс. Голос Дженни до сих пор звенел у него в ушах, а ее исполненный страдания взгляд приводил в уныние. Это была его вина, целиком и полностью его вина.

— Я убил ее так же, как если бы задушил своими собственными руками…

Его горячечное воображение рисовало сцену на берегу реки, весь ужас мутного тяжелого потока, беспощадный холод воды. Он слышал всплеск и испуганный крик Дженни. Он видел борьбу, когда на мгновение жажда жизни затмила собой все остальное. Он представил мучительный страх, который испытала его жена, когда вода завладела ею, и даже ощутил удушье, делая на-

прасные попытки вдохнуть. В истерике Бэзил разразился слезами.

Потом он вспомнил любовь, которой Дженни окружала его, и собственную неблагодарность. Он мог лишь горько упрекнуть себя, потому что на самом деле никогда и не пытался все наладить. Первые препятствия обескуражили его, и он забыл о своем долге. Дженни доверилась ему, а он принес ей только печаль вместо счастья, для которого она — девушка столь яркая — родилась, принес чудовищную смерть вместо беззаботной жизни. И наконец, Бэзилу показалось, что он не может продолжать жизнь, ибо презирает самого себя. Он больше не мог с радостью ждать следующего дня. Его жизнь кончилась, кончилась в несчастье и полном отчаянии. Как мог он все продолжать, вспоминая ее укоризненный взгляд, берущий за душу? И его охватило сильное желание положить конец существованию, как это сделала она, искупив таким образом ее смерть и в то же время обретя спокойствие, за которое она отдала так много.

Страшные чары опутали его, словно повинуясь чьей-то злой воле, он спустился вниз, вышел на улицу, прошел по бечевнику и встал на том самом месте, откуда Дженни бросилась в воду.

Он хорошо его знал. И несмотря на темноту ночи, он видел: там что-то произошло — берег был истоптан и изрезан следами. Но, глядя в воду, Бэзил содрогнулся от ужаса. Было невыносимо холодно, а ему не хотелось долго страдать, пока не утонет. Но она сделала это с такой легкостью! Возникало ощущение, что Дженни ринулась в воду быстро, не колеблясь ни секунды. Чувствуя тошноту от страха и презирая себя за трусость, Бэзил повернулся и быстро зашагал прочь от этого кошмарного места. Наконец он побежал со всех ног и добрался до дома, весь дрожа.

Дальнейшая жизнь по-прежнему представлялась ему невозможной, он вытащил из ящика письменного стола револьвер и зарядил его. Требовалось лишь слегка нажать на спусковой крючок, и пришел бы конец нестерпимому стыду и угрызениям совести. Он внимательно и долго рассматривал оружие, а потом в сердцах отбросил. Он не мог свести счеты с жизнью, которую, несмотря на все мучения, любил. Он никогда так не страдал. На войне у него случались ранения, и в те мгновения он едва чувствовал обжигающие пули, которые яростно мчались вперед.

Часы пробили три. Бэзил не знал, как пережить эту невыносимую ночь. До рассвета оставалось

почти пять часов, а темнота пугала его. Он пытался читать, но в мыслях царил такой беспорядок, что слова казались бессмыслицей. Он лег на диван и закрыл глаза в надежде уснуть, но вновь с ясной и отвратительной четкостью увидел бледное лицо Дженни, ее стиснутые в кулаки руки и мокрые волосы. В комнате стояла гнетущая тишина. Ему на глаза попалась работа Дженни, которую она оставила на маленьком столике перед выходом, и, казалось, она опять сидит перед ним и шьет по привычке. Его муки были нестерпимы, и, вскочив, он взял шляпу и вышел. Бэзилу нужно было поговорить с кем-то, кому он мог излить свою горькую, горькую печаль. Он забыл о времени и быстро направился в Хэммерсмит. Дорога была пустынна и так темна в этой холодной беззвездной ночи, что он едва видел землю, и ни одна живая душа не встречалась ему на пути, как будто он путешествовал по безлюдной пустыне. Перейдя мост, он добрался до домов. Бэзил шел по тротуарам, и воспоминания о толпах, наводнявших эти улицы днем, немного рассеяли панический страх, гнавший его вперед. Его ноги, прежде шагавшие без цели, теперь вели его к Фрэнку. От кого-то он должен получить помощь и совет, как преодолеть несчастье.

Утомившись, Бэзил пошел медленнее, и путь казался бесконечным. Наконец появились признаки пробуждения Сити. То и дело мимо тяжело прокатывали тележки с товарами для рынка Ковент-Гарден. Там и сям зажигались огни в лавках молочников. Сердце Бэзила потянулось к этим ранним труженикам, и, видя, как усердно они работают, он решил, что сможет продолжать жить. Мгновение постояв у мясной лавки, где энергично оттирали пол крепкие парни, чьи силуэты отчетливо выделялись в свечении газовых горелок, он отправился дальше.

В конце концов (казалось, прошли часы, с тех пор как Бэзил покинул Барнс) он добрался до Харли-стрит и, пошатываясь, поднялся по лестнице. Он позвонил в ночной звонок и подождал. Никто не вышел, и у него в голове пронеслась мучительная мысль, что Фрэнка вызвали в больницу. Куда ему было идти? Ведь он устал, и ослаб, и не мог сделать больше ни шага. С полуночи он преодолел целых шестнадцать миль. Бэзил позвонил снова и наконец услышал какой-то шум. В коридоре зажегся электрический свет, и дверь открылась.

— Фрэнк, Фрэнк, ради Бога, впусти меня! Мне кажется, я сейчас умру.

С изумлением Фрэнк смотрел на друга, взъерошенного, без верхней одежды, мокрого, забрызганного грязью. Лицо Бэзила было бледным, усталым и испуганным, а взгляд — устремлен в одну точку, как у помешанного. Фрэнк не стал задавать вопросов, а взял гостя под руку и отвел в комнату. Того покинули последние силы, и, рухнув в кресло, он потерял сознание.

— Идиот! — пробормотал Фрэнк.

Он схватил друга за шиворот и с силой потянул его голову вниз, пока она не оказалась между коленями. Наконец Бэзил пришел в чувство.

— Не поднимай голову, пока я не принесу тебе бренди!

Фрэнк был не из тех людей, которых можно смутить неожиданным происшествием, и он методично подливал в стакан достаточное количество неразбавленного алкоголя и заставлял Бэзила пить. Он приказал ему посидеть спокойно и помолчать. Затем взял трубку, набил ее и зажег, тихо сел, укутался как можно теплее и принялся курить. Все это оказало волшебный эффект на Бэзила. Фрэнк, словно ничуть не был удивлен ранним вторжением, вел себя совершенно невозмутимо. Это спокойствие имело некое гипнотическое воздействие, так что Бэзил ощу-

тил необычайное облегчение. Наконец Фрэнк повернулся к нему:

— Думаю, тебе лучше переодеться. Я могу дать тебе пижаму.

Голос друга вернул Бэзила к чудовищной реальности, и, сверля его глазами, он хриплым голосом, умолкая лишь для того, чтобы мучительно вздохнуть, бессвязно поведал тому страшную историю. А потом, снова сорвавшись, закрыл лицо руками и зарыдал:

— О, я не вынесу этого! Я не вынесу этого!

Фрэнк смотрел на него, не зная, что сказать.

— Я тоже пытался покончить с собой ночью, — признался Бэзил.

— Думаешь, это могло бы принести кому-то пользу?

— Я презираю себя. Чувствую, что не имею права жить. Но у меня не хватило духа. Говорят, уничтожить себя — трусость. Никто не знает, какая для этого нужна смелость. Я не смог решиться на такую боль. А она сделала это легко — просто прошла по бечевнику и бросилась вниз. И потом, я не знаю, что там, на другой стороне. В конце концов, может, это и правда, что есть жестокий мстительный Бог, который навечно покарает нас, если мы нарушим Его заповеди.

— На твоем месте я бы не вел душеспасительных разговоров, Бэзил. Предлагаю тебе отправиться в соседнюю комнату и поспать. После нескольких часов отдыха тебе станет значительно лучше.

— Думаешь, я смогу заснуть? — воскликнул Бэзил.

— Давай же, — сказал Фрэнк, взяв его под руку.

Он повел Бэзила в спальню, и тот, не сопротивляясь, снял одежду и послушно лег. Фрэнк достал шприц для подкожных инъекций.

— А теперь дай руку и не двигайся. Я сделаю тебе укол, это не больно.

Он ввел Бэзилу немного морфия и через некоторое время с удовлетворением увидел, что тот умиротворенно уснул.

Фрэнк убрал шприц и улыбнулся.

— Забавно, — пробормотал он, — но самые бурные и трагические человеческие чувства не могут тягаться с полной дозой morphin hydrochlor[59].

Это средство могло успокоить взволнованный разум, горе и раскаяние под его воздействием теряли остроту, уколы совести сводились на нет, а боль — великий враг человека — быстро подавлялась. Это подчеркивало тот факт, что

---

[59] Примечания: 59
Гидрохлорид морфина *(лат.)*.

наиболее буйные эмоции рода человеческого возникали из-за того, что глупцы заклеймили позором. Фрэнк одним всеобъемлющим проклятием выразил свое искреннее отвращение к дуалистам, спиритуалистам, христианским ученым, врачам-шарлатанам и популяризаторам науки. Закутавшись в плед, он удобно уселся в кресло в ожидании запоздалого рассвета.

Два часа спустя Фрэнк уже был в Барнсе, чтобы узнать в полицейском участке подробности трагической гибели Дженни. Он объяснил инспектору, что Бэзил Кент находится в состоянии полного изнеможения и сам ничего делать не может, дал полицейским свой адрес и попросил, чтобы по всем вопросам обращались к нему. Он выяснил, что полицейские намерены встретиться с Бэзилом через два дня, и поручился, что тот уже будет готов. Затем Фрэнк отправился домой к Кентам и обнаружил там служанку, удивленную, что ни хозяин, ни хозяйка не пришли ночевать. Он рассказал ей, что произошло, и написал Джеймсу Бушу письмо, в котором сообщал печальные новости. Сделав все это, Фрэнк отправился обратно на Харли-стрит.

Бэзил проснулся, но пребывал в жуткой депрессии. Весь день он молчал, и Фрэнк мог только

догадываться, как сильно его друг страдает. Бэзил бесконечно прокручивал в голове сцену с участием Хильды и вспоминал жестокие слова, брошенные жене. И она неизменно представлялась ему в двух ипостасях: сначала — умоляющей дать ей последний шанс, а потом — мертвой. Время от времени он чувствовал, что готов кричать от боли, вспоминая свои страстные признания Хильде, ведь ему казалось, что их последняя встреча и стала причиной катастрофы.

На следующий день, собираясь уходить, Фрэнк обратился к Бэзилу, с тоской смотревшему на огонь:

— Я собираюсь в Барнс, старина. Тебе что-нибудь нужно?

Бэзил, сильно задрожав, побледнел еще больше.

— Как насчет допроса? Мне обязательно его проходить?

— Боюсь, да.

— И все выяснится. Полицейские поймут, что я во всем виноват. Я никогда больше не посмею и головы поднять. О, Фрэнк, неужели нет способа этого избежать?

Фрэнк покачал головой, и губы Бэзила дрогнули в выражении безнадежного отчаяния. Больше

он ничего не говорил, пока друг не подошел к порогу. Лишь тогда Бэзил вскочил:

— Фрэнк, ты должен кое-что для меня сделать. Я полагаю, ты считаешь меня невежественным животным. Видит Бог, я презираю себя больше, чем кто бы то ни был, но ради нашей многолетней дружбы сделай для меня кое-что. Не знаю, что Дженни сказала родственникам, и они не упустят возможности ранить меня еще больнее теперь, когда я в беде. Но имя миссис Мюррей не должно упоминаться, чего бы это ни стоило.

Фрэнк остановился, задумавшись на мгновение.

— Я посмотрю, что можно сделать, — ответил он.

На пути к Ватерлоо Фрэнк заглянул на Олд-Куин-стрит — мисс Ли завтракала.

— Как Бэзил сегодня утром? — спросила она.

— Бедняга! Он весьма плох. Я толком не знаю, что с ним делать. Думаю, как только закончится следствие, ему лучше отправиться за границу.

— Почему бы тебе не привести его сюда? Я бы его подкормила.

— Вы начнете суетиться. Ему гораздо лучше одному. Он будет думать об этом, пока не устанет, а потом все наладится.

Мисс Ли улыбнулась — пренебрежение, с которым он отказался от ее предложения, показалось ей забавным, — и подождала, пока он продолжит. Фрэнк же попросил:

— Послушайте, я хотел бы, чтобы вы дали мне денег в долг. Вы не могли бы положить двести пятьдесят фунтов на мой счет сегодня утром?

— Разумеется, — ответила она, радуясь его просьбе.

Мисс Ли подошла к столу, чтобы достать чековую книжку, а Фрэнк наблюдал за ней с легкой улыбкой.

— Вы даже не хотите узнать, для чего мне эти деньги?

— Только если вы сами пожелаете мне рассказать.

— Да вы молодчина!

Он тепло пожал ее руку и, бросив взгляд на часы, помчался на вокзал Ватерлоо. Когда он прибыл в Ривер-Гарденс, Фанни, служанка, открывшая дверь, сообщила ему, что его ждет Джеймс Буш. Она добавила, что он признался ей в намерении уничтожить Бэзила, и шарил по дому в поисках документов и писем. Фрэнк мысленно похвалил себя за осмотрительность, с которой запер все шкафы и яшики. Он тихо

поднялся наверх и, открыв дверь, увидел, как Джеймс подбирает ключи к письменному столу. Буш вздрогнул, едва вошел Фрэнк, но быстро обрел прежнее спокойствие.

— Почему все эти ящики заперты? — нагло спросил он.

— Полагаю, чтобы любопытные гости в них не копались, — чрезвычайно приветливо ответил Фрэнк.

— Где этот человек? Он убил мою сестру. Он подлец и убийца, и я скажу ему это в глаза.

— Я надеялся найти вас здесь, мистер Буш, — хотел с вами поговорить. Вы не присядете?

— Нет, я не присяду, — агрессивно ответил Джеймс. — Это не тот дом, где джентльмен мог бы присесть. Я еще посчитаюсь с Кентом. Я расскажу присяжным чудную историю. Он заслужил, чтобы его повесили, правда, заслужил.

Фрэнк решительно посмотрел на бывшего клерка-аукциониста, отметив его подозрительный взгляд, тонкие губы и выражение низменной хитрости. Желая предотвратить скандал на следствии, ибо Бэзил чувствовал себя больным и несчастным и без участия в перекрестном допросе о его личных делах, Фрэнк подумал, что будет несложно привести Джеймса Буша в

нужное расположение духа. Но неприязнь, которую внушал ему этот мужчина, заставила его прибегнуть к весьма жестокой откровенности. Фрэнк чувствовал, что с таким человеком лучше не церемониться и не обязательно маскировать истинный смысл эвфемизмами.

— И чего, по-вашему, вы добьетесь, если устроите перебранку на допросе? — спросил он, уставившись собеседнику прямо в глаза.

— О, вы тоже об этом подумали, не правда ли? Это господин Кент послал вас уговаривать меня? Напрасно, уважаемый. Я собираюсь усложнить этот процесс для Бэзила, насколько можно. Мне приходилось кое-что терпеть от него, о да! Он относился ко мне как к швали. Я был недостаточно хорош для него, если позволите.

Он прошипел это с исключительным злорадством, и возникло впечатление, что смерть сестры волновала его главным образом потому, что давала возможность свести счеты с давним обидчиком.

— Предлагаю вам спокойно сесть и послушать меня, не перебивая хотя бы пять минут.

— Вы пытаетесь обмануть меня, но у вас ничего не выйдет. Я вижу вас насквозь, как если бы вы были оконным стеклом. Вы, люди из Уэст-Энда,

думаете, что все знаете!

Фрэнк подождал, пока Джеймс Буш не прикусит свой острый язык.

— Как считаете, сколько стоит мебель в этом доме? — решительно спросил он.

Вопрос удивил Джеймса, но через минуту он ответил:

— Одно дело — сколько вещь стоит, и другое — сколько за нее дадут. Если бы ее продавал человек, знающий свое дело, можно было бы получить, скажем, сотню фунтов.

— Бэзил подумывал подарить ее вашей матери и сестре, при условии, разумеется, что ни одного лишнего слова не будет произнесено на допросе.

Джеймс разразился ироническим хохотом:

— Вы меня развеселили. Думаете, сможете заткнуть мне рот, если подарите моей матери и сестре целый дом мебели?

— Я и не тешил себя мыслью, что вы будете объективны, — холодно улыбнулся Фрэнк. — Теперь приступим к делу. Похоже, вы должны Бэзилу крупную сумму. Вы можете ее вернуть?

— Нет.

— Также, судя по всему, на последнем месте работы у вас были какие-то проблемы с бухгалтерией.

— Это ложь! — в ярости воскликнул Джеймс.

— Возможно, — парировал Фрэнк с исключительным спокойствием. — Я упомянул об этом, чтобы вы, человек в высшей степени сообразительный, поняли: мы можем устроить вам большие неприятности, если вы поднимете скандал. Когда грязное белье полощут на людях, как правило, обеим сторонам находится что сказать.

— Мне все равно, — мстительно заявил Джеймс. — Я собираюсь вернуть свое по праву. Если я смогу вонзить нож в этого человека, то готов смириться с последствиями.

— Понимаю, что вы намереваетесь поведать любезным присяжным всю историю семейной жизни Бэзила. — Фрэнк сделал паузу и посмотрел на собеседника. — Я дам вам пятьдесят фунтов, чтобы вы держали язык за зубами.

Предложение прозвучало цинично, и Джеймс покраснел. Он с оскорбленным видом вскочил и подошел к Фрэнку, который продолжал сидеть, наблюдая за ним с неким веселым равнодушием.

— Пытаетесь подкупить меня? Я хотел бы, чтобы вы знали: я джентльмен. И более того, я англичанин и этим горжусь. Раньше никто никогда не пытался меня подкупить.

— Иначе вы, без сомнения, согласились бы, — пробормотал Фрэнк.

Хладнокровие врача обескуражило маленького клерка. Он смутно чувствовал, что высокопарные возражения прозвучат нелепо, ибо Фрэнк настолько точно определил его истинную сущность, что не имело смысла притворяться и дальше.

— Да ладно вам, мистер Буш, не глупите. Деньги, несомненно, вам очень пригодятся, и вы слишком умны, чтобы позволить личным соображениям повлиять на вас в деловых вопросах.

— Что для меня пятьдесят фунтов, как вы думаете? — воскликнул Джеймс с некоторым сомнением.

— Должно быть, вы меня неправильно поняли, — сказал Фрэнк, метнув на него быстрый взгляд. — Я говорил о сумме в сто пятьдесят фунтов.

— О! — Он снова покраснел, и на его лице отразился явный интерес. — Это совсем другое дело.

— По рукам?

Фрэнк наблюдал за внутренней борьбой брата Дженни, и ему было интересно увидеть хоть какой-то проблеск стыда. Джеймс поколебался, затем заставил себя заговорить, но уже не с привычной самоуверенностью, а почти шепотом:

— Послушайте, дайте мне двести, и я соглашусь.

— Нет, — не отступал Фрэнк. — Берите сто пятьдесят или катитесь к чертям.

Джеймс не ответил, но, увидев, что он согласен, Фрэнк вытащил чек из кармана, заполнил и протянул ему.

— Я дам вам пятьдесят сейчас, а остальное — после допроса.

Джеймс молча кивнул. Он бросил взгляд на дверь, потом — на Фрэнка, который тут же сказал:

— Вам незачем здесь оставаться. Если потребуетесь для чего-нибудь, я дам вам знать.

— Что ж, до скорого.

Джеймс Буш вышел с видом побитой собаки. Через минуту в комнате появилась служанка.

— Мистер Буш ушел? — спросил Фрэнк.

— Да. И скатертью дорога этому негодяю.

Фрэнк задумчиво посмотрел на нее:

— Ах, Фанни, не будь на свете мерзавцев, жизнь стала бы слишком сложной для честных людей.

15

Миновало шесть месяцев, и благословенный летний воздух вновь ворвался в столовую мисс Ли на Олд-Куин-стрит. Она обедала с миссис Кастиллион, удивительно помолодевшей за зиму на Востоке, поскольку Пол, обычно стремившийся сочетать самосовершенствование с удовольствием, предложил отметить их воссоединение путешествием в Индию, где они могли провести второй, более приятный, медовый месяц. А он в то же время получил возможность изучить различные вопросы, имевшие для него как для политика большую ценность. Миссис Кастиллион в летнем платье сохранила былое изящество дрезденской фарфоровой статуэтки, а ее прежняя живость обрела еще большее очарование благодаря тому, что она стала нежнее. Она закрепила перемену к лучшему, вернув естественный цвет своим волосам.

— Вам нравится, Мэри? — спросила она. — Пол говорит, это сделало меня на десять лет моложе. И еще перестала штукатуриться.

— Совсем? — с улыбкой поинтересовалась мисс Ли.

— Конечно, я иногда пудрюсь, но это не считается. И, знаете, я теперь никогда не пользуюсь пуховкой, только кусочком кожи. Вы и представить не можете, как прекрасно мы провели время в Индии, а Пол — просто душка. Он был ужасно добр ко мне. Я предана ему целиком и полностью, и я думаю, мы получим титул баронета по случаю официального дня рождения монарха.

— Награда за добродетель.

Миссис Кастиллион покраснела и засмеялась:

— Знаете, я боялась, что стану кошмарнейшей занудой, но оказывается, так приятно быть доброй и чувствовать, что тебе не в чем себя упрекнуть… А сейчас расскажите мне обо всех. Где вы провели зиму?

— Я, как обычно, ездила в Италию, а мой кузен Элджернон с дочерью приехали ко мне на месяц в гости на Рождество.

— Она очень подавлена смертью супруга?

В голосе миссис Кастиллион слышалось искреннее сочувствие, и мисс Ли вновь отметила, насколько та переменилась.

— Она довольно спокойно все пережила, и я думаю, она даже в какой-то степени счастлива. Она говорит мне, что постоянно ощущает присутствие Герберта. — Мисс Ли сделала паузу. — Белла

собрала стихи мужа и хочет опубликовать их, она написала очень трогательное предисловие к книге о его жизни и смерти. Но трагедия вот в чем: я никогда не встречала человека, столь вдохновленного поэзией, и все же он не создал ни одной строки, которая не была бы посредственна. Если бы Герберт живописал лишь свои собственные чувства, свои скромные надежды и разочарования, возможно, он и смог бы сотворить что-то хорошее. А он создавал лишь бледные копии стихов Суинберна, Теннисона и Шелли. Не могу понять, почему Герберт Филд, такой простой и честный, не написал ни единой строфы, которая не звучала бы высокопарно и натянуто. Думаю, в душе он чувствовал, что не обладает литературным талантом, никак не связанным с высокими идеалами, искренностью или добродетелью, ибо он не сожалел, что умирает. Он жил лишь для того, чтобы быть великим поэтом, и еще до конца осознал, что никогда им не станет.

Мисс Ли уже видела перед собой хорошенькую маленькую книжечку, которую Белла выпустит за свои деньги, с красивым шрифтом и широкими полями, в изящном переплете. Она не сомневалась в презрительном пренебрежении рецензентов и в том, что Белла в конце концов за-

берет у издателя весь тираж и раздарит друзьям, а те тепло ее поблагодарят, но так и не удосужатся прочесть и десяти строк.

— А что произошло с Реджи Бассеттом? — вдруг спросила Грейс.

Мисс Ли окинула быстрым взглядом миссис Кастиллион, но спокойствие в ее глазах подтверждало, что вопрос был задан с равнодушием, вероятно для того, чтобы показать: она окончательно преодолела свою влюбленность.

— Вы слышали, что он женился?

— Читала в «Морнинг пост».

— Его мать очень оскорбилась и три месяца отказывалась с ним разговаривать. Но в конце концов мне удалось сообщить ей, что ожидается появление наследника, и она решила проглотить свою гордость и помириться с невесткой — очень милой и разумной женщиной.

— И красивой? — спросила Грейс.

— Вовсе нет, но в высшей степени талантливой. Она уже превратила Реджи во вполне приличного представителя общества. Миссис Бассетт сейчас отправилась в Борнмут, где молодые сняли дом, она хочет быть рядом, когда родится малыш.

— Весьма обнадеживает мысль, что древний род Барлоу-Бассеттов не прервется, — с иронией

пробормотала Грейс. — Я поняла, что ваш юный друг остепенился, поскольку в один прекрасный день он до пенни вернул все, что я ему… одолжила.

— И как вы поступили с этими деньгами? — спросила мисс Ли.

Грейс, вспыхнув, улыбнулась:

— Я получила их как раз накануне годовщины свадьбы и потратила все на великолепную жемчужную булавку для Пола. Он пришел в полный восторг.

Миссис Кастиллион встала, и, когда она удалилась, мисс Ли вытащила письмо, которое пришло еще до обеда, но так и не было вскрыто из-за приезда гостьи. Письмо было от Бэзила, который провел всю зиму в Севилье по рекомендации мисс Ли. Она с любопытством распечатала его, ведь он написал ей впервые, с тех пор как уехал из Англии после допроса.

Моя дорогая мисс Ли!

Не посчитайте меня неблагодарным за то, что не сообщал Вам новостей о себе, но сначала я чувствовал, что не могу писать знакомым в Англии. Когда бы я ни думал о них, все возвращалось, и лишь

ценой отчаянных усилий я смог все забыть. Некоторое время мне казалось, что я никогда больше не смогу повернуться лицом к миру, и я мучился угрызениями совести. Я поклялся посвятить всю свою жизнь глубочайшему раскаянию и воображал, что никогда больше не обрету душевного покоя или смогу ощутить что-то, приближенное к счастью. Но наконец, к собственному стыду, я обнаружил, что снова радуюсь жизни, смеюсь и пребываю в хорошем настроении. И я горько бранил себя за то, что всего через пару недель после смерти бедной девочки меня могут развлекать самые обычные явления. И потом не знаю, что на меня нашло, но я не мог избавиться от мысли, что дверь моей тюремной камеры отворилась. Хотя я называл себя грубым и черствым, в глубине души я думал, что сама судьба дала мне еще один шанс. Грифельную доску вытерли начисто, и я мог начать с нуля. Я говорил себе, что хочу умереть, но это было лицемерие чистой воды: я хотел жить и держаться за жизнь обеими руками и наслаждаться

ею. У меня такое желание быть счастливым, такая жажда жить полной жизнью. Я совершил страшную ошибку и расплатился за нее страданиями. Видит Бог, как сильно я мучился и как отчаянно пытался извлечь из этого урок. Вероятно, во всем этом не было моей вины, хотя мне стыдно говорить это даже Вам. Мне следует и дальше изображать «приличное поведение»: в этом мире нас заставляют действовать и думать определенным образом, поскольку давно решено, будто это хорошо. Мы не имеем возможности идти своим собственным путем: мы все без исключения связаны предрассудками и нормами нравственности. Ради Бога, давайте освободимся. Давайте сделаем то и это, потому что хотим и потому что должны, а не потому, что другие видят в этом необходимость. И знаете, что в этом хуже всего? Если бы я вел себя как подлец и послал Дженни к чертям, я был бы счастлив, и доволен, и удачлив, а она, осмелюсь предположить, не умерла бы так рано. Именно то, что я пытался выполнять свой долг, и стало причиной всех

несчастий. Мир создал идеал, и, как мне казалось, это значило, что ему нужно соответствовать. Разве мог я предположить, что в результате стану лишь объектом насмешек?

Не думайте обо мне слишком плохо из-за того, что я говорю все это. Такие мысли посетили меня здесь, а ведь именно Вы отправили меня в Севилью. Должно быть, Вы знали, как это повлияет на мой рассудок, измученный и больной. Это земля свободы, и я наконец осознал собственную молодость. Как я могу забыть прелесть прогулок по улице Сьерпес? Теперь, когда освободился от гнетущих угрызений совести, я больше не опасаюсь, что опустившийся занавес вернет меня к невыносимой реальности. Песни, танцы, счастливая праздность апельсиновых садов вдоль реки Гвадалкивир, веселое бурление ночной Севильи… Я не смог долго этому сопротивляться и в конце концов забыл обо всем, но это время быстро прошло, а мир создан для жизни.

К тому времени как Вы получите это письмо, я уже буду на пути домой.

Искренне Ваш, Бэзил Кент.

Мисс Ли прочла письмо с улыбкой и вздохнула.

— Полагаю, в таком возрасте можно позволить себе обойтись без блестящего чувства юмора, — пробормотала она.

Но она все же отправила Бэзилу телеграмму с просьбой посетить ее, и через три дня молодой человек приехал. Он сильно загорел после солнечной зимы и выглядел здоровым и сияющим, как никогда. Мисс Ли пригласила Фрэнка на ужин, и они вдвоем с холодным безразличием врачей-анатомов пытались выяснить, какие перемены за прошедшее время претерпела впечатлительная натура Бэзила. Он же находился в прекрасном расположении духа и радовался воссоединению с друзьями. Но сдержанная трезвость, скрывавшаяся за его живостью, позволила сделать им предположение о спокойствии его души. То, что ему пришлось пережить, помогло приобрести необходимый жизненный опыт, он стал менее эмоциональным и возмужал.

Мисс Ли поделилась своим мнением с Фрэнком,

когда они встретились наедине в следующий раз.

— В груди каждого англичанина томится церковный староста — старый прилипала, от которого почти невозможно избавиться. Иногда думаешь, что он уснул или умер, но он обладает чудесной жизнеспособностью, и рано или поздно обнаруживаешь, что он захватил власть над твоей душой.

— Не знаю, что вы подразумеваете под словом «душа», — перебил Фрэнк. — Но если вы сами знаете что, пожалуйста, продолжайте.

— В Бэзиле просыпается церковный староста, и я чувствую, что он сделает весьма успешную карьеру. Но я предупрежу его, чтобы он не позволил этому церковному функционеру одержать над ним верх.

Мисс Ли ждала, пока Бэзил поговорит с миссис Мюррей, но через два дня ее терпение истощилось, и она перешла в решительное наступление.

При упоминании Хильды его щеки зарделись.

— У меня не хватает духа отправиться к ней. После того, что случилось, я никогда больше не смогу ее видеть. Я стараюсь забыть ее.

— И у вас получается? — сухо поинтересовалась

мисс Ли.

— Нет-нет, у меня никогда не получится. Я еще более отчаянно люблю ее, чем когда бы то ни было. Но я не могу жениться на ней теперь. Воспоминание о бедной Дженни всегда будет стоять между нами, ведь это мы, Хильда и я, довели ее до смерти.

— Не будьте манерным идиотом, — резко бросила мисс Ли. — Вы говорите как герой дешевого бульварного романа. Хильда очень вам симпатизирует, и она обладает женским здравомыслием — единственным, что уравновешивает романтическую глупость мужчин в этом мире. И какая же, вы думаете, польза в том, чтобы страдать, изображая яркую личность? А я подумала было, что вы излечились от героизма… В письме вы сообщили мне, что мир создан для жизни, — эта идея скорее отличается истинностью, чем новизной. Неужели вы считаете, есть хоть какой-то смысл в нелепом позерстве ради впечатления невнимательной публики?

— Откуда вы знаете, что Хильда до сих пор испытывает ко мне какие-то теплые чувства? Быть может, она ненавидит меня за то, что я принес ей унижение и стыд.

— На вашем месте я отправилась бы к ней

и спросила, — засмеялась мисс Ли. — Идите с легким сердцем, ибо она любила вас за вашу физическую привлекательность больше, чем за ваш характер. А это, могу вам сказать, несмотря на все утверждения моралистов, гораздо надежнее, поскольку в характере человека легко ошибиться, а его красота очевидна. А вы сейчас привлекательнее, чем когда бы то ни было.

Когда Бэзил отправился нанести визит миссис Мюррей, мисс Ли забавлялась, с иронией представляя их встречу. Она рисовала в уме картину смущенного рукопожатия, банальный разговор, обескураживающую тишину и без всякого сочувствия воображала постепенное потепление между ними и страстные признания, которые за этим последуют. Из этого она вывела мораль:

— Общая ошибка всех писателей — позволять своим героям объясняться с изяществом в моменты величайшего волнения. Ничто не может звучать фальшивее, ведь в такие мгновения даже самые утонченные люди будут использовать терминологию журнала «Фэмили геральд». Словесное выражение неистовой страсти никогда не может быть художественным, а лишь тривиальным, нелепым и гротескным, часто вульгарным и глупым. — Мисс Ли улыбнулась. — Вероятно,

одни только писатели-романисты и способны на настоящую романтику в любви, но ставлю десять к одному, что в подобных случаях они цитируют что-нибудь из своих неопубликованных работ или слушают сами себя, восхищаясь собственным изысканным и отточенным слогом.

Как бы там ни было, разговор Хильды с Бэзилом прошел в высшей степени удовлетворительно, что подтверждается следующим письмом, которое через пару дней получил молодой человек:

> Mon cher enfant![60]
>
> Я с величайшим удивлением и восторгом прочла в сегодняшней «Морнинг пост» о твоей помолвке с миссис Мюррей. Ты прекрасно выпутался из затруднительного положения, mon ami[61], и я тебя поздравляю. Разве ты не помнишь, как Бекки Шарп говорила, что прекрасно проживет на пять тысяч в год? И чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что это

---

[60] Примечания: 60
Мое дорогое дитя! *(фр.)*

[61] Примечания: 61
Мой друг *(фр.)*.

vraie verite[62]. С домом на Чарлз-стрит и le reste[63] ты заживешь совсем по-другому. Ты будешь лучше одеваться, станешь более мягким и менее категоричным. Приходи завтра на ленч и приводи миссис Мюррей. Будет еще несколько человек, и я надеюсь, мы повеселимся. Назначенное время — час. Боюсь, это необычное время для ленча, однако с утра меня ждут на прием в католической церкви, а потом мы все отправимся сюда. Я собираюсь принять имена двух святых, пример которых подвигнул меня на переход в иную веру, и поэтому я подписываюсь как Твоя любящая мать

Маргарита Элизабет Клэр Визард.

P.S. Герцог Сент-Ольфертс[64] будет моим крестным отцом.

---

[62] Примечания: 62

Чистая правда *(фр.).*

[63] Примечания: 63

Всем остальным *(фр.).*

[64] Примечания: 64

Вероятно, автор иронизирует, поскольку герцог Сент-Ольфертс — один из главных героев пьесы Артура Уинга Пинеро «Знаменитая миссис Эббсмит» (впервые поставлена в 1895 г.), в которой поднимаются вопросы эмансипации, критикуются сложившиеся социальные устои и институт брака. Герцог, по сути, выступает антагонистом главной героини, которая как раз ратует за свободные отношения.

Через месяц Хильду Мюррей и Бэзила обвенчал в Церкви всех душ преподобный Фарли. Мисс Ли была посаженой матерью, а в церкви, кроме них, находились только церковный служитель и Фрэнк Харрелл. В ризнице мисс Ли пожала руку викария:

— Думаю, церемония получилась очень милой. С вашей стороны было просто прелестно предложить обвенчать их.

— Невеста — мой дорогой друг. Я очень хотел доказать, что она может рассчитывать на мою поддержку на новом этапе жизни. — Он сделал паузу и добродушно улыбнулся, так что мисс Ли, знавшая о его былой привязанности к Хильде, удивилась его хорошему расположению духа. Она никогда не видела его более подтянутым и импозантным. Он уже казался епископом до мозга костей. — Открыть вам один большой секрет? — любезно добавил он. — Я собираюсь вступить в брак с Флоренс, леди Ньюхевен. Мы поженимся в конце сезона.

— Мой дорогой мистер Фарли, поздравляю вас от всего сердца. Я уже вижу ваши стройные ноги в гетрах епископа.

Мистер Фарли приветливо улыбнулся, ибо взял себе за правило благосклонно оценивать шутки

пожилых старых дев со средствами, воплощая свое собственное чувство юмора в роскошном убранстве церкви. Ни одно из молитвенных мест в Уэст-Энде не могло похвастаться более красивой напрестольной пеленой и орнаментами, нигде нельзя было увидеть более изысканных подушечек под колени или сборников церковных гимнов в лучшем состоянии.

Молодожены намеревались провести медовый месяц на реке и, пообедав на Чарлз-стрит, тут же отправились в путь.

— Я счастлив, что они не попросили проводить их в Паддингтон, — заявил Фрэнк, шагая с мисс Ли по направлению к парку.

— Почему вы в таком отвратительном настроении? — с улыбкой поинтересовалась она. — За обедом я дважды едва удержалась, чтобы не напомнить вам: бракосочетание — событие, на котором веселье не считается предосудительным.

Фрэнк не ответил, и они, повернув, прошли через ворота в парк. В этот погожий июньский день здесь было многолюдно: несмотря на ранний час, мимо проносились автомобили, проезжали спокойно и с достоинством коляски, хорошо одетые лондонцы лениво восседали на стульях или

прогуливались, созерцая друг друга и беспечно обсуждая популярные темы. Взгляд Фрэнка медленно блуждал по их лицам, и вдруг с легким содроганием его чело омрачилось.

— Во время церемонии и после нее я мог думать только о Дженни. Прошло всего восемнадцать месяцев с тех пор, как я поставил подпись свидетеля в подтверждение первого брака Бэзила в грязном муниципалитете. Вы и не представляете, как красива была эта девушка в тот день, как ее переполняли любовь, и благодарность, и счастье. Она смотрела в будущее с таким жадным томлением! И вот теперь она гниет под землей, а женщина, которую она ненавидела, и мужчина, которого она обожала, поженились и даже не вспомнили о ее несчастной судьбе. Я ненавидел Бэзила в этом его новом сюртуке, и Хильду Мюррей, и вас. Я представить не могу, как умная женщина вроде вас могла так нелепо разодеться для подобного мероприятия.

Мисс Ли, осознававшая, какой успех имел ее костюм, могла позволить себе улыбнуться его словам:

— Я заметила, что всякий раз, когда не в духе, вы меня оскорбляете.

Фрэнк продолжил, и его лицо приняло суровое

выражение, а глаза яростно сверкали. — Все это казалось таким бессмысленным! Как будто бедной девушке нужно было испытать страшные мучения лишь для того, чтобы соединить этих двух никчемных существ. Должно быть, у них нет ни воображения, ни стыда, иначе как они могли пожениться, когда между ними стоит эта страшная смерть? Ведь в конце концов именно они убили ее. И думаете, Бэзил благодарен Дженни за то, что она подарила ему свою молодость, любовь, восхитительную красоту и даже свою жизнь? Он не думает о ней. И вы, из-за того, что она была официанткой, тоже убеждены: это хорошо, что она больше не стоит у них на пути. Единственное оправдание, которое я для них нахожу, кроется в том, что они — лишь слепые орудия в руках судьбы. Природа работала, незаметно работала, чтобы свести их вместе ради своих собственных целей, и безжалостно раздавила Дженни за то, что она смела им мешать.

— Я не могу найти лучшего оправдания, — произнесла мисс Ли, серьезно глядя на Фрэнка. — Я прощаю их, потому что они люди и потому что они слабы. Чем дольше живу, тем больше поражаюсь полнейшей слабости людей. Они пытаются выполнять долг, честно стараются делать все

от них зависящее, ищут прямые пути, но они поразительно слабы. И поэтому, я считаю, нужно жалеть их и проявлять максимальное снисхождение. Боюсь, это прозвучит весьма глупо, но теперь у меня на языке чаще всего вертятся слова: «Прости их, ибо не ведают, что творят».

Они молча пошли дальше, и через некоторое время Фрэнк, остановившись, повернулся к мисс Ли. Он достал часы.

— Еще довольно рано, и у нас целый день впереди. Вы поедете со мной на кладбище, где лежит Дженни?

— Почему не оставить мертвых в покое? Давайте лучше думать о жизни, чем о смерти.

Фрэнк покачал головой:

— Я должен поехать, иначе спать не смогу. Мне невыносима мысль, что в такой день о ней совершенно забыли.

— Прекрасно. Тогда я составлю вам компанию.

Они повернули и вышли из парка. Фрэнк окликнул извозчика, и они отправились в путь. Они миновали помпезные особняки сильных мира сего, степенные и величественные, и, продвигаясь на север, пересекали длинные улицы, вдоль которых тянулись маленькие дома, грязные и серые на фоне яркого неба. Они ехали дальше по

этим бесконечным улицам, походившим одна на другую. Они миновали дороги, где каждый дом стоял отдельно и был окружен садом, и там росли цветы и деревья. Это были жилища купцов и биржевых маклеров, и они имели вид приличный и аккуратный, самодовольный и щеголеватый. Но и эти районы остались позади, им на смену пришли другие, более тесные. Теперь, казалось, перед ними предстал иной Лондон, более живой, более шумный. На пути встречалось множество трамваев и автобусов, а на тротуарах громоздились тележки торговцев. Магазины отличались броскостью и дешевизной, а дома — запущенностью. Они проезжали по трущобам, где дети весело играли прямо на обочине и женщины в грязных фартуках, неряшливые и растрепанные, слонялись у собственных порогов.

Наконец они добрались до широкой прямой дороги, белой и пыльной, лишенной тени, и поняли, что скоро будут на месте, поскольку все чаще им попадались лавки, где изготавливали надгробия. Мимо прокатил пустой катафалк, наемные рабочие сидели на ящике, громко смеялись и курили, устав после привычной работы. Показалось кладбище, они остановились у железных ворот. Это был обширный участок со всеми

видами погребального декора, которые только можно вообразить, и все здесь сияло холодной белизной в свете солнца. Это место было довольно вульгарным, здесь царила пошлая деловая атмосфера, которая бесконечно угнетала. Фрэнк и мисс Ли прошли вперед, миновав кучку людей в черных одеждах, стоявших у открытой могилы, над которой священник поспешно, словно по привычке, давно ему наскучившей, бубнил самые торжественные слова, которые когда-либо были написаны:

— «Человеку, рожденному женщиной, отпущен недолгий срок, и на его долю выпадает много страданий. Он приходит в этот мир, а потом его срезают, как цветок. Он исчезает, словно тень, и никогда не задерживается в своем пребывании».

Мисс Ли, побледнев, взяла Фрэнка под руку, и они торопливо зашагали вперед. Там и сям мертвые цветы громоздились на свежих могилах, там и сям виднелись свежие холмы. Наконец они добрались туда, где лежала Дженни, — к прямоугольному куску гранита, на котором был высечен простой крест. И Фрэнк вскрикнул от удивления, увидев, что памятник вплоть до креста наверху был усыпан красными розами. Некоторое время они молча смотрели на него в

изумлении.

— Они совсем свежие, — заметила мисс Ли. — Их принесли сегодня утром. — Она повернулась к Фрэнку и медленно перевела взгляд на него. — Вы сказали, они забыли, а ведь они приехали в день своей свадьбы возложить цветы на ее могилу.

— Думаете, она тоже приезжала?

— Я уверена. Ах, Фрэнк, я думаю, им можно многое за это простить. Я говорила вам, что они стремились выбрать правильный путь, и если оступились, то лишь потому, что они люди, и очень слабые. Разве вы не считаете, что для нас самих было бы лучше проявить милосердие? Интересно, мы с вами смогли бы справиться лучше с такими неимоверными трудностями и величайшими искушениями?

Фрэнк не ответил, и еще долго они созерцали великолепные красные розы и представляли, как Хильда нежными руками укладывала их на холодную могильную плиту бедной Дженни.

— Вы правы, — произнес он наконец. — Я готов многое им простить за то, что они подумали об этом. Я надеюсь, они будут счастливы.

— Думаю, это хороший знак. — Мисс Ли положила руку на плечо Фрэнку. — А теперь давайте уйдем, ибо мы пока живы и мертвым нечего нам

сказать. Вы пригласили меня сюда, а теперь я хочу повести вас за собой и показать вам кое-что еще.

Он не понял ее, но послушно последовал за ней. Мисс Ли приказала извозчику ехать вперед, подальше от Лондона, до тех пор пока она не велит остановиться. А потом, оставив за собой печальную обитель смерти, они вдруг оказались на открытом пространстве. Загородное шоссе отличалось приятной твердостью проселочной дороги, а вдоль него тянулась живая изгородь из боярышника. Зеленые поля простирались по обе стороны, и теперь они, возможно, удалились на сотню миль от города. Мисс Ли остановила извозчика и попросила его подождать, пока она с другом прогуляется.

— Не оглядывайтесь, — сказала она Фрэнку. — Смотрите только вперед. Смотрите на луга и деревья.

Небо было ярко-голубым, и нежный ветерок приносил с собой восхитительные запахи деревни. В воздухе чувствовалась чарующая прозрачность, прогонявшая все плохие мысли. Они оба, быстро шагая, дышали полной грудью, жадно впитывая великолепие летнего дня. За поворотом дороги мисс Ли вдруг вскрикнула от

радости, потому что ее взору вдруг представилась живая изгородь, в которой пылали дикие розы.

— У вас есть нож? — спросила она. — Срежьте же хоть несколько штук!

Какое-то время она стояла рядом, пока Фрэнк собирал огромный букет из свежих цветов. Он протянул их ей, и она сжала охапку двумя руками.

— Я люблю их, потому что это те же самые розы, которые растут на саркофагах в садах Рима. Они вырастают из старых гробов, чтобы показать нам: жизнь всегда побеждает смерть. Какое мне дело до болезни, старости и немощи?! Быть может, мир полон мук и разочарования, быть может, он не дает и десятой части того, что мы просим, быть может, он предлагает ненависть взамен любви, обманутые надежды, страдания, обыденность и бог знает что еще. Но есть нечто, с лихвой окупающее все остальное, останавливающее вращение карусели в этом жалком спектакле и придающее всему смысл, торжественность и величие, есть нечто, ради чего стоит жить. И лишь благодаря этому все наши страдания окупаются сполна.

— И что же это, черт возьми, такое? — с улыбкой спросил Фрэнк.

Мисс Ли посмотрела на него с искорками сме-

ха в глазах, прижимая к себе розы, и ее щеки зарделись.

— Да ведь красота, вы, болван! — весело воскликнула она. — Красота.